

АЛЕКСАНДР ТРУБНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Рыцарь Святого Гроба

Богатый крестьянин и бедный рыцарь отправляются в Крестовый поход.

Поначалу отношения их не складываются, однако прикончив совместно пару-тройку негодяев и угодив в паутину средневековых интриг, древние французы крепко подружились. Множество приключений, битвы и любовь, тамплиеры и сарацины, а главное – отменное чувство юмора автора. Все это делает книгу «Рыцарь Святого Гроба» незаурядным событием в мире исторического авантюрного романа.

- [Александр Трубников](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Книга первая](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Глава седьмая.](#)
 - [Глава восьмая.](#)
 - [Глава девятая.](#)
 - [Глава десятая.](#)
 - [Глава одиннадцатая.](#)
 - [Глава двенадцатая.](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Александр Трубников

Рыцарь Святого Гроба

Посвящается вам, братья Капитула...

Гайку Григоряну а.к.а Григ, человеку, который десять лет назад придумал Октавиана Стампаса и издал серию «Тамплиеры». Без его советов, рекомендаций, а порой и прямых вмешательств в текст не было бы ни первого, ни второго моего романа.

Герману Литвинову а.к.а Сен-Жермен, не спустившему мне ни одной неточности в именах, топонимике и датировке.

Максиму Нечитайлову а.к.а Недобитый Скальд, чей колоритный сетевой образ, публикации в «Парабеллуме» и «Воине», владение старофранцузским и шокирующе глубокие познания в военном деле средневековой Европы позволили избежать огромного числа исторических ляпов.

Александр Баранову а.к.а Барн, чьи профессиональные исторические познания, изыскания в научных библиотеках Франкфурта и Хайфы, а также повергающее меня в трепет отличное владение немецким обеспечили доступ к редким и труднодоступным научным материалам.

Александр Куракса а.к.а Серпен, чьи постоянные прогнозы по поводу развития событий в романе неизменно стимулировали автора на неожиданные повороты сюжета.

А также не могу не сказать о тех, кто по ряду причин не появился на страницах романа в качестве «прообраза», но так или иначе принимал участие в его создании:

Влад Контровский, писатель, взявший на себя труд вычитывать и комментировать текст в процессе написания.

Дмитрий Лукин, историк-византист, чьи переводы латинских хроник, бескомпромиссные замечания и бесценные консультации уберегли меня от многих ошибок.

Богдан Бойчук, владелец и бессменный администратор сетевого ресурса «Интернет-проект „История ордена Храма“» (ИПИОХ), который любезно предоставил свою площадку для литературных экспериментов и морально поддерживал меня все это время.

Упомянутые в романе блюда таверны © «Черный тамплиер»

©острая приправа «Сарацинский талисман»

©маринованная рыба «Дочь Саладина»

©жаркое «Тамплиер Годдар»

©тушеная баранина «Валамонд»

©пирог «Магистерская башня»

являются изобретением автора. Эти и многие другие рецепты будут опубликованы позже, в специальном приложении «Кулинарная книга тамплиеров».

Перевод с латыни студенческой песни «Carmina Burana. Прощание со Швабией» – © 2007 Шломо Крол.

Все прочие включенные в текст переводы средневековых хроник и исторических трудов с английского, немецкого, французского и латыни – © 2007 Александр Трубников.

Для целей настоящей книги безразлично, имело ли место в реальности то или иное событие, важно другое – как оно описывается в источниках.

Проф. Д. В. Поспеловский. Христианский мир и «Великая монгольская империя»

Священная Римская империя, королевство Бургундия (Арелат), епископская область Гренобль, 1229 год от Рождества Христова, третий день рождественских Святков (27 декабря)

Над саями, исходя паром, бугрились освежеванные кабаньи туши. Добыча охотников была знатной – две свиньи и три матерых секача. Вслед за саями, шатаясь от усталости, шагали сервы-носильщики, несущие на жердях четырех оленей, чьи окровавленные рога, цепляя землю, оставляли в снегу глубокие розоватые борозды. Сразу же за главными трофеями, в окружении едва живых после многочасовой травли собак, двигалась пестрая кавалькада, которую возглавлял граф Вьеннский, Гуго Второй Колиньи-ле-Неф.

Время от времени сержанты-загонщики прикладывали к губам рожки и трубили, заставляя немногочисленных прохожих, спешащих засветло возвратиться в город, сходить с утоптанной дороги, уступая путь графскому поезду. Крестьяне, бургеры и монахи провожали добычу откровенно завистливыми взглядами – мясо на столах небогатых простолюдинов появлялось разве что по праздникам.

Демонстрация трофеев была не только данью тщеславию владетельного сеньора, но и выполняла важную политическую роль – граф возвращался с охоты из лесов, принадлежащих гренобльскому епископу, за которые его род вел многолетнюю тяжбу. Королевство Бургундия, или, как его называли франки, Арелат, было частью Священной Римской империи, однако земли, расположенные с французской стороны Альпийского хребта, мало зависели от германского монарха, а давнишняя борьба пап и императоров за инвеституру – право назначать епископов в землях империи – не минула и этих мест. Титул графов Вьеннских и Гренобльских был, милостью Фридриха Гогенштауфена, короля Бургундии, пожалован роду Колиньи, но сам город и лежащие вокруг него земли принадлежали епископу, рукоположенному папой, поэтому в окрестностях города графу принадлежал лишь старинный замок, к которому как раз подъезжали охотники.

Не успел охотничий поезд втянуться в проем надвратной башни, как оттуда, в сторону возвышающихся неподалеку городских стен, помчались посыльные. По давно заведенной традиции граф Гуго, три года назад унаследовавший звучный, но малоприбыльный титул, на Святки, после удачной охоты, сзывал всю местную знать на большой праздничный пир. Граф был известен своим хлебосольством и с соседями не враждовал, поэтому никто из приглашенных не ответил ему отказом. Едва над снежными шапками лежащих невдалеке альпийских хребтов поднялась большая полная луна, как в сторону замка потянулись сопровождаемые свитой всадники и поставленные на полозья повозки, в которых прибывали на пир светские нобили, священнослужители, рыцари и даже богатые гренобльские бургеры, которым граф сдавал в аренду свои бургундские владения.

По той же традиции ворота замка оставались открытыми на всю ночь, дабы любой проезжающий мимо путник мог воспользоваться графским гостеприимством. Если таким гостем оказывался простолюдин, то его – после придирчивого допроса капитана усиленной по такому случаю стражи – препровождали вовнутрь, кормили вместе со слугами и укладывали спать на сено, заготовленное на зиму для лошадей. Если же путник был благородного происхождения либо имел на одеждах красный матерчатый крест исполняющего крестonosный обет пилигрима либо, того пуще, воина-крестonosца, его немедленно препровождали к праздничному столу. Там, в большом зале, расположенном на первом ярусе старого

приземистого донжона, в двух огромных очагах, целиком нанизанные на вертела, под присмотром стряпух жарились туши взятых на охоте оленей, а рядом на железных решетках шипела сочная свинина. Гости сидели на длинных скамьях, а слуги, бегая между жаровней, подвалами и столом, выставляли на длинные столы тарелки с нарезанным хлебом, миски с готовым мясом и кувшины бургундского вина – источник благосостояния дома Колиньи-ле-Неф.

Пир был в разгаре. В честь щедрого молодого графа произносились бесконечные здравицы, слух знатных господ услаждал вытребованный специально по этому случаю из далекого лангедокского города Альби трубадур, а в перерывах между балладами по залу, потешая присутствующих, скакал знаменитый своими похабными выходками графский шут. Угощение было сытным, вино – хмельным, а обстановка за столом – дружеской и непринужденной. Даже несгибаемый епископ Гренобля, с огромным трудом согласившийся приехать на пир, настолько размяк от обильного угощения, что после очередного хвалебного тоста, пригубивая из кубка терпкое бургундское вино, почти всерьез стал задумываться, а не решить ли эту проклятую тяжбу с графом миром да не уступить-таки ему половину оспариваемого леса.

Застолье, несомненно, удалось. Однако для полного ощущения рождественского праздника не хватало, пожалуй, лишь заплутавшего путника, который, будучи приглашен к столу, мог бы, в благодарность к хозяину, рассказать какую-нибудь занятную и поучительную историю о далеких заморских странах.

Словно исполняя невысказанное желание графа, едва колокол далекого кафедрального собора отзвонил к полунощной, на пороге зала появился алебардщик, несущий службу на входе в донжон.

– Ваша светлость, – обратился он к хозяину пира, – там на входе какой-то крестоносец дожидается.

– Ну, так что же ты стоишь, болван, – прорычал обрадованно граф Гуго, – немедленно зови его сюда! Пусть он займет за столом место, достойное его титула и заслуг, и расскажет нам о своих странствиях.

Алебардщик немедленно исчез, и вскоре, под одобрительный гомон гостей, в зал вошел крестоносец. Зал освещали очаги, закрепленные на стенах факелы и подвешенные на цепях над столами большие масляные лампы, было светло как днем, и всем присутствующим удалось подробно его разглядеть.

Приглашенный на пир купец, делающий барыш на перевозке фландрского сукна в Лион, ввиду незнатного происхождения посаженный в дальнем конце стола, а стало быть, у самого входа, смог разглядеть наряд рыцаря вблизи. Как он рассказывал впоследствии, его сразу поразило, что скроенные точно по фигуре котта и обтягивающие ноги брэ^[1] были пошиты из дорогой миланской ткани. Пожалуй, не только хозяин замка – граф, но и всесильный епископ вряд ли могли себе позволить раскошелиться на подобное облачение. А уж носить его запросто, как дорожный наряд, мог, на его, суконщика, взгляд, разве что король Франции или сам император Фридрих.

Сидевший рядом с купцом щитовой рыцарь, чьи владения составляли всего полтора акра, в свою очередь, разглядел золотые шпоры на покрытых грязью мягких замшевых сапогах и меч, так ладно висящий на потертом кожаном ремне, что вытащить его можно было одним быстрым движением.

Старый подслеповатый барон, участвовавший еще в походе императора Фридриха Барбароссы, заметил на сюрко^[2] вновь прибывшего прямой желтый крест, по углам которого были расшиты четыре креста поменьше, и с огромным удивлением распознал в нем герб Иерусалимского королевства.

Прочие участники пира, не искушенные ни в ремеслах, ни в военном деле, обратили внимание разве что на жесткий, немигающий взгляд вновь прибывшего, который приличествовал скорее не приглашенному к столу путнику, а ангелу мщения, ни с того ни с сего спустившемуся на землю в тихую святочную ночь. Несмотря на полную абсурдность такого предположения, оно тем не менее подтвердилось. Не давая никому опомниться, рыцарь сделал несколько шагов вперед, вытянул из-за пояса черную перчатку тончайшей лайки и, швырнув ее прямо в сидящего во главе стола графа, громко и отчетливо произнес:

– Гуго Колиньи-ле-Неф! Ты бесчестный человек, чьи деяния недостойны звания рыцаря, плохой христианин, убийца и трус. Я вызываю тебя на смертельный поединок!

Перчатка, не долетев до конца стола, угодила в стоящую перед графом большую миску, полную мясной подливой, и выплеснувшаяся жидкость обрызгала синий бархатный камзол. В зале воцарилась мертвая тишина, которую нарушало лишь глухое ворчание грызущихся за обедки собак...

Пока граф медленно поднимался, не зная, что ему делать в первую очередь – звать слуг, чтобы они сменили его праздничный наряд, или хоть как-то ответить на совершенно нелепый и неожиданный вызов, его опередил сидящий по правую руку вассал.

– Да какой там еще поединок, двенадцать гентских карликов! – громыхнул, вставая из-за стола, приземистый и широкоплечий рыцарь. – Тут сейчас и порешим наглеца.

Грубо расталкивая соседей, он начал вылезать из-за стола. Троюродный брат графа Гуго, шевалье де Лерман, от одного лишь упоминания имени которого трепетали все вилланы в округе, имел в Гренобле репутацию отчаянного рубаки, совершенно безжалостного человека, насильника и пьяницы. Главным его подвигом, не считая сотен ограбленных под видом сбора дани крестьян, а также взятых силой крестьянок и бургерских дочерей, было то, что на прошлогодней осенней ярмарке он шутя убил кулаком выставленного на продажу племенного быка и, пользуясь благоволением графа, не понес за это никакого наказания.

– Не желаете спуститься во двор? – глядя прямо в глаза приближающемуся Лерману, холодно поинтересовался пилигрим.

– Какой еще двор, гром меня разрази! – прорычал рыцарь, пьяно хватаясь за рукоятку меча.

Блеснуло широкое лезвие тяжелого германского фальшона,^[3] засвистел разрезаемый воздух. Гости затаили дыхание в ожидании того, как полуразваленное тело странного и неосмотрительного путника упадет на землю, покрытую, по случаю праздничного приема, толстым слоем чистой соломы.

Однако крестоносец оказался проворнее, чем это можно было предположить. Он сделал шаг назад, едва заметным движением отклонился в сторону и нанес потерявшему равновесие Лерману молниеносный колющий удар. При этом никто не успел заметить, как и когда он обнажил свой меч. Де Лерман остановился и вздрогнул всем телом. Затем лицо его исказила гримаса, в которой было трудно сказать чего больше – боли или изумления. Покачавшись взад-вперед, он обрушился на пол лицом вниз, чуть подергал ногами и затих. Вскоре из-под неподвижного тела, расплываясь на каменном полу черным густым пятном, стала шириться кровавая лужа.

По залу прокатился единый вздох удивления, в котором, положив руку на сердце, было не так уж и много сочувствия. Де Лерман с его жестокими выходками и буйным нравом сидел в печенках едва не у всех жителей города.

– Стража, взять его! – рявкнул шателен замка, отвечающий за безопасность пирующих.

Пять алебардчиков, повинувшись приказу начальника, ринулись на незваного гостя, но и тут рыцарь оказался на высоте. Он отскочил к стене и, выставив вперед меч, начал защищаться столь ловко и умело, что вскоре двое нападавших со срубленными древками алебард вынуждены

были ретироваться, а трое их товарищей, быстро сообразив, что они имеют дело с крайне опасным противником, не рискуя нападать всерьез, размахивали своим оружием с безопасного расстояния.

– Стойте! – перекрывая гомон возбужденных схваткой гостей, раздался звучный голос хозяина.

Обрадованные алебардщики немедленно исполнили весьма своевременный, по их мнению, приказ и отскочили к противоположной стене.

Граф Гуго стоял, нависая над столом, и, позабыв об испачканном камзоле, рассматривал возмутителя спокойствия тяжелым, не предвещающим ничего хорошего взглядом.

– Лучше уж сразу решить все дела с этим заезжим искателем приключений, – пробормотал он себе под нос, так что его услышали только те, кто находился совсем рядом. – Бес его знает, чем я так ему досадил, но подобные дела нельзя откладывать на потом. Спусти на него собак, и жонглеры, поberi их прах, на ближайшей ярмарке начнут распевать куплеты о том, что граф Колиньи-ле-Неф убоился залетного задиру.

Двадцатисемилетний граф, хоть и не снискал столь дурной славы, как только что убитый де Лерман, слыл, однако, не только предельно бессердечным владельцем, но хорошим и опытным бойцом. Продолжая дело, начатое отцом, он, не брезгуя угрозами, убийствами и потравами, медленно, но верно подчинял себе вольных вилланов, которые за последние два десятка лет распахали предгорные пустоши и заложили тысячи акров виноградников. Врагов в королевстве Арелат у него было много, даже, пожалуй, с избытком, и разрешать споры при помощи копья или меча графу было не впервой.

– Ты пришел сюда для того, чтобы сразиться со мной? – выбрав самую, по его мнению, верную линию поведения, громко и отчетливо, в тон незнакомцу, спросил граф Гуго.

– Совершенно верно, – спокойно ответил тот.

– Тогда назови себя и объяви причины, по которым ты вызываешь меня на поединок. Иначе, клянусь Девой Марией, я призову сюда арбалетчиков, которые, будь ты хоть сам сир Ланцелот, быстро покончат с тобой. Если владетельный граф начнет принимать вызов от каждого странствующего рыцаря без роду-племени...

– Мое имя шевалье де Вази, – перебил его крестоносец, – но я не собираюсь во всеуслышание объявлять о причинах моего появления здесь и тем паче об основаниях для этого вызова. Однако если в замке найдется лицо духовного сана, пользующееся всеобщим доверием...

– Я епископ Гренобльский, Жерар, – выступил вперед пожилой прелат, чей сан, по неофициальности сегодняшнего приема, выдавала лишь небольшая красная шапочка.

– Не откажитесь выслушать меня с глазу на глаз, святой отец, – оценивающе поглядев на епископа и кивнув удовлетворенно головой, произнес рыцарь.

Они удалились в дальний, почти не освещенный факелами конец зала, где обнаружилась достаточно глубокая ниша. По команде шателена слуги принесли и поставили деревянное кресло.

Присутствующим в зале было видно, как епископ Жерар опустился на сиденье, а рыцарь, встав перед ним на одно колено, склонился к уху прелата и начал шепотом о чем-то рассказывать. Его слов никто не смог разобрать, однако, когда они с рыцарем возвратились обратно, лицо епископа, до этого умиротворенное и жизнерадостное, было бледным, как льняное полотно. Теперь он глядел на графа, да и на рыцаря, совсем иными глазами.

– Именем Господа подтверждаю, – тщетно борясь с одолевшим его вдруг хрипом, просипел епископ, – что этот сеньор действительно благородный рыцарь и крестоносец, чей титул позволяет ему бросать вызов его светлости. Мало того, он имеет все основания для того, чтобы

вызвать графа на смертельный поединок. Поверьте, дети мои, шева́лье де Вази имеет полное право на месть, и я подтверждаю, что если граф примет смертельный поединок, то это будет Божий суд, а не запрещенный Его Святейшеством турнир.

– Ну что же, – хладнокровно пожал плечами Гуго, – поединок так поединок. Раз в этом нет для меня позора, почему бы и в самом деле не размяться после обильного угощения? Несите мой боевой доспех. Луна еще не зашла, у стен замка ровное поле, и мы решим это дело прямо сейчас. У вас есть еще что-нибудь из оружия и доспехов, кроме этого меча, сир рыцарь? – обратился он к ожидающему у стены крестоносцу.

– Об этом не беспокойтесь, граф, – ответил тот, – мы будем драться конными, на копьях, затем на мечах. Если один окажется на земле, то и другой также обязан спешиться. Бой будет продолжаться до тех пор, пока один из нас не умрет. Раненый или упавший в обморок добивается милосердным ударом.

– Как прикажете, – усмехнулся граф. В джостре – турнирном поединке – он был одним из первых в Бургундии и при таком повороте событий не особо опасался за свою жизнь. – Готовьтесь к бою и ожидайте меня снаружи, в двух полетах стрелы от ворот.

Рыцарь молча кивнул и скрылся за дверью. Участники столь неожиданно прервавшегося пира начали вслед за графом покидать зал. Тело несчастного де Лермана еще не прибрали, и гости, крестясь и отводя глаза, по очереди переступали через раскинутые руки и ноги, стараясь не запачкать обувь в кровавой луже.

Граф, ушедший в свои покои, готовился к поединку, а тем временем участники пира, пожелавшие стать свидетелями сражения, выходили за ворота, кутаясь кто в меховые накидки, кто в шерстяные рыцарские плащи. Поеживаясь, они поглядывали вначале на висящую над лесом большую желтую луну и переводили взгляд на дальний край поля, где виднелись силуэты конников и вьючных лошадей. Это была сопровождавшая крестоносца свита – оруженосец, слуга и конные сержанты.

К тому времени, когда Гуго Колиньи-ле-Неф появился в воротах на боевом коне, его противник успел облачиться в доспех. Теперь на нем была серебрящаяся в лунном свете кольчуга и остроконечный шлем с полумаской, закрывающей нос и глаза. Оруженосец, помогавший рыцарю облачиться в кольчугу, теперь занимался его конем. Он уже накинул на него чепрак, обшитый железными пластинками, и теперь прилаживал на грудь хаурт – толстый войлочный валик, с которого свисало подобие защитного фартука. Умение разбираться в лошадях было одним из немногих наук, которую франкская знать впитывала с молоком матери. При виде черного боевого коня-дестриера с крепкими ногами и широкой спиной, который в ожидании боя рыл землю копытом и пускал обеими ноздрями струи густого морозного пара, у многих присутствующих вырвались восхищенные возгласы. Не прибегая к помощи слуги, рыцарь сел в седло, принял у оруженосца щит и копье и, чуть тронув поводья, направил боевого коня по припорошенному снегом полю в сторону противника.

Граф Колиньи-ле-Неф выехал из ворот в полном боевом доспехе. В отличие от крестоносца он надел топхельм^[4] – с большими миндалевидными прорезями для глаз, закрывающий голову от подбородка до макушки. Корпус защищала плотная, собранная из особо толстого железного прута кольчуга. Рослый конь с мощным широким костяком был вполне под стать седоку, а надетый под доспех толстый стеганный гамбезон превращал и без того рослого и широкоплечего всадника в настоящего гиганта, выглядевшего по сравнению с вызвавшим его на бой крестоносцем несокрушимым великаном из старинных кельтских легенд. На его щите с полем, деленным на четыре части, помимо герба сеньории ле-Неф был изображен древний знак дома Колиньи – серебряный одноглавый орел на красном поле, сжимающий в клюве добычу, увенчанный короной и с лазурными лапами. На щите его противника был начертан в точности

такой же, как и на сюрко, желтый крест. Вероятно, этому знаку он придавал куда большее значение, чем титулу де Вази.

– Ну что, сир, обойдемся без турнирных церемоний? – остановившись в отдалении, прокричал Гуго Колиньи-ле-Неф.

– К бою, граф! – нимало не смущенный устрашающим видом противника, отозвался тот.

Оставляя на тонком слое выпавшего ночью снега черные отпечатки копыт, кони, обученные обходиться без узды, стали сближаться – сначала шагом, затем размашистой, все ускоряющейся рысью. Когда между противниками оставалось не более четверти полета стрелы, они, обнаруживая немалый опыт копейной атаки, почти одновременно перешли на стремительный карьер. Направляя коней одними лишь легкими уколами шпор, граф и крестоносец привстали в стременах, наклонились вперед и теперь скакали навстречу друг другу, закрывшись щитами и нацеливая стальные наконечники.

Ржание, треск копий, удары, выкрики противников и возгласы наблюдавших за боем слились в единый, ни с чем не сравнимый звук – всадники сшиблись на полном скаку, подняв в воздух тучу испуганно орущих галок и ворон, которые ночевали на древнем раскидистом дубе, что высился на опушке леса.

Копье графа Гуго было направлено прямо в голову противника, однако тот на полном скаку смог уклониться от удара, одновременно направив свое оружие точно в намеченную цель. На турнире удар крестоносца не был бы высоко оценен – копье ударило точно в середину щита. Это, конечно, не считалось позором, как промах или попадание в коня, но и воинской славы не приносило. Однако прямой удар, в который была вложена сила всадника и несущегося, словно ветер, коня, был столь силен, что он привел к результату, который на турнирах и несмертельных поединках приносит победителю оружие, доспех и коня побежденного. Граф, откинувшись на высокую заднюю луку, вылетел из седла, перевернулся в воздухе и обрушился на мерзлую землю.

К его счастью, как раз на месте падения находилась небольшая ложбина с плотно слежавшимся снегом. Граф упал на спину, чудом избежав непременно в подобных случаях вывихов и переломов. С нескрываемой злостью он отмахнулся от помощи подбежавших слуг, поднялся на ноги и стоял, повернувшись лицом к противнику и сжимая в руке длинный саксонский меч с прямой перекладной и широким клинком.

Следуя правилам поединка, крестоносец, не говоря ни слова, избавился от обломка копья, сбросил на землю щит, слез с коня и двинулся по направлению к противнику, вытягивая из ножен свое оружие – сужающийся норманнский клинок с узким заостренным концом. Противники остановились шагах в десяти друг от друга, подняли мечи в боевую позицию – так, чтобы наконечник находился на уровне глаз, и, обменявшись внимательными, оценивающими взглядами, начали осторожно сходитьсь.

Полагаясь на длину своего меча, граф, едва приблизившись на дистанцию поражения, умелло замахнулся и обрушил на противника хорошо поставленный рубящий удар. Парируя, рыцарь подставил свой клинок. Мечи скрестились, издав певучий стон закаленной стали. В сумраке ночи было отчетливо видно, как брызнули в стороны снопы длинных желтых искр. За первым ударом последовал второй, за ним третий, и вскоре столкновения клинков слились в непрерывную леденящую песнь.

Продолжая полагаться на свой опыт, мощь и длину меча, который не меньше чем на две ладони превосходил меч крестоносца, граф Гуго предпочел не заниматься предварительной оценкой противника, а решить судьбу поединка первым натиском и пошел в атаку, проведя серию жестких ударов, каждый из которых мог легко перебить хребет годовалому теленку. Однако рыцарь не только выдержал сумасшедший натиск, но и под чередой сокрушающих

ударов ухитрился не получить ни царапины. Убедившись, что его замысел не привел к немедленному успеху, граф немного сбавил темп и перешел к обычной позиционной борьбе: удар-парирование-удар.

Для неискушенных в военном деле поединок казался суматошным кружением размахивающих мечами противников. Но воинам, наблюдающим за ходом боя, уже было ясно, что неведомый крестоносец, не спеша переходить к решительным действиям, защищался, причем делал это не просто хорошо, а безупречно и даже, если это слово применимо к двум тяжеловооруженным рыцарям, виртуозно. Точными, едва уловимыми движениями он отводил меч графа в сторону, отвечал быстрыми, но несильными контрударами, рассчитанными не на поражение, а на отвлечение противника, и, пружиня ногами, словно танцор, легко перемещался взад-вперед и вправо-влево. Словом, прощупывал противника, ожидая, когда тот устанет, и одновременно определял его уязвимые места.

Увлеченный боем граф не сразу понял, с кем он имеет дело. Когда к нему пришло осознание того, что происходит на самом деле, было уже слишком поздно. Всем присутствующим, даже служителям церкви и далеким от военного дела бургерам, было понятно, что загадочный крестоносец просто играет с противником, словно кошка с мышью.

– Да зарубил бы его, и дело с концом, – наблюдая за боем, пробормотал сквозь зубы шателен, – клянусь апостолом Павлом, не хотел бы я оказаться на месте господина. Этот крестоносец воистину настоящая смерть, разве что с мечом вместо косы. Интересно, узнает граф или нет, за какое именно из бесчисленных прегрешений ему уготован столь жуткий конец?

Обреченный граф, сверкая глазами в прорезях шлема, был угнетен, смертельно устал и уже не вел бой, а скорее просто отмахивался от ударов отяжелевшим мечом, который он едва удерживал в руках. Наконец, когда все ожидали, что граф, словно в балладе трувера, повествующей о героических деяниях, опустится на землю, а крестоносец, вознеся над ним карающий меч, во всеуслышание объявит, кто он на самом деле таков и за что именно отбирает жизнь у противника, рыцарь наконец прекратил свою жестокую игру и пошел в настоящую атаку. Добившись, чтобы отступающий граф, сделав шаг назад, потерял равновесие и слегка запрокинул голову, он молниеносным колющим ударом вогнал острие меча точно в центр треугольника, образованного складками кольчужного воротника.

Норманнский клинок крестоносца вошел точно под шею на полторы или две ладони. Граф замер, медленно опуская руки, выронил меч и так же медленно опустился на колени. Крестоносец постоял некоторое время, удерживая умирающего мечом, затем выдернул его резким коротким движением. Голова графа бессильно склонилась, он подался вперед и, словно в покаянном поклоне, уперся верхушкой топхельма в кожаный пояс врага. Через дыхательные отверстия, словно из решета, хлынули струи густой дымящейся крови.

Рыцарь сделал шаг назад, снял свой шлем, развернулся и, уже не видя, как валится набок мертвое тело, зашагал в сторону наблюдающих за схваткой, вытирая окровавленный меч о полу накинутаго поверх кольчуги короткого кавалерийского плаща. Стая вспугнутых птиц не спешила возвращаться на место ночевки и кружила у него за спиной. Воронье, ободряя друг друга резкими криками, понемногу приближалось к телу убитого графа.

– Кто еще желает постоять за честь дома Колиньи-ле-Неф? – подойдя поближе, спросил крестоносец, обводя взглядом притихшую толпу.

Толпа ответила гробовым молчанием.

– Я так и думал, – усмехнулся рыцарь, а толпа, не особо это скрывая, ответила единым вздохом облегчения. – Тогда ответьте мне, – продолжил он как ни в чем не бывало, – кто из вас является наследником титула и владений покойного Гуго? Он ведь, как мне известно, не имел ни родных братьев и сестер, ни бастардов, ни законных детей.

– Я! – раздался из задних рядов тихий несмелый голос. – Я, Гаспар, троюродный племянник Гуго.

Присутствующие один за другим стали оборачиваться в сторону говорившего и, разглядев его, произвольно делали шаг в сторону, так что вскоре между Гаспаром и рыцарем образовался свободный проход.

Гаспар ле Прунье, теперь уже граф Колиньи-ле-Неф, оказался плюгавым человечком с мутными, словно у снулой рыбы, глазами, одетым в длинный, до колен, подбитый собачьим мехом сюрко и большой обвисший берет, делавший его разительно похожим на гриб-сморчок.

– Я не желаю вам ничего плохого, сударь, – обратился к нему крестоносец, – однако у покойного графа остались передо мной определенные имущественные обязательства. Не угодно ли будет вам послать кого-то в замок за пером, чернилами и пергаментом, дабы покончить со всеми формальностями как можно скорее?

Не успевший прийти в себя Гаспар не мог со страху вымолвить ни слова. Епископ поглядел на шателена, нахмурил брови и сурово кивнул. Шателен наклонился к стоящему рядом с ним старшине алебардщиков и что-то прошептал ему на ухо. Старшина так же шепотом подозвал двух стражников, и они, дыша в затылок своему командиру, затрусили в сторону открытых ворот.

Полностью поглощенные леденящим кровь зрелищем, свидетели поединка только сейчас заметили, что ночь уже проходит и утро вступает в свои права. Луна из ярко-желтой обратилась в бледно-серую и висит над самым лесом, чуть не цепляя верхушки елей, а над горными вершинами ширится бледно-розовая полоса неспешной зимней зари.

Стражники вернулись, ведя за собой поднятого с постели писца, ведущего документы графской канцелярии. Гаспар, повинаясь жесту рыцаря, подошел поближе, а писец под тихую ругань шателена устроился на обнаружившемся неподалеку пеньке. Положив на колени писчую доску, в которой были проделаны пазы, чтобы удерживать чернильницу, песочницу и подставку для перьев, он ловко пришил на ее поверхность пергаментный лист и замер в ожидании дальнейших распоряжений.

Крестоносец начал диктовать. Присутствующие священнослужители были поражены тем, как правильно, с соблюдением всех тонкостей непростого искусства подготовки подобных документов он составляет фразы.

«Во имя Гроба Господня и Честного Креста, я, Божьей милостью Гаспар, граф Колиньи-ле-Неф, объявляю всем верным Христа, что, находясь в здравом уме и ясной памяти, своей графской волей жалую невозбранно и безвозмездно сиру шевалье де Вази принадлежащее мне на правах аллодиального держания селение Монтелье, а также тысячу акров прилегающей к нему земли, что ограничена лесом Факоньери, дорогой на Валенс, Оленьим ручьем и владениями сеньора ле Фокон, со всем движимым и недвижимым имуществом».

– Странно... – пробормотал шателен. И что же, выходит, все это представление было разыграно только для того, чтобы оттяпать у графов Колиньи небольшое, да к тому же весьма и весьма спорное владение? Эту землю он, помнится, лишь года три назад объявил своей, до смерти напугав тамошних вилланов...

Закончив диктовать, крестоносец склонился над писцом, проверяя написанное. Убедившись, что все его слова перенесены на бумагу без малейших искажений, он обернулся в сторону ничего не понимающего наследника.

– Ну что же, граф Гаспар, – все тем же ровным, не выдающим никаких чувств голосом произнес рыцарь, – не будете ли вы столь любезны приблизиться и подписать эту грамоту?

– Но я же еще не принес вассальную присягу, – обнаруживая определенные знания законов, дрожащим голосом ответил тот. – Будет ли считаться законным такое пожалование? К тому же

его по закону должен утвердить папа или, на худой конец, император...

– Кто и как утвердит это пожалование – не ваша забота! – жестко ответил рыцарь. – А вас, ваше преосвященство, – обратился он к епископу, – и еще одного-двух присутствующих здесь благородных господ попрошу поставить свои подписи в качестве свидетелей.

Более не рискуя препираться, Гаспар, оставляя глубокие царапины в толстом листе, дрожащей рукой вывел свое имя и облегченно вздохнул. Вслед за ним, не теряя присутствия духа, оставил подпись епископ Жерар. Под ним небрежным размашистым росчерком расписался и шателен, который отметил, что новый граф, говоря об утверждении дарения, первым назвал папу, а не императора.

Дождавшись, когда писец присыплет грамоту песком, вытащит деревянные клинышки и свернет ее в трубку, шевалье де Вази положил ее в седельную суму, не проявляя ни малейших признаков усталости, легко поднялся в седло и, возглавив свой отряд, более не говоря ни слова, поскакал в сторону гренобльского бурга. Точнее, в направлении дальнего леса, на пути к которому, как раз между замком и городом, лежало большое кладбище.

Всадники исчезли так же неожиданно, как и появились, растворившись в предрассветной дымке, выползающей с опушки и укутывающей поле, посреди которого все еще лежал мертвый граф. Остальные участники этих странных и удивительных событий стояли молча, пока вдаль не затих ровный топот копыт, а вскоре слуги подогнали телегу. Дождавшись, когда тело графа погрузят, присутствовавшие медленно побрели следом в сторону ворот замка.

Распорядившись, чтобы приходской кюре отпел обоих новопреставленных, епископ Жерар затребовал со двора свою повозку и, не возвращаясь в замок, немедленно убыл в Гренобль. Вслед за ним, фальшиво бормоча слова сочувствия и стараясь не смотреть друг другу в глаза, начали разъезжаться другие гости.

Распроставшись с последним из приглашенных, новоиспеченный граф вернулся в замок и, кощунственно размышляя о том, что благодаря богатым охотничьим трофеям прерванный рождественский пир можно без лишних затрат превратить во вполне приличные поминки, стал наблюдать за тем, как слуги под руководством бледного как мел шателена освобождают длинный стол, готовя его для покойных. Восьмидесятилетний Бертран, бывший рыцарь ордена Храма, всю жизнь проведший в Святой Земле, по старческой немощи возвращенный в Бургундию и доживающий свои дни в одном из близлежащих цистерцианских монастырей, медленно подошел к Гаспару и в знак поддержки положил ему на плечо свою старческую, покрытую пятнами руку.

– Не печалься, юноша, – произнес тамплиер. – Поступки крестоносцев кажутся странными людям, живущим в богатой мирной стране, не ведая о том, что где-то за морем есть земли, полные сарацин, изо дня в день проливающих христианскую кровь. Раз такой рыцарь вызвал покойного графа на поединок, значит, он имел на это серьезные основания.

– Да, дядюшка, конечно, был не святой, – отозвался Гаспар, – а если уж говорить начистоту, руки у него по локоть в крови. Однако никто из нашего линьяжа ^[5] не бывал в Святой Земле ни пилигримом, ни крестоносцем – все рыцари рода Колиньи-ле-Неф честно принимали крест, но затем выкупали крестоносный обет. Ума не приложу, кому он мог так насолить в землях, лежащих по ту сторону моря? Скажите, сир Бертран, кто это все же, по-вашему, мог быть? Я ощущаю себя персонажем, причем отнюдь не положительным, какой-то странной рыцарской баллады.

– Не знаю, юноша, – ответил старик, – пути Господни неисповедимы, и каждому воздастся за его грехи. Графу Гуго еще повезло, что его ангел смерти явился в облике рыцаря и поразил его мечом. Намного страшнее, когда Всевышний насылает на грешника страшную болезнь. Таковую, например, как проказа.

Все, кто слышали эти слова, со страхом перекрестились.

– Не знаю, кто он на самом деле, – помолчав, добавил старик-тамплиер, – но в Святой Земле этот герб, помимо членов королевской фамилии и личного эскадрона Иерусалимского короля, имеют право носить лишь рыцари Святого Гроба.

Книга первая

ПИЛИГРИМЫ

Равнозначное использование в уставах как слова peregrinus (богомольцы-пилигримы), так и crusesignatus (воины-крестоносцы) ясно говорит о том, что это были в основном люди мирных профессий, которые, однако, считали себя крестоносцами и воевали под знаменем своих братств.

*Проф. Джонатан Райли-Смит. Крестоносные братства
Латино-Иерусалимского королевства*

Часть первая

НОЕВ КОВЧЕГ

Глава первая, в которой рассказывается о том, как мэтр Понше совершил непростительную ошибку

*Священная Римская империя, Прованс,
город Марселлос, 1227 год от Р. Х.,
вторник Светлой седмицы (12 апреля),
за три года до описанных выше событий*

Понше из Арля, помощник капитана «Акилы» – самого большого нефа^[6] из тех, что принадлежали гильдии судовладельцев Марселлоса, закончил завтрак. Он расплатился с дочерью хозяина, ущипнул на прощание ее пухлый, соблазнительный задик и под притворно-возмущенный визг направился в порт, где еще со вчерашнего дня полным ходом шла погрузка – неф готовился к отплытию в Святую Землю.

Марселлос, шумный портовый город, заложенный греками еще за шестьсот лет до Рождества Христова, был разноязычным с самого дня своего основания, а весной, к открытию навигации, и вовсе становился самым настоящим библейским Вавилоном. Путь в земли крестоносцев для многих тысяч пилигримов из франкских, нормандских и бургундских земель, чьей заветной целью был стенающий под игом нечестивых сарацин Святой град Иерусалим, начинался именно отсюда. Однако, по мнению Понше, вся эта толпа, заполнившая предместья, улицы и постоялые дворы, своими повадками напоминала не собрание смиренных богомольцев, а скорее, нашествие гуннов. Как раз сейчас, когда все стоящие на рейдах суда чуть ли не одновременно готовились к выходу в море, столпотворение было в самом разгаре – ведь, кроме паломников, к дальнему и опасному путешествию одновременно готовились и купцы. Из Ильде-Франса вниз по Роне сюда спускались барки, груженные английскими сукнами, строевым лесом, а также винами и маслами из Шампани и Тулузы. По дорогам шли бесконечные возы, доставляющие из Фландрии и Пикардии железные инструменты, краски, упряжь и всяческие изделия из кожи. Сюда же к началу навигации пригонялись табуны мулов и лошадей.

Но, хвала Всевышнему, ждать осталось недолго – марсельская гильдия, пользуясь правом хозяина, всегда отправляла свои собственные корабли в первую очередь. Так что уже сегодня вечером неф примет на борт товары и пассажиров и выйдет на внешний рейд. Там он проведет ночь, а с первыми лучами солнца капитан прикажет поднимать якорь и, вознеся молитвы покровителю моряков, святому Николаю, направит нос судна в сторону Генуи – а оттуда через Неаполь к берегам благословенной Сицилии.

Грея под лучами утреннего солнца лысеющую макушку, Понше зашагал мимо многочисленных таверн, которые, словно сотни капканов, наставленных на паломнические кошельки, плотно окружали все припортовые кварталы.

Несмотря на дневное время, приезжие в ожидании начала погрузки коротали часы, которые отмеряла портовая рында, за едой и питьем, а то и в обществе разбитных кабацких девиц. При этом многие посетители таверн, обрадовавшись первым теплым дням, расположились снаружи, за длинными деревянными столами.

Под вывеской «У святого Николая» – местом отдыха коренных марсельцев – обосновалась

стайка пожилых горожан торгового сословия. Они пили мелкими глотками дешевое итальянское вино и бурно о чем-то спорили.

– Папа Гонорий тяжело болен. Говорят, что он уже несколько месяцев не покидает Перуджу, – говорил один старичок другому с таким выражением, будто знал Его Святейшество с самого дня рождения.

– А император Фридрих, несмотря на это, снова отложил срок отправления в Святую Землю, – отвечал ему собеседник, – эдак нам, христианам, никогда не отвоевать Святой град Иерусалим.

Все слушатели серьезно закивали головами, словно именно они и являются главными советниками двух самых могущественных людей христианского мира.

Разговор старичков заглушила песня очень жизнерадостного, но крайне нетрезвого хора. За соседним столом пестрела компания парижских студюозусов. Они черпали деревянными кружками прямо из бочонка дешевый сидр местного отжима и под звуки лютни подыгрывающего им жонглера распевали модные в этом сезоне куплеты.

Однокашники, друзья,
Здравья вам, простите,
С вами дружбой связан я,
Обо мне грустите.

Отвязал уже канат
И гребу по морю,
Мне дороги предстоят,
Предавайтесь горю!

– Камрады! – закричал вдруг один из студюозусов, судя по всему, самый трезвый, а скорее, по мнению Понше, наименее пьяный из всей компании. – «Акила» начал принимать путников! Побежали скорей, пока все лучшие места попы не расхватали!

Честная компания похватила дорожные мешки и, не преминув в мгновение ока осушить и без того почти пустой бочонок, гомоня и перекрикиваясь, устремилась вперед по набережной. Вслед за студюозусами, что-то недовольно бурча себе под нос, двинулся и Понше. Не успел помощник капитана миновать широко распахнутые ворота, как в ноздри ему ударил ни с чем не сравнимый запах, в котором смешались ароматы моря, корабельная смола, конский пот, дерево, шерсть и особый кисловато-пряный привкус, присутствующий во всех без исключения торговых портах Средиземного моря.

Он обошел стороной окруженную яростно ругающимися купцами таможню и вышел на пирс. Топот тысяч ног, ржание лошадей, скрип тележных колес, вопли ослов и гул многоязычной толпы здесь сливались в музыку, слаще которой для моряка после вынужденного зимнего безделья мог быть разве что звон монет в поясном кошелье да страстные стоны юной девы. Словно стараясь очиститься от греховных мирских воспоминаний, связанных с двумя ночами, которые он, после того как отбыл из дома, провел на постоялом дворе, Понше перекрестился в направлении холма, на котором, главенствуя над городом, стояла церковь Нотр-Дам-де-ла-Гард, испокон веку благословляющая моряков, уходящих в дальние плаванья. Затем он подошел к воде и окинул взглядом марсельский рейд.

Солнце поднялось высоко, и тени, которые отбрасывали зубчатые стены форта Святого Иоанна, прикрывающего с юга вход в гавань, укоротились настолько, что едва доставали до

кромки воды. Под защитой высокого мола ожидало своей очереди на погрузку два десятка торговых судов, среди которых резко выделялся норманнский когг, ^[7] неизвестно какими судьбами занесенный сюда из далеких северных морей. В окружении круглобоких нефов и неуклюжих галер он выглядел как благородный олень, случайно выскочивший на лужайку, где пасется стадо коров.

По многолетней морской привычке Понше глянул на качающихся на волнах чаек и удовлетворенно кивнул: «Если чайка села в воду, жди хорошую погоду; чайка бродит по песку – моряку сулит тоску». Для того чтобы убедиться в своей правоте, он посмотрел на небо. Разбросанные по лазурному небу небольшие стайки кучевых облаков также свидетельствовали о том, что в ближайшие дни сильные ветры не предвидятся. Мистраль – северный весенний ветер, которого провансальские моряки боятся пуще пиратов, успокоился как раз на Святое воскресенье, а это с незапамятных времен было сигналом к началу весенней навигации.

Но начинать дальнейшее плавание вчера, в понедельник Светлой седмицы, мог только умалишенный. Жители города, а в особенности привычные к пьянству моряки (запасы вина на борту частенько заменяли быстро протухающую питьевую воду), к богоугодному пасхальному разговению подходили столь основательно, что во всем Провансе – да что Провансе, во всем Бургундском королевстве – найти человека, не мучающегося в этот день похмельем, было мудрено.

Капитан Турстан, убеленный сединами морской волк, который доставлял в Святую Землю еще доблестных рыцарей христианнейшего короля франков Филиппа-Августа, назначил отплытие назавтра, сочтя, что день святого Мартина будет во всех отношениях благоприятным для начала долгого и, что греха таить, далеко небезопасного путешествия. Море за Сицилийским проливом кишело пиратами, и, чтобы не подвергаться опасностям одиночного плавания, нужно было успеть в Мессину не позднее дня святого Марка, пока оттуда не ушли на остров Корфу паломнические конвои.

Пришвартованный к пирсу неф принимал путников и грузы в четыре потока. На корме портовые грузчики-дебардье с помощью деревянного журавля перегружали с подогнанных телег прямо в трюм большие квадратные тюки – гильдия мыловаров отправляла в Мессину тридцать возов наваренного за зиму мыла. Их ароматный товар не имел себе равных во всем Средиземноморье и пользовался большим спросом не только на Сицилии и в Апулии, но также в Греции, Тунисе и Египте.

Правее, на полуюте, грузились зафрахтовавшие четвертую часть нефа тамплиеры. Они отправляли в Иерусалимское королевство тридцать обученных боевых коней нормандской породы, для перевозки которых их собственная галера «Фалько» была слишком мала. Сопровождая бесценных животных, каждое из которых стоило целого состояния, на «Акиле» должны были плыть пять братьев-рыцарей со своими оруженосцами и сержантами. Кроме того, их сопровождали три светских рыцаря-собрата со свитой, которые прибыли в Марселлос из графства Блуа, а также многочисленные слуги.

Понше понаблюдал за тем, как конюхи в темно-бурых одеждах из грубой холстины заводят храпящих и фыркающих животных, заботливо укрытых попонами, по широким сходням внутрь через специальные ворота в бортах, которые на венецианский манер назывались юиссы. Тут же мусульманские рабы под зорким оком сержанта-надсмотрщика таскали мешки с фуражным зерном – хозяйственные братья предпочитали запасаться на всю дорогу урожаем с собственных полей, а не тратиться в чужеземных портах, где, как известно, все обходится втридорога. Понше извлек из поясной сумки свиток, врученный ему вчера капитаном, который, в свою очередь, получил его от старшины гильдии, и погрузился в изучение перечня грузов. «Когда закончится погрузка, – подумал он, – нужно будет обязательно зайти к ним в отсек и под видом заботы о

том, хорошо ли устроились на вверенном ему корабле достославные воины-монахи, тщательно пересчитать коней, братьев, слуг, мешки и прочий груз. А ежели их там окажется больше, чем указано в судовой сказке, то немедля потребовать дополнительной оплаты». Как помощник капитана Понше имел пять сотых долей от прибыли и поэтому был кровно заинтересован в том, чтобы гильдия получила сполна за каждую запасную подкову и каждый пучок сена, доставленные из Марселлоса в столицу Иерусалимского королевства, город Акру.

Помощник капитана подошел к краю причала и зашагал вдоль борта. При этом у самой кормы обнаружился пятый погрузочный поток – по швартовому канату на борт нефа деловито взбиралась большая черная крыса. Вторая ждала на земле и, глядя на подругу, нетерпеливо попискивала. «А эти куда собрались? – удивился Понше. – Тоже по святым местам?» Однако война с грызунами на виду у команды и портового люда была ниже его почти капитанского достоинства, и он, сделав вид, что ничего не заметил, важно прошествовал мимо.

Чуть дальше, на полубаке, по сходням, перекинутым через борт, шла погрузка незнатных паломников. В толпе простолюдинов, рвущихся вперед, чтобы занять лучшие места, мелькали крестьянские рубахи, бургерские камзолы и монашеские рясы. Чуть в стороне колобродили давешние студизусы.

Доступ на неф преграждали четверо матросов во главе с палубным офицером, который тщательно проверял таблички, свидетельствующие об уплате проезда и портовой пошлины, а кроме того, удостоверялся, что все путешественники имеют на руках двухнедельный запас продуктов. Как раз сейчас он вежливо, но твердо преграждал путь откормленному послушнику-бенедиктинцу, который, по зловредной манере монастырской братии, привыкшей всегда и во всем полагаться на подавания паствы, не позаботился о хлебе насущном.

– Ну пусти, мил человек... – бубнил на одной ноте, словно не понимая, о чем идет речь, послушник. – Мое место оплатил сам его преосвященство епископ!

– Никак невозможно, уважаемый! – раз, наверное, в десятый отвечал офицер. – Не положено у нас без провианту.

Озлобленная задержкой толпа навалила и вытолкнула упрямого монаха из очереди, словно пробку из горлышка бутылки с игристым анжуйским вином, коим мэтр Понше так неосмотрительно злоупотребил в Великий праздник. В освободившийся проход ринулись сразу два паломника с нашитыми матерчатыми крестами. Они раскрыли перед офицером мешки, демонстрируя припасенные в дорогу сухари, солонину, репу и горох, и, получив разрешение, загрохотали деревянными башмаками по сходням.

Предоставив офицеру самому управляться с неизменно скандальной толпой простолюдинов, помощник капитана проследовал в сторону носовой башни, где с причала на палубу поднимался богато украшенный трап с ковровой дорожкой и резными перилами, предназначенный для приема богатых негоциантов и благородных господ. Для них в носовой части нефа были устроены отдельные каюты, а на шкафуте – перед мачтой, там, где качка ощущалась меньше всего, – раскинуты палубные шатры. Шестеро мускулистых мавров подносили к трапу богато украшенный портшез. Носильщики осторожно опустили свой драгоценный груз и откинули парчовую занавесь с расшитыми золотой нитью райскими птицами. Из портшеза вышла дама, которую сопровождали две прислужницы и четверо дюжих охранников с тяжелыми фальшонами. «Мужа рядом нет, – отметил Понше, одновременно с этим радушно кланяясь пассажирке. – Нужно в списках поглядеть. Мало ли что – путь-то неблизкий, глядишь, и сговоримся вечерок-другой скоротать». К досаде, рассмотреть лицо дамы не удалось – она была плотно укутана в большой шелковый платок.

«Портшез, похоже, в судовой сказке не значится», – озабоченно подумал Понше. Он было устремился «к дорогим гостям», чтобы как можно скорее выяснить этот вопрос и потребовать

доплаты, а заодно и получше рассмотреть загадочную пассажирку, но тут его неожиданно перехватил палубный смотритель.

– Мэтр Понше, мэтр Понше! У нас неприятности! – пропыхтел пожилой савояр Гуго, которого капитан Тур-стан терпел в экипаже благодаря единственному положительному качеству – тот состоял в свойстве с одним из старшин гильдии. – Щитовой рыцарь, пилигрим из бедных, даже без коня, купил место в трюме, но в соседях у него оказался виллан. Вот он шум и поднял, грозитя весь неф разнести. Уж и не знаю, что и делать. Неф битком набит, все места распределены. А этот самый виллан, которого они прогнать велят, как назло, не из бедных. Да к тому же видно сразу, что продувная бестия – место долго выбирал, торговался, требовал – словом, измотал меня до икоты. Такой, если прогнать его рыцарю в угоду, палец даю на отсечение, – потребует неустойки.

Понше что-то невнятно пробурчал себе под нос и, увлекая за собой нерадивого подчиненного, который сам не в состоянии решить вопрос, который не стоит выеденного яйца, стал проталкиваться к люку, ведущему в трюм.

Скандалы при погрузке – дело обычное, без них ни одно путешествие не обходится. Через несколько дней непривычные к качке пассажиры, конечно, успокоятся: морская болезнь уравнивает всех – благородных, крестьян и бургеров. Но пока корабль стоит на рейде, гасить подобные склоки – это его, как помощника капитана, первейшая задача.

Трюм гудел, как растревоженный улей. Студизусы успели прорваться вовнутрь, отвоевали место вокруг колонны и уже открывали бочонок сидра. Место у борта захватили многоопытные монахи, а прочая разношерстная публика металась взад-вперед, пытаясь хоть как-то обустроиться и приготовиться к отплытию.

Конфликт разгорелся в самом конце трюма, за третьей колонной, у деревянной переборки, отгораживающей отсек, занятый тамплиерами. Там, рядом с двумя большими охалками сена, предназначенного для спанья, стоял, скрестив руки на груди, высокий голубоглазый темноволосый мужчина лет тридцати на вид, с прямым галльским носом и надменным взглядом. «Сразу видно, что благородный, хоть и не очень богатый господин, – подумал Понше. – А точнее, совсем небогатый». Рыцарь был одет в простое, но аккуратное платье, перевязанное кушаком, на котором висел увесистый кошель. «Вроде на скандалиста не похож, – удивился Понше, – похоже, договоримся».

Рядом с рыцарем вышагивал взад-вперед человек, являющий собой яркий пример самого настоящего пейзанина. Он был прямой противоположностью своего противника, словно их нарочно поставили рядом для того, чтобы наглядно показать окружающим, чем дворянин отличается от простолюдина. Маленький, но невероятно широкий, с торчащими в разные стороны соломенными волосами, в истертой до дыр когда-то дорогой камизе,^[8] которую, наверное, по крестьянскому обычаю снял с убитого или просто стащил. Нос репой, ручки короткие, пальцы толстые, покрыты рыжими волосами. «Знакомая порода, – вздохнул про себя помощник капитана. – Таких сейчас что во Франции, что в Бургундии много развелось». Пользуясь тем, что многие пустоши, а в особенности лесные вырубки, не перечислены в пожалованных грамотах благородных господ, вилланы, что поухватистее, самочинно захватывают ничейные земли и, выращивая богатый урожай, быстро, лет за пять-шесть, богатеют не хуже бургеров, при этом, по сути, оставаясь таким же неотесанным мужичьем.

– Как зовут? – подходя к враждующим сторонам, тихо спросил Понше у семенящего за ним савояра.

– Виллана? Кажется, Жак, – удивленно ответил тот. – А что, у вилланов бывают другие имена?

– Да не виллана, дурак! Как имя рыцаря?

Савояр ответил, и Понше приступил к переговорам.

– Благородный рыцарь, сир Робер де Мерлан! – начал он, стараясь смотреть на скандалиста как можно доброжелательнее.

При этих словах рыцарь прищурился и вскинул подбородок, а виллан остановился и по мерзкой крестьянской привычке выпучил глаза и раззявил рот.

– Мэтр, послушайте меня, мэтр, – дернул его сзади за рукав Гуго.

– Ради бога не беспокойтесь, уважаемый господин! – отбиваясь от бестолкового подчиненного, продолжил Понше. – Я прекрасно понимаю ваше возмущение, – он нахмурился в сторону виллана, – и сделаю все возможное, чтобы уладить недоразумение. Если вы сообразовываете добавить к той сумме, что заплатили за проезд, еще три ливра, то я постараюсь отыскать вам место в одном из палубных шатров, вместе с другими благородными рыцарями, которые совершают паломничество в Святую Землю.

– Я ценю ваш благородный порыв, уважаемый мэтр, – ответил насмешливо рыцарь, – но боюсь, что вы обратились несколько не по адресу.

– Робер де Мерлан – это я! – неожиданно взревел «яркий пример настоящего пейзажиста». Только сейчас помощник капитана разглядел на боку коротышки меч в потертых кожаных ножнах.

В ту же секунду в воздухе просвистел рыжий кулак размером с проверочный камень из Палаты весов, и в левом ухе Понше раздался оглушительный звон. Помощнику капитана показалось, что его голова раскалывается на мелкие осколки, рассыпая, словно точильный камень, снопы веселых суетливых искр...

Когда к Понше возвратились сначала слух, а затем и возможность лицезреть свет божий, выяснилось, что инцидент исчерпался сам собой. Отведя душу в богатырском ударе, благородный рыцарь сир Робер де Мерлан что-то пробурчал себе под нос, плюхнулся на сено и устоял в переборку, словно позабыв о существовании своего низкородного соседа. Виллан, в свою очередь, стараясь привлечь к себе поменьше внимания, порывшись в кошельке, извлек полденье и передал монету помощнику капитана, при этом еле слышно прошептал: «На лечение». Понше зажал в кулаке добровольную виру и, ни на кого не глядя, поплелся на мостик.

Погрузка завершилась, когда побагровевший солнечный диск наполовину скрылся за стеной форта. Капитан Турстан, убедившись, что все пассажиры приняты на борт, а груз правильно размещен и надежно закреплен, приказал отходить от пирса.

Матросы втянули сходни, задраили юиссы и отдали швартовы. «Акила» заскрипел рангоутом и стал медленно выходить из гавани. Понше, прижимая к уху холодную примочку, рассматривал внешний рейд, выискивая подходящее место для якорной стоянки. Пассажиры, допущенные наверх, столпились на палубе и тоскливо пожирали глазами удаляющийся берег. В стороне от толпы, отгородившись своими охранниками от любопытных глаз, все так же пряча лицо в складках шелка, стояла благородная дама. Только в отличие от остальных ее взор был обращен не к оставленной земле, а в сторону открытого моря.

Окончательно прибывший к студиозусам жонглер осушил полную кружку сидра, ударил по струнам и, устремив нетрезвый взор на лунную дорожку, затянул красивую балладу.

**Глава вторая,
которая рассказывает о том, как превратности морского путешествия
порой сближают людей больше, чем им того бы хотелось**

На борту нефа «Акила», Марселлос – Мессина,

1227 г. от Р.Х., среда Светлой седмицы —
суббота Светлой седмицы (14–17 апреля)

Флотилия, состоящая всего из двух кораблей – марсельского нефа и тамплиерской галеры, шла вдоль берегов Прованса в сторону Лигурии. Капитан Турстан до сих пор не мог окончательно определиться, какой путь избрать – продолжать двигаться вдоль берега по Лигурийскому морю, через Геную, или же сразу повернуть в открытое море в направлении Корсики и тем самым выиграть два, а при попутном ветре – и целых три дня. Удерживало его лишь опасение, что, если шторм застанет их в открытом море, это может завершиться для неуклюжего нефа самым плачевным образом.

Впередсмотрящий в «вороньем гнезде» на верхушке мачты до рези в глазах вглядывался в горизонт. Капитан и его помощник, мэтр Понше, в поисках примет, указывающих на перемену погоды, рассматривали то море, то небо, при этом отмахиваясь от мельтешащих перед глазами чаек. Чайки кружили над кормовой башней и скандальными криками требовали подачи. Одна из них, самая крикливая, краем глаза заметила шевеление на палубе, мгновенно стихла и в надежде, что там, на корабле, обнаружится что-то съедобное, камнем бросилась вниз. Приземлившись неподалеку от шлюпки, укрытой куском просмоленной рогожи, птица начала боком и по-вороньи вприпрыжку приближаться к шлюпке, как вдруг заметила, что из-под рогожи за ней наблюдают четыре блестящих глаза. Чайка испуганно завопила и, суетливо захлопав крыльями, взмыла в воздух.

Из-под шлюпки, оглядываясь по сторонам, выбрались две тощие черные крысы. Одна из них встала столбиком, обнаруживая впалый живот, торчащие ребра и необычное белое пятно на груди. Дрожа всем телом, крыса, чуть не вздымаясь на цыпочки, заглянула в открытый трюм, убедилась, что на лестнице нет ни души, и требовательно пискнула, словно отдавая команду. Предприимчивые грызуны что было духу рванули вперед, прошмыгнули, цокая коготками, по ступенькам и в мгновение ока скрылись за дверью кладовой, доверху набитой мешками с овсом, припасенным для тамплиерских коней.

Между тем в трюме, предоставленном незнатным паломникам, понемногу налаживался дорожный быт. Как только закончились хлопоты, связанные с размещением и обустройством на новом месте, путники, как по команде, одновременно полезли в дорожные мешки, повынимали немудреную снедь и приступили к трапезе. Вскоре по всему трюму разносился хруст куриных костей, бульканье вина, переливающегося из глиняных бутылей в необъятные глотки, и плотоядное чавканье горожан, вгрызающихся в куски вяленого мяса.

Среди жующей на все лады толпы выделялись давешние соседи – рыцарь и виллан. Оба они сидели на своих охапках сена, смотрели в противоположные стороны и старались делать вид, что не замечают окружающих. Но если при этом зажиточного крестьянина заметно раздражало паломническое обжорство, то его благородный сосед явственно сглатывал слюну и старался не обращать внимания на поглощающих пищу попутчиков по иной причине.

Тем временем неунывающие студиязусы раскупоривали бочонок сидра – третий или четвертый по счету. С ними сидел и толстый послушник-бенедиктинец, которому, несмотря на строгий контроль, каким-то непостижимым образом удалось проникнуть на «Акилу», не имея при себе необходимого запаса провианта. Здесь же, привалившись спиной к бочонку, отдавал должное сидру и вяленой рыбе приголубленный шумными разгильдяями жонглер. Послушник методично переправил в утробу двух жирных лещей, которых ему презентовали молодые люди, погасил нарастающую жажду двумя полными кружками сидра, а затем, довольно отдуваясь, перебрался ближе к борту и стал перебирать четки. Жонглер – человек искусства – в мгновение ока сгрыз сухую лепешку, одолел не две, а целых три кружки сидра, настроил лютню и под

одобрительные крики студиозусов завел знакомую балладу, которая была на слуху еще со вчерашнего вечера.

– Красивая песня! – мечтательно вздохнул голубоглазый виллан, глядя куда-то в сторону, вроде как размышляя вслух.

– Это старинная провансальская песня, которая повествует о любви юной рыбачки к прославленному шкиперу, – пробухтел, обращаясь к переборке, достославный рыцарь Робер да Мерлан, словно того и ждал, чтобы начать разговор.

– А вы владеете провансальским наречием, сир? – обрадованно спросил виллан. – Но вы же, судя по имени, уроженец Шампани или Блуа.

– Ничем я не владею, – встопорщил рыцарь соломенные усы и скривился, словно в слово «владею» он вкладывал иной, совершенно не относящийся ни к народам, ни к их наречиям смысл. – Просто понимаю и все. У меня всегда вот так – слушаю чужую речь дня два, а на третий и ли четвертый начинаю разбирать, о чем лопочут. А я в Марселлосе, почитай, неделю ждал отплытия, вот и наострился...

– Хорошо вам, сир, – завистливо вздохнул виллан, – а в меня без малого два года монахи пытались латынь вбить – и ни в какую. Слова вроде и знаю, читать могу, а о чем говорят, не понимаю, хоть кол на голове теши.

– Так ты, значит, грамотный? – искренне удивился рыцарь. – А мне сказали, что вроде как пейзажник.

– Ну, в общем, так оно и есть, сир, – согласился виллан. – Мой дед был сервом барона Монтелье, а отец взял на откуп большую вырубку и заложил там виноградники. Еще недавно у нас было пятьсот акров земли и пятнадцать работников. Вот он и оплатил мое обучение в монастыре.

– А зовут тебя как? – оттаял наконец рыцарь. – Не Жак же, в самом деле...

– Именно Жак, – рассмеялся виллан. – Жак из Монтелье, к вашим услугам.

Де Мерлан стал смеяться вслед за ним и уж было открыл рот, чтобы спросить о чем-то еще, как вдруг его отвлекли новые звуки – словно крупные горошины застучали по гулкой деревянной поверхности. После каждого стука до ушей собеседников доносились возбужденные возгласы. Это неугомонные студиозусы, опустошив очередной бочонок сидра, перевернули его вверх дном и затеяли игру в кости.

Лицо рыцаря исказилось самой что ни на есть странной гримасой. Глаза его прищурились, он встопорщил усы и издал утробный рык, словно недавно проснувшийся по весне медведь при виде дупла, полного густого ароматного меда. Затем сир Робер де Мерлан порывлся в своем дорожном мешке, извлек оттуда худой кошель из грубой воловьей кожи, потряс им, с трудом добившись унылого неубедительного звона, и устремился в центр круга игроков. Жак из Монтелье удивленно пожал плечами, тем самым продемонстрировав свое отношение к азартным играм. Сир Робер исчез в кругу играющих, и сразу же после этого там произошло заметное оживление. Жак стал невольно прислушиваться.

После первого броска студиозусы весело загомонили, а к месту игры потянулись любопытные попутчики. После второго любители высоких наук и дешевых вин обрадованно закричали. Один из них вырвался из толпы, во всю прыть понесся к люку и вскоре вернулся, держа под мышкой очередной бочонок. После третьего броска в углу, где шла игра, воцарилась тишина. Расталкивая монахов, которые, поднимаясь на носках, пытались рассмотреть, что же происходит за импровизированным игровым столом, из толпы выбрался мрачный, как грозовая туча, рыцарь. Он швырнул на деревянную палубу опустошенный кошель, склонился над мешком, вынул из него потертый и местами латаный кожаный доспех и начал проталкиваться обратно в круг. Жак встал, посмотрел на свои вещи, покосился на соседей, неодобрительно

покачал головой, а затем решительно отправился вслед за рыцарем.

Достославный сир Робер сидел на полу, придерживая рукой аккуратно сложенный доспех, который, как и предполагалось, оказался ставкой на кону. Напротив расположился один из студиязусов – по всей вероятности, предводитель всей шайки. Отлично сшитый наряд дорогого шелка и кинжал миланской работы в ножнах, инкрустированных драгоценными камнями, выдавали в нем отпрыска богатой ломбардской семьи. Перед ним на поверхности бочонка лежали стопки золотых и серебряных монет, свидетельствуя о том, что, по крайней мере, в одной из трех наук, обязательных для парижских студентов (коими являлись азартные игры, соблазнение горожанок и дуэли), он изрядно преуспел. Студент-ломбардец, ехидно ухмыляясь, потряс деревянный стакан. Кости громыхнули по дну и остановились. Толпа вздохнула, как один человек. Лицо рыцаря прояснилось. Плотно посверкивая глазами в сторону принадлежащих ломбардцу денег, де Мерлан схватил кости и стаканчик, сделал несколько небрежных движений и выпустил кубики на деревянную поверхность. В этот момент кто-то из зрителей толкнул Жака в бок, он непроизвольно шагнул назад и оказался за широкой спиной послушника-бenedиктинца, который закрыл от него игру. Студиязусы злорадно завопили.

– Воистину неисповедимы пути Господни и промысел Всевышнего! – произнес послушник. – Вначале на кону было по ливру. Ломбардец выбрасывает три и два, рыцарь мечет два и один. Рыцарь, как опытный игрок, удваивает – ставит два ливра. У ломбардца выпадает четыре, у рыцаря – снова три! Рыцарь, желая хоть немного отыграться, ставит за шесть денье свой доспех. Ломбардец мечет тройку, а у рыцаря выпадает два! Сколько лет играю, а такого еще не видал.

Де Мерлан пнул в сердцах ни в чем не повинный доспех, отвесил по дороге пару оплеух подвернувшимся под руку монахам и, возвратившись на свое место, с размаху плюхнулся на солому и снова уставился в переборку.

– Сочувствую вам, благородный господин! – выдержав приличествующую моменту паузу, искренне произнес Жак. – Такого невезения просто не бывает. Вы крестоносец?

– Был им до сего момента, – прорычал, не поворачиваясь к собеседнику, де Мерлан. – За три ливра я мог добраться до Палермо, купить там приличный щит и кольчугу и поступить на службу к одному из нобилей, которых император Фридрих собирает для отвоевания Иерусалима. А в сражениях на Святой Земле можно обзавестись всем – лошадьми, золотом, слугами... Теперь же мне остается одно – наниматься в Неаполе или Мессине за шесть денье в неделю в копейщики к какому-нибудь купчишке-иудею!

Жак о чем-то задумался.

– Вот что, благородный господин! – продолжил он, словно приняв какое-то решение. – Не желаете ли вы прогуляться наверху, подышать воздухом и немного успокоиться? Глядишь, какая мудрая мысль в голову и придет. А я пока тут останусь, вещи постерегу.

– Ты так думаешь? – хмуро и подозрительно взглянув на виллана, спросил де Мерлан, словно пытаясь отыскать в этом, честно говоря, чрезвычайно разумном предложении неведомый подвох.

Но лицо собеседника выражало крайнюю степень доброжелательности, не дающую ни малейших оснований сомневаться в том, что его совет вызван одной лишь заботой о вновь обретенном знакомце. Де Мерлан что-то неразборчиво пробубнил себе под нос, опоясался мечом и, грузно переваливаясь с ноги на ногу, затопал в сторону лестницы, ведущей наверх.

На палубе было солнечно, ветрено и прохладно. Робер выдохнул, изгоняя из легких спертый воздух трюма, а из души горечь поражения, после чего вдохнул полной грудью и осмотрелся по сторонам.

У господских шатров за походным столиком сидели с кубками в руках два негоцианта,

рыцарь из нобилей и епископ, своим очень длинным носом, круглыми глазами и красной матерчатой шапочкой разительно напоминавший дятла. Вокруг них суетился слуга с огромным кувшином, время от времени подливая в кубки вина.

Чуть дальше в сопровождении двух копейщиков прогуливалась вчерашняя дама. На сей раз на ней был не белый, а темно-бордовый наряд. Впрочем, это никак не проясняло, кто она такая, ибо у охранников на камзолах не было гербов, а сама она продолжала тщательно укрывать лицо от любопытных взглядов.

Под парусом, собрав перед собой десяток слушателей, разглагольствовал невысокий человечек с ярко-рыжими волосами и огромным крестом на груди.

Робер подошел поближе и прислушался к разговору двух паломников.

– Кто это? – спрашивал один у другого.

– Это Рыцарь Надежды! – отвечал его товарищ. – Говорят, он в Святой Земле не единожды побывал, а уж знает про земли и народы всякие, про мавров и сарацин, про доблестных крестоносных рыцарей столько, что ни в сказке сказать ни пером описать. Не успел Марселлос за кормой скрыться, так он как начал рассказывать – до сих пор не умолкает. И хоть бы раз повторился!

– А он что – и в самом деле рыцарь?

– Да вроде нет, одет как обычный бургер. Но осе его Рыцарем Надежды кличут, да и сам он только на это имя и отзывается.

– Как только мы зайдем в мессинский порт, – продолжал разглагольствовать рыжий, – желающие всего за полдень могут проследовать со мной. Я познакомлю уважаемых пилигримов с достопримечательностями этого древнего города, укажу лучшую и очень дешевую харчевню, а также отведу в лавки, где мои друзья-торговцы, исключительно из любви к Господу, продадут вам свои товары со значительной уступкой в цене! Кроме того, уважаемые паломники...

Что еще «кроме того» входило в услуги предприимчивого Рыцаря Надежды «всего за полдень», Робер не узнал. С кормовой башни, где располагался капитанский мостик, прозвучал зычный окрик: «К повороту!» – и палубные матросы кинулись загонять пассажиров в трюм, чтобы те во время маневров не путались под ногами. Капитан, с раннего утра наблюдающий за птицами, проследил, как четвертый или пятый по счету альбатрос, совсем почти не шевеля крыльями, устремляется в сторону Корсики, и решился-таки выйти в открытое море. Матросы налегли на шкоты, подбирая прямоугольный парус, рулевые – по два человека – на рулевые весла, и вскоре неф начал медленно разворачиваться кормой к берегу-

Робер рыкнул на матросов и задержался наверху, наблюдая за галерой «Фалько», шедшей на веслах. Оттуда донеслись удары задающего ритм большого барабана и крики надсмотрщиков. Вскоре над кораблем тамплиеров поднялся косой латинский парус с красным восьмиконечным крестом.

Спустившись вниз, Робер неожиданно обнаружил своего нового приятеля в компании студиозусов.

– Ты все понял? Сделаешь так, чтобы комар носа не подточил, а если он догадается – пеняй на себя! – стоя перед везучим ломбардцем, втолковывал ему Жак.

– Не беспокойся, уважаемый! – отвечал ломбардец. – Николо Каранзано всегда слово держит. Вот и братья подтвердят!

При этих словах остальные студиозусы стали издавать возгласы, свидетельствующие о том, что они не имеют ни малейших сомнений относительно репутации своего предводителя.

При виде достославного рыцаря Робера ле Мерлана высокие договаривающиеся стороны быстро свернули беседу и разошлись по местам.

– О чем это вы там говорили? – спросил Робер у Жака.

– Да так... – ответил тот. – Вот хочу тоже попробовать поиграть. Да только боязно.

В глазах рыцаря снова появился лихорадочный блеск, и его усы опасно зашевелились.

– Боязно? Слушай, а давай я за тебя? Ну, метать буду я, а играешь вроде как ты? Мне уже давно не везет, так что в этот раз я обязательно выиграю!

– Давайте сделаем так, уважаемый господин! Я вам одолжу ливр, а вы сядете играть, за меня. Проиграетесь – так тому и быть. Ну а ежели Господу будет угодно, чтобы вы отыгрались, тогда все, что сверх ливра, – пополам.

Прорычав что-то нечленораздельное, видимо выражая полное согласие с предложенными условиями, сир Робер выхватил протянутую монету и устремился к бочонку.

– Значит, игрока за себяставляешь? – спросил ломбардец, обращаясь к хитрому виллану и всем своим видом выражая обиду. – Ну, тогда и я сам играть не буду. Лучше пусть Рембо кости мечет, он у нас не только на лютне бренчать ловок. – Он указал пальцем на жонглера, при этом не удержался и зачем-то подмигнул Жаку.

Под одобрительные крики студиязусов, перешедших с сидра на возникшее словно из-под земли анжуйское вино в больших глиняных кувшинах, Робер и Рембо уселись вокруг бочонка. Первый же бросок принес рыцарю пятерку и шестерку. Жонглер внимательно оглядел кости со всех сторон, покрутил их на ладони, накрыл стаканчиком, как-то очень уж заковыристо его крутанул и выбросил две тройки. Ломбардец недовольно засопел и швырнул на бочонок еще две монеты.

На сей раз у Робера выпало восемь. Жонглер снова, еще более сосредоточенно поколдовал над костями и выбросил три и четыре.

– Отдайте доспех! – просительно прогудел де Мерлан.

По команде ломбардца один из студиязусов, тот, что все время бегал к торговцам за вином, порылся в грудe вещей и протянул Роберу его сокровище. Рембо забрал с кона ливр и выложил взамен шесть серебряных денье.

– Ну ладно! – примирительно произнес ломбардец. – Еще по два ливра на отыгрыш и на этом закончим, вроде как при своих. – Он бросил короткий взгляд на Жака, а тот утвердительно кивнул в ответ.

Робер выбросил две тройки и сразу скис. Его противник тяжело вздохнул, снова поперекидывал кости на ладони и очень аккуратно, словно боясь спугнуть, катнул их по столу. Выпала тройка и единица.

– Наконец-то! – взревел рыцарь. – Десять лет я ждал этого момента! Пошло, пошло везение! На все! – Он толкнул ногой к бочонку злосчастный доспех и пододвинул к середине все выигранные деньги.

На рыцаря страшно было смотреть. Кончики усов его дрожали, лицо от носа до ушей покраснело, словно зрелая свекла, а пальцы выбивали по дну бочонка нервную беспорядочную дробь.

– Снова рисковать доспехом я вам не дам, сир! – неожиданно заявил Жак. При этом в голосе его проявилась несвойственная крестьянскому сословию твердость. – Вы бросили кости три раза, противник не настаивает на игре. К тому же не забывайте, что одолженный вам ливр и половина выигрыша принадлежит мне.

– На ливр! – просительно протянул Робер. – Остальное оставь себе. Нельзя упускать удачу!

Жак пожал плечами; словно говоря: «Ну что тут можно поделать?» – принял у новоиспеченного компаньона два с половиной ливра, взял в руку доспех и медленно побрел в направлении своего места.

На этот раз азартный, но неудачливый рыцарь взял себя в руки и разделил имеющуюся у

него сумму на шесть ставок по два денье. Рембо, перехватив одобрительный кивок ломбардца, просиял. «Ну вот, наконец, давно бы так, – пробурчал он себе под нос, – а то, не ровен час, можно и руку сбить».

После шестого кона всем, даже самому де Мерлану, стало ясно, что Фортуна покинула его столь же неожиданно, как и пришла. Он отказался от выпивки, предложенной студиозусами, и в полном расстройстве чувств вернулся на сено к своему новому приятелю. Но оказалось, что Жака совершенно не расстроило поражение рыцаря.

– Спрячьте в мешок доспех, сир рыцарь, пока он снова от вас не сбежал, и извольте получить свои полтора ливра! – произнес он, протягивая монеты Роберу. – Кроме того, предлагаю подняться наверх и разделить со мной, по случаю столь блестящего выигрыша, мою скромную трапезу. Спертый воздух в этом трюме не способствует нормальному пищеварению.

Они прихватили с собой часть припасов, поднялись на палубу, отыскиали свободное место у кормовой башни и, разложившись на чистой холстине, принялись за еду.

– Слушай, грамотей! – отхлебнув из фляги, вдруг спросил де Мерлан. – Если я бедный и азартный, то, по-твоему, совсем дурак и ничего не вижу? Что я, не понимаю, что вы мне нарочно подставили этого певца с шулерскими костми? Зачем ты за меня заплатил этим бездельникам?

– Деньги небольшие, – чуть помедлив, ответил Жак, – а вы, уважаемый сир, лишившись снаряжения и последних средств к существованию, скорее всего, просто погибнете. Ибо, судя по всему, не привыкли вести жизнь бедняка. Раз уж судьба свела нас вместе на этом корабле, то я счел зля себя возможным выручить вас таким способом, который бы не унизил вашего рыцарского достоинства. Но выходит, что я оказался, как и любой неотесанный виллан, слишком неловок.

– Так, значит, ты потратил четыре ливра? – почесал в затылке де Мерлан. – Ну что ж, приятель, спасибо. Я изыщу возможность вернуть тебе долг!

– Только об одном вас прошу, сир! – улыбнулся Жак. – Никогда больше не садитесь играть в кости...

– Земля! Земля! – завопил из «вороньего гнезда» впередсмотрящий. Они подходили к Корсике.

* * *

Пройдя вдоль корсиканского побережья, перед самым закатом «Акила» и «Фалько» дошли до глубоко врезающегося в остров залива Валинко с удобным рейдом, укрытым холмистыми берегами от опасных северных шквалов. Капитан поставил неф на якорь и отправил две шлюпки в деревушку Проприано, чтобы пополнить запасы питьевой воды, а заодно и прикупить вина, которое за первый день пути почти полностью уничтожили ненасытные студиозусы.

Ночь прошла без происшествий – первый день путешествия изрядно утомил не только непривычных к морю паломников, но и моряков, отвыкших от плавания за долгие зимние месяцы вынужденного пребывания на суше. Многострадальное ухо почтенного мэтра Понше благодаря постоянным примочкам почти вернуло первоначальный цвет, и он, чтобы дать капитану отдохнуть перед Корсиканским проливом, самолично вызвался на ночную вахту. А в трюме между тем Жак и Робер, сытые, умиротворенные и в меру уставшие, расположились на сене, подложили под головы дорожные мешки и заснули праведным сном паломников. Они

совершили первый и самый важный шаг на пути к Святой Земле, а стало быть, к обретению блаженства и, что гораздо существеннее, отпущению грехов, во искупление которых были приняты крестоносные обеты.

Рано утром корабли подняли якоря и продолжили путь. Святой Николай в этот день был особо милостив к богомольцам – он наслал западный ветер, благоприятнее которого ничего и быть не могло. Ветер ударил в корму, наполнил парус, «Акила» вспенил форштевнем воду и без помех проскользнул между маленькими каменистыми островками, смертельно опасными для неповоротливого судна при навальном ветре.

Когда остров Разолли остался за кормой и начал медленно удаляться, моряки перевели дух и вознесли молитвы своим покровителям. Следующий переход, до самого Неаполя, был для них необременительным.

Но многочисленные пассажиры, в отличие от моряков впервые оказавшиеся на борту корабля, с выходом в Тирренское море оказались лицом к лицу с самым грозным испытанием, которое только может принести морская стихия. Северо-западный ветер, толкающий неф в сторону благословенной итальянской земли, посвежел и поднял над лазурной гладью невысокие, но крутые волны. Началась бортовая качка. Уже к полудню палуба и пассажирский трюм «Акилы» представляли собой то ли госпиталь после кровопролитного сражения, то ли рыночную площадь пьемонтского городка наутро по завершении большого карнавала. На струганых досках, забыв про отведенные им места, вповалку лежали, кто где, зеленолицые стенающие путники. После очередного особо размашистого качка два-три человека обязательно вскакивали и, еле удерживаясь на ногах, неслись к бортам, чтобы исторгнуть в пучину то, что было съедено и выпито не только на корабле, но еще и до погрузки на неф, в хлебосольном Марселлосе. Одни лишь студиязусы, которые с раннего утра вернулись к прерванному занятию, не ощущали губительной болтанки. Трудно сказать, в чем тут было дело – то ли в особых целебных свойствах доставленного на борт корсиканского вина, то ли в привычке парижских грамотеев к постоянной качке, которую, как известно, вызывает сей напиток при неумеренном употреблении.

Как ни странно, но рыцарь и виллан, весь предшествующий опыт водных путешествий у которых ограничивался речными переправами да короткими плаваниями по Роне, почти не страдали от морской болезни. Конечно, до студиязусов, распевавших как ни в чем не бывало песни во весь голос, им было далеко, но и до полной потери человеческого облика, подобно несчастному бенедиктинцу, который тихо стонал в углу и пачкал палубу, не в состоянии даже подняться наверх, они не дошли.

Понше с капитаном с высоты кормовой башни злорадно наблюдали за страждущими.

– Парус с кормы! – неожиданно заорал впередсмотрящий.

Вскоре то, что поначалу можно было разглядеть лишь с верхушки мачты, стало доступно взорам и тех, кто стоял на мостике. Точка на горизонте на удивление быстро росла и через некоторое время превратилась в примеченный еще на рейде в Марселлосе норманнский когг. Шел он круче к ветру и двигался намного быстрее нефа и движущейся на одном лишь парусном ходу тамплиерской галеры. Когг, горделиво надуваясь двумя парусами – прямым на мачте и косым, натянутым от клотика до бушприта, – поравнялся с флотилией и через небольшой промежуток времени представил завистливым взглядам марсельцев плоскую, словно топором срезанную корму, которая стала довольно быстро удаляться.

– Чудны дела твои, Господи! – произнес, перекрестившись, Понше.

Северные торговые корабли были в Средиземноморье большой редкостью. Мавры, хоть и проигрывали христианам одно сражение за другим, по-прежнему владели изрядной частью Пиренейского полуострова. По всему побережью, от кастильской крепости Оторно и до самой

Барселоны, принадлежащей Арагону, не было ни одного христианского порта, а бискайские воды были полны сарацинских пиратов. Так что на переход от Англии через Геркулесовы столбы отваживались лишь вооруженные до зубов венецианские конвои да северные суда с отличными мореходными качествами и мощными гарнизонами на борту.

– Мэтр Турстан! – обратился помощник к капитану. – Вы самый опытный мореход в нашей гильдии, а «Акила» – самый лучший и самый большой неф. Как же тогда получается, что эти северяне обходят нас, словно какую-нибудь речную барку?

– Еще бы они нас не обошли, – скривился, словно от зубной боли, мэтр Турстан. – Посмотри на их корму, Понше. Вместо рулевых весел там прилажена особая доска, которую они называют «стерн», – она дает кораблю устойчивость на курсе. Вот из-за этой доски они и могут забирать круче к ветру да лучше управляться. Сколько раз я говорил старшинам на верфи: переймите, мол, да устройте и нам такой вот стерн – меньше будем терять кораблей в бурях и от пиратов сможем уходить. А они свое: «Деды строили с веслами, и мы будем точно так же строить. Негоже старые традиции нарушать». Ох, чует мое сердце, помощник, опомнятся они лишь тогда, когда северяне начнут хозяйничать в наших водах и не будет на них управы...

Ганзейский парус еще долго маячил перед глазами капитана, пока, к самому заходу солнца, не скрылся за горизонтом. Вскоре в дымке вечернего тумана показалась итальянская земля. А это означало, что к восходу луны «Акила» бросит якорь в Неаполитанском заливе.

* * *

После непродолжительной стоянки, основной целью которой, по мнению студиозусов, было пополнение запасов вина и сидра, флотилия продолжила путь. Ночь была лунной, и капитан, не боясь выскочить в темноте на берег, подставил парус попутному береговому ветру. К полудню следующего дня он рассчитывал достигнуть Мессины.

Качка существенно уменьшилась, но не до такой степени, чтобы страдающие морской болезнью пассажиры почувствовали себя намного лучше. Жак и Робер приняли приглашение Николо, который оказался отличным парнем, присоединились к студиозусам, опустошили по кружке сводящего скулы сидра и вместе с остальными стали слушать, как поет зеленый, изможденный Рембо. По вполне понятной причине все бал гады несчастного жонглера в этот вечер отличались особой жалостливостью, но при этом никакого сочувствия у слушателей его рулады не вызывали. А уж когда дело дошло до придворно-помпезной песни о гибели графа Роланда, давно навязшей у всех в зубах, Робер плюнул, ругнулся и, увлекая Жака, вернулся под переборку.

– Нашли кого славословить! – недовольно бурчал де Мерлан. – Этот самый граф Роланд, поди, у Карла в придворных шаркунах ходил. Это же надо – так бездарно попасть в засаду! Да еще и в горном ущелье... Я бы такому не то что арьергард целой армии – десяток ополченцев не доверил! Дозоры не выставил, солдат не уберег. Вместо того чтобы укрепиться в скалах и держать оборону, ринулся в бессмысленную атаку и дал себя окружить. Да и вообще, мне знакомый монах рассказывал, что в летописях по-другому прописано. Не сарацины Роланда разгромили вовсе, а дикие горные баски. Граф, из жадности отставший от войска, чтобы пограбить сарацинские деревни, на походном марше попал в засаду, как кур в ощи́п.

– Ну, господа даже в нужное место ходят не как мы, простолюдины, а по-благородному, – рассмеялся Жак. – Кто же будет кормить несчастных жонглеров, если они начнут в своих

шансонах рассказывать о том, что происходило на самом деле? Вот, например:

Тогда ответил Карлу жадный Роланд:
Во Францию скорее возвращайтесь,
А мы здесь подзадержимся с друзьями,
Чтоб сарацинских девственниц попортить.
Эхой!

– Тут ты прав! – поддержал его благородный сир де Мерлан, у которого со знатью были свои счета. – Богатые если и плачут, то только от жалостливых песен да от репчатого лука. Вот и сейчас – народ в трюме страдает, а этим наверху хорошо! Сидят себе в шатрах, дышат морским воздухом, а чтобы не мутило – знай лимоны жуют!

– Все, не могу я больше этим воздухом дышать, сир Робер, – оглянувшись по сторонам, словно разделяя народные страдания, опомнился Жак. – Пойду на палубу, проветрюсь перед сном.

Де Мерлан пожал плечами, словно не понимая, что неприятного нашел в трюмном воздухе этот неженка-пейзанин, и начал устраиваться на ночлег.

Лунный серп – чуть меньше половинки – сиял над мачтой, освещая палубу не хуже, чем добрый смоляной факел. Из кормового трюма доносилось ржание и топот коней – бедные животные, запертые в тесных стойлах, страдали от качки не меньше, чем люди. На палубе не было ни души, только за матерчатыми стенами господских шатров слышался напряженный шепот, словно кто-то выяснял между собой отношения.

Услышав голоса, Жак подобрался поближе и спрятался за мачтой. Ему очень хотелось посмотреть, как выглядят эти самые волшебные лимоны, которыми лечат морскую болезнь. Но, к ужасу виллана, вместо грызущих заветные плоды благородных сеньоров из прохода между шатрами появились двое, волокущие под мышки третьего. Ничего удивительного, собственно говоря, в этой картине не было. Похоже, что кто-то из знатных путников в борьбе с проклятой качкой не смог обойтись одними лишь волшебными плодами и злоупотребил красным бургундским вином. Вот теперь слуги и доставляют его к борту для того, чтобы он мог с комфортом опорожнить свой дворянский желудок. Но, к сожалению, нарисованная Жаком мирная картина растаяла, как только троица повернулась к нему спиной. Оказалось, что из-под лопатки благородного господина торчит рукоятка кинжала, а вокруг нее расплывается, поблескивая в лунном свете, большое черное пятно.

Два солдата, в которых Жак признал охранников загадочной дамы, подскочили к борту, перевалили недвижимое тело через ограждение и взялись за ноги, совершенно очевидно намереваясь бросить несчастную жертву в морскую пучину. Сверкнуло дорогое шитье. Человек с кинжалом в спине неожиданно выпрямился и отбросил в стороны потерявших бдительность убийц. Освободившись, он обвел палубу невидящим взглядом, сделал несколько шагов, оставляя за собой кровавый след, приблизился к мачте и наткнулся на Жака. Виллан, потеряв от страха дар речи, стоял ни жив ни мертв. Раненый ухватил его за одежду, выкрикнул фразу на незнакомом языке, закатил глаза и начал медленно оседать на палубу.

– Господи Иисусе! – вскричал перепуганный до смерти Жак и, совершенно потеряв голову, выскочил из укрытия.

В это самое время пришедшие в себя убийцы вскочили, пригнулись и, словно два леопарда, в несколько бесшумных прыжков подскочили к мачте. Первым делом они схватили за ноги несчастную жертву и довершили свое черное дело – отволокли в сторону и выбросили за борт.

Затем, продолжая хранить молчание, не сговариваясь, ринулись обратно, вытаскивая на бегу фальшоны. Но Жак уже успел прийти в себя и теперь во весь дух неся к спасительному трюму. Убийцы бросились вдогонку.

Вдруг навстречу виллану из темноты шагнула почти неразличимая фигура. Жак пискнул, словно раненый заяц, и метнулся в сторону. Один из преследователей тут же срезал угол и мертвой хваткой вцепился ему в локоть.

– Не понял! – раздался знакомый голос. Фигура шагнула на свет и превратилась в Робера де Мерлана. – Это что тут за маневры после отбоя?

– Это преступник, – хрипло произнес один из копейщиков. – Отойди-ка, служивый, не мешай нам творить правосудие.

– Робер, они человека зарезали и вышвырнули за борт, а теперь вот меня вслед за ним... – заикаясь от страха, выдавил Жак.

– Правосудие, говорите? – Низенький, коренастый, бедно одетый рыцарь сделал чуть заметное движение, и перед оторопевшими копейщиками сверкнул ухоженный, острый как бритва клинок. – Ну что же, давайте чинить правосудие. Для начала бросьте свои ножички и станьте лицом к надстройке. А мой приятель сбегает на мостик и вызовет кого-то из офице...

– Руби! – оборвав рыцаря на полуслове, крикнул второй копейщик и ринулся на Робера.

– ...ров, – продолжая говорить, Де Мерлан сделал шаг назад, развернулся всем корпусом и нанес нападавшему короткий точный удар в открытую шею.

Копейщик пробежал вперед и рухнул на палубу, а его голова слетела с плеч, словно кочан капусты, покатилась и исчезла в темноте. Второй убийца застыл от неожиданности и как замороженный смотрел на кровавый след, оставленный на досках. Не давая ему опомниться, де Мерлан взвился в воздух, взмахнул мечом и с приглушенным «Хе!» обрушил лезвие прямо на макушку. До Жака донесся хруст, напоминающий звук, с которым мясник разрубает свиную тушу, и мягкий стук падающего тела. На палубе воцарилась тишина, которую нарушала лишь барабанная дробь, которую издавали зубы виллана да тяжелое сопение рыцаря.

– Голову найди и вышвырни за борт, – деловито скомандовал Робер. – Давай-ка, пока никого нет, порядок наведем и смоемся.

Сам он при этом схватил под мышки копейщика с разрубленным черепом и поволок его в сторону. Жак, подчиняясь команде, стараясь держаться как можно дальше от убитых, прошел вперед и стал опасливо заглядывать за ванты. Де Мерлан сноровисто отправил на корм рыбам обоих убийц, оглянулся на Жака, сплюнул – ничего нельзя поручить, – пошарил за коробами и бочонками, нашел, что искал, взял страшный предмет за волосы и с размаху вышвырнул его за борт.

– П-палуба в к-крови... – произнес, запинаясь, Жак, обнаруживая первые признаки здравого рассудка.

– Пустое, – отмахнулся Робер. – Тут матросы вечером туши разделявали. Убийцы, – он кивнул головой в сторону дрожащей на волнах лунной дорожки, – об этом прекрасно знали, поэтому и не боялись наследить. Так что давай теперь быстро возвращаемся к себе, и если наблюдатель в «вороньем гнезде» был так занят, рассматривая берег, что ничего не увидел, стало быть, нам с тобой повезло. Л на завтра, в Мессине, куча народу на берег сойдет – с нас и взятки гладки.

Стараясь держаться в тени, приятели покинули палубу и вернулись в трюм. Жак, у которого до сих пор зуб на зуб не попадал, упал на сено и тут же заснул. Робер же нахмурился, покачал головой и сел, упершись спиной в переборку и сжимая в руках свой меч. Так, не смыкая глаз, он просидел до рассвета и заснул лишь тогда, когда в трюм начали пробиваться первые солнечные лучи, а студиозусы, едва продрав глаза и жалуясь на превратности судьбы и

нестерпимую головную боль, начали обычные утренние возлияния.

* * *

С утра и до полудня Робер и Жак просидели в трюме, хоронясь за разгульной компанией и стараясь не попадаться никому на глаза. Но, как ни странно, ни наверху, ни внизу не происходило ничего, что бы свидетельствовало о ночных событиях. По палубам не рыскали озабоченные солдаты, капитан и офицеры не вызывали никого на мостик, а господа, как и прежде, сидели в своих шатрах и продолжали уплетать лимоны.

– Дело нечисто, – пробурчал Робер, который терпел до полудня, но не удержался, выскочил наверх по нужде и, по его словам, «осмотрелся на местности». – Вот так, за здорово живешь, зарезали аристократа, как свинью на бойне, потом я еще двоих порешил, а никому и дела нет?..

Жак, обескураженный не меньше, чем достославный рыцарь, только разводил руками. Они немного расслабились, лишь услышав крики впередсмотрящего. «Акила» и «Фалько» приближались к Сицилийским воротам – главному порту крестоносцев в Италии, долгожданной Мессине.

Неф недолго простоял на внутреннем рейде. Мыловары спешили разгрузиться – их ждал оптовый покупатель из Туниса. Они выкупили очередь у пришедших вчера пизанцев, и, как только от причала отвалила идущая в Геную галера, портовые лоцманы с ювелирной точностью подвели корабль к месту швартовки. Пользуясь случаем, паломники, предупрежденные о том, что они должны возвратиться на борт к заходу солнца, толпой вывалили на твердую землю. Заботливые тамплиеры приказали мэтру Понше распахнуть юиссы и прогуливали по пирсу измученных коней. За выездкой из надежного укрытия следили заметно округлившиеся за пару дней крысы.

Жак и Робер, хоронясь за такелажем, наблюдали, как из трюма выгружают портшез и дама в сопровождении теперь уже не четырех, а двух копейщиков занимает свое место.

– Ну что, опасность вроде миновала, – довольно пробормотал Робер, – пошел я тоже собираться, у меня ведь оплачена только перевозка до Мессины.

Они спустились вниз. Студизусы, выпив все, что оставалось на корабле, с шумом и гамом паковали вещи.

– Куда вы теперь, уважаемые господа? – поинтересовался Жак у еле держащегося на ногах, но по-прежнему неунывающего ломбардца.

– Мы – в Палермо, – ответил Николо Каранзано. – Император Фридрих недавно открыл там академию и пригласил всех желающих учиться сарацинским наукам. А у батюшки – прямые поставки из Дамаска. Он как узнал, что там можно задешево арабскому языку научиться, так немедленно и выслал рекомендательное письмо, с которым меня и еще четырнадцать лучших философов там примут на дальнейшее обучение.

Робер увязал мешок, закинул его на плечи, выпрямился и посмотрел снизу вверх на Жака:

– Ну что, будем прощаться, пейзаин?

– Выходит, что так, – ответил Жак.

– А может, ты со мной? Вдвоем все же легче.

– А что я буду делать на Сицилии? Сражаться не умею, языков не знаю. А может, ты со мной поплывешь до Акры?

– Никак не выйдет, – вздохнул Робер. – Бог с ним, что денег в обрез. Но в Мессине сейчас

как раз формируются отряды крестоносцев. Тут я точно поступлю на службу, а в Заморье неизвестно еще, какие дела творятся. Как по мне – уж лучше туда под чьим-то знаменем приплывать.

– Ну, как знаешь, приятель, – тяжело вздохнул Жак. – Может, и свидимся на Святой Земле!..

Они расстались на сходящих. Де Мерлан хлопнул Жака по плечу и, не оборачиваясь, зашагал в направлении портовых ворот. Кожаные ножны били его по бедру. Жак вернулся в трюм, пожевал безвкусное вяленое мясо и отхлебнул из фляги. На душе было пусто. Он дождался вечера, побродил по опустевшей палубе, вернулся на место, долго ворочался на сене и наконец заснул.

Утром трюм «Акилы» начал заполняться новыми путниками. На месте студиозусов, потеснив монахов, обосновались два десятка угрюмых тосканских арбалетчиков, остальные места заняли калабрийские бургеры, а на месте, которое занимал Робер, устроился чернявый сицилиец с бегающими мышинными глазами. Вновь появившиеся пилигримы еще не испытывали всех прелестей морской болезни, а потому живо интересовались, когда же наконец отплытие.

– Ну что, скоро отходим?

– Да вот, вроде сказали, что сейчас последняя шлюпка из города вернется, и будут парус поднимать.

И вправду, вскоре о борт стукнуло дерево, раздался скрип ворота, затем зычные, передаваемые эстафетой с кормы на нос команды, и за переборкой послышалось ставшее уже привычным журчание воды, которую рассекал нос корабля.

Жак покосился на нового соседа, подтянул ноги, обхватил их руками и положил голову на колени. Впереди был дальний, полный неведомых опасностей путь, а что его ожидало в Святой Земле, знал один лишь Господь Бог.

– Сюда, сюда, многоуважаемый сир! – неожиданно раздался откуда-то сверху голос почтенного помощника капитана. – Не извольте беспокоиться, все сделаем в наилучшем виде! Только вы уж, будьте любезны, на сей раз воздержитесь от рукоприкладства.

У Жака полезли на лоб глаза. Топая по палубе запыленными сапогами, из-за центральной колонны в сопровождении мэтра Понше появился собственной персоной благородный рыцарь сир Робер де Мерлан.

– Уважаемый, произошла ошибка! – обратился Понше к сицилийцу, молитвенно складывая ладони и при этом косясь на чуть не лопающегося от самодовольства рыцаря. – Это место принадлежит не вам, а вот этому господину! Ошибка, ошибка нашей гильдии, и мы ее немедленно исправим! Прошу вас, почтенный, перейдите в носовой трюм. Там для вас приготовлено более удобное и, главное, намного более спокойное место!

Сицилиец засверкал мышинными глазами и вскочил с места. Но увещевания мэтра Понше, а скорее всего, грозно топорщащиеся усы сира Робера оказались столь убедительными аргументами, что несостоявшийся сосед Жака, недовольно бурча себе под нос какие-то проклятия, собрался и ушел в сопровождении помощника капитана.

– Ты что, передумал оставаться? – спросил виллан. Трудно было сказать, чего больше было у него в голосе – искренней радости или не менее искреннего удивления.

– Если бы передумал... – коротко ответил де Мерлан, глядя куда-то в сторону. – Тебя одного здесь убьют. Вот этого прощелыгу, – Робер кивнул головой на удаляющегося сицилийца, – я видел на улице рядом с портшезом хозяйки убитых копейщиков. Он сперва толкся в ее свите, а потом чуть не бегом припустил в порт. Ясное дело, что заметили они нас с тобой и теперь не оставят в покое. Вот я и купил место до Акры да этому бездельнику Понше, который благородного рыцаря от виллана отличить не может, приказал, чтобы он меня на

старое место определил.

– Значит, снова вместе? – спросил Жак. Лицо его осветила улыбка.

– Вроде бы так, – ответил Робер. – Только учти, я за проезд выложил этим исчадиям ада все, что было, до последнего су. Так что денег у меня больше нет.

– Ну, с этим мы как-нибудь справимся, – ответил Жак и снова улыбнулся.

Шум воды за бортом усилился. Капитан Турстан отдал команду, матросы развернули парус, рулевые налегли на весла, и «Акила» устремился в Сицилийский пролив.

Глава третья, которая рассказывает о том, при каких обстоятельствах принимаются порой крестоносные обеты

На борту нефа «Акила», Мессина – Родос.

1227 г. от Р.Х., понедельник после Светлой седмицы

– первая суббота мая (19 апреля – 1 мая)

«Акила» и «Фалько», а вместе с ними несколько кораблей, одновременно вышедших из Мессины, приближались к острову Корфу – главному перекрестку Средиземного моря. С недавних пор плавание у греческих берегов стало относительно безопасным – пять лет назад венецианцы отбили остров у греков, тем самым замкнув цепь удобных и хорошо защищенных портов, тянущуюся через Адриатику от города Лагун до отвоеванного у тех же греков Константинополя. Теперь залив Кассиопи, находящийся под охраной венецианского форта, служил местом сбора кораблей, идущих из Мессины, Венеции и Задара в Византию и Святую Землю.

За три дня, проведенных в пути, жизнь на борту снова вошла в привычную колею. Правда, новые соседи, тосканские арбалетчики, оказались не так устойчивы к качке, как отбывшие в Палермо парижские студиязусы. Что здесь сыграло роль – то ли brave воины-крестоносцы были не столь искушены в непростом искусстве винопития, то ли Ионическое море оказалось гораздо более беспокойным и волнистым, – трудно сказать. Но не прошло и суток, и они, все как один сраженные коварной морской болезнью, присоединились к крестьянам, монахам и горожанам и теперь валялись вповалку, даже не пытаясь сохранить остатки воинского достоинства.

Испытывая искреннее сочувствие ко всем попутчикам, Жак и Робер в ожидании, когда же наконец появится земля, прогуливались по палубе. Правда, был один человек, чьи страдания доставляли им плохо скрываемую радость, – подосланный сицилиец, к счастью для друзей, оказался человеком вполне сухопутным. Еще позавчера, едва марсельский неф выбрался из пролива на простор морской волны, этот то ли шпион, то ли убийца пронесся мимо Жака с выпученными глазами, крепко зажимая ладонями рот, свесился через борт и начал, содрогаясь, приносить жертву морским богам. В таком состоянии он находился почти все время, ему было явно не до исполнения возложенной миссии, и приятели сочли его совершенно безопасным. Во всяком случае, до длительной стоянки в спокойной, укрытой от ветра гавани. Справедливо рассудив, что если уж им дана отсрочка, то грех ею не воспользоваться, они проводили время в созерцании морских просторов, кормлении чаек и бакланов, а также в беседе, которая, как известно, скрашивает монотонные часы дальних путешествий порой даже лучше, чем бочонок доброго вина. Беседы эти в основном заключались в том, что Робер, как любой благородный сеньор, ведущий свою родословную еще с первых Меровингов, потчевал Жака историями и

легендами своего дома.

– Мой род получил сеньорию Мерлан как вассальное владение двести лет назад, от первого графа де Ретель, – важно встопорщив усы, вещал достославный рыцарь. – Тогда это был большой и очень богатый фьеф,^[9] который позволял моим предкам ставить под знамя и десять-пятнадцать конников, и не меньше полусотни пехоты.

Как утверждает родовое предание, Мерланы отличались не только одной лишь воинской доблестью, но также оказались и рачительными хозяевами. И как только арденнские графства смогли обезопасить своих крестьян от нескончаемых норманнских грабежей, мерланские фьефы стали приносить нешуточные доходы. Но это продолжалось недолго. Наши сюзерены быстро сообразили, что леса и поля сеньории Мерлан, будучи включенными в их родовой домен, принесут несоизмеримо больше, чем те три конных рыцаря и десять пехотинцев, которые должны нести вассальную службу по сорок дней в году согласно наследственной хартии, которую первый граф де Ретель, сир Манасье, выдал первому сеньору де Мерлану.

С завоеванием Иерусалима род де Ретелей возвысился. Старший сын тогдашнего графа Гуго, Балдуин де Борк, после призыва папы Урбана принял крест, отправился в Святую Землю, стал графом Эдессы, а затем был коронован под именем Балдуина Второго. Старый граф был с сыном не в ладах, родством не кичился и вассалов не прижимал. Но после его смерти сестра иерусалимского короля Балдуина с муженьком, шателеном Витри, который был ее моложе на одиннадцать лет, ощутили себя чуть ли не наследственными монархами и объявили Мерланам самую настоящую войну.

К счастью, а может, к несчастью для моих предков, земли Мерлан испокон веку граничат с владениями архиепископа Реймса – а это, как понимаешь, самый влиятельный в Иль-де-Франсе диоцез.^[10] В его кафедральном соборе еще со времен Меровингов и до наших дней коронуются все франкские короли. Вот мои предки и начали прибегать к защите церкви, отписывая понемногу в завещаниях из любви к Господу то лесок, то лужок, то поле. А в благодарность реймские архиепископы сдерживали аппетиты ненасытных арденнцев, которые, породнившись с влиятельным родом Витри, совсем обнаглели и не считались более ни с кем.

Правда, графы последующих поколений оказались намного хитрее. Не желая проливать кровь в усобицах и боясь подвергнуться интердикту за притеснения Мерланов, они начали прибирать к рукам наши земли, навязывая девицам де Мерлан в мужья своих младших сыновей. Короче, о чем тут говорить – к тому времени как я появился на свет пожалованная хартия превратилась в ничего не значащую бумажку, а мой отец был владельческим сеньором крошечного кольчужного фьефа, который состоял из торфяного болота, заливного луга, донжона с небольшой усадьбой да половины ветряной мельницы.

Кстати, вторую половину злосчастной мельницы еще мой дед пожаловал на свою голову ордену тамплиеров. Они в наших местах – что в Шампани, что в Арденнах – имеют несчетное число маноров,^[11] многим графам позавидовать впору...

– Я об этом знаю, – поддакнул Жак. – В аббатстве, где я обучался грамоте, был список хроник Арнульфа, патриарха Иерусалимского. Там говорится, что после Собора в Труа, когда был учрежден орден Храма, архиепископ Реймса оказал ему покровительство и сделал всех без исключения тамплиеров прихожанами своего кафедрального собора. Патриарх сокрушается, что все магистры ордена заносятся в поминальную книгу Реймса и не причащаются у прелатов Святой Земли...

– Не знаю, что там творится в поминальных книгах, и очень надеюсь в ближайшее время туда не попасть, – гнул свое Робер, – но живые храмовники, поверь уж мне на слово, что в Труа, что в Ретеле очень шустры.

Моя мать, младшая дочь графа Гуго де Ретеля, умерла при родах, и первые четыре года

жизни меня воспитывал отец. Едва посадив меня на коня, он во время знаменитого турнира в Арденнах в замке Экри вместе с другими нобилиями и рыцарями принял крест и отправился в Святую Землю, чтобы отвоевать у сарацин Гроб Господень. Я же остался на попечении графа Гуго. Там, в замке дяди, я был сначала пажом, затем оруженосцем.

За семь лет паломничества отец прислал всего три письма. В первом он рассказывал, как, прибыв в Венецию в войске Балдуина Фландрского, голодал на острове Лидо, ожидая, когда предводители похода договорятся о перевозке, а затем осаждал город Задар. Потом их войско решило помочь греческому царевичу Алексею избавиться от его дяди, который незаконно захватил власть в Константинополе. Второе письмо написано после того, как Константинополь был захвачен и граф Фландрии, Балдуин, избран новым императором. Там был длинный перечень того, что ему досталось по жребию после дележа добычи. В третьем письме отец рассказывал, что вскоре он возвратится домой с еще более богатыми трофеями.

Но вместо отца и трофеев в замок Ретель пришла весть о том, что император Балдуин в битве с болгарами при Адрианополе был разгромлен и то ли погиб, то ли попал в плен. Отец хвастался в последнем письме, что входил в его свиту, так что, по всей вероятности, он так или иначе разделит судьбу своего господина. Выждав положенные три года, по истечении которых человека, пропавшего без вести, объявляют покойным, дядя Гуго лично опоясал меня рыцарским поясом и принял от меня оммаж.^[12] С тех пор где я только не побывал...

– А как же ты, сир Робер, имея собственный фьеф, оказался среди паломников, да еще и без гроша в кармане? – искренне удивился Жак.

– Всею виной коварные тамплиеры, – прорычал, шевеля усами, рыцарь и кивнул в сторону носовой башни, где на стрелковой площадке как раз стояли два сержанта с восьмиконечными крестами на плащах и о чем-то оживленно переговаривались. – Прошлой осенью я вернулся с очередной войны в Мерлан с твердым намерением жениться и остаток жизни прожить в родном донжоне. Слава богу, деньжонок поднакопил. Я уже и крестьян своих научил себя уважать, а то отбились от рук без хозяйского сапога, и девицу вроде присмотрел, но тут все пошло кувырком.

Сразу после Рождества приезжают ко мне тамплиеры местной прецептории и вручают письмо, якобы присланное их эстафетой из Константинополя. Ну, позвал я нашего кюре, чтоб он мне, значит, зачитал, что там написано. А как услышал – чуть дара речи не лишился. По письму этому выходило так, что отец заключил с тамошними храмовниками незадолго до смерти соглашение, по которому мерланская усадьба, а также луг и торфяник переходят к ним в управление, взамен на владения где-то неподалеку от каких-то Афин. Владения, правда, если верить бумаге, преизрядные – три полных рыцарских фьефа, но мне-то что с того толку?

Вот, зачитал кюре письмо, я стою, воздух ртом хватаю, словно выуженная рыба, а они мне и говорят, мол, давай, сир, объявляй своим вилланам, что теперь мы будем с них оброк брать, а сам выметайся отсюда подобиру-поздорову.

Тут я, конечно, сразу в себя пришел. Завернул их так, что хваленые воины-монахи спасались от меня до самого своего Ассонса, где ихняя прецептория стоит, и так спешили, что чуть лошадей не загнали. Ну, успокоился я, с мельником посоветался и поехал в Ретель на графский суд. Да только тут незадача вышла. Дядюшка, граф Гуго де Ретель, аккурат за два дня до тамплиерского набега богу душу отдал. Это я потом уже понял, что письмо у тамплиеров давно лежало, а приехали они ко мне тогда, когда узнали, что преставился мой благодетель... Короче говоря, теперь в ретельском замке заправлял его сын, а стало быть, мой кузен, тоже Гуго. А нужно сказать, что этот Гуго с самого детства меня терпеть не мог. Вечно мы с ним за что-нибудь дрались – сперва за игрушки, потом за дворовых девок, после за фрейлин... Он, конечно, напрямую мне отказывать не стал – побоялся, барсучья душа, – а, сославшись на траур, завернул меня в Реймс. Тамплиеры, говорит, подчиняются только Его Святейшеству Папе, вот у

епископа и ищи на них управу.

Делать нечего, поехал я в Реймс. Обратился с жалобой, чин-чинарем. Архиепископ отца крестил, к нашей семье был благосклонен. Как узнал в чем дело – немедля учинил суд. Ох, нет страшнее крючкотворов, чем легисты этих храмовников. И ведь главное, Жак, все у них записано, все пропечатано, все бумажечки подшиты в книги. А уж про законы трепаться – хлебом их не корми. За два часа наговорили столько всякого, что у меня голова разболелась, словно булавой по макушке огрели. И пока я в себя приходил, суд вдруг решил, что я должен либо принять во владение эти вот греческие земли и не чинить тамплиерам препятствий, либо доставить в Реймс письменное подтверждение о смерти отца – так как договор он с тамплиерами заключил пожизненный. Какое там, говорю, подтверждение. Больше двадцати лет прошло, я уже сеньорию унаследовал давным-давно! Да все без толку. Ну а ежели епископский суд решил – тут уж ничего не попишешь.

Вот и остался я без торфяного болота, которое все эти годы в основном меня и кормило, а тут еще в Реймсе, дьявол разрази, на постоялом дворе зацепился с заезжими суконщиками. Сел в кости играть.

– Ну, дальше можешь не рассказывать, – улыбнулся Жак. – Твою невероятную везучесть мне уже пришлось наблюдать в деле.

– Сижу в Реймсе, в кошельке ни сантима, – продолжал Робер, – тамплиеры торопят, мол, давай скорее, выметайся из нашего дома, а в Реймсе и Труа на службу никто не берет. Тут приходит ко мне писец из кафедрального собора и предлагает от имени архиепископа помощь. Принимает меня его преосвященство у себя в кабинете, с глазу на глаз. Долго поет песни про то, каким доблестным крестоносцем был отец, какое это хорошее дело – Святую Землю спасти и прочее в том же духе. Я слушал-слушал – вижу, что, если старику волю дать, так облапошит он меня почище тамплиеров. Грохнул кулаком по столу, так что у него две чернильницы перевернулись, и вопрошаю, мол, прямо скажите, что ко мне за дело. Вот он и предложил мне, как и рыбку съесть, и на оглобле покататься. Я принимаю крест и еду сражаться в Святую Землю, а церковь берет под защиту мои владения и не передает их тамплиерам, пока не вернусь. А там, на Востоке, я сам все выясню и нужные грамоты про гибель родителя справлю. Половина доходов, пока я отсутствую, конечно, идет на богоугодные дела, но зато и деньги на дорогу обещали выдать. Что мне оставалось делать? Принял обет. Говорят, отслужишь сорок ден у какого-нибудь местного нобиля, поклонись Гробу Господню, получишь у Иерусалимского патриарха цедулу, что, мол, исполнил обет, заедешь в Константинополь – и возвращайся домой. Приедешь весь из себя крестоносец – тамплиеры к сеньории на арбалетный выстрел не подойдут.

– А что же владения, которые получил в Греции твой отец? – заинтересовался Жак. – Ты не собираешься их посетить? Может, они окажутся намного лучше, чем твой нынешний фьеф?

– Да как же мне туда попасть? – удивился Робер. – Где Иерусалим, а где Константинополь... Да и нельзя нарушать крестоносный обет – мигом отлучат от церкви и обдерут как липку. Мне архиепископ, когда самолично деньги из сундука с пожертвованиями на освобождение Святого града в соборе доставал, все как есть расписал, что будет, ежели я в Иерусалиме не побываю...

– А вот тут тебе сказали неправду, – покачал головой грамотный виллан, – еще Его Святейшество, Папа Иннокентий III, издал буллу, которая службу в Греции и Константинополе считает исполнением крестоносного обета. Так что ты можешь спокойно направляться туда, исполнять обет, а заодно и предъявить права на пожалованные земли.

– Выходит, что обманули меня попы? – Лицо Робера де Мерлана исказила ярость. – Ну что же, я им устрою, если вернусь! Так поплыли со мной из Корфу в Грецию, Жак! Ты, я смотрю,

человек ученый, вот и поможешь мне там все дела уладить...

– Нет, благородный рыцарь, – вздохнул Жак, – в отличие от тебя я должен посетить именно Иерусалим! Ибо, несмотря на то, что я простой крестьянин, меня заставила взять крест отнюдь не мирная тяжба.

Жак было набрал в легкие воздух, чтобы начать свой рассказ, но вдруг уставился куда-то через плечо Робера и широко раскрыл глаза. Пока рыцарь сетовал на судьбу, неф подошел к острову, обогнул покрытый деревьями мыс, и перед ними открылся залив Кассиопи.

– В-вот это да! – выдавил он восхищенно, указывая рукой куда-то вдаль.

Де Мерлан проследил за взглядом приятеля и вслед за ним, словно завороченный, замер с отвисшей челюстью.

* * *

Действительно, здесь было чему подивиться. Все водное пространство большого залива представляло собой самый настоящий лес, составленный из бесчисленных корабельных мачт. Трудно было сказать, сколько здесь точно собралось кораблей, но в том, что их здесь несколько сотен, не было ни малейших сомнений. «Акила» опустил парус и медленно, двигаясь по инерции, зашел на рейд.

Все, кто желал добраться до берегов Сирии и Леванта еще до праздника Вознесения Господня, по традиции собирались именно здесь, чтобы, организовав большие конвои, отправиться в рискованное путешествие по капризным и непредсказуемым водам Эгейского моря, опасным не только бесчисленными рифами, но и безжалостными пиратами. Каких только не было здесь кораблей!.. Длинные и узкие, словно стелющиеся над водой галеры – санданумы генуэзских корсар – стояли на якорях вперемежку с пузатыми пизанскими нефами. Многие из этих нефов были так велики, что пассажирам проплывающего мимо «Акилы», чтобы заглянуть к ним на палубу, приходилось задираť подбородки. Были здесь во множестве и корабли крестоносцев – венецианские юиссье, каждый из которых мог перевезти целую армию – пять сотен человек и двести лошадей, и грозные трапезундские дромоны с мощными таранами и двумя рядами весел, и полные грузов, предназначенных для сарацин, вместительные сицилийские тариды. Среди бесчисленных судов Робер разглядел и несколько коггов – стремительных северных кораблей, один из которых так легко обогнал их по пути в Мессину. А уж греческих, франкских и итальянских шеландр, занимающихся рыбной ловлей да перевозящих грузы между бесчисленными островами архипелага, на рейде было не меньше, чем листьев в лесу.

Капитан Турстан с огромным трудом отыскал свободное место и бросил якорь неподалеку от большой военно-транспортной галеры. Судя по вымпелам с красными крестами, раздвоенными на концах на манер ласточкиного хвоста, этот корабль принадлежал ордену госпитальеров. Не желая терять времени понапрасну, Турстан приказал спустить шлюпку и, оставив за себя мэтра Понше, отправился в порт, чтобы пополнить запасы пресной воды и вместе с капитаном «Фалько» определиться, с каким конвоем они пойдут дальше, на Родос.

Как только прекратилась качка, из кладовой выбрались две черные крысы. Тамплиерский овес определенно пошел им на пользу – в движениях грызунов уже не ощущалась та голодная стремительность, с которой они прорывались на неф в Марселлосе. Черная шерсть лоснилась на упитанных боках, а ребра просматривались с большим трудом. Попискивая и недовольно

шевелия носами, они покрутились, приняхиваясь к щелям в переборках, о чем-то посовещались, а затем, не теряя достоинства, припустили в отсек, где у рачительных рыцарей Храма хранилась лошадиная упряжь.

На палубе уже звучал до боли знакомый голос. Это пришедший в себя после вынужденного многодневного молчания Рыцарь Надежды сзывал паломников, приглашая занять места в прогулочной шеландре, чтобы «всего за четверть денье с человека насладиться красотами здешних мест, осмотреть недавно отстроенный венецианский форт и развалины храма Зевса. А кроме того, посетить деревенский базар, где купцы продадут по очень низким ценам местные товары, а лучшие танцовщики специально для дорогих гостей исполнят знаменитый греческий танец сиртаки».

– А не отправиться ли нам вместе с ними? – почесал в затылке Робер. – Надоел мне этот неф так, что хочется мечту мечом срубить...

– Похоже, подобные мысли появились не только у нас. – Жак толкнул приятеля локтем в бок и быстро увлек его в укрытие.

К Рыцарю Надежды, стоящему у веревочной лестницы, опущенной в шеландру, протягивая медную монету, подошел сицилиец. Судя по землистому цвету лица, он еще не пришел в себя, но тем не менее выказывал решительные намерения совершить развлекательную поездку. Перед тем как начать спуск по лестнице, он бросил внимательный взгляд на палубу и осторожно, словно проверяя сохранность, ощупал небольшой цилиндрический предмет, спрятанный под рубахой.

– Грамоту какую-то на берег везет, – процедил сквозь зубы Робер, – не иначе для своих, чтобы нас перехватили.

– Повезло же нам, сир, что ты с этим портшезом на берегу столкнулся, – прочувствованно произнес Жак, – иначе лежать бы мне на дне Сицилийского пролива еще три ночи назад...

Робер смущенно кивнул и отвернулся в сторону. Ему стыдно было признаться вновь приобретенному другу, что встреча на берегу была отнюдь не везением.

* * *

Дело в том, что еще на стоянке в Неаполе, а стало быть, за день до ночной стычки, произошло событие, которое настоятель часовни в Мерлане, преподобный отец Мишель из Горби, принимая у шевалье де Мерлана исповедь, определенно бы назвал судьбоносным.

Тогда Робер прогуливался по палубе, время от времени бросая косые взгляды на жирующую знать. Там, рядом с шатрами, вокруг которых метались лакеи, рассматривая живописные итальянские берега, стояла та самая загадочная дама. Ее укрывал неизменный шелковый платок. «Поглядеть бы на ее лицо», – вздохнул де Мерлан. Словно вняв его просьбе, неожиданно налетевший порыв ветра дунул в усы доблестного рыцаря, пронесся вперед, налетел на незнакомку, надул, словно парус, ее платок и, уносясь обратно в море, утащил с собой тонкое шелковое полотнище.

Оказалось, что все это время от посторонних глаз пряталась молодая женщина, в точности соответствующая образу Прекрасной Дамы из песен трубадуров. Златокудрая и голубоглазая, с длинными черными ресницами, оттеняющими белизну аристократической кожи, она тихо вскрикнула от неожиданности, надула чувственные алые губки и, оглянувшись по сторонам, быстро прикрылась широким рукавом. Ее взгляд, скользя по палубе, на какое-то мгновение

задержался на Робере. Сердце доблестного шевалье де Мерлана, которого еще ни одна женщина не сумела удержать больше чем на одну ночь, сначала ушло в пятки, затем вернулось обратно в то место, которое определил для него Господь Бог, как известно, сотворивший человека по своему образу и подобию, а потом заколотилось с удвоенной силой, словно сообщая всему миру, что с этого момента оно готово быть принесенным в дар таинственной незнакомке. Дама же, судя по всему, напротив, не нашла во всклоченном коротышке (которого, положив руку на сердце, принимал за простолудина не только мэтр Понше) ничего достойного своего драгоценного внимания. Мало того, она не почуяла в нем ни малейшей угрозы для своего инкогнито. Презрительно фыркнув, она кликнула одного из неизменных охранников, дабы тот принес из шатра другой платок, взамен похищенного судьбоносным ветром. Но пренебрежение, высказанное столь явно и неоднозначно, уже ничего не могло изменить – доблестный рыцарь влюбился с первого взгляда.

Стоит ли говорить, что с этого момента все его помыслы были заняты поиском возможности для знакомства. И в ту злосчастную ночь Робер поднялся наверх именно потому, что любовное томление, не находящее выхода ни в битвах, ни в попойках, разогнало сон и толкнуло прогуляться на воздухе. Рассчитывая на встречу, которая позволит – нет, не объясниться и не попытаться добиться взаимности, а хотя бы представиться и узнать, кто же она такая на самом деле, Робер неожиданно оказался свидетелем нападения на Жака и, не успев даже толком понять, что происходит, отправил на тот свет сразу двух слуг предмета своих воздыханий. Само собой разумеется, что после такого, с позволения сказать, представления ему вряд ли приходилось рассчитывать на ее благосклонность.

Но рыцарь, много раз в жизни попадавший в безвыходные ситуации, не привык отступать перед трудностями. Покинув неф в Мессине, Робер, выйдя из ворот порта, притаился за углом ближайшего дома, дождался, когда портшез, окруженный поредевшей охраной, появится в поле зрения, и, стараясь соблюдать все меры предосторожности, двинулся вслед за ним. Крадясь вдоль бесконечных заборов и изо всех сил стараясь, чтобы его не заметили, он вряд ли смог бы ответить, что им руководило в первую очередь – желание выяснить обстоятельства убийства или внезапно вспыхнувшая любовь...

На узких, извилистых улочках Мессины – этого не то норманнского, не то сарацинского города – остаться незамеченным оказалось совсем не сложно. Процессия, пробиваясь сквозь разноязыкую толпу, добралась до окраины города и скрылась за почерневшими от солнца глухими деревянными воротами. Подпрыгивая перед глухой стеной, Робер смог разглядеть лишь атриум да плоскую крышу роскошной виллы. Влюбленный рыцарь огляделся по сторонам, тихо припомнил Божью Матерь, твердо пообещав на ближайшей исповеди покаяться в том, по какому поводу ее упомянул, и протиснулся в узкий проход между двумя глинобитными заборами. Там де Мерлан обнаружил большой кипарис, растущий в нужном ему дворе, подпрыгнул, легко подтянулся на руках и заглянул вовнутрь.

На сей раз ему повезло. Кипарис стоял вплотную к большой открытой беседке, где предмет его обожания, стоя в большой медной чаше, при помощи двух служанок, которые держали в руках изящные узкогорлые кувшины, совершал омовение и одновременно беседовал с кем-то через натянутую поперек простыню.

Влюбленный рыцарь был ошеломлен увиденным. Находясь в мятущихся чувствах, он подрастерял обычное хладнокровие и, вместо того чтобы внимательно прислушаться к разговору, занялся сравнением обводов кувшинов и открывшихся его взору изящных форм – благо разоблаченная госпожа и нимфы-поливальщицы стояли к нему спиной. Но, вволю налюбовавшись на стройные, в меру худые ноги, крутые, изящные бедра, точеные лопатки и море тяжелых от воды золотистых волос, он с ужасом начал осознавать, что мирная беседа,

которую вела молодая женщина, касается его и Жака самым непосредственным образом. И речь при этом идет о вещах отнюдь не куртуазных.

– Вот письмо к мессире! – Незнакомка говорила по-франкски, но были в ее голосе какие-то непонятные – то ли германские, то ли нормандские – акценты и незнакомые слова. – Передашь его из рук в руки на Корфу, Родосе или в Акре – там, где встретишь. Отряд, который он возглавляет, отправился в Святую Землю из Венеции. Этих двоих, которых я тебе описала, попробуй убрать на борту. Один из них – рыжий – простой виллан, с ним проблем не будет. А вот второй – черноволосый, голубоглазый – явно благородный рыцарь. Разделался с моими gridnyamu, как со слепыми котятками. С ножом не лезь – он и тебя на тот свет спровадит. Попробуй отраву... И помни – если то, что успел произнести перед смертью посланник, станет достоянием шпионов римской курии – все пойдет насмарку. Перед тем как отправиться в порт, зайди к управляющему, он даст тебе триста солидов. Из Акры пришлешь письмо прямо в Палермо. Я буду ждать на вилле его преосвященства.

– Я все выполняю, как во велели, сеньора! – ответил из-за простыни незнакомый мужчина, чудовищно коверкая франкскую речь.

– Ступай же скорее в порт, «Акила» вскоре уйдет на Корфу!

Поливальщицы накинули на хозяйку большое ворсистое полотенце, укрыв ее от макушки до пят, и аудиенция, судя по всему, завершилась. Робер пришел в себя, тихо сквозь зубы ругнулся, прыгнул со стены и затаился за углом. Вскоре калитка в воротах тихо отворилась, и оттуда появился тот самый сицилиец. Робер де Мерлан прислонился к шершавой стене и долго стоял, положив руку на рукоятку меча и переводя взгляд с ворот виллы на улицу, по которой ушел подосланный убийца. Затем влюбленный рыцарь принял очень и очень непростое решение. Он оторвался от стены, подбросил в воздух кошель с двумя с половиной ливрами, кинул прощальный взгляд на атриум и припустил в сторону порта, чтобы успеть к отплытию.

* * *

– Ну, что делать будем? – спросил Жак, прерывая мысли достославного рыцаря. – Может, тоже отправимся окрестности осматривать да поглядим, кому он письмо передаст? Денье для оплаты я найду...

– А толку с того? – тряхнув головой, словно освобождаясь от надоедливых воспоминаний, ответил Робер. – На шеландре мы от него не спрячемся – увидит и затаится или, хуже того, поймет, что мы за ним следим. Так что придется нам пока оставаться на корабле.

– А я знаю, что можно сделать, пока его нет на нефе! – Лицо Жака прояснилось, словно он только что получил полное отпущение грехов, после чего вольный виллан нахмурился и надолго замолчал.

– Ну говори, не тяни! – Де Мерлан хлопнул приятеля ладонью по спине, так, что тот едва удержался на ногах.

– Настоятель монастыря, где меня грамоте обучали, преподобный отец Браун, – затараторил Жак, словно его прорвало, – ежели в графстве беззаконие совершалось – ну, убили кого или свинью украли, – так он всегда приставу советы давал, где злодея искать. И столь в этом деле был искусен, что не было ни одного преступления, которого бы он не распутал. Вот как-то раз, после очередного удачного расследования, он мне и рассказал, в чем секрет его проницательности. «В любом деле, Жак, – сказал он мне, готовясь отойти ко сну, – всегда

найдется человек, который что-либо видел, что-либо слышал. Нужно только его найти и поговорить по душам».

– Ну, так кроме нас с тобой, поди, никто ничего и не видел, – почесав затылок, ответил Робер, – где же мы такого человечка возьмем?

– Очень просто. – Жак, словно гончая, взявшая след, наклонил голову вперед и засвистел обеими ноздрями. – Очевидцев, конечно, нет, но ведь убитый, дама эта и ее прислужники не божьей волей на «Акилу» попали. А стало быть, капитан и его помощник знают, кто они такие.

Друзья, не сговариваясь, обратили взоры на мостик, с которого доносился знакомый голос, и двинули в сторону кормовой башни.

Робер молча отодвинул вахтенного матроса, который робко пытался перегородить им вход на лестницу, и потопал вверх. Узкие ступеньки крутой деревянной лестницы жалобно скрипели и прогибались – несмотря на малый рост, рыцарь был изрядно тяжел. «С кабанчика-двухлетка», – стараясь не отставать, подумал Жак.

Мэтр Понше, оставленный капитаном за старшего, проникся собственной значимостью и распекал всю давешнего офицера-савояра:

– Сколько раз тебе можно говорить, Гуго, что ты должен сам проверять запас стрел и болтов на носовой башне. Сам! Ежедневно! Ни в коем случае не доверяя этого матросам! Мы входим в Эгейское море и должны быть готовы в любой момент к стычке с пиратами.

Савояр стоял по стойке «смирно», низко опустив голову, и всем своим видом выражал глубочайшее раскаяние, как умеют это делать самые ленивые и нерадивые исполнители. При виде приближающихся приятелей Понше произвольным движением прикрыл ладонью только недавно пришедшее в себя ухо и отпустил подчиненного:

– Ладно, ступай! Пересчитай еще раз весь боезапас. Вернешься – доложишь!

Савояр, не ожидая особого приглашения, немедленно испарился, а Понше обратился к Жаку и Робера взор, преисполненный неподдельной доброжелательности:

– Что угодно уважаемым господам?

– Уважаемым господам, – произнес Робер, многозначительно почесывая правый кулак, – угодно узнать, кто таков путник, из благородных, с темными глазами, в черном платье и камзоле с золотым и серебряным шитьем.

Подкрепляя слова приятеля, Жак вытянул из кошелька новенькую серебряную марку и помахал ею перед носом временно исполняющего обязанности капитана.

– Был такой, – косясь с тревогой на кулак Робера, ответил мэтр Понше, – мэтр Базиль из Реймса. Только я его толком и не видел. Он прибыл ночью, до моего возвращения на борт, без слуг, занял отдельную каюту в носовом трюме и сидел там тише воды ниже травы – даже носа не высовывал, словно опасался кого. Один матрос носил ему еду да забирал ночную вазу. Он этому матросу какое-то особое слово сказал, секретное, и только на это слово ему дверь открывал. В Мессине вроде сошел на берег – мне там не до того было, чтобы пассажиров пересчитывать. Освободил каюту – и дело с концом.

– Понятно, – задумчиво протянул Жак, передавая помощнику капитана марку и снова запуская руку в свой кошель. – А вот дама с охраной, которая тоже в Мессине сошла, – это кто такая? Мы тут с благородным рыцарем поспорили...

– Хотел бы и я об этом знать, – тяжело вздохнул Понше, не отрывая глаз от монеты. – По портовым бумагам зовут ее госпожа Витториа, следующая с имперской подорожной. Прибыла из Кельна. Более ничего не ведаю. Они портшез с собой пригрузили, а он не был оплачен. Я рассказал капитану, мол, портшеза в судовой сказке нет, а он вздохнул тяжело так, поглядел на меня и говорит: «Не нашего это ума дело, Понше. Пусть они своими семью денье подавятся, только более этих господ не трогай и вопросов не задавай». Так что тут я ничем помочь не могу.

– А где этот матрос, уважаемый, и как его зовут? – продолжил Жак «разговор по душам», одновременно пресекая попытку собеседника завладеть второй монетой.

– Это Севрен, – ответил Понше и обиженно надулся, – только его сейчас нет на борту. Он отпросился на берег, видно, по женщинам изголодался, вот и отправился на постоянный двор, чтобы какую-нибудь гречанку за пару су на сене повалить. – В голосе уважаемого мэтра явственно ощущалась плохо скрываемая зависть.

– А нельзя ли, уважаемый, его каюту оглядеть без особой огласки? – Жак пихнул под бок Робера, чтобы тот молчал и не встревал. – Тут вот сир де Мерлан вспомнил, что очень он похож на его старого приятеля, вот и хочет поглядеть, может, упоминание какое осталось... И вот еще что... – В ладонь помощника капитана переключевала третья монета. – О наших расспросах и особенно о том, что мы посетили эту каюту, – никому ни слова!

– Каюта пока не занята, – пожал плечами Понше, пробуя монету на зуб. – Можете, конечно, заглянуть. В носовом трюме, вторая дверь налево. Если кто остановит, то скажете, что я разрешил. Мол, благородный господин узнал, что отдельная каюта свободна, и пожелал ее осмотреть. А я в портовых хлопотах об этом успешно забыл и капитану ничего не сказал...

Собеседники разошлись, вполне довольные друг другом.

Низкая полукруглая дверь, ведущая в каморку убитого, которую лишь с большой натяжкой можно было называть каютой, была приоткрыта. Де Мерлан оглянулся по сторонам и осторожно заглянул внутрь.

– Вроде никого, – задумчиво пробормотал рыцарь. – Ты вот что, Жак! Стой снаружи и сторожи. Ежели кто мимо пройдет, то начинай под нос себе напевать.

– И что же мне петь? – изумился Жак.

– Что хочешь, но уж, наверное, не боевой германский гимн «Императору слава!». – С этими словами рыцарь тенью скользнул внутрь и исчез за дверью.

* * *

Робер уже почти завершил работу, как вдруг из коридора раздался дрожащий фальшивый голос: «Императору Фридриху слава!» Кто-то, не так перепуганно, но еще более фальшиво затянул в ответ: «Пусть цветет, богатеет держава...» Де Мерлан высунулся наружу и застыл, наблюдая за тем, как Жак и Гуго, офицер-савояр, вытянувшись в струнку, отчаянно корежа мелодию и по очереди путая слова, исполняют хорошо знакомый гимн, которым обычно открывались в землях империи рыцарские турниры. Дуэт, словно старая сломанная телега, влекомая тощей клячей по разбитой дороге, одолев первый куплет, уже переходил к припеву, как рыцарь, вволю наслушавшись, пресек глумление над любимой боевой песней.

– И что себе этот Понше думает! – заревел он, встопорщив усы и выпучив посильнее глаза.

– Что случилось, сир? – деланно удивился Жак.

– Да ничего особенного! – продолжал «капризничать» Робер. – И за эту вот конуру, в которую даже моя легава не полезет, он хочет содрать шесть ливров? Да на соломе в общем трюме и то вольготнее, чем в этом клоповнике. Пошли отсюда, виллан!

Приятели покинули трюм, оставив савояра в полном замешательстве.

– Ну как, удалось что-нибудь обнаружить? – спросил Жак, сгорая от любопытства, едва они скрылись от посторонних глаз.

– А то! – гордо ответил Робер. – Мне ли не знать, куда путники и маркитанты на постоянных

дворах на войне ценности прячут...

Он разжал кулак. На ладони лежала половинка незнакомой золотой монеты, разрубленная чем-то очень острым, так что ее края не смялись. На монете различалось изображение воина в лохматой шапке, сидящего на коне, и надпись незнакомой, скорее всего сарацинской, вязью. Глаза у воина были необычно узкими, словно он глядел на мир со строгим державным прищуром.

– Он в щель меж досок у лежанки засунул, когда убийцы пришли, – пояснил Робер. – Я так думаю, они матроса подкупили либо запугали и пароль у него выведали. Этот их впустил, ну они его и порешили.

– Раз уж этот человек...

«...посланник», – добавил про себя Робер.

– ...так тщательно ее прятал, – озабоченно выговорил Жак, – стало быть, в этой половинке большая ценность. Спрячь-ка ты ее, сир рыцарь, понадежнее. Мало ли, как дела дальше повернутся.

Де Мерлан отвинтил набалдашник на рукоятке меча, обнаружив небольшой тайник, достал оттуда тряпицу, в которую была завернутая почерневшая от времени щепка, и, присоединив к ней находку, привел меч в первоначальное состояние.

– Ну, вот тебе и очевидец нашелся, – пробурчал он довольным голосом. – Сегодня же, как стемнеет, прислоним его в тихом месте к теплой стенке и вдумчиво, по душам поговорим. Он-то нам расскажет, кому пароль продал.

Поднявшись на палубу, они наткнулись на кучку только что возвратившихся из увольнения матросов.

– Господин Понше, господин капитан! – кричали они наперебой, задирая головы к верхушке кормовой башни. – Нашего Севрена в трактире «У Геллины» в пьяной драке насмерть зарезали!

– Как «зарезали»? – Понше свесился через ограждение и начал перекрикиваться с матросами через головы пассажиров. – И что его понесло в эту дыру? Там же отборная шваль собирается.

– Да сами не знаем, как он там оказался. Мы-то всей толпой отдохнули на берегу немного и двинули к «Двум сиренам»; только начали там гулять, как прибегает служба из «Геллины» и кричит: «Марсельцы с „Акилы"! Там вашего товарища бьют!» Мы, конечно, немедленно сорвались всей толпой и бегом туда. Да пока на гору забрались, было уже поздно. Лежит наш Севрен на лавке, глаза закатил, уже не дышит, а в боку у него колотая рана...

Хозяин рассказал, будто пришел Севрен один, стал расспрашивать, мол, тут ждет его кто-то. Да только не дождался, стал вино пить. Тут к нему Мелисса – это у них самая видная девка – и подсела. Едва он с ней сговорился и стал на чердак подниматься, как тут откуда ни возьмись – десяток сицилийских рыбаков. «Наша, – орут, – девка будет!» Ну, Севрен – тот уже разохотился, немедленно на них с кулаками и полез. Началась как есть потасовка. За Севрена генуэзцы вступились, за сицилийцев – какие-то мавры. Переколотили всю таверну, словно стадо диких кабанов. Тут венецианская стража подросла. Генуэзцы и сицилийцы ломанули в дверь и были таковы. Только Севрен остался на полу лежать. Видно, его в свалке кто-то исподтишка ножом пырнул. Что с телом-то делать, капитан? Мы его с собой привезли и в шлюпке оставили.

Пока друзья осмысливали произошедшее, к борту пришвартовалась шеландра с весело гомонящими паломниками, и любители достопримечательностей начали взбираться по лестнице наверх. Одной из первых над бортом показалась голова сицилийца. Он забрался на палубу и стрельнул глазами по сторонам. Теперь в его неприятном мышинном взгляде появился новый жестокий блеск.

– Его работа, точно тебе говорю, – прошептал Робер. – Ох и плохи наши дела, приятель.

* * *

Все время до отплытия друзья, спрятавшись за арбалетчиками и заняв оборону, почти безвылазно просидели в трюме, ожидая нападения. Но коварный сицилиец был, вероятно, столь же предусмотрителен, сколь и жесток. Ограничившись устранением одного из трех нежелательных свидетелей, он затаился и больше не попадался на глаза.

«Акила» примкнул к большому венецианскому конвою и двигался вместе с «Фалько» вдоль внешней цепи островов Греческого архипелага, делая время от времени короткие остановки в удобных, хорошо охраняемых бухтах для того, чтобы пополнить запасы пресной воды да переждать непогоду.

Новые путники в Кассиопи па «Акиле» не объявились, и на четвертый день пути друзья почувствовали себя настолько уверенно, что даже стали – правда, не упуская друг друга из виду, – прогуливаться по палубе, любуясь красотами Древней Эллады.

– Слушай, – после долгих и мучительных раздумий произнес Робер, – а не кажется ли тебе, мой храбрый друг, что лучшим видом защиты всегда и во все времена является добрая копейная атака сомкнутым строем? Это я к тому, что не лучше ли нам, чем ждать нападения от заката до рассвета, самими пощекотать ребра этому прохвосту?

– И как ты себе это представляешь, сир рыцарь? – немного подумав, спросил Жак. – Подловить без свидетелей? Не выйдет. Он все время настороже. А на людях... Нельзя же так вот просто подойти и снести голову, без всяких на то оснований. Кабацкую драку нам тоже вряд ли удастся так ловко организовать...

– Если вы, вилланы, такие умные, то почему строем не ходите? – ухмыльнулся Робер. – Старый граф Гуго де Ретель мне как своему оруженосцу частенько говорил: «Запомни, Робер, быть тебе военачальником, если усвоишь простую истину: хорошо изучив рыцарские статуты, можно, при желании, вызвать на поединок даже верстовой столб»; Так что сейчас пойдем разыщем его на носу. Когда будем проходить мимо, ты меня толкнешь прямо на него и быстренько отойдешь в сторону. А потом внимательно следи, куда голова покатится, чтобы не оплошать, как той ночью. Выкуп за убитого простолюдина, я надеюсь, мы сможем заплатить?

При словах о покотившейся голове Жак заметно побледнел и, дернув острым кадыком, нервно сглотнул слюну. Однако, быстро справившись с собой, мужественно кивнул и заспешил вслед за рыцарем, высматривая через его плечо не догадывающегося о своей незавидной участи убийцу.

Они нашли сицилийца очень быстро. Гораздо быстрее, чем рассчитывали. Точнее, даже не нашли, а просто наткнулись по дороге. У Жака сразу отлегло от сердца. Насколько этот человек был ловок и опасен на суше, настолько он оказался беспомощен и уязвим на борту «Акилы». Убийца чуть не до пояса свесился за борт и, время от времени судорожно сотрясаясь, из последних сил сдерживался, чтобы не исторгнуть свой пустой измученный желудок в прозрачные воды Ионического моря к вящей радости сопровождающих неф дельфинов.

– Слушай, – прошептал раздухарившийся при виде беспомощного противника виллан, – а может, давай, пока никто не видит, за ноги его – и к медузам!

– Ну уж нет! – возмутился Робер. – Одно дело, когда враг защищается с оружием в руках, пусть даже с перочинным ножиком, которым он зарезал в толпе этого продажного и

похотливого матроса. А совсем другое – нападать на беззащитного, да еще со спины.

– Жалко, конечно! – вздохнул Жак с некоторым облегчением. Похоже, что перспектива спровадить несчастного страдальца на корм рыбам радовала его не многим больше, чем необходимость гоняться по палубе за отрубленной головой.

– Я так думаю, – рассудительно произнес де Мерлан, – что в ближайшие дни он нам не опасен. А поэтому нужно прикинуть, где нам лучше всего устроиться, чтобы держать его все время на виду.

– Может, купим место в шатре? – бесхитростно предложил Жак. – Мне его, конечно, не продадут, но вот благородный рыцарь в сопровождении своего...

– ...оруженосца – подсказал Робер, которому почему-то очень не хотелось называть нового приятеля слугой.

– ...оруженосца, – обрадованно повторил Жак, – это другое дело. Деньги-то, в общем, небольшие. Я бы и в Марселлосе с удовольствием там обосновался, да только мест свободных не было.

– Слушай, приятель, – подозрительно спросил Робер, – а ты точно виллан? Деньгами соришь так, что старый Гуго де Ретель мог бы позавидовать. А уж он-то был одним из самых щедрых нобилей среди тех, с кем я в жизни встречался.

– Не переживай, сир рыцарь, – расплылся в улыбке Жак. – Все верно, я самый настоящий виллан. Пойдем лучше к мэтру Понше и попробуем все уладить как можно скорее.

Как выяснилось, свободные места на корабле имелись, и Понше готов был предоставить их благородному господину и уважаемому мэтру со значительной скидкой. Так что благодаря весьма подозрительной состоятельности и не менее подозрительной щедрости Жака из Монтелье весь оставшийся путь до третьего главного порта на паломническом маршруте – Родоса – они провели в отдельном шатре, в обществе богатых бургеров, негоциантов, нескольких аристократов и даже одного епископа, окруженные бдительной охраной и предупредительными слугами. Любимым развлечением для сира благородного рыцаря и его достославного оруженосца стало наблюдение за сицилийцем, который ежеутренне поднимался на палубу, чтобы подставить лицо прохладному морскому бризу, а по вечерам, перебирая руками по стеночке, со стонами и тяжелыми вздохами возвращался обратно в свою каморку.

После разгрома франками Византийской империи островом Родос, провозгласив независимость онога, правил кесарь Лев Гавала. Будучи человеком весьма и весьма неглупым, родосский правитель понимал, что выгодное положение его владений делает их очень привлекательными для завоевателей. Он не стал желать невозможного и заключил торговый договор с Венецией, предоставив в ее полное распоряжение главный свой порт. Таким образом хитрый грек, поступившись частью своих доходов, обеспечил надежную защиту от всех, кто мог покуситься на территориальный суверенитет молодого государства. В первую очередь – от Никейского императора Ласкариса и не в последнюю – от Румского, или, как его еще называют, Конийского султаната.

Венецианцы поступили так, как обычно. Учредив факторию и поставив гарнизон, они сначала навели в порту железный порядок, сделав стоянку кораблей удобной и безопасной, а затем настолько взвинтили все цены, что капитан «Акилы», мэтр Турстан, дабы избежать неоправданных расходов, предусмотрительно бросил якорь на внешнем рейде. Призывы Рыцаря Надежды «Посетить развалины знаменитого чуда света – языческого Колосса» теперь включали фразу «Всего за три денье», и многие путники, заслышав, во что им обойдется осмотр местных достопримечательностей, лишь отрицательно качали головой. Сицилиец, хоть и пришел в себя, покинуть неф отказался, носу не казал из своей каюты и Роберу с Жаком не докучал.

Здесь, на Родосе, конвои разделялись. Меньшая часть кораблей направлялась на север, в

сторону Мраморного моря, до Константинополя и дальше, в Кафу, Скифию и Колхиду, а основная масса продолжала путь на Восток – на Кипр и Левант.

– Мэтр Понше сказал, что завтра уходит конвой в Константинополь, – произнес Робер, когда они, сидя в шатре с откинутым пологом, завтракали, одновременно наслаждаясь ставшим за время плавания привычным видом на порт, полный кораблей.

– Значит, и мы на днях отправимся в Сирию, – кивнул Жак, одновременно отдавая должное великолепно прожаренной треске. – Слава богу, еще каких-то десять-двенадцать дней, и доберемся до Акры!

– Слушай, Жак! – пробубнил Робер, уткнувшись в тарелку с греческим салатом. – А может, все-таки найдем место у венецианцев да рванем в Константинополь? Нет, тебя я с этим извергом одного не оставляю, не бойся. Но три рыцарских фьефа...

– Да не могу я никак, сир рыцарь! – словно извиняясь, ответил Жак. – Мне к Рождеству нужно кровь из носу домой вернуться и при этом всенепременно помолиться у Святого Гроба. Я ведь как паломником стал? Впрочем, тут, чтобы было понятно, в чем дело, нужно рассказывать обо всем с самого начала.

Мой родной Монтелье расположен в полутора днях пути от Дижона, почти на самой границе Нижней Бургундии и Прованса. Ферма, которую построил отец, находится в самом предгорье. Чьи это земли – трудно понять. Вроде бы мы находимся под рукой германского императора, который носит титул бургундского короля. Но императорские бальи далеко, где-то там, за альпийскими перевалами, а у нас всем распоряжаются вьеннские архиепископы. Есть еще вьеннские графы. Они окопались в Гренобле и воюют с архиепископом Вьенна и епископом Гренобля за каждый акр земли.

Отец был сервом графов Шалона, но еще в возрасте четырнадцати лет сбежал из дому в Лион, батрачил там на водяной мельнице полтора года и по закону «городской воздух делает свободным через один год и один день» стал вольным человеком. Еще пять лет он проработал управляющим на виноградниках, а когда овладел всеми тонкостями этого непростого дела, отправился в окрестности Дижона, разыскал у подножия Альп богом забытую расчистку и заложил там первую лозу.

Пока он корчевал обгорелые пни и ютился в землянке, никому до нас дела не было. Но как только начали собирать урожай да красное бургундское вино возить на ярмарку – сразу же откуда ни возьмись объявился граф. Земля, говорит, моя! Будет здесь теперь рыцарский фьеф. Оно понятно: кто же из благородных будет деньги тратить да целину поднимать – всем подавай сразу же доходные маноры!

Рыцарь, которому он подарить нас обещал, уже приезжал пару раз, указал, на каком холме будет ставить донжон, и даже договорился с владельцем ближайшей каменоломни, чтобы тот в счет доходов от продажи нашего вина доставил туда потребное количество строительного камня.

А нужно сказать, что император Фридрих земли наши не забывал, и раз в полгода – на Пятидесятницу и Рождество – в Дижон из савойских земель приезжал бальи, который собирал налоги, вербовал рыцарей в имперскую армию и чинил суд.

Вот мой батюшка – смелый человек, с графским произволом не смирился и в один прекрасный день в Монтелье после слов: «Нет ли жалоб каких у бургеров и пейзан?» – смело шагнул вперед и объявил, что его, вольного лонского бургера, притесняет граф Вьеннский, Колиньи-ле-Неф.

Тут же и сам граф объявился. «Какой ты, – говорит, – вольный бургер, раз на моей земле сидишь? Самый что ни на есть оброчный виллан!»

Бальи и отвечает: «А покажите-ка пожалованную грамоту на эти земли, ваша светлость!»

Граф покраснел, потом побледнел, потом позеленел. В общем, вышло так, что ни у графа, ни у епископа никаких нрав на этот клин не нашлось. Вот бальи и постановил, что отец может на этой земле работать невозбранно, только должен платить самую легкую, подушную подать в имперскую казну. Старому графу с Фридрихом ссориться было не с руки – если бы не поддержка императора, то съели бы его епископы и не подавились. Вот он решение-то выполнил, но злобу затаил. Еще бы – земли наши искони крестьянские, живут тут в основном безропотные серпы, и чтобы благородного сеньора опростать – отродясь такого не было.

А батюшка не остановился на достигнутом. Завез три бочонка лучшего вина дижонскому нотариусу и точно определил, какие еще земли в жалованных грамотах не прописаны. Вот он за последующие четыре года под пятьсот акров лучшей лозы и заложил, батраков на заимку созвал да еще две дубовые рощи под выпас наших свинок прихватил. Каждые полгода он исправно выплачивал подушные, привозил вина в подарок бальи да лучшие, выдержанные сорта передавал подношением к императорскому столу. Граф зубами скрипел, да сделать ничего не мог и ждал своего часа. Не дождался, помер, но сыну своему, Гуго Второму, завещал отомстить за позор.

Гуго этот, тоже из Колиньи-ле-Нефов, оказался похитрее покойника. Он нанял парижского юриста, и тот откопал одну хартию, существующую еще со времен Каролингов...

Доходы от нашего хозяйства, ты уж извини, сир Робер, последние десять лет были почище, чем у многих франкских баронов. Жили мы почти как знатные господа, хоть и работы не гнушались. Отец наш оказался человеком предусмотрительным. Чтобы дело вести не хуже флорентийских и пьемонтских негоциантов, он меня, двух братьев и трех сестер в аббатство отдал, грамоте учить, а еще нанял ломбардского еврея, чтобы тот натаскивал нас по денежному счету.

А этой злополучной зимой, сразу после Рождества, сыграл я свадьбу. Несколько лет назад батюшка сговорился со своим старинным приятелем, лионским ткачом, чтобы поженить меня с его дочкой; вот дождались, когда ей четырнадцать лет исполнится, и обвенчались. Зофи я знал уже давно и очень любил. Каждый год, приезжая на ярмарку в Лион, мы останавливались у них в доме, и все это время я проводил вдвоем с девушкой... Вот, аккурат после венчания возвращаемся мы из церкви в родной хутор. Батраки да соседи нас встречают, сыплют крашеное зерно, музыкантов из самого Лангедока отец позвал, стол от яств ломится, мягкая перина в лесном домике ждет. И тут как гром среди ясного неба – пыль на дороге.

Приближаются к нам пятеро всадников. Рыцарь – тот самый, что чуть не стал нашим сеньором, а с ним графский сенешаль и три сержанта. Тут сенешаль и говорит, что, мол, по хартии, пожалованной графам Вьеннским еще самим Карлом Великим, кроме разрешения невозбранно пускать ветры и срыгивать в присутствии короля, им дается право первой ночи над всеми неблагородными, что заселяют эти места, от Роны до Альп. «Так что, – говорит, – право это в наших землях его светлость, граф Вьеннский Гуго Второй Колиньи-ле-Неф, передал в пожизненное пользование своему кузену. Сейчас, – говорит, – чтоб другим неповадно было, он намерен этим правом воспользоваться так, как приличествует благородному сеньору, а впредь остальные будут платить отступного». И ручищами своими, наклонившись в седле, прямо к моей Зофи тянется, чтобы, значит, ее перед собой усадить или, того пуще, через коня перекинуть. Жена моя – да какая жена, девчонка – сразу в крик. Все, кто этот разбой видел, притихли. Ждали, видно, что мы с отцом на колени падём да умолять его будем. Что тут со мной случилось – до сих пор не пойму. Да только вытянул я кол из ближайшей изгороди, огрел супостата по макушке (шлем у него был приторочен к седлу), да так, что он рухнул на землю словно сноп, и как закричу: «Бей разбойников!» Тут все наши батраки, да и прочие, кто на свадьбу приехал, как схватят все что под руку попало и давай охаживать графских посланников.

Они было сбежать хотели, так мы им дорогу перегородили, загнали на свиной выгон, с коней стащили и били, пока те кричать не перестали. Только один сержант и смог уйти. Опомнились мы – смотрим, а все четверо уже дух испустили.

– Ну и рыцари в вашем Дижоне, – презрительно покачал головой Робер, – трусы и бездельники. Я бы и один сотню разъяренных вилланов легко обратил в бегство. Были у меня такие же умники в Мерлане – оброк платить не хотели, а когда я приехал порядок наводить – тоже с оглоблями полезли. Так я одного на копье насадил, второго пополам разрубил, а остальных загнал по уши в родное торфяное болото и держал там до тех пор, пока они не повинились и не выплатили все, что причитается.

– Ох, лучше бы тогда на их месте были вы, сир, – тяжело вздохнул Жак, – потому что через три дня прибыл к нам граф Гуго со всем своим войском и отца прямо на воротах приказал повесить. Все наши работники, а вместе с ними братья и сестры попрятались в лесу, а я едва успел добраться с женой до Вьенна, чтобы попросить в церкви убежища.

Архиепископ хорошо знал моего отца (не зря ему отсылали вино на Пасху) и очень не любил молодого графа. Вот он и наложил на меня епитимью крестоносным обетом, с обязательным молебном у Гроба Господня и в Вифлееме. Граф потребовал за неподчинение и за убийство двух благородных моей головы, да сделать ничего не смог, потому что, взяв крест, я оказался под защитой церкви.

Вот собрался я, оставил жену послушницей у августинок да отправился в Марселлос. И теперь, если не сумею возвратиться к Рождеству, искупив грех кровопролития, то по местным законам наши земли заберет себе граф. Так что, сам понимаешь, выхода у меня другого нет...

– Ну что же, в Акру так в Акру, – вздохнул Робер, – я все равно первым делом туда и собирался. А фьефы столько лет меня ждали, что, я думаю, еще подождут...

Глава четвертая, которая отчасти отвечает на вопрос: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?»

*На борту нефа «Акила», Родос – Акра,
1227 г. от Р.Х., второе воскресенье мая – вторник,
канун Вознесения Господня (9 мая– 18 мая)*

Ранним утром Жак первым покинул шатер – за ужином он слегка злоупотребил легким ломбардским сидром и теперь, под сочувственным взглядом вахтенного матроса, неся в галюн. Облегчив душу, он наконец проснулся и, оглядевшись по сторонам, понял, что ставших уже привычными очертаний родосского форта в поле зрения не наблюдается. Повертев головой, Жак увидел, что «Акила» поднял парус и в окружении нескольких десятков кораблей движется навстречу солнцу. Просияв, «оруженосец» кинулся со всех ног будить благородного рыцаря, чтобы сообщить ему о том, что конвой уже вышел в море и они на пути к долгожданной Святой Земле. Более всего состоятельного, но не очень воинственного виллана радовало то, что теперь до самого Кипра им не нужно будет опасаться нападения со стороны сицилийца, страдающего морской болезнью.

Но, к разочарованию приятелей, водная гладь, от края до края, была ровной, «словно родное болото в Мерлане» – как выразился Робер. Качка не ощущалась вовсе, попутный ветер наполнял парус, и неф, рассекая воду, весело бежал вперед.

– Что там думает венецианский адмирал? – спросил мэтр Понше у капитана. – При такой

погоде не грех и пойти южнее, чтобы сразу попасть на Кипр, а не тащиться до самого мыса вдоль сарацинских земель.

– Так-то, конечно, так, – отвечал мэтр Турстан, – можно, конечно, и напрямик. А можно и вдоль Атталийского залива – с такой охраной, как у нас, сарацины и носа не высунут из своих деревень. Только не нравятся мне две вещи. Во-первых, в море нет ни чаек, ни дельфинов. А еще – вот это облачко...

Понше посмотрел в направлении, указанном капитаном, и увидел, что со стороны берега, догоняя конвой, движется маленькая темная тучка. Помощник капитана пожал плечами. Первая ласточка, как известно, весны не делает.

– Шторма в это время здесь большая редкость, – продолжал Турстан, – но если уж поднимется буря, то страшнее и придумать нельзя. Кипрские моряки мне много чего рассказывали. Знаешь что, Понше, а спустись-ка ты вниз и предупреди палубных пассажиров, чтобы они по первой же команде готовы были спрятаться в трюме. Не нравится мне все это...

Предчувствие не обмануло старого капитана. Не успело солнце пройти и половину пути к зениту, как вслед за первой тучкой появилась вторая, затем третья, и вскоре все небо – от горизонта до горизонта – затянули плотные слоистые облака. Они становились все плотнее и наползали на солнце, вначале превратив его в белесый луноподобный диск, а затем и вовсе укрыв от глаз встревоженных наблюдателей. Одновременно с появлением грозowych туч ветерок, до этого легкий и попутный, начал крепчать и вскоре изменил направление. Теперь он дул с северо-запада, поднимая пока еще небольшие, но непривычно крутые волны. Эти волны начали бить в скулу «Акилы» с какой-то непонятной азартной злостью, словно проверяя марсельский неф на прочность.

В преддверии шторма конвой начал рассыпаться. Несколько галер налегли на весла и пошли в сторону берега, почти не различимого в преждевремененно сгустившихся сумерках. Венецианские юиссье, напротив, подняли паруса и стали уходить в открытое море. Вероятно, их адмирал, рассчитывая, что большие суда справятся с надвигающейся бурей, решил отойти подальше, чтобы не разбить свои корабли о прибрежные скалы.

Ветер усилился, снова сменил направление и теперь дул с юго-востока, принося откуда-то со стороны Кипра очень низкие темно-фиолетовые тучи. Волны увеличились и стали образовывать пенные буруны, так что вся поверхность моря теперь напоминала огромное черное поле, на котором пасется неисчислимая белорунная отара. Вскоре сверкнула первая молния, а вслед за ней до ушей притихших путников донесся удар грома, да такой сильный и раскатистый, что высунувшийся было из трюма послушник-бенедиктинец испуганно перекрестился и немедленно нырнул обратно вниз.

– Что там? – осторожно выглядывая из-за колонны, спросил его Рыцарь Надежды.

– Похоже, что разверзаются хляби небесные, – ответил послушник, подобрал полы рясы и, переступая через ноги сидящих и лежащих паломников, стал пробираться на свое место.

Жак и Робер стояли у шатра, намертво вцепившись в такелаж и наблюдая за тем, как мечется по палубе команда.

– Где самое безопасное место? – стараясь перекричать свист ветра, проорал Робер вслед пробегающему мимо савояру Гуго.

– Кормовая башня! – ответил тот, прорываясь на шкафут, чтобы командовать матросами, лихорадочно опускающими парус.

– За мной! – крикнул Робер, обращаясь к Жаку. – Только вещи из шатра прихвати.

Едва они успели добраться до заветной лестницы и нырнуть внутрь, как огромный неф, поднимая фонтаны брызг, провалился в водяную яму. Ветер ударил так, что мачта, сделанная из толстой корабельной сосны, согнулась, словно тростинка, и опасно закрипела. Вслед за первым

валом пришел второй, за ним третий, и вскоре волны, перекатываясь через борт и смывая все незакрепленные предметы, стали швырять «Акилу» вверх и вниз, словно это был не неф, везущий несколько сотен пассажиров, а утлый рыбацкий челнок.

Жак высунулся из бойницы, и волосы у него встали дыбом. Морская стихия показала, на что она способна на самом деле. В поле зрения осталось всего несколько кораблей, и все они терпели бедствие. Гороподобная волна накрыла длинную сицилийскую тариду^[13] и подняла ее на высоком гребне. Судно зависло в воздухе, беспомощно молотя веслами, и с громким плотоядным хрустом переломилось пополам, оставив на поверхности множество кувыркающихся обломков и отчаянно барахтающихся людей.

Турстан наконец добился, чтобы дрейфующий неф развернулся носом к ветру, и теперь судно поднималось и опускалось на волнах, погружая поочередно в воду то длинный бушприт, то нижний ярус кормовой башни. В таком положении можно было пережить бурю, не опасаясь, что бортовой удар перевернет корабль вверх килем.

Шатры давно опустели. В одном из них на полу валялся оставленный кем-то в спешке плоский деревянный сундучок. Сундучок был крест-накрест перевязан толстой веревкой, за которую, вцепившись всеми четырьмя лапами, держались две большие черные крысы. Шерсть грызунов, промокая насквозь, топорщилась, собираясь в некое подобие шипов, что делало их похожими на давно не кормленных ежей. Крысы, попискивая, о чем-то между собой переговаривались. Видимо, решали, покидать ли «Акилу» прямо сейчас или пока подождать...

Понше перевел дух и собрался было дать команду савояру Гуго, чтобы тот с матросами, привязавшись длинным линем, попробовал пробраться на нос и проверить, что там творится, как вдруг с кормы раздался громкий панический крик: «Правое весло, капитан!» Помощник капитана обернулся назад и оцепенел. Корма нефа поднялась над стеной воды, и с мостика стало видно, что у правого рулевого весла на месте лопасти торчат острые обломки – скорее всего, в него ударил кусок дерева или другой плавающий предмет, принесенный с расколотой тариды.

Последствия этой неожиданной поломки не замедлили сказаться. Неф, почти лишенный управления, стал медленно разворачиваться бортом к ветру.

– Нас относит к берегу! – испуганно завопил впередсмотрящий из «вороньего гнезда».

– Поднять парус до половины мачты! – немедленно отдал команду Турстан и добавил, обращаясь к Понше: – Это наш единственный шанс, чтобы не быть вынесенными на берег. Надеюсь, если мы заберем круче к ветру, то удержимся на курсе и с одним-единственным веслом.

Мощная дубовая рея медленно поползла вверх. Ветер сразу же наполнил парус и рванул «Акилу» так, что неф устремился вперед, чуть не подпрыгнув на месте.

– Опускайте, немедленно опускайте! – закричал капитан. – Ветер навальный, нас прибывает к берегу!

Но такелаж, наполовину сорванный бурей, спутался мертвыми морскими узлами, и рея, застряв на полпути, никак не хотела возвращаться обратно на палубу.

Робер выглянул наружу и долго, забористо выругался. С каждым подъемом на гребне волны неф, увлекаемый ветром и почти неуправляемый, заметно приближался к серому скалистому берегу.

– Все, кто может стоять на ногах! – закричал с мостика охрипший капитан. – К мачте, срезайте парус, иначе нас расколется как орех!

– Похоже, и для сухопутного рыцаря наконец-то нашлась работа, – проговорил Робер, срываясь с места и вытягивая из-за пояса длинный, остро заточенный кинжал.

Жак наблюдал за тем, как несколько моряков вместе с Робером, тамплиерами и неведомо

откуда взявшимся сицилийцем кромсают насквозь промокшее полотнище, и оно, хлопая освобожденными концами, постепенно отделяется от деревянного бруса. Но, несмотря на все их усилия, неф продолжало нести все быстрее и быстрее.

Волны прокатывались к берегу, то поднимая неф на вершину, то опуская его в черно-зеленую бездну. В борьбе со стихией те, кто находился на палубе, потеряли счет времени и уже не представляли толком, как далеко от берега находится неф. Все, от Турстана до палубного юнги, содрогнулись, когда прямо перед ними, не далее чем в половине полета стрелы, из пелены дождя вынырнула острая, напоминающая огромный лесной муравейник скала. Каменная громада то скрывалась целиком под водой, то обнажалась, открывая свое черное подножие, заросшее бурными водорослями. Медленно и неумолимо скала росла перед глазами. Любому, даже самому неискушенному в морском деле путнику было понятно, что эти жуткие качели – скала вниз, «Акила» вверх, скала вверх, «Акила» вниз – вскоре приведут к тому, что еще несколько взлетов и падений, и неф со всего размаху будет насажен на вершину, словно курица на вертел.

Капитан упал на колени и начал молиться.

– Руль! Держите руль, каналы, или всех повешу на одной рее! – С криком раненого оленя мэтр Понше скатился вниз и вместе с двумя матросами стал ворочать уцелевшее весло.

Очумевшие моряки налегли на руль из последних сил, словно угроза мэтра для них оказалась страшнее разбушевавшейся стихии. Через несколько мгновений к ним присоединился и Жак.

Их усилия не пропали даром – нос «Акилы» начал понемногу отворачивать в сторону. Но они приближались к скале слишком быстро. Жак, не отпуская весло, в ожидании столкновения зажмурил глаза...

Рядом ударила молния, осветив скалу, уже нависшую над головой путников. Но последнего усилия оказалось достаточно для того, чтобы неф проскользнул на расстоянии вытянутой руки от серого камня, с разгону вылетел за линию прибоя и оказался в спокойной тихой бухте, надежно укрытой от ветра высокими холмами.

– Мы выжили! – прошептал одними губами Жак и несколько раз подряд перекрестился.

К нему подошел Робер. В руке он сжимал рукоять кинжала, словно не мог разжать ладонь.

В полной тишине, словно в сказке, из тумана вдруг выплыла большая деревянная клеть, внутри которой стоял оседланный вороной конь. Бедное животное косило глазом на приближающийся берег и сдавленно храпело от ужаса. Клеть проплыла мимо, исчезла в глубине бухты и еще некоторое время напоминала о себе приглушенным удаляющимся ржанием.

– Т-ты это тоже видел? – чуть заикаясь, спросил у товарища Робер.

– Д-да! – также заикаясь, ответил тот.

– И что это было?

– Видение! – чуть оправившись, уверенно произнес Жак и, чуть помедлив, добавил: – Как говорил мой учитель, отец Браун: «И если увидишь, как сыны человеческие и твари Божьи движутся пред тобой по воде яко посуху, то знай, отрок, что ты узрел Царство Небесное!»

Разрушая насланные на друзей чары, мимо них протопал послушник-бенедиктинец. Он деловито подошел к борту, задрал рясу и, с тревогой вслушиваясь в удаляющиеся раскаты грома, долго и обстоятельно справлял малую нужду.

Две крысы неторопливо выбрались из чудом уцелевшего шатра и, волоча за собой мокрые розовые хвосты, горделиво протопали в направлении лестницы, ведущей в тамплиерский трюм.

Моряки и путники, едва живые после перенесенных испытаний, обессиленные до последней степени, рухнули, кто где стоял. Понше, не полагаясь на все еще продолжавшего молиться капитана, сам назначил вахту и выставил караул.

Покосившись на фигуру часового, который маячил на капитанском мостике, Робер, недовольно что-то пробурчав себе под нос, приволок кусок парусины и, жестом пригласив Жака последовать своему примеру, плотно завернувшись в ткань, устроился на корме.

Вскоре все, кто был на борту, погрузились в крепкий сон.

* * *

Жак проснулся оттого, что ощутил на лице горячую потную ладонь. Он раскрыл глаза и увидел перед собой встопорщенные усы. В том, кому они принадлежали, не было ни малейших сомнений. По усам Робера можно было, как по хвосту собаки, точно определять, в каком состоянии души он находится в тот или иной момент, и сейчас их, если так можно выразиться, выражение, по убеждению Жака, не предвещало ничего хорошего.

– Тсс... – прошипел Робер и осторожно, чтобы не произвести ни малейшего шума, отпустил руку.

Жак осторожно вздохнул, сел и начал всматриваться в темноту. Определенно, пока они спали, на нефе что-то изменилось. Робер бесцеремонно схватил его за подбородок и развернул в сторону палубы. Жак едва сдержал удивленный возглас. Там, в пугающей тишине, метались многочисленные тени. И их силуэты, время от времени мелькающие на фоне звездного неба, ничем не напоминали ни команду, ни пассажиров «Акилы».

– Сарацины, – процедил сквозь зубы Робер, – пока все Дрыхли, подплыли, вырезали охрану, а остальных заперли в трюме. Нас с тобой почему-то не заметили. Наверное, приняли за мешки. Ты плавать умеешь? – вдруг спросил он Жака.

Тот испуганно замотал головой.

– Иисус Мария! – всё так же чуть слышно ругнулся Робер. – Значит, спастись бегством не получится. В таком случае – будем сражаться. Ладно, оруженосец, не дрейфь, для меня это семечки. Вот тебе кинжал. Держишь?.. Отлично! – Рыцарь буквально всунул в липкую от страха ладонь виллана тот самый кинжал, которым ночью резал парус, а сам осторожно вытянул из ножен свой меч. – Теперь слушай и запоминай, потому что от этого наша с тобой жизнь зависит. Там, за углом башни, к нам спиной стоит сарацин – похоже, какой-то мелкий начальник. Ты подскочи, ударь его со всей силы в спину ножом, а сам, не дожидаясь, пока он упадет, быстро вернись и снова прикинься ветошью. А я в это время попробую немного пошуметь. Ты готов? – переспросил он Жака, и тот коротко кивнул в ответ. – Ну, с богом, вперед!..

Жак выбрался из-под парусины и медленно, держась в тени, которую отбрасывала кормовая башня, двинулся вдоль нее. И вправду, там стоял человек в шароварах, свободной рубашке, на которую был надет легкий кожаный доспех, и остроконечном шлеме, прикрывающем верхнюю часть головы. Жак рассмотрел за его широкой спиной и бабьими покатыми плечами, как по палубе расхаживают сарацинские солдаты. В руках они сжимали круглые щиты и недлинные, слегка изогнутые сабли. Почти у всех из-за плеч выглядывали зазубренные наконечники метательных дротиков. У мачты стоял высокий воин, единственный среди всех одетый в железо. Отчаянно жестикулируя, он раздавал направо и налево молчаливые команды. «Этот у них, похоже, главный», – подумал Жак.

В спину ему ударил крошечный камешек – это Робер напоминал ему о своем присутствии. Жак вздрогнул, осторожно приблизился к сарацину, который при этом даже ухом не повел, и,

размахнувшись, изо всех сил всадил ему кинжал прямо в жирный загривок. Сарацин засипел, словно годовалый хряк.

Жак, помня наставления Робера, выдернул нож, развернулся и бросился наутек, чуть не столкнувшись по дороге с достойным рыцарем. Оказалось, что, пока он готовился резать зазевавшегося сарацина, де Мерлан успел достать из мешка свой чуть было не проигранный по дороге доспех, облачиться в него, а на голову нахлобучить шлем с полумаской и наносником.словно камень, выпущенный из пращи, он чуть не со свистом пролетел мимо виллана и молча ринулся в бой.

Сарацины были уверены, что все, способные держать оружие, заперты в трюме и кормовой башне, поэтому появление неистового франка оказалось для них полной неожиданностью. Робер, продолжая хранить молчание, устремился в толпу. К тому времени, когда враги только начали понимать, что происходит, трое из них уже валялись на палубе, истекая кровью.

Сарацины наконец опомнились. Над захваченным нефом взметнулась гортанная речь. Перекрывая гомон своих солдат, предводитель отдал им несколько резких команд. Захватчики отскочили к борту, выстроились в шеренгу и, оцетинившись саблями, начали медленно, шаг за шагом, окружать Робера. Рыцарь, прикрываясь щитом одного из убитых, встал, прислонившись к мачте.

– Пейзанин! – закричал он, не отрывая взгляда от противника. – Как только эти бараны вспомнят про свои дротики – мне крышка! Так что, пока они мной занимаются, давай лети на нос, освобождай тамплиеров!

Словно в ответ на его слова в воздухе просвистели два дротика – один с хрустом вошел в мачту почти над самой головой рыцаря, второй он принял на щит.

Для того чтобы вихрем домчатся до носа, выдернуть брус, которым был заблокирован люк, и рвануть на себя тяжелую, непослушную створку, Жаку хватило нескольких мгновений. Но эти мгновения растянулись для него на целую вечность. Виллан, не выпуская из рук кинжал, бежал вдоль борта, наблюдая краем глаза за тем, как сарацины медленно поднимают свои сабли и, раскрывая рты в беззвучном крике, со всех сторон бросаются на Робера.

К счастью, братья-храмовники быстро успели прийти в себя и были готовы дорого продать свою жизнь. Они ждали у запертого люка и, как только створка пошла вверх, гурьбой с диким ревом вылетели наружу.

Спрятавшись за башней, Жак наблюдал за тем, как десяток закованных в добротное боевое железо рыцарей и сержантов, не обращая внимания на удары сабель и тычки дротиков, принялись работать мечами, словно ветряные мельницы. Крики сарацин сразу же перешли в испуганный вой, к которому то и дело примешивались предсмертные хрипы. По палубе потекла черная кровь.

Казалось, что еще немного, и франки одержат победу, но вдруг с левого, обращенного к берегу борта почти по всей его длине застучали, цепляясь, железные кошки, и над фальшбортом начали появляться один за другим шишастые шлемы. На борт «Акилы» хлынула орава сарацин. Вопли мусульман, боевые кличи тамплиеров, стоны раненых, звон оружия смешались в один, ужасный и в то же время возбуждающий звук. Началось сражение.

Вслед за первой живой волной на борт перекатилась вторая, затем третья, и вскоре палуба, почерневшая от врагов, стала напоминать встревоженный муравейник. Но тамплиеры сомкнули строй, и после нескольких неудачных атак воющая толпа, оставив несколько недвижных тел, откатилась к кормовой башне.

Франки собрались на носу. Теперь к Роберу и тамплиерам присоединились обитатели верхней палубы, которые прятались от бури в носовом трюме, – два светских рыцаря и несколько бургеров, среди которых обнаружился и сицилиец. Все они, не имея собственного

оружия, завладели тем, что валялось на палубе, и теперь стояли, воинственно сжимая в руках кривые сарацинские сабли и круглые щиты.

Тамплиеров возглавлял высокий широкоплечий брат-рыцарь.

– Спасибо, сир! – произнес тамплиер, обращаясь к Роберу. – Если бы не ты, придушили бы нас, как крыс.

– Пустое, – ответил тот, тяжело дыша, словно молотобоец послековки. – Вот его благодарите, – де Мерлан кивнул в сторону Жака, – это он вас выпустил.

Тем временем налетчики завершили перегруппировку. Понукаемые командами своих главарей, они создали подобие боевого порядка, и сразу же, словно проверяя защитников на прочность, на нос полетел десяток дротиков. Опытных воинов не удалось застать врасплох – кто отклонился, кто подставил щит, но без потерь, увы, не обошлось – на палубу опустился со стоном один из бургеров – длинное древко торчало у него из плеча. Братья немедленно перестроились и заняли оборону. Сами они находились в центре, а с флангов расположились светские рыцари, каждый из которых поставил за спиной трех или четырех бургеров. Робер махнул Жаку рукой, чтобы тот занял позицию у него за спиной, и присоединился к предводителю тамплиеров, который стоял во втором ряду.

– Кто это такие? – спросил Робер у тамплиера.

– Сельджуки Румского султаната, – ответил тот. – Этот залив, похоже, находится неподалеку от их селения, вот они и решили, пользуясь случаем, немного пограбить. Подплыли незаметно, вырезали караул...

– Ничего себе деревенька, – присвистнул Робер. – Да их тут сотни полторы. И не какие-нибудь селяне с вилами или рыбаки, а опытные солдаты.

– Что делать будем, рыцарь? – спросил тамплиер, косясь на медленно приближающуюся стену круглых щитов.

– Если так и дальше пойдет, то будем умирать, – спокойно, словно речь шла о том, кому достанется победа на рыцарском турнире, ответил ему Робер. – Только что-то сегодня не хочется. Есть у меня план...

– Ну, если есть план – то командуй. – Почуввав опытного воина, тамплиер, не чинясь, передал ему бразды правления, а сам при этом, раздвинув своих братьев, занял место в общем строю.

Робер ни с того ни с сего вдруг сделал пару шагов в сторону и назад, глянул сначала на сарацин, затем на висящую над самой линией горизонта луну, а после этого на кормовую башню. Затем он приложил ладонь ко рту и оглушительно заорал:

– Эй, морячки, вы там живы?

– Все в порядке, сир рыцарь! – донесся из-за сарацинских спин голос мэтра Понше. – Заперлись и держим оборону!

– Хорошо! – проорал в ответ Робер.

Сарацины, услышав голос за спиной, прекратили движение и завертели головами.

– Сидите там, на рожон не лезьте, в бойницы головы не засовывайте, а ежели морда какая и полезет, тыкайте чем-нибудь острым. И вот что еще: у вас копье или пика есть?

– Найдется, сир! – Голос Понше звучал намного увереннее.

– Привяжи к ней факел, высуни с верхнего яруса и подсвети!

– Понял, сейчас сделаем! – Теперь голос помощника капитана, получившего четкие и понятные указания, звенел в боевом азарте.

Спустя небольшой промежуток времени на кормовой башне вспыхнул яркий смоляной факел. Он осветил нижнюю палубу, кишащую врагами. Сарацины завывали и стали метать дротики, чтобы сбить свет, который, с одной стороны, делал их легкой мишенью, а с другой – укрывал в темноте защитников. Но факел висел высоко, и достать его не удавалось.

– Святой Иисус! – раздался восхищенный голос кого-то из тамплиеров.

– Времени не терять! – заорал Робер и полез вперед. – Наносим удар по центру, разбиваем их строй. Ты и ты, – он ткнул пальцем в Жака и сицилийца, – откроете кормовой люк. А пока оттуда не выберутся арбалетчики, всем держать оборону и без моей команды не отходить ни на шаг!

Рыцари и сержанты, выставив щиты, сомкнули строй и плечом к плечу устремились в сторону еще ничего не понимающих сарацин.

Удар франков был страшен. Рыцари, подпирая друг друга, вклинились в толпу, смяли и разрушили их ряды, да так, что те посыпались в стороны, не держась на ногах, словно в палубу «Акилы» ударил камень огромной катапульты. Участок палубы, на которой находился люк, ведущий в трюм, был освобожден. Жак и сицилиец, не сговариваясь, ринулись к нему, сняли засов и с двух сторон растворили дверцы.

Робер, увидев, что люк свободен, оставил схватку, подскочил к проему и что было силы прокричал:

– Арбалетчики! Быстро наверх! И дуры свои не забудьте прихватить. Будет для них работа. – Затем, дождавшись пока все десять тосканцев, сжимающих в руках свое оружие, поднимутся наверх, скомандовал: – Эй, там, внизу! Все, кто может держать оружие, поднимайтесь и сражайтесь. Иначе перережут, как гусей! А вы, – снова обернулся он к арбалетчикам, – бегом на носовую башню! Там найдете полный боезапас. Занимайте верхнюю площадку и готовьтесь к стрельбе, солнце вот-вот появится. Мы будем держаться, пока не начнете...

Только теперь стало понятно, чего добивался де Мерлан этим на первый взгляд бессмысленным маневром. Но похоже, что об этом догадались и враги. Не успел последний доброволец покинуть трюм, как сарацины с воем налетели на франков. В дрожащем свете позабытого всеми факела началось настоящее побоище.

Предводитель тамплиеров отбросил щит и в одиночку бился с несколькими сарацинами. Клинок в его руке метался серебристой молнией, а трупы у ног безмолвно подтверждали, что эта молния намного опаснее той, что ударяет с небес... Недалеко от могучего тамплиера бился Робер. И куда делась его кряжистая осанка и неповоротливость? Вдобавок к мечу он разжился еще и дротиком и работал ими с быстротой и проворством норманнского берксерка. В том, что он мастерски владел не только рубящим, но и колющим оружием, уже успели убедиться шестеро или семеро убитых наповал пиратов.

Дождавшись, когда арбалетчики успешно достигнут башни и скроются внутри, Робер подал команду:

– Отходим, сражаясь! Рыцари, строем перекрывайте палубу, остальные нападайте с тылу, не давайте им собраться!

Выполняя команду, тамплиеры стали медленно отступать к основанию башни. Многие были ранены, но основные силы до сих пор не понесли ощутимых потерь. Жак, исполняя команду Робера, кинулся с кинжалом на ближайшего к нему сельджука. Тот, раненный в бок, завизжал и завертелся на месте волчком.

Две черные крысы, почти незаметные в темноте, дружно пискнули, рванули в толпу сражающихся и одновременно с двух сторон вцепились зубами в икру одного из сарацин. Тот заверещал от боли, не удержался на ногах и покатился по палубе.

Послушник-бенедиктинец вытянул из-за пояса четки, подергал их в стороны, словно проверяя на прочность, сноровисто накинул их на шею пробегающему мимо сарацину и, навалившись на него всем корпусом, стал душить, шепча при этом: «Отче наш...» Сарацин захрипел, засучил ногами и вскоре затих.

Из люка показались рыжие вихры, оттуда выглянул Рыцарь Надежды, быстро огляделся по сторонам и немедленно скрылся.

Сицилиец держался молодцом. Завладев саблей, он схватился сразу с двумя противниками. Но, похоже, длинным клинком он владел намного хуже, чем кинжалом. Турки прижали его к мачте, и один – тот, что повыше и поувертистее, – уж было занес кривое лезвие, чтобы нанести смертельный удар, как вдруг словно из-под земли перед ними появился Робер. Удерживая рукоятку меча двумя руками, он два раза подряд нанес свой излюбленный удар. Тела сельджуков неподвижно застыли. Этого нельзя было сказать о головах, которые упали вниз и, громяхая свалившимися шлемами, покатались в разные стороны. Сицилиец склонился в благодарном поклоне, и они вместе с Робером снова ринулись в гущу схватки.

Бой продолжался. Но многократное численное преимущество врага и усталость понемногу начали сказываться на защитниках. Сарацины, завидев, что противник начинает сдавать позиции, завыли и начали напирать сильнее.

Перелом наступил, когда дротик, пущенный опытной и сильной рукой, попал предводителю тамплиеров точно в шею. Борода доблестного рыцаря окрасилась кровью, и он, издав предсмертный стон, переходящий в хрип и бульканье, обрушился на палубу. Франки дрогнули.

– Держаться! – закричал Робер. – До рассвета еще чуть-чуть! Эй, вы там, наверху! Готовы к бою?

– Готовы! – В ответ де Мерлану раздался рев десяти луженых тосканских глоток, и с боевой площадки донесся приятный для слуха любого воина скрип рычагов и гудение одновременно натягиваемых тетив.

Не успели склоны восточных холмов окраситься розовым светом, как над головами обороняющихся прожужжали тяжелые арбалетные болты. По толпе сарацин словно прошлись косой – ни одна из тяжелых железных стрел не прошла мимо цели. Сельджуки в панике заметались по палубе, спотыкаясь о бесчисленные тела. После второго залпа не осталось ни малейших сомнений, кому на сей раз досталась победа.

– Не стреляйте по палубе, тут мы и сами управимся! – крикнул арбалетчикам Робер. – Бейте тех, кто на воде.

Убедившись, что тосканцы поняли, чего от них хотят, рыцари кинулись в атаку. Сарацины, визжа от страха, начали прыгать за борт, не медля попадая под обстрел. Сражение подошло к концу.

Солнечный диск выглянул из-за горизонта и осветил оставшихся на палубе пиратов. Два десятка человек, а среди них и предводитель, побросав на палубу щиты и сабли, сбились в кучу, и все как один стояли, втянув головы в плечи, словно ожидали, когда неистовые франки начнут их отрубать. Ведь сегодня им неоднократно пришлось убедиться, что рассказы о том, что назарейский рыцарь одним ударом меча сносит голову верблюду, – это совсем не выдумка любителей рассказывать сказки.

Когда арбалетчики наконец завершили свою работу, то сквозь прозрачную зеленоватую воду стало видно, что морское дно вокруг нефа черно от тел. Ни один из напавших на «Акилу» так и не смог добраться до берега.

Из кормовой башни высыпали оставшиеся в живых моряки, и Понше кинулся на шею де Мерлану.

– Спаситель! – выдохнул он, роняя на окровавленные доски невольную слезу. – Если бы не вы, монсир, быть бы нам всем уже сегодня на невольничьем рынке. Даже не знаю, чем вас отблагодарить!

– Это не беда, Понше! – успокоил Робер достойного мэтра. – Я все отлично понимаю: ты пока растерян и не можешь собраться с мыслями. Но ежели вы с капитаном и до захода солнца не сможете определиться с размерами благодарности, то я вам, так и быть, помогу...

Де Мерлан вместе с тамплиерами учинил пленным сарацинам допрос, и им удалось, хоть и приблизительно, восстановить ход событий. Оказывается, «Акила» укрылся от шторма в бухте, расположенной неподалеку от пограничного городка Мекри, принадлежащего сельджукам, где размещался довольно крупный гарнизон. Воины местного халка, [\[14\]](#) высмотрев «Акилу», дождались предрассветного часа и, подобравшись с подлунной стороны на струге, точным выстрелом из лука сняли то ли задремавшего, то ли просто зазевавшегося наблюдателя, который нес вахту на верхушке мачты. Затем они тихо поднялись на борт, заперли трюмы и вырезали всех, кого застали на палубе. Но именно в этот самый момент в их планы вмешались доблестный арденнский рыцарь и виллан из Верхней Бургундии.

Один из уцелевших братьев-рыцарей неплохо владел тюркским наречием. Он вместе с Турстаном допрашивал пленных сарацин. Выяснилось, что один из них является местным эмиром. Его отвели в сторону и развязали. Тамплиер задавал вопросы, сарацин визгливо отвечал. После очередной реплики тамплиера сарацин разразился длинной тирадой, которую тамплиер бесцеремонно оборвал двумя тяжелыми зуботычинами. Сарацин глухо заворчал, словно побитый пес.

– Что он там говорит? – поинтересовался Робер.

– Этот сын шелудивой ослицы, – перейдя снова «а франкский язык, тамплиер сохранил характерную для неверных цветистость речи, – попробовал заявить, что мы зашли в его воды, и поэтому корабль и все, что на нем есть, является его добычей. Я объяснил ему, что добычей может считаться только корабль, потерпевший кораблекрушение и выброшенный на берег. На что он дерзко ответил, что любой корабль в этих водах должен платить ему дань, а так как мы платить ему все равно бы не стали, то он решил отобрать свое силой.

– А ну спроси его, брат: и как, получилось? – ехидно поинтересовался Робер.

Тамплиер перевел. Эмир снова разразился длинной речью, где постоянно повторялись слова «гяур» и «шайтан», так что тамплиеру, чтобы ускорить ответ, пришлось отвесить сарацину добрый рыцарский подзатыльник.

– Ругается, что ты, монсир, дьяволу душу продал, – подытожил сказанное добровольный толмач, – говорит, что если бы не это, то нам бы их нипочем не одолеть. А еще требует, чтобы послали гонца в его городок, Мекри, что он двоюродный племянник самого султана и что за него дадут большой выкуп.

– Вот это уже другой разговор! Выкуп – дело всегда приятное, – оживился Робер.

Когда пленные растащили груды тел, удалось подсчитать и потери. Выяснилось, что убиты семь матросов, савояр Гуго, три бургера, светский рыцарь и предводитель тамплиеров. Их противникам повезло гораздо меньше. Если не брать в расчет утонувших, которых трудно было разглядеть в воде, покрасневшей от крови, то на палубе лежали ровным счетом пятьдесят три сарацина.

Жизнь на нефе налаживалась. Все, кто принимал участие в бою, отдыхали и перевязывали раны, матросы и путники, во время стычки, по мнению Робера, «отдыхавшие» в трюме, стягивали трупы сарацин на корму, а послушник-бенедиктинец отпевал убитых христиан.

Наблюдая за тем, как споро и ухватисто вяжут пленников тамплиерские сержанты, Робер пробурчал, обращаясь к Жаку: «Сразу видно, парни много в жизни воевали! Ишь как ловко живые трофеи окучивают! Примерно так же лихо они и мои маноры в Ретеле отхватили».

Первым в ряду убитых лежал магистр, укрытый под подбородок белым тамплиерским плащом, под которым угадывались контуры меча.

Военный совет, составленный из тамплиера по имени Гийом, Робера, капитана Турстана и десятника тосканцев, постановил отправить в Мекри на лодке двух пленных солдат с посланием, которое эмир, немедля получивший статус «ценного пленника», набросал на пергаменте, любезно предоставленном по такому случаю мэтром Понше.

Ожидая возвращения парламентаров, пленные под охраной арбалетчиков наводили на нефе порядок. Матросы как могли починили парус, вытянули из специального паза, проложенного посредине палубы, запасное кормило и установили его на место сломанного. Вскоре палуба, оттертая от крови пемзой, сияла белизной, а об утренней схватке напоминала только гора сваленных на корме трупов, несколько десятков челноков, взятых на кукан для буксировки, да море, бурлящее вокруг нефа, словно чечевичная похлебка. Казалось, что все рыбы Средиземного моря, прослышав об угощении, собрались сюда на пир.

Незадолго до заката челнок вернулся обратно. Вместе с ним к «Акиле» подошла рыбацкая фелука, из которой поднялся на борт осанистый пожилой мусульманин в большой зеленой чалме. Это был местный старшина – раис. Представился он как Ходжа Мустафа. Мустафа посмотрел на убитых сарацин, горестно покачал головой, а затем выглянул за борт. Глаза раиса округлились в непритворном ужасе. Он поднял руки к лицу, совершил несколько движений, словно умывался воздухом, и произнес длинную напевную молитву. Закончив аллахоугодное дело, раис наконец обратил взор к молодому эмиру и выдал в его сторону гневную тираду. Не нужно было знать турецкий язык, чтобы понять, о чем идет речь: «Говорил же я тебе, великовозрастному балбесу, что франков голыми руками не возьмешь. Так нет, увидел большой корабль, и жадность ослепила. Теперь вот потерял весь отряд, да неизвестно еще, сколько эти многобожники за тебя потребуют! И вообще, что мы скажем султану?» Эмир пытался оправдываться, но делал это без огонька, скорее для сохранения лица.

Тяжело вздохнув и махнув безнадежно рукой – мол, и что ему можно в башку втемашить? – раис через тамплиера Гийома выяснил, «кто тут главный», и приступил к переговорам.

На палубе появился только что пришедший в себя Тур-стан. Выяснив, что речь идет о выкупе пленников, марсельский мореплаватель вознес благодарственную молитву, уселся на пустой бочонок и начал торговаться. Вскоре голоса Турстана, Мустафы и Гийома полностью перекрыли царящий на палубе галдеж.

– Последний раз я наблюдал подобное на ярмарке в Лионе, – сказал Жак Роберу. – Иудей из Кельна торговал мавританскому купцу из Толедо партию английского сукна от заутрени до заката солнца. Тогда весь город сбежался послушать.

Раис Мустафа, зажатый в клещи Турстаном и тамплиером, держался молодцом. Он то и дело возводил очи горе, цокал языком, отрицательно мотал головой и несколько раз начинал загибать пальцы, при этом кивая то на кучу трупов, сваленных на корме, то за борт. Всякий раз после этого Турстан и Гийом немедленно начинали кричать, показывая пальцами: капитан – на убитых матросов, а тамплиер – на своего командора.

– Ущербу нанесли на десять тысяч! – брызгал слюной седой как лушь марселец.

– И вообще эти земли еще пятнадцать лет назад пожалованы ордену Храма императором Балдуином Константинопольским, – вторил ему Гийом. – Так что вы должны платить виру, как за бунт против законных господ!

Ходжа Мустафа оправдывался, огрызался, приводил какие-то свои доводы, вспоминал

Аллаха, Магомета и Коран. При этом он то и дело подходил к пленному эмиру и, изображая на лице полнейшее презрение, дергал того за рукав, словно показывая, что вот, мол, за этого несчастного и полушку вымогать большой грех. Эмир в торге не участвовал, полностью положившись в этом непростом деле на умудренного жизнью раиса. Он стоял, опустив глаза в палубу, и изредка бросал на франков полные ненависти взгляды.

Наблюдающим за торгами казалось, что стороны никогда не достигнут согласия. Но вскоре, неожиданно для всех, Гийом обернулся, отер со лба крупные капли пота и произнес:

– Вроде договорились. Тысяча золотых на выкуп и возмещение ущерба, а восьмерых пленнх мы забираем в рабство.

– И пусть увозят своих убитых, – добавил Робер. – Они нам тут ни к чему.

Мустафа выслушал перевод, благодарно кивнул и отдал длинную команду. Из барки выскочили четверо гребцов и приступили к работе. Вскоре цепочка челноков с печальным грузом, влекомая баркой, скрылась за ближайшей скалой.

Ночь прошла без происшествий, а наутро раис лично доставил на борт десять шелковых мешочков, в каждом из которых было по сто динаров, или, как выразился тамплиер Гийом, «сарацинских безантов». После тщательного пересчета эмир, запертый на ночь в одной из кают, был передан с рук на руки своему вызволителю. Почувствовав себя на свободе, сарацин развернулся в сторону Робера и крикнул ему что-то угрожающее, мол: «Ну ничего, мы еще встретимся на узкой дорожке!» Но достопочтенный Ходжа, опасаясь неприятностей, оборвал его речь, толкнув горячего сельджука в спину по направлению к своей барке. Жаку показалось, что, если бы рядом не было лишних глаз, он бы с огромной радостью отвесил родственничку светлейшего султана полноценный отеческий подзатыльник.

После того как сарацины скрылись за мысом, Турстан дал команду к отплытию. Неф покинул залив и, больше не рискуя приближаться к Атталийскому побережью, взял курс в направлении Кипра.

Убедившись, что «Акиле» больше не угрожают ни морская стихия, ни враги, самоназначенный корабельный совет, в который вошли Турстан, десятник тосканцев, тамплиер Гийом и Робер, приступил к честному дележу. Сразу же после начала совещания выяснилось, что представления о «честном дележе» у всех договаривающихся сторон были диаметрально противоположны.

– Предлагаю так! – открыл совет мэтр Турстан. – Восемьсот динаров и всех рабов забираем мы как представители судовладельца. Ведь, пребывая на борту «Акилы», вы находитесь на земле Марселлоса...

– Ишь чего захотел, старый хрыч! – немедленно взвился Гийом. – Да ты, «представитель судовладельца», который, кстати, обязан обеспечивать нашу безопасность до самой Акры, уже сегодня утром стоял бы в колодках на невольничьем рынке в Конии, не будь нас, тамплиеров и этого храброго арденнца. А твои яйца, отхваченные сарацинским лекарем, давно доедали бы собаки!

– Что-то я не совсем понял! – вмешался в разговор десятник тосканцев. – Тут, я смотрю, про наши арбалеты уже все подзабыли? Так мы вам обоим быстро напомним, кто сарацин перестрелял...

Робер, Турстан, Гийом и старшина заговорили одновременно, и на капитанском мостике началась перебранка, по сравнению с которой торговля между Турстаном и Мустафой казалась возней двух карапузов, не поделивших игрушку.

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа... – прерывая спор, уже почти перешедший в потасовку, раздался гнусавый голос. На башню забрались послушник-бенедиктинец, Рыцарь Надежды и жонглер Рембо. – По поручению всех достойных пилигримов, – продолжил

послушник, – посланы мы сюда, дабы от лица остальных потребовать и свою долю полученного от безбожников золота.

В подтверждение этих слов на палубе недовольно загудела большая толпа.

Участники совета сперва замолчали, оторопев от подобной наглости, но быстро перевели дух и, немедля позабыв о своих разногласиях, дружно накинулись на вновь прибывших.

Две крысы, никем не замеченные, выбрались на палубу, задрали мордочки вверх, послушали крики, доносящиеся с мостика, недовольно запищали, словно возмущаясь, что при разделе добычи совсем забыли о них, и вразвалку двинулись к кладовой, где хранился съестной припас тамплиеров – сухари и солонина.

После выматывающего торга, который с перерывами на сон и еду длился до самого Лимассола, между высокими договаривающимися сторонами было наконец-то достигнуто соглашение. Тамплиерам, команде нефа, Роберу с Жаком, тосканцам и «всей остальной братии» досталось по двести динаров. Из восьмерых пленников четверых выторговал в пользу своей гильдии Турстан, а остальных забрали тамплиеры.

Довольный донельзя, Робер отсыпал Жаку половину добычи и, наблюдая за тем, как получают по двадцать монет умиротворенные тосканцы да гудят обделенные путники, двинулся по направлению к своему шатру. Но не прошел он и половину пути, как дорогу ему преградил послушник.

– Монсир! – обратился он к де Мерлану. – Вас и вашего спутника просит спуститься в трюм один умирающий. Не откажите тому, кто должен вскоре предстать перед Всевышним, в этой просьбе!

Жак и Робер спустились в носовой трюм, где был организован лазарет. Там, прислонившись к стене, сидел сицилиец, в боку у которого торчал арбалетный болт.

– Это он у вас здесь второй день со стрелой в боку лежит? – воскликнул Робер, обращаясь к послушнику. – Вы что, с ума все посходили?

Но возмущение рыцаря пропало втуне. Бенедиктинец, который, как и все остальные обитатели нефа, был хорошо осведомлен о крутом нраве арденнского рыцаря, предусмотрительно испарился.

– Не вини его... Это я сам... – раздался слабый дрожащий голос.

Сицилиец, белый как полотно, полулежал, опираясь о стену. Взгляд его потерял прежнее мышинное выражение, и теперь он напоминал затравленного собаками барсука.

– После стычки я пролежал без памяти до вечера. Думали, что убит. Хотели хоронить... Потащили... Я застонал. Стрелу вынуть не разрешил... Она в печени. Сразу умру.

Этот странный человек говорил с сильным итальянским акцентом, а в конце своего короткого монолога и вовсе начал сбиваться на родную речь, но Робер, легко обучавшийся чужим языкам, уже начал его понимать.

– Зачем ты убил матроса и хотел нас убить? – наклонившись к самому лицу умирающего, спросил де Мерлан.

– Мне приказали. Прости, – прохрипел в ответ сицилиец. – У меня хозяйка, она говорит мне, что делать, – я делаю. Я бы тебя не звал сейчас, но ты мне спас жизнь. Не твоя вина, что эти тупые тосканцы у меня ее все же отобрали. Спрашивай, что хочешь знать...

– Кто твоя хозяйка? – Глаза Робера горели, а усы возбужденно топорщились.

– Она из ближайшего окружения самого императора Фридриха. Выполняет его личные тайные поручения. Зовут Витториа. Вдова какого-то германского маркграфа, дочь барона из русских земель. Очень опасна. И я еще вам скажу, – раненый с трудом поднял руку и указал на Жака, – вот он ей по сердцу пришелся. Я знаю ее давно. Так, как она смотрела, когда говорила о нем, и описывала его приметы, женщины смотрят только на мужчин, которым готовы подарить

свое сердце.

Последние слова сицилиец произнес по-французски. Жак очумело посмотрел на приятеля и густо покраснел.

– Кого убили ее слуги? – стиснув зубы, спросил влюбленный Робер.

– Это был папский посланник. Ехал из Реймса в Палермо. У него было письмо. Письмо забрали. И еще должен быть пароль. Его не нашли.

– Кому он должен был его предъявить?

– Не знаю. Встреча назначена в Акре – так мне сказали. Слушайте... Если вдруг он успел вам что-то передать перед смертью – что бы это ни было, пока не поздно, выбросьте в море. На Корфу я успел описать вас магистру...

Внезапно сицилиец побледнел и закатил глаза. Продолжительная беседа отняла у него остатки сил. Он захрипел, выдавил из себя еще одну гортанную фразу и откинул голову набок. Не было ни малейших сомнений, что несчастный испустил дух.

– Это те же слова, что произнес перед смертью человек из Реймса, – прошептал Жак. – Что он сказал?

– Я не разбираю это наречие, – ответил Робер, снимая пальцы с шеи сицилийца. – Умер, бедняга! Выходит, зря я его спасал...

– Не зря, – парировал Жак, снова покраснел, но быстро опомнился и добавил: – Теперь мы, во всяком случае, знаем, кто наш враг и кого нам бояться в Акре.

– Бояться теперь нам нужно собственной тени, – рассудительно ответил рыцарь. – Попасть во враги к Фридриху Гогенштауфену – это все равно что оказаться в клетке с голодными львами.

На палубе их ждал тамплиер Гийом.

– Слушай, монсир! – обратился он к Роберу. – Мы тут с братьями собирали походный капитул и решили в благодарность за спасение передать тебе коня нашего командора. У тебя ведь своего коня-то нет, да и денег вроде тоже. А маршалу мы так и скажем, что могли лишиться всего – и лошадей, и голов, – если бы не ты. Спустишься к конюхам в трюм, спросишь, где тут Ветер. Они покажут. Придем в Акру – сразу и заберешь.

Де Мерлан коротко, по-военному кивнул и, преисполненный благодарности, хлопнул тамплиера по плечу.

– Я-то думал, что храмовники только маноры отсуживать горазды, – ответил он брату-рыцарю. – А теперь вижу, что вы настоящие солдаты. Спасибо тебе, Гийом!

– Не нам, Господи, не нам, а только для прославления имени твоего! – ответил Гийом тамплиерским девизом. – Попадете с другом в Атлит, заезжайте в Шате-Пелерин – это наш замок. Там стоит мой эскадрон.

– Уж лучше вы к нам... – недовольно пробурчал в ответ Робер и отправился знакомиться со своим новым боевым товарищем.

Акра появилась перед глазами неожиданно – словно вынырнула из волн. Вскоре желтое пятно на горизонте стало расти, распадаясь на зубчатые стены и высокие, очень частые башни, за которыми золотились купола многочисленных церквей и дворцов. Словно символизируя окончание пути, огромная цепь со свисающими вниз, будто борода водяного, длинными зелеными водорослями стала медленно опускаться вниз, давая «Акиле» проход в хорошо защищенную гавань.

Путники высыпали на палубу и гомонили наперебой, радуясь, что им удалось достичь заветной цели – добраться до Святой Земли целыми и невредимыми.

– Ну что, приятель, вот и конец пути? – спросил Жак у де Мерлана, сжимая в руке свой

дорожный мешок и рассматривая причал, заполненный пестрой толпой.

– Да какой там, к дьяволу, конец, – огрызнулся Робер, не выпуская из рук купленное на нефе седло, – чует мое сердце, что путешествие наше только начинается...

Часть вторая

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Глава пятая, в которой выясняется, что паломник – это профессия

*Иерусалимское королевство, Акра,
1227 г. от Р.Х., третий день после праздника
Вознесения Господня (18 мая – 30 мая)*

Конвой, разметанный неожиданным штормом, наконец-то собрался в Акре, и теперь весь внутренний рейд был забит до отказа. Стоящие почти вплотную корабли напоминали сельдей, пойманных в далеком Северном море и засоленных в бочонке рачительным фламандским рыбаком. По нешироким проходам, оставленным меж кораблями, словно в лабиринте, сновали бесчисленные лодки.

Здесь же, то уворачиваясь на плаву от лодок, то взлетая и кружа по воздуху, то камнем падая на примеченную добычу, сустились во множестве те же чайки, словно и неф, и находящиеся на нем пилигримы не пересекали Средиземное море, а по-прежнему оставались в Марселлосе.

Причал в Акре был невелик, а мыловары, готовые перекупать очередь, остались в Мессине, и «Акила» целый день и ночь ожидал, когда освободится место. Путники, не обремененные грузами, покинули неф на лодках еще вчера, но Жак и Робер, не желая расставаться с подаренным тамплиерами конем, скучали на палубе.

Неф протиснулся между бортами и пришвартовался к высокому каменному причалу, с которого свисали кранцы – мешочки с песком, предохраняющие борт от ударов и повреждений.

– Порт как порт, – пробурчал Робер, ожидая, когда отворят юиссы и поставят сходни, – сарацин здесь не больше, чем в той же Мессине. Разве что крепость намного мощнее. Стены крепкие, сделаны толково – правда, насколько я в этом разбираюсь, не на наш, а на греческий манер. Но вот что интересно – если бы не множество орущих торговцев, то можно было подумать, что Акра в осаде. На каждой башне – не меньше трех стражников. Рыцари ходят по улицам, не снимая походный доспех. И обстановка какая-то военная. Будет работа, – заключил де Мерлан и удовлетворенно крякнул.

Жак слушал вполуха и во все глаза разглядывал сказочную страну, о которой он столько читал и слышал. Люди здесь ходили в легких и нарядных одеждах. Шерсти почти не встречалось – в основном это был легкий хлопок и шелк, то есть, по бургундским ценам, средний горожанин носил на себе целое состояние. Женщины в толпе были огромной редкостью, и все они на восточный манер прятали лица за накидками, платками и вуалями. Впрочем, многие мужчины, особенно рыцарского сословия, также предпочитали закрываться по самые глаза платками, завязанными сзади на узел. В повозках, корзинах и просто в кучах, сваленных прямо на землю, ожидало погрузки огромное количество неизвестных Жаку ярких, разноцветных фруктов, среди которых он разглядел уже знакомые лимоны.

По палубе, в направлении еще не опущенных сходен, гордо вышагивал Рыцарь Надежды во главе небольшой группы притихших паломников. «Лучший странноприимный дом в Акре – госпиталь Святого Иоанна Иерусалимского, – вещал он громким, хорошо поставленным

голосом. – Всего один денье за ночь, чистое, ароматное сено и свежие фрукты бесплатно! Скидки для неимущих и льготников! Для тех, кто там остановится, в подарок прогулка по городу, с посещением знаменитой башни Саладина, королевского дворца, церкви тамплиеров и базара в квартале Монмазар!»

Первыми покидали неф тамплиеры. Высокий рыцарь в снежно-белом плаще, ожидавший на причале в окружении сержантов и слуг, обнялся и троекратно расцеловался с Гийомом, а затем стал придиричиво, заглядывая в зубы и пах, ощупывая ножные мышцы и холку, осматривать сходящих на землю лошадей.

Ветер, которого Робер взнуздал, покрыл попоной и в ожидании своей очереди держал на поводу, захрустел морковкой, скосил на нового хозяина глаза и тихо заржал, словно говоря: ну, так когда же весь этот ужас закончится и мы наконец на землю ступим? Жеребец был хорош – это понимал даже Жак, который мало смыслил в породистых лошадях. Черный как смоль, невысокий, с широкой спиной и крепкими мускулистыми ногами. Судя по тому, какие восхищенные взгляды бросал на него Робер, такой конь был мечтой настоящего рыцаря.

Мимо друзей, весело галдя, протолкались тосканские арбалетчики. Их десятник и еще несколько человек уже бывали в Святой Земле, и теперь они дружно спорили, в каком из постоянных дворов самые лучшие девицы. Послушник-бенедиктинец, степенно шествуя мимо, благословил их обоих по очереди. Пропустив вперед толпу паломников и дождавшись, пока на причале станет посвободнее, Робер, увлекая за собой Жака, с Ветром на поводу, важно топорща усы, двинулся наконец по сходям. Конь довольно заржал.

– Спасибо тамплиерам! – произнес Жак. – Теперь мы с конем, пешком ходить не придется.

– Еще и как придется, – пробурчал в ответ Робер. – Кто же на боевого коня садится просто так, не для сражения, турнира и выездки? Походим пока ножками. Я на оставшиеся деньги куплю еще заводного и выючного. Да и тебе, как оруженосцу, не помешала бы кобылка поспокойнее. Вот будет у нас три лошади, тогда я буду настоящий конный рыцарь.

– Сначала давай-ка поищем какой-нибудь странноприимный дом, где обычно останавливаются паломники, – предложил Жак. Произведенный Робером в оруженосцы, он заметно приосанился.

– Мы с тобой не паломники, а крестоносцы! – горделиво произнес Робер. – Найдем для начала приличный постоялый двор, да не для голи перекаточной, а тот, что для благородных господ. Правильно говоришь, отдохнем немного с дороги, а затем отправимся в город – все, что нужно, покупать. Мы ведь теперь при деньгах.

– Это точно, – ответил Жак, машинально ощупал полу своей котты и побледнел.

– Что? – встревожившись вслед за приятелем, спросил Робер.

– Вексель! У меня там вексель был зашит! Ломбардского дома, на триста ливров! – Жак поднял полу и показал Роберу разрезанную подкладку.

– Вырезали только что, когда толпа проходила мимо... А ну поддержи коня! – Робер бросил Жаку поводья и рванул в сторону паломников, которых возглавлял Рыцарь Надежды.

Жак, машинально перехватывая резко пахнувший кожаный ремешок, вспомнил отца Брауна, который не раз ему говорил: «Помни, отрок, что бегущий по улице рыцарь в мирное время вызывает смех, а в военное – панику». Вид бегущего де Мерлана смеха в толпе не вызвал, и вор не замедлил сам себя обнаружить. Жонглер Рембо, который, оказывается, не покинул «Акилу» вместе со студиязусами в Мессине и все это время находился на борту, заметался и, перебросив на плечо дорожный мешок, бросился наутек. Лютия, словно помогая своему хозяину, отчаянно колотилась на спине. Жонглер нырнул в ближайший переулок, вслед за ним там исчез и Робер.

Тревожно косясь на гомонящую толпу, Жак отошел в сторону, присел на причальную тумбу и стал ожидать возвращения рыцаря.

Пробегая по пирсу, Робер отшвырнул какого-то расфуфыренного типа, который, несмотря на то что рыцарь во весь голос кричал: «Держи вора!», – даже и не подумал уступить ему дорогу. Расфуфыренный не удержал равновесия и с громким «плюх» обрушился в покрытую мусором и маслянистыми пятнами воду. За спиной бегущего рыцаря. Раздались вопли – пострадавший передвигался в окружении многочисленной свиты. Извиняться было некогда – лютня, болтающаяся за спиной карманника, исчезла в проходе меж двух стен.

Они пронеслись по улице с вывешенными у входов венецианскими вымпелами и вылетели на небольшую площадь, в противоположном конце которой высился большой дворец с широкой лестницей и богатой колоннадой. Подлый жонглер волчком крутнулся на месте и исчез в ближайшей подворотне. Робер не отставал, но Рембо был лет на десять моложе, да и ноги у него были, положа руку на сердце, намного длиннее, чем у distinguished рыцаря, и де Мерлан продолжал погоню из последних сил. Миновав очередной, едва не сотый по счету, поворот, Робер, взбираясь по длинным ступенькам, оперся о стену и тяжело задышал. Времени, затраченного на передышку, оказалось достаточно для того, чтобы лютня еще немного попрыгала перед глазами, а затем окончательно исчезла.

Жак ожидал на причале. Время шло, а Робер не возвращался. После того как неф покинули пассажиры, сошла на берег и команда. Отдав последние распоряжения вахтенному офицеру, отправился в город капитан Турстан. По-прежнему удерживая коня как можно дальше от себя, на расстоянии вытянутой руки, Жак с удивлением наблюдал, как из носового трюма вразвалочку выбрались две большие черные крысы. Соседство с тамплиерским припасом определенно пошло путешественницам на пользу. Особенно последняя его часть, которую они провели в кладовой с сухарями и солониной. Крысы были не просто сыты – они были откровенно тучны, словно откормленные к Рождеству поросята. Шерсть у них на боках лоснилась, а усы топорщились так, что им мог позавидовать даже сам distinguished сир Робер де Мерлан. Крысы, не обращая ни малейшего внимания на людей, спустились по сходням и скрылись среди тюков с марсельским мылом.

Робер, переведя дух, еще долго метался по узким, часто перекрытым каменными сводами, улочкам, разбирая то итальяскую, то франкскую, то германскую, то тюркскую, то арабскую, то прованскую речь. На одном перекрестке под залихватскую мелодию танцевали какие-то странные люди. Заложив большие пальцы за отвороты необычно длинных и узких сюрко и оттопырив локти, они скакали друг перед другом, выбрасывая вперед то правую, то левую ногу, и время от времени подпрыгивали, делая движения, напоминающие ножницы. Ему показалось, что среди музыкальных инструментов мелькнула знакомая лютня. Робер, обливаясь потом, снова перешел на бег, но тут дорогу ему перегородило непредвиденное препятствие.

Повернувшись к нему спиной и почти полностью перегораживая проход, стоял франкский воин огромного размера, чей плащ, пожалуй, лишь немного уступал по размерам парусу «Акилы». Поигрывая одновременно двумя булавами – большой и поменьше, он, видимо, не желая больше наблюдать за странными танцами, стал медленно разворачиваться, так что Робер с размаху уткнулся носом прямо в живот, защищенный добротной фландрской кольчугой.

Откуда-то сверху донесся недовольный рев. Робер сделал шаг назад, выхватил из ножен меч и принял боевую стойку...

Таверна в венецианском квартале была набита посетителями, словно перезрелый огурец семечками, шум и гам здесь стоял почище, чем во время стычки с конийскими турками. За соседним столом тосканские арбалетчики пропивали свою долю выкупа, полученного за эмира. Стол у них ломился от яств, красная морда хозяина становилась все довольнее, слуги мухами кружили вокруг компании, а три потасканные девицы почти без перерыва то спускались вниз, то тянули на второй этаж очередного счастливого, словно шаландры, волокущие на буксире баржу. Жак, с трудом сдерживаясь чтобы не разрыдаться в голос, пил вино из глиняной кружки, которую ему наполняли то Робер, то присоединившийся к ним рыцарь.

Еще на причале, когда Жак уже отчаялся снова увидеть не только свой вексель, но и де Мерлана и со страхом думал о том, что ему делать с конем, перед ним появились две фигуры. Рядом с коротышкой Робером вышагивал облаченный в доспехи гигант, который был на голову выше любого обычного человека. У рыцаря – а это, несомненно, был рыцарь – помимо меча и новомодного кинжала-мизерикордии, висело на поясе не меньше пяти булав, самая маленькая из которых была размером с яблоко, а самая большая – не меньше головы ребенка. На булавах были проставлены бросающиеся в глаза клейма с непонятными арабскими знаками. Жак припомнил, что отец Браун, обучая его грамоте, говорил, что такими значками на сарацинский манер недавно стали обозначать в Европе числа.

– Вот, – гордо произнес Робер, – познакомься. Это мой старинный приятель. Мы с ним бок о бок бились еще во Фландрии. Зовут его сир Макс, вольный рыцарь из Гента. Но на это имя он редко откликается. До того как присоединиться к моему эскадрону, он был собратом у братьев-тевтонцев, которые за любовь к вину и исполнению посреди ночи громких маршей прозвали его братом Скальдом. Но с тевтонцами он не поладил и даже имел там стычку, после которой его в нашем отряде никто не величал иначе как брат Недобитый Скальд. Правда, к именам тех пятерых тевтонцев, которые его не добились, стали прибавлять с тех пор титул «покойный»...

– Да не переживай ты за свой вексель! – прогудел Недобитый Скальд. – Куда ваш жонглер из Акры денется? Не к сарацинам же побежит. Завтра утром подадим жалобу честь по чести, и его, болезного, через пару дней под белы рученьки приведут.

– Ой, не знаю... – покачал головой изрядно захмелевший Жак. – Вексель, конечно, именной, но кто его знает, как тут у вас дела делаются. Придет к ломбардцам, мои денежки получит – и поминай как звали.

– Не бойсь, виллан! – хлопнул его по плечу Робер. – Теперь у нас с тобой деньги общие, так что, думаю, скоро еще наживем! Помнишь сражение при Бувине? – обратился он к Недобитому Скалду.

– Как же не помнить! – немедленно отозвался тот. – Мы стояли правом фланге, под началом герцога Бургундского. Там были копейщики герцога, рыцари Шампани, Арденн и Пикардии. Нас прикрывали сержанты из Суассона..

– Мне тогда только исполнилось девятнадцать, – ударился в воспоминания Робер, – и дядюшка, граф де Ретель, впервые поручил мне командовать в бою эскадронами. Слева от нас все рыцари Иль-де-Франса и Нормандии, они прикрывали королевский эскадрон и знамя. Еще дальше, под началом графа Дре, – рыцари Перша, Понтье, Виме, а за ними бретонские жандармы. Наш строй, как его ни растягивал сир Гарен, был не шире семи с половиной тысяч шагов, а у армии, которую привел император, – все восемь тысяч. Наши военачальники боялись охвата с флангов и молились на единственное преимущество – солнце светило нам в спину, а врагу в лицо.

Перед нами стояли англичане – лучники, кавалерия и копейщики-брабансоны. Были там и лотарингцы, и германская пехота, и саксонцы, и рыцари графа Фландрского. Они поставили брабансонов кругами в каждом по три шеренги, так что рыцари могли укрываться за рядами

копий и снова нападать.

Наш гентский малютка вместе с другими рыцарями из этого славного города присоединился к нам перед самой битвой... – Робер пихнул Жака локтем под бок, привлекая его внимание.

Жак, понимая, что от воспоминаний старых боевых товарищей ему не скрыться, всем своим видом изображая живейший интерес, кивнул, после чего заметно поскучнел.

– Когда мы увидели, что они перестраивают свои фланги в клин, то сперва было совсем приуныли, – продолжал, не обращая на Жака ни малейшего внимания, Недобитый Скальд, – но сир Гарен решил напасть первым и двинул прямо на фламандцев конных сержантов. Фламандцы, понятное дело, разъярились – они-то ожидали рыцарских поединков и достойных трофеев. Перебили у сержантов лошадей, но те продолжали бой в пешем строю.

– Затем трубы протрубили атаку, и все наши эскадроны Ринулись на врага! – перехватил эстафету Робер. – Мы связали боем фламандцев, а сир Монморанси во главе резерва обошел их с тыла. Мы со Скальдом воевали рядом и взяли в плен: я – четверых, а он – двоих рыцарей.

– Не ври! – возмутился Недобитый Скальд. – Это ты взял двоих, а я троих...

– Не важно, – отмахнулся от него Робер. – И вот мы увидели, как кивает королевский штандарт, показывая, что Его Величество в опасности. Мы сразу же бросили добивать фламандцев и устремились туда. И вправду, германская пехота смяла весь наш центр, а король Филипп-Август, сбитый с коня, укрывался за шеренгой уцелевших рыцарей. Тогда мы ударили им в тыл, смешали ряды и захватили в плен самого императора!

– Да, славный был бой, – согласился Недобитый Скальд и в несколько мощных глотков осушил только что принесенный кувшин. – Англичане держались дольше всех в своих живых крепостях. Но епископ Бове с палицей в руках во главе трех тысяч сержантов и множества копейщиков разметал их, словно буря...

– Добычу взяли славную, – в свою очередь отхлебнув из кувшина, добавил Робер. – И если бы я в тот же вечер не сел играть в кости...

– Да, – протянул Недобитый Скальд, – зря ты, конечно, это сделал...

– Ладно, будет еще время вспомнить наши сражения, – быстро сменил неприятную тему Робер. – Ты мне лучше скажи, к кому здесь можно устроиться на службу?

– Да на службу тут кто хошь возьмет, – ответил великан, поигрывая одной из своих булав. – Это смотря чего ты сам желаешь – обет исполнить и поскорее вернуться домой или золотишком разжиться. Только тут считается, что раз ты принял крестоносный обет, то сорок ден обязан лямку тянуть за одну лишь кормежку. Можно, конечно, и вассальную присягу кому-то из местных нобилей принести – только от этого привару немного. Стол и кров дадут, ну долю добычи в набегах тоже получишь, а вот фьеф – шиш на оливковом масле. Тут уже все владения расписаны на сто лет вперед. После того как Саладин сокрушил королевство, куча графов и баронов остались без земли, с одними лишь титулами. Все они тут, в Акре, сидят и ждут не дождутся, когда из Европы войско прибудет, чтобы их владения возвратить.

– А насчет похода что слышно?

– То же, что и у вас. Император Фридрих готовится с огромным войском выступить из Италии. Да только совсем недавно в Акру пришла весть, что папа Гонорий отдал богу душу и его преемником избран Григорий Девятый – племянник покойного Иннокентия. И теперь Фридриха чуть не во всех церквях осуждают – мол, тянет время, не желает Святой Земле помогать и Святой град освободить. Очень его Григорий не любит.

– А кто тут вообще сейчас всем заправляет?

– С тех пор как Фридрих женился на дочери здешнего регента, Иоанна де Бриенна, император считается по закону королем Иерусалимским. Он и балы своего прислал, да только

толку мало: ни ордена, ни нобили, ни торговые республики его не признают – только тевтонцы. Но их тут сейчас – кот наплакал. А на самом деле здесь, в королевстве, всем заправляют Ибелины. Все у них – земли, деньги и люди. Они здесь единственные, кто обещает своим вассалам восполнить коня в случае потери в бою. Воюют часто, на трофеи фартовые, только вот если к ним наниматься – без полной экипировки лучше даже не приходить.

– А ты-то, друг, где служишь?

– Я-то уже нигде. Я тут два года оттрубил, заработал немного, всех своих слуг отпустил, лошадей продал и теперь вот с пришедшим конвоем отправляюсь в Венецию, а оттуда в родной Гент. Надоел мне этот Восток хуже горькой редьки.

Друзья, увлеченные воспоминаниями, не заметили, что обессиленный Жак давно уже спит, положив голову прямо на стол.

* * *

Робер проснулся от страшной головной боли, словно кто-то вбил ему в виски по несколько десятков длинных плотницких гвоздей и, мало того, шевелил их время от времени. Достославный рыцарь застонал и начал шарить рукой, пытаясь на ощупь определить, что происходит вокруг. Выяснилось, что он лежит в камизе и сюрко, но без брэ. Более глубокая рекогносцировка показала, что рядом с ним лежит еще кто-то. Судя по гладкости кожи и наличию неких характерных выпуклостей, это, несомненно, было существо женского пола.

Де Мерлан собрался с силами и открыл" глаза. Действительно, рядом с ним, разметавшись по широкой кровати, громко сопела девица неопределенного возраста. Кожа ее, которую ввиду полного отсутствия одежд можно было разглядеть от ступней до головы, была смуглой, как у испанской мавританки, а вот лицом она, пожалуй, больше походила на итальянку. «Из местных, смешанных кровей», – подумал Робер и попытался присесть, при этом выдавая виды разболтанная кровать издала протяжный стон. Девица тоже проснулась и, немного сжавшись, с ужасом, в котором, впрочем, явственно просматривалось и восхищение, поглядела на рыцаря. В ее взгляде читался немой вопрос: «Что, опять?!»

Робер, глядя на девицу, почувствовал, что в том месте, которое должны укрывать брэ, на вопрос девицы зреет более чем положительный ответ. Но тут дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Недобитый Скальд. Девица обрадованно пискнула, вскочила на ноги и заметалась го комнате, собирая разбросанную одежду.

В дальнем углу комнаты обнаружился Жак. Он спал на узкой лежанке, укрытый конской попоной, проснулся от шума, вскочил и теперь стоял в дальнем углу, приходя понемногу в себя и с ужасом переводя взгляд то на Скальда, то на Робера, то на одевающуюся впопыхах девицу.

– Вставайте, сони! – пророкотал великан. – Кто рано встает, тому Бог дает!

– Что вчера было? – спросил Робер. Он обнаружил на полу свои брэ и, путаясь в завязках, пытался их натянуть.

– А ты что, не помнишь? Силен! Оттащили мы твоего приятеля спать, а сами спустились вниз и присоединились к тосканцам. Ты еще предлагал им в кости поиграть...

– И что, они согласились? – с тревогой спросил Робер.

– Да нет, – махнул рукой Недобитый Скальд, – попробовали – не получилось. Никто уже лыка не вязал и точек на костях разглядеть не мог. Потом подрались немного...

– Немного – это как? – уточнил Робер.

– Да тосканцы своими бабами делиться не хотели, вот мы их и начали жизни учить, – простодушно ответил Недобитый Скальд. – А квартал-то венецианский. Вот вся местная шваль, которая себя называет «сольдати» – служат они за сольди, – на нас и навалилась. Это у себя в Италии они друг другу глотки режут, хоть и соседи, – а тут выступили единым войском против нас двоих.

– И что? – спросил Робер, ощупывая голову в поисках шишек и вмятин, неизбежных при такой драке.

– Да ничего, – удивился Скальд, – их же было-то совсем немного. Человек тридцать, не больше. Мы с тобой их долго били, погнали аж до городских ворот, а потом обиделись и пошли спать.

– Никого, случаем, не убили?

– Да вроде нет. Тут с этим строго. – Недобитый Скальд отвесил громкий шлепок девице, которая пыталась прошмыгнуть в небольшую щель между ним и дверью. – Ну что, завтракать-то пойдем?

Обеденный зал таверны ничем не напоминал о вчерашнем побоище, которое Робер помнил крайне смутно, а положив руку на сердце, не помнил совершенно. Утрамбованный земляной пол был чисто выметен и посыпан свежим морским песком, на жаровне шипела рыба, а за столами скучали по углам несколько человек. Завидев друзей, хозяин испуганно просиял и немедленно отправил к ним одного из прислужников.

Кувшин с яблочным сидром, поданный прежде остальных блюд, унял головную боль и возбудил аппетит. Робер с Жаком, приходя в себя и вспоминая о вчерашних злоключениях, сидели чернее тучи, зато Недобитый Скальд был весел, словно юный оруженосец перед первым турниром.

– Мой корабль завтра утром покидает Акру, – поделился он с друзьями доброй вестью. Но те, похоже, если и разделяли радость достоправного рыцаря, то лишь отчасти.

– Ты нам расскажи, брат, – зажевывая сидр солеными оливками, спросил Робер, – как нам проще всего попасть в Иерусалим?

– В Иерусалим вам попасть никак не удастся, – рассудительно ответил Скальд. – Все здесь сейчас ждут прибытия войска, вскоре начнется война, и султан Аль-Камил запретил посещение Святого города паломникам-христианам. Так что лучше всего наймитесь к кому-нибудь из нобилей и ждите, когда приплывет Фридрих, чтобы идти в Святой город вместе с ним.

– Фридрих, говоришь? – покачал головой Робер.

– А не подскажите ли, уважаемый, хм... Недобитый Скальд, – вмешался в разговор немного оживший Жак, – какой «мессир» на днях сюда приплыл из Европы?

– Этого я точно не скажу, – почесав в затылке, ответил рыцарь. – Тевтонские магистры вроде появились, но я с ними, сам понимаешь, не особо...

– Ну, господь с ним, – стукнул кулаком по столу де Мерлан. – Давайте завтракать, а потом пойдем тебя, Скальд, в путь провожать. А нам с Жаком еще нужно подумать, как здесь до осени прожить.

Отдав должное великолепно прожаренной курице, которая была, на сарацинский манер, приправлена ароматными пряными травами, они покинули таверну и отправились в город.

– А вексель? Как же быть с украденным векселем? – заголосил Жак, завидев, что друзья направляются напрямик в сторону порта.

– Точно! – хлопнул себя по лбу Робер. – А я-то думаю, что мы еще сделать забыли? Помню, что что-то очень важное...

– Так что там у вас за вексель? – спросил Недобитый Скальд. – Давай-ка рассказывай подробнее.

– Да, в общем, тут такое дело, приятель... – Робер вкратце пересказал ему все события вчерашнего дня – от выхода с «Акилы» и до того момента, как он наткнулся на Скальда, пытаюсь поймать подлого жонглера.

– А кем выписан? – уточнил Скальд.

– Письмо Пизанского банкирского дома с гарантией, что мне здесь выдадут триста ливров...

– Триста ливров! – Скальд аж присвистнул от удивления. – Слышь, де Мерлан! Нам с тобой тоже, что ли, бросить мечами махать да в вилланы податься? Я ведь больше сотни ливров и в руках не держал за всю свою жизнь. Ох уж эти пейзажи – по всему миру одинаковы: хоть во Фландрии, хоть в Италии, хоть в Палестине. Ходят в обносках, живут в курных избах, жалуются постоянно на неурожай. И при этом у каждого под красным углом закопано целое состояние...

– Это все, что мой отец нажил тяжелым трудом, – обиженно ответил Жак. – Если вы, благородный рыцарь, знаете, как правильно лозу выхаживать, как из ягоды сделать настоящее бургундское вино, да согласны с утра до вечера в поле, невзирая на снег и дождь, работать...

– Ладно, завел свою песню, – отмахнулся от виллана Недобитый Скальд, – я в этих делах не особо силен. Только вот что скажу. Вексель пизанский? Стало быть, пошли в пизанский квартал. Это как раз по дороге.

Резиденция пизанского консула представляла собой массивное трехэтажное здание из желтого ракушечника, с невысоким крыльцом и мощной деревянной дверью, в которую постоянно входили и выходили люди. Внутри здания находилась канцелярия – просторный холл, из которого вели в кабинеты несколько дверей. У дверей гомонили посетители.

– Где тут консул сидит? – спросил Недобитый Скальд у первого же попавшегося купчишки и, получив ответ, раздвигая толпу, направился к указанной двери.

– По какому делу? – пискнул из-за стойки секретарь.

– По государственному! – рявкнул в ответ Скальд и, воспользовавшись тем, что из кабинета как раз выходили посетители, затолкал туда Жака и Робера, а сам занял позицию снаружи, дабы никто из просителей не смог помешать разговору.

Консул оказался дородным мужчиной в черном платье, украшенном богатым серебряным шитьем. Голову почтенного пизанца венчала изрядная проплешина.

– Чем могу быть полезен, монсир? – спросил он, обращаясь к Роберу. В отличие от других он безошибочно различил рыцаря не в черноволосом и голубоглазом красавце Жаке, а в желтоволосом коротышке.

– У моего оруженосца жонглер по имени Рембо, прибывший из Марселя, вчера днем похитил вексель, выданный вашим банкирским домом! – четко, словно отдавая рапорт, изложил суть дела де Мерлан.

Консул хмыкнул, почесал в затылке, словно соображая, как бы повежливее спровадить эту парочку, но узнав, о какой сумме идет речь, оживился и начал задавать уточняющие вопросы.

– А кто может подтвердить, что вы и есть на самом деле Жак из Монтелье?

– Я могу подтвердить! И еще Недоби... сир Макс из Гента, он за дверью ждет!

– Вот как мы поступим в этом случае, господа, – наконец подвел черту консул. – Если вы в состоянии заплатить пошлину и торговые расходы, то сейчас же подавайте на мое имя официальное прошение, где изложена суть дела. Мы тут же разошлем по всем здешним банкирским домам депеши, чтобы ежели кто придет с векселем, выданным на имя мэтра Жака из Монтелье, то его бы немедля хватали и тащили к местному шателену или бальи. Если, конечно, этого жонглера вам самим удастся поймать, тогда намного легче. Его городская стража допросит, и он во всем сознается. Да только шансы у вас, на мой взгляд, невелики. Он мог, к примеру, покинуть город еще вчера и теперь погасит вексель где-нибудь в Тире, Триполи или

Антиохии, до того как туда придет наша почта. Подкупит свидетелей, чтобы подтвердили его личность, и ищи-свищи. Или же, напротив, затаится до вашего отбытия и только потом денежки получит...

Исполнив все необходимые формальности, разочарованные друзья покинули пизанский квартал и потащились в порт, чтобы наконец проводить Недобитого Скальда.

* * *

Жак и Робер возвратились в венецианскую таверну, заказали обед и сидели за столом, макая по очереди лепешки в миску с густой подливой и кусками мяса и думая о том, что им делать дальше. Вина на столе на сей раз не было.

– Что мы имеем?.. – рассуждал Робер, пытаясь одновременно говорить и жевать. – Ловля жонглера – дело долгое и вряд ли успешное, тут консул, пожалуй, прав. Так что с векселем, похоже, придется распрощаться. Опять же в Иерусалим до осени мы никак не попадем. Можно, конечно, на оставшиеся деньги тихо-мирно прожить, потом совершить паломничество, отметить у патриарха...

– Вряд ли это удастся, – перебил его Жак, который от переживаний совсем почти утратил аппетит, – здесь у нас есть могущественные враги. Если сицилиец перед смертью сказал правду, то за нами охотятся люди императора Фридриха.

– Это точно, приятель, – кивнул Робер, заталкивая в рот изрядный кусок баранины, – кроме того, наши приметы знает некий магистр. Скальд сказал, что в Акру недавно прибыли магистры тевтонцев. А тевтонцы – союзники Фридриха. Думаю, что нам для начала нужно покинуть город, где нас обнаружить не сложнее, чем большой королевский штандарт во время сражения, а затем найти надежного покровителя. Так что выходит, – заключил достославный рыцарь, выбирая из миски остатки подливы, – что путь нам один, в Бейрут, к самому могущественному нобилю королевства, Жаку де Ибелину.

– Но я слышал от тосканцев, что он не принимает на службу рыцарей без полной экипировки!

– Боевой конь, дестриер, у нас уже имеется, спасибо тамплиерам. А по сравнению с тем, сколько он стоит, остальное – почти пустяк. Купим здесь же, в Акре. Слава богу, денег пока достаточно.

Чтобы попасть на местный рынок, расположенный за городскими стенами, в предместье Монмазар, им пришлось пересечь всю столицу Иерусалимского королевства. Вчерашняя погоня за жонглером особого представления о городе не дала. Ночная беготня за тосканцами и венецианскими солдатами в памяти вовсе не отложилась. Робер и Жак, проталкиваясь по узким улочкам в сторону ворот Святого Антония, словно заново открывали для себя Акру. Доблестный рыцарь и его оруженосец, широко раскрыв глаза, оглядывали беспокойный, пестрый, разномастный город, по сравнению с которым даже Марселлос в разгар паломнического сезона показался бы тихим северным захолустьем.

– Церквей тут поболее будет, чем в самом Париже, – вертя во все стороны головой, восхищенно зацокал языком Робер.

Действительно, каждый квартал здесь имел свою собственную церковь или часовню с неизменной колокольной. Помимо купцов и ремесленников, под защитой городских стен обитало и множество дворян – почти на каждом доме, который они проезжали, висело одно, два,

а зачастую и три-четыре полотнища с гербами, свидетельствующими о том, что эти апартаменты занимают благородные господа.

– Так много нобилей я не встречал не то что в Дижоне, но и в самом Лионе, – удивленно произнес Жак. – Какое мощное королевство!

– Да какие там нобили... – презрительно скривился в ответ Робер. – Мне дядюшка, граф де Ретель, рассказывал, что, после того как Саладин завоевал здешние земли, все сирийские графы и бароны сбежались в Акру. Теперь живут тут на подачки короля и европейской родни, а все их владения, помимо громких титулов, составляет зачастую лишь пара комнат в доходном доме.

На улицах также бросалось в глаза большое число рыцарей-монахов.

– Слушай, Робер, – спросил Жак у более просвещенного товарища, – а что обозначают у них на плащах разные кресты?

– Ну, красные с толстыми концами ты уже видел на «Акиле» – это тамплиеры. Те, у которых на крестах раздвоенные ласточкины хвосты, – госпитальеры. Их и у нас в Шампани полным-полно. С черными крестами – те самые тевтонцы. А с зелеными крестами, те, что ходят в закрытых шлемах, – лазариты. В этот орден, я слышал, уходят все рыцари, заболевшие лепрой.

Главные городские ворота охраняли копейщики с гербами коннетабля Акры. Пока Жак расспрашивал, как добраться до рынка, Робер узнал, что никакого жонглера с лютней, а также и провансальца по имени Рембо стражники ни вчера, ни сегодня не видели и слыхом о таком провансальце не слышали.

В то время как де Мерлан разговаривал с капитаном стражи, мимо них проехала арба, груженная тюками с марсельским мылом. В одном из тюков была прогрызена большая дыра, и оттуда, с интересом разглядывая все вокруг, выглядывали две острые крысиные мордочки.

Рынок превзошел все ожидания приятелей. Здесь, в главном торговом порту, куда привозились товары не только из Ромеи, Киликии, Сирии, Месопотамии, Аравии и Египта, но из далекой Нубии, Индии и даже загадочного Китая, можно было найти все что угодно.

После того как Робер безропотно, не сделав даже попытки поторговаться, выложил шесть серебряных динаров за плохо выделанную уздечку, Жак засопел, оттеснил рыцаря плечом и взял инициативу в свои руки.

– Франкские ливры! – скривился первый же купец, у которого они попытались сторговать спокойного и выносливого мула. – Мне такие не нужны. У нас тут в ходу сарацинские безанты или ломбардские солиды.

Меняла – сириец-маронит – сидел под навесом из пальмовых ветвей под охраной двух наемников. Пред ним лежала большая доска, на которой блестели, желтели и темнели стопки самых разнообразных золотых, серебряных, медных и даже железных монет.

Превращая оставшиеся после путешествия ливры в полновесные динары, Жак, разглядывая изображения и надписи на всех мыслимых и немыслимых языках, вдруг, глядя куда-то в дальний угол «прилавка», вытаращил глаза и окаменел. Робер с интересом глянул на приятеля.

– А это что такое? – Жак указал пальцем на большую золотую монету, новую, еще не затертую и не исцарапанную, а потому особо ярко сверкающую на солнце.

– Это новые деньги, – радостно зачастил сириец, – их недавно начал чеканить завоеватель Китая и Хорезма, великий монгольский хан Темучин. Никто их не знает и брать не хо... То есть, что это я говорю! Монета хоть и редкая, но в большом ходу, вот уже почти ни одной не осталось...

– Я поменяю одну, – задумчиво произнес Жак.

– Монета полновесная, пойдет за полтора... – начал было меняла, но осекся, услышав сопение Робера, и молча потянул к себе один ливр.

Два дня потратили друзья на то, чтобы приобрести все необходимое для рыцарской службы – оружие, доспехи, снаряжение, лошадей. Несмотря на рачительность и деловую сметку Жака, на это ушли почти все оставшиеся у них деньги. На третий день после праздника Вознесения Господня постоялый двор в венецианском квартале покидали уже не два плохо одетых, обворованных паломника, а самый настоящий рыцарский отряд. Плащи рыцаря и оруженосца украшали красные кресты, которые говорили окружающим, что перед ними не простые наемники, а пилигримы. На конце длинного деревянного копья с кованым железным наконечником, поднятого Жаком по приказу Робера, реял по ветру вымпел с гербом сеньоров де Мерлан.

– Скажи мне, виллан, зачем ты взял эту китайскую деньгу? – вскоре после того, как стены и купола Акры скрылись за цепью холмов, спросил у Жака Робер. – Ведь торговался до хрипоты за каждый гвоздь, а тут взял и целый ливр выкинул на ветер. Я все хотел тебя спросить, да в суматохе сборов не до того было.

– Достань ту половинку, что мы в каюте убитого посланника нашли... – попросил в ответ Жак.

Заинтригованный рыцарь немедленно выполнил его просьбу. Жак молча протянул рыцарю открытую ладонь, на которой лежали две монеты – целая и разрубленная. На них был отчеканен один и тот же рисунок.

Глава шестая, в которой Роберу так и не удается избавиться от вредной привычки

Иерусалимское королевство.

Акра – Тир – Сидон – Бейрут. 1227 г. от Р.Х.

Воскресенье после дня Вознесения Господня —

Пятидесятница (30 мая – 6 июня)

Приморская равнина от самой береговой кромки и до синеющих на горизонте холмов была покрыта лоскутами возделанных полей. Среди полей петляла накатанная дорога. Маленький отряд из двух всадников, двух лошадей и двух мулов, обгоняя пеших путников и караваны верблюдов, двигался в сторону Тира. Робер во что бы то ни стало хотел оказаться под защитой крепостных стен еще до захода солнца.

Возглавлял процессию сам де Мерлан. Он гордо скакал на походном коне, с Ветром на поводу. Вслед за Ветром по белому гравию весело трусил мул, везущий Жака, а с ним и второй, навьюченный припасами, копьем и щитом.

Достославный рыцарь, в котором тщеславие, после продолжительной внутренней борьбы, все же ненадолго одолело здравый смысл, парился в новой кольчуге. Он жутко страдал от жары, но упорно не желал сменить боевой доспех на одежду, более подходящую для здешних условий. Жак чувствовал себя намного лучше. Он ограничился легким кири – кирасой из выделанной многослойной кожи, которая уберегала от стрел и копий получше иного железа, а для защиты от едкой пыли на здешний манер повязал лицо до самых глаз тонким льняным платком.

– Земли, конечно, богатые, – разглядывая окрестности, мечтательно говорил Жак, – да и весна приходит намного раньше. Они тут, поди, не один, а два урожая снимают до Рождества. Правда, на базаре в Акре рассказывали, что там, за холмами, лежит глубокая плодородная долина, по которой течет река Иордан. Именно в этой-то долине и есть самые богатые земли,

лучше которых разве что Египет да Месопотамия. А за этой грядой начинаются скалы, а за скалами – огромная пустыня.

– Хорошие места, – подтвердил Робер. – Защищать эти земли – одно удовольствие. Если построить цепь крепостей на морском побережье, потом еще вон на тех дальних холмах, да еще возвести форты в скалах, чтобы оседлать главные ущелья и перевалы, – тогда ни один враг не пройдет. Ну а ежели как у нас, в Арденнах, – полдня пути – форт, день пути – крепость, – то можно и вовсе врагов не бояться. Дядюшка мой, граф де Ретель, гордился тем, что император Балдуин де Борк, один из первых иерусалимских королей, тоже из его рода, и много мне рассказывал про эти места.

Путешествие проходило без происшествий. Правда, пару раз вдали появлялись какие-то отряды – судя по поведению, не очень дружелюбные, да на самой границе видимости мельтешили наездники в тюрбанах – явно сарацины. Но всякий раз де Мерлан приказывал Жаку поднять копье, уперев его в стремя, и всадники, издали завидев рыцарский вымпел, немедленно исчезали. Останавливаясь в деревнях, чтобы дать лошадям короткую передышку, Жак и Робер продолжали двигаться вперед.

Под вечер со стороны моря набежали тучи и укрыли долину от жгучего неумного солнца. Стало немного прохладнее, и лошади, чуя скорый привал, побежали вперед заметно быстрее.

– Кого-то мне этот капюшон напоминает. – Робер обернулся к Жаку и указал ему на бредущего по обочине тучного коротконового монаха.

– О, да это же тот самый послушник с «Акилы»! – обрадованно воскликнул Жак. – Привет тебе, уважаемый! Куда путь держишь?

– Господь вам в помощь, пилигримы! – отозвался послушник-бенедиктинец. – Иду я в славный город Тир, дабы помолиться святому Павлу, который проповедовал там семь дней на пути к Иерусалиму. А потом смогу, подобно апостолу, дожидаться благословенного мига, когда наконец дела суетные придут в порядок и мирные богомольцы наконец-то снова смогут возносить молитвы у Гроба Господня! Кстати, уважаемые, не желаете ли вы совершить богоугодное дело и позволить мне проделать остаток пути на спине вашего мула?

– Прости, преподобный, – недовольно ответил Робер, – но был бы ты, святой отец, полегче фунтов на двадцать, тогда, конечно, другое дело. А так – лошади медленнее пойдут, до заката в Тир не успеем, а ночевать достойному рыцарю в чистом поле никак не сообразно.

– Не слышал ли ты, уважаемый, о том жонглере, что с нами плыл из Марселлоса? – одаривая послушника серебряной монеткой, поинтересовался Жак.

– Как не слышать, – мгновенно спрятав подношение в поясной кошель и благодарно кланяясь, ответил послушник. – Он сам хвалился, что плывет в Святую Землю по приглашению его светлости графа Яффы, дабы песнями своими прославлять крестоносные подвиги этого владетельного сеньора.

– Яффы, говоришь? – заинтересованно переспросил Робер.

– Яффы, сын мой, – подтвердил послушник, – это в двух днях пути до Святого града, на берегу моря. Мы движемся сейчас от Акры аккуратно в противоположную сторону.

– – громко, испугав лошадей, произнес Робер.

Послушник в ужасе перекрестился.

Де Мерлан добавил еще пару слов, свистнул, прищипорил коня и рванул вперед, отдавая пешим паломников клубами пыли. Жаку ничего не оставалось делать, как пуститься вслед.

По мере приближения к Тиру долина постепенно сужалась, пока весь горизонт не заслонили каменистые холмы, вершины которых густо поросли лесом. Дорога теперь шла у самого берега. Вскоре за небольшим перевалом появился и древний город.

Тир был отлично укрепленной крепостью, расположенной на полуострове, выдающемся

далеко в море. Его мощные стены, выдержавшие осаду Саладина, поражали своей высотой и толщиной. Город этот, хоть и имел удобный порт, был не столь велик и многолюден, как Акра. Путники быстро нашли вполне приличный постоялый двор и устроились на ночлег.

– Слушай, сир Робер! – спросил у рыцаря Жак, после того как кони, напоенные и накормленные отборным зерном, были вычищены, заботливо укрыты попонами и задремали в стойлах. – Может, пока не поздно, развернемся в Яффу? Там вон тоже граф свой есть, а при нем этот злодей Рембо подвизается. Выручим вексель, пока не поздно!

– А никто тебе не говорил, виллан, что возвращаться – плохая примета? – ехидно поинтересовался де Мерлан. – А ежели нам еще кто, тот же Рыцарь Надежды, к примеру, по дороге в Яффу встретится да заявит, что слышал, будто Рембо отправился в Антиохию?.. Эдак мы будем туда-сюда метаться до второго пришествия.

– Вот что, – сказал Жак, – пусть нас Господь и рассудит: бросим жребий – как выпадет, так и поступим.

– Идет! – согласился Робер. – Бросай монету: выпадет орел – продолжаем путь в Бейрут, решка – разворачиваемся в Яффу.

Жак не глядя достал из кошелька первую же подвернувшуюся монету и подбросил ее над столом. Когда она, покрутившись, звякнула о дерево, оказалось, что это та самая денга монгольского хана. Она лежала кверху всадником, то есть орлом. При этом Жак краем глаза заметил, что на монету очень внимательно смотрит человек, сидящий за соседним столом.

Человек вдруг встал и направился прямо к ним.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор. – Перед ними стоял средних лет мужчина в дорогом и очень изысканном платье. Его живые, пронизательные, но в то же время немного грустные глаза смотрели прямо на Жака. – Мое имя Григ. Мастер Григ. Я киликиец, вольный каменщик из Константинополя. Приглашен архиепископом Тира для ремонта и укрепления стен. Пробуду здесь до осенней навигации, после чего проследую в Яффу, чтобы приступить там к постройке новой крепости.

– Я Жак из Монтелье, в недавнем вольный виллан, а ныне оруженосец сира Робера де Мерлана, рыцаря из Арденнской земли. Мы крестоносцы.

– Еще раз прошу простить мне мою назойливость, – кивнув одновременно обоим приятелям, продолжил мастер Григ, – но дело в том, что помимо увлечения стрельбой из арбалета и коллекционирования древних манускриптов я еще страстно интересуюсь монетами из дальних стран. Именно эта страсть и привела меня к вашему столу. Я вдруг решил, что если вы являетесь обладателями монгольского тенге, то, вероятно, побывали в тех странах.

– К сожалению, вы ошиблись, уважаемый мастер, – ответил Жак, пнув что есть силы под столом Робера, который уже встопорщил усы и раскрыл было рот, чтобы выдать в ответ фразу, которая могла бы оскорбить собеседника. – Эту монету всучил мне дорожный меняла. Я по недосмотру и незнанию принял ее за безант.

– Жаль... – вздохнул мастер Григ, – я люблю расспрашивать путников о дальних странах. Тем не менее я готов обменять эту монету на полновесный солид.

Жак с Робером переглянулись. Рыцарь чуть заметно кивнул. Став обладателем тенге, мастер Григ рассыпался в благодарностях, но присоединиться к трапезе отказался, сославшись на множество дел.

– Если вам что-нибудь понадобится, уважаемые господа, – сказал он на прощание, – например, возвести форт или доходный дом или же разыскать древнюю рукопись, – смело обращайтесь ко мне. Вы здесь люди новые и нуждаетесь в помощи и совете.

– Почему ты согласился отдать ему монету? – спросил у Робера Жак, как только они остались одни.

– Виллан, как говорится, и в Нубии виллан, – вздохнул Робер, глядя на товарища, словно на тяжело больного ребенка. – Да ты знаешь, кто такие вообще вольные каменщики? Это гильдия мастеров, которым ведомы древние секреты. Их труд на вес золота, и они выбирают сеньоров, которым строят замки и дворцы, а не наоборот. Заручиться даже незначительной поддержкой такого мастера – это все равно что стать доверенным лицом влиятельного графа, а иметь его в недругах – все равно что поссориться одновременно с папой, императором и самым главным сарацинским султаном. К тому же он еще и киликиец. А этот народ, проживающий искони на окраине греческих земель, имеет большие колонии не только в Константинополе и Акре, но в Париже и даже далеком Лондоне. Словом, во всех больших столицах и при всех дворах киликийцы имеют большой вес. Так что выполнить его просьбу для нас – большая удача!

Наутро они продолжили путь. Холмы подошли вплотную к воде, и широкая дорога, идущая по равнине, закончилась, превратившись в караванную тропу. Лошадям здесь приходилось тяжелее, и темп движения резко упал. За два дня они добрались до Сидона, который, как выяснилось, был поделен пополам между мусульманами и христианами, и наконец, на пятый день пути прибыли в Бейрут.

Город окружал довольно широкий ров, в котором поблескивала вода. Стены из песчаника поднимались вверх не меньше чем на полсотни футов, как навскидку определил Робер, и с внутренней стороны были укреплены гласисом – искусственно отсыпанным пологим подъемом. За стеной вздымались тяжелые башни баронского замка, который здесь играл роль цитадели, а чуть левее сверкали купола церкви Иоанна Крестителя. Беспрепятственно въехав в ворота, де Мерлан огляделся по сторонам и крикнул от удовольствия.

– Крепость стоит под защитой городских стен, – сказал он Жаку, – имеет выход в гавань и отлично выставлена на местности. Да и церковь имеет крепкие стены и находится под прикрытием двух башен. Если захватят внешнее кольцо укреплений, в ней сможет укрыться половина городских жителей. Толково, нечего сказать. Тут можно хоть десять лет обороняться. Знаешь, я уже хочу служить под началом этого барона.

Ничего не отвечая, Жак, запрокинув голову, во все глаза рассматривал стены с частыми бойницами и чуть заметными стрелковыми щелями, зубчатые башни и выступающие вперед барбиканы, которые, словно стежками толстой железной нити, были сцеплены частыми железными скрепами.

Улица, ведущая к восточным воротам замка, вначале шла вдоль самой стены, затем совершенно неожиданно повернула направо, запетляла между домами, резко развернулась налево, еще раз налево и в конце концов вывела их к мощной надвратной башне, далеко выступающей из стены. Фасадная сторона башни была отделена от улицы ровом и имела лишь узкие бойницы.

– Надвратная башня есть, а ворот в ней нет... – удивился Жак.

– Туда погляди! – Де Мерлан махнул рукой вправо.

Действительно, справа от башни через ров был перекинут подъемный мост. Проехав по мосту вдоль ряда стрелковых щелей, расположенных на уровне груди, они миновали большие кованые ворота, которые были устроены в боковой части башни, и въехали внутрь. Все внутреннее пространство занимал большой холл, по периметру которого на уровне второго этажа шла широкая галерея.

– Кто такие? – спросили сверху.

– Рыцарь де Мерлан, крестоносец, с оруженосцем! – одобрительно глядя наверх, ответил Робер. – На службу к господину барону...

– Из Иль-де-Франса? – снова поинтересовались с галереи, и оттуда высунулся стражник в кольчужном доспехе, держащий в руке взведенный арбалет. Плечи его укрывали железные латы,

а на голове был шапель-де-фер – круглый шлем с широкими полями, чрезвычайно напоминающий шляпу (за что он, собственно, и получил такое название).

– Из Арденн! – уточнил Робер. – Прибыли неделю назад в Акру первым конвоем из Марселя – и сразу сюда!

Стражник скрылся за бортом галереи, и сразу же после этого массивная решетка в дальнем конце холла медленно поползла вверх, открывая путь во внутреннюю часть замка.

Посреди большого двора был вырыт колодец, вокруг которого, судя по всему, и сосредоточивалась вся здешняя жизнь. Специально приставленный слуга время от времени опускал вниз на веревке деревянное ведро и выливал воду поочередно то в длинное корыто, где конюхи и оруженосцы поили лошадей, то в лохань, вокруг которой сутились с бельем разбитные прачки. С прачками через двор перекрикивались несколько копейщиков, расположившихся за широким столом и занятые главным занятием любой стражи – игрой в кости.

Робер спешил, оставил коней под присмотром Жака и, бросая страдальческие взгляды на игроков, поинтересовался у одного из сержантов, с кем тут насчет службы нужно говорить. Получив ответ, он отправился на поиски шателена.

Дальняя часть двора имела вторые ворота, ведущие в главную цитадель. Ее башни были сложены из массивных блоков серого тесаного камня и поднимались вверх не меньше чем футов на сто. Дворик внутри цитадели был организован на восточный манер – с павлинами, пальмами, большим бассейном, где плавали ленивые рыбы, и несколькими навесами, под которыми были наложены горой большие и маленькие атласные подушки.

Шателен оказался выходцем из Фландрии, и они с Робером быстро нашли общий язык. Для старого рыцаря, лицо и шея которого были покрыты полученными в сражениях шрамами, достаточно было одного упоминания, что де Мерлан воевал в войске французского короля вместе с Недобитым Скальдом. Слава и репутация старинного приятеля оказались здесь столь значительным аргументом, что Роберу была немедленно дана аудиенция у самого барона. – И оруженосца своего прихвати, вроде как со свитой, – посоветовал напоследок шателен. – А за обоз свой не беспокойся, мои сержанты присмотрят за ним в лучшем виде.

Дождавшись, пока слуга сбегает за Жаком, Робер оправил снаряжение, стряхнул пыль с рукава и, низко наклонив голову, зашел в маленькую дверцу, которая через узкую короткую галерею привела его в апартаменты владельца Бейрута.

Самый могущественный нобиль Святой Земли, глава клана Ибелинов, Жан Старый, оказался властным человеком с глазами немного навывкате и тяжелым, слегка выпяченным подбородком. В парчовом сюрко, коротком, едва достигавшем колен плаще и с тяжелой золотой цепью на шее он, стоя у высокого стрельчатого окна, диктовал письмо:

– Тебе, Фридрих Второй из рода Гогенштауфенов, император Священной Римской империи, король Германский, король Бургундии, Неаполя и Сицилии, король Лангобардский, король Иерусалимский, холоп твой, недостойный Жан Ибелин по прозвищу Старый, пэр Иерусалимского королевства барон Бейрута, челом бьет! – При этом слово «челом» он выделил голосом, вложив в него такую прорву сарказма, что даже далекому от политики Жаку стало ясно, что своего императора-сюзерена Жан де Ибелин особо не почитает... – Двадцать лет назад, – продолжал Ибелин, – я оставил пост коннетабля Иерусалимского королевства и принял пустой, ничего не значащий титул барона Бейрута. Когда я, в сопровождении немногочисленной свиты, прискакал сюда, то увидел лишь небольшую рыбацкую деревушку с лачугами, уютящимися меж древних развалин. Сейчас Бейрут – процветающий город, окруженный стенами, стоящий под защитой крепости, одной из лучших в христианском мире, а у меня под рукой триста рыцарей. И после этого ты мне говоришь, что больше меня

беспокоишься об освобождении Святого Гроба? Ты, который двенадцать лет собирает крестоносное войско, да никак не может добраться до Святой Земли, дабы сокрушить безбожных сарацин? И я, по твоим словам, должен исполнять приказы поставленного тобой бальи, никчемного Томмазо Д'Арчерра? Так знай же...

Барон сделал паузу, чтобы дать угнаться за собой писцу, и только теперь обратил внимание на посетителей.

– Кто такие? – спросил Ибелин, махнув рукой писцу, чтобы тот обождal.

– Шевалье де Мерлан, рыцарь из Арденн! – доложил Робер. – Желаю к вашей светлости на службу пойти.

Барон бросил на рыцаря внимательный, оценивающий взгляд и, по-видимому, остался доволен. Затем он оглядел оруженосца, чуть вскинул брови, словно немного удивившись чему-то, но промолчал. Появившийся словно из-под земли шателен приблизился к Ибелину и что-то долго ему нашептывал на ухо. Барон слушал и удовлетворенно кивал.

– Ну что ж, – ответил он, обращаясь к Роберу. – Ты мне подходишь, рыцарь. Сейчас у меня как раз совет. Покажешься моим приближенным, ответишь на все вопросы и сразу принесешь присягу. Эй, там! Зовите народ!

В дальнем конце зала открылась двустворчатая дверь, и в кабинет выплеснулась пестрая толпа придворных, которую возглавлял невысокий, чуть обрюзгший человек лет тридцати на вид, одетый намного ярче и дороже, чем все остальные. Робер нахмурил лоб, пытаясь вспомнить, где он его мог раньше видеть.

– Это, – махнул в его сторону барон, – мой любимый племянник и правая рука – Ги де Монфор. Под его командой и будешь служи...

– Дядя! Дядя! – перебил Ибелина любимый племянник, указывая пальцем на де Мерлана. – Это тот, про которого я рассказывал. Мы его в Акре искали, а он имел наглость прямо в замок заявиться...

Жак тихо охнул. Перед ними стоял тот самый чванливый и расфуфыренный тип, которого достославный рыцарь, пытаясь догнать жонглера, сбросил в воду с причала.

* * *

Маленький отряд, стараясь как можно скорее покинуть земли Бейрутского баннерета, двигался в сторону Сидона.

– Нет, ну ты слышал, как этот старый пень орал? – все еще кипя от возмущения, говорил Робер, обращаясь к Жаку. – Слюна на весь зал, цепь набекрень: «Никому не позволено унижать достоинство славных родов, которые искони Иерусалимской землей владеют!...» Тьфу...

– Ну, тебя-то ведь тоже никто за язык не тянул, – мрачно ответил Жак и процитировал, стараясь в точности скопировать все интонации достославного рыцаря: «Тоже мне владельцы! Да ваши деды и просрали королевство, которое им мой славный предок, граф де Ретель, Балдуин де Борк, завещал!» Мог бы, кстати, и извиниться перед Монфором, как барон предлагал...

– То есть стать на колени перед этим надутым павлином и с непокрытой головой вручить ему меч, передав его рукояткой вперед? Да за кого ты меня принимаешь!

– За рыцаря с оруженосцем, которых вышвырнули из замка, подобно псу, ослу, коту и петуху из сказки про трубадуров из Бремена, – вздохнул в ответ Жак. – Если бы ты любимого племянника барона ублюдком не назвал...

– Скажи лучше спасибо, что я королевскую кровь приплел. – Робер скривился, показывая этим, как мало он на самом деле придает этому значения. – Иначе сидеть нам в яме за оскорбление сеньора на его земле... Конечно, нынешние Ретели – побочная ветвь рода Балдуина де Борка, и никакой он мне не предок. Спасибо еще шателену, который по старой дружбе со Скальдом вывел нас через тайные ворота.

– Что делать теперь будем? – спросил у рыцаря оруженосец. – Или ты считаешь, что хартия, где написано, что Робера де Мерлана родом из Арденнской земли, а равно его вассалов и слуг под страхом смерти приказано не пускать в земли, принадлежащие владетелям Яффы и Бейрута, – это именно то, ради чего мы посещали баронский замок...

– Не знаю, что мы будем делать вечером, – после небольшой паузы ответил Робер, к чему-то внимательно прислушиваясь, – но сейчас, очевидно, мы будем немножко сражаться.

Робер резко осадил коня, и Жак, оглянувшись назад, увидел, что их стремительно догоняет группа всадников, скачущих во весь опор.

– Эх! – Робер быстро спешил и деловито принялся проверять подпругу Ветра. – В Бейруте мы оставили много сердитых мужчин, которые очень хотят воспользоваться тем, что барон открыл на нас охоту в своих владениях.

– А может, это не за нами? – В дрожащем голосе недавнего виллана теплилась несбыточная надежда, а гордое звание оруженосца с каждым ударом сердца нравилось ему все меньше и меньше.

– Еще и как за нами! – деловито ответил Робер, проверяя, как ходит в ножнах меч. – Вон, уже начали к атаке готовиться. Значит, так. Рыцарей – трое, столько же и оруженосцев. И четыре, нет, пять сержантов... Все в легких доспехах... Шлем! – не отрывая взгляда от преследователей, произнес Робер.

– Что? – переспросил Жак.

– Шлем мой давай сюда, коровий выкидыш! – заорал достолавный рыцарь, входя в боевой азарт.

Пока Жак поспешно выполнял приказание, Робер оседлал дестриера, который в предчувствии боя начал коротко злобно ржать.

– Щит! Копье! – продолжал командовать рыцарь.

Жак суетливо исполнял команды.

– Толку с тебя в бою, как с козла молока, – заходили ходуном под полумаской пшеничные усы. – Хватай лошадей и бегом в ближайшее укрытие. Если он будет вызывать на поединок... Пошел! – завидев, что преследователи ускорили шаг, прокричал Робер.

Жак, сжимая спутанные поводья, рванул к прибрежным скалами. Заведя лошадь и двух мулов в расщелину, он спрятался за большой камень и выглянул наружу.

Судя по тому, что бейрутцы, даже не пытаясь вступить в переговоры, сразу же опустили копья, поединком тут и не пахло. Три рыцаря, среди которых, если верить гербу, нарисованному на щите, был оскорбленный Ги де Монфор, сомкнули строй и начали прищпоривать лошадей. Де Мерлан выставил щит, поиграл кончиком копья, словно прицеливаясь, гикнул и, низко наклонив голову, почти прижавшись к конской гриве, ринулся им навстречу.

Всадники сшиблись. Раздался треск, грохот, несколько глухих ударов. Кони взвились на дыбы, поднимая клубы пыли, которые в мгновение ока укрыли схватку от наблюдателей. Дико заржали лошади. Немного спустя до Жака раздался стук упавшего на землю тела.

Через какое-то время из пыли выскочил всадник, сжимая в руке обломок копья. Это был Робер. Вскоре с другой стороны появились и его противники, Один сидел в седле, другой, шатаясь из стороны в сторону, передвигался в пешем порядке. Когда пыль наконец осела, стало видно, что Ги де Монфор лежит па земле, не подавая признаков жизни. Робер осадил коня,

развернулся на месте и вытащил меч. Давая передышку рыцарям, на него бросились сержанты. Мастерски управляя боевым конем, Робер бросился им наперерез, но когда дистанция между сражающимися составила около двух корпусов, резко развернул Ветра на правый фланг и, пролетая мимо крайнего сержанта, нанес ему свой излюбленный удар. Кровь брызнула струей из перебитой шейной артерии, и сержант рухнул на землю.

Уцелевшие оказались опытными бойцами. Поняв, что Робер не собирается воспользоваться их замешательством и пуститься в бегство, а напротив, намерен сражаться до конца, они не стали рисковать. Теперь они гарцевали в стороне, прикрывая одного из оруженосцев в ожидании, когда тот взведет арбалет.

Робер оценил обстановку и, сообразив, что через несколько мгновений он станет легкой мишенью для болта, припустил к ближайшей скале. Оказавшись у начала каменистого подъема, рыцарь на ходу спрыгнул с коня и сделал это очень вовремя, потому что не успели его ноги коснуться земли, как над самым седлом просвистело и звякнуло о камень.

Робер шлепнул Ветра что есть силы по крупу, дестриер недовольно заржал и припустил в сторону расщелины, где скрывался Жак. Рыцарь, не дожидаясь, когда снова взведут арбалет, укрылся за ближайшим камнем.

Уцелевший в сшибке рыцарь принял командование. По его приказу бейрутцы спешили, обнажили мечи и, выстроившись в шеренгу, стали медленно подниматься по склону, обхватывая с двух сторон камень, за которым прятался де Мерлан.

Три сержанта и рыцарь выстроились в шеренгу и начали теснить Робера. Но тот выбрал позицию таким образом, что нападавшие оказались развернутыми против солнца. Стараясь всю использовать тактическое преимущество, он прижался спиной к стене и, отбиваясь щитом, стал молниеносными движениями парировать выпады и наносить ответные удары. Вскоре один из сержантов, у которого рукава кольчуги едва доходили до локтя, взвыл и отскочил в сторону с наполовину отсеченной рукой. Еще через некоторое время опустился на колени, а затем медленно повалился набок командующий сержантами рыцарь – меч де Мерлана колющим ударом рассек ему шейный хрящ.

Теперь перед Робером стояли всего два сержанта, да за их спиной топтались мало пригодные к бою оруженосцы. Нападавшие, не желая более рисковать, отскочили в сторону и перекрыли рыцарю путь к отступлению. Одновременно с этим оруженосец, единственный, у кого был арбалет, начал заряжать свое оружие. Де Мерлан, определенно не желая быть расстрелянным, как дикая свинья, выставил щит и стал осторожно, шаг за шагом выдвигаться вперед.

Неожиданно для всех послышался топот множества копыт, и из-за холма, который обходила дорога, вылетел конный отряд числом в несколько десятков человек. Всадники, скачущие в первых рядах, были облачены в снежно-белые плащи, на которых алели кресты с широкими концами. Командир эскадрона резко осадил коня и поднял правую руку вверх, приказывая тамплиерам остановиться.

– Что здесь происходит? – донесся до Жака знакомый голос.

Жак прищурился и облегченно вздохнул. Похоже, что Господь сегодня оказался на их стороне.

– Это мы – сир Робер и я, Жак из Монтелье! На нас напали, брат Гийом!

– Немедленно прекратите сражение! – рявкнул тамплиер. – Этот рыцарь находится под защитой ордена Храма!

Услышав окрик и разглядев тамплиерские плащи, бейрутцы немедленно отступили.

– Ты там жив, монсир? – спросил Гийом, поднимаясь на стременах, чтобы разглядеть, что творится за камнем.

– Да что со мной делается? – раздался недовольный голос, и сразу же вслед за этим из-за скалы появился Робер.

Он закинул щит за спину и шел, протирая на ходу окровавленный меч большим куском замши. Завершив работу, он осмотрел лезвие на свету, удовлетворенно хмыкнул, вложил меч обратно в ножны и только после этого снял шлем, открывая взмокшую шевелюру. По его усам катились, падая на землю, капли пота.

Бейрутцы с недовольным ворчанием убрали оружие и потащили убитых туда, где их ждали лошади. Жак, убедившись, что опасность миновала, выскочил из укрытия.

– Что ты с Ибелинами не поделил? – убедившись, что рыцарь цел и невредим, спросил Гийом.

– Этот Жан Старый с племянничком слишком много о себе возомнили, – проворчал недовольно Робер и, вскинув глаза на Жака, гневно заорал: – Виллан! Ты оруженосец или нет? Что с Ветром?

– Да не переживай так, сир! Конь ко мне прибежал – вон он, жив и здоров. – Жак махнул рукой в сторону расщелины. Дестриер, услышав свое имя, словно в подтверждение того, что все сказанное – чистая правда, коротко заржал.

Достославный сир де Мерлан набрал в легкие побольше воздуха, чтобы прочитать оруженосцу короткую нравоучительную нотацию относительно того, что он должен делать в то время, когда благородный рыцарь сокрушает численно превосходящих врагов, но передумал и, обращаясь к недавним противникам, прокричал:

– Что там с вашим де Монфором?

– Жив! – откликнулся пожилой оруженосец. – Дышит, сволочь, сознание только потерял. Ты, сир рыцарь, его прямехонько в нагрудную пластину приложил...

– Пусть знает, петух, как за опытным воином гоняться! – ответил Робер. – Убивать его я не собирался, если бы захотел, то торчало бы мое копьё сейчас у него прямо из забрала.

Бейрутцы соорудили носилки и, укрепив их меж двумя лошадьми, уложили туда своего господина, предварительно сняв с него доспехи. Убитых – рыцаря и сержанта – просто перекинули через коней.

– Силен ты биться, сир Робер, – уважительно произнес Гийом. Остальные тамплиеры, присоединяясь к командиру, одобрительно загудели. – Мы идем маршем в Триполи. Не желаете присоединиться? Тамошнему дому такой воин ой как не помешает...

– Нет, брат Гийом, – ответил, приосанившись от похвал, де Мерлан, – раз уж с Ибелином не поладили, придется скакать в Яффу. У нас теперь там самые важные дела.

Тамплиеры, а вслед за ними и люди Ибелинов уж было приготовились к маршу, как вдруг со стороны Бейрута показалась точка, приближающаяся с невероятной быстротой.

Вскоре точка превратилась во всадника. Это был огромный рыцарь, чьи ноги, вытащи он их из стремян, непременно бы волоклись по земле. С коня, загнанного бешеной скачкой, хлопьями сыпалась пена. Рыцарь несясь, словно грозовая туча, размахивая над головой огромной черной булавой.

– Брат Недобитый Скальд? – оторопело спросил Робер. – А ты тут как оказался?

– Они в тебя стреляли? – проорал гигант, на всем скаку осаживая бедное животное. – Всем стоять, бояться, сейчас начнем валить!

Убедившись, что бой уже закончен, и пересчитав глазами убитых и раненых, Скальд соизволил наконец объясниться:

– Не успели мы от берега отойти, как поднялось сильное волнение. В трюме открылась течь, вот капитан и зашел в Бейрут. Ну я, пока они там чинились, по старой памяти заглянул к старому приятелю шателену. Он-то мне обо всем и рассказал. Старый Жан до сих пор в себя

прийти не может – приказал всем рыцарям прибыть в замок, устроил строевой смотр, пятерых сервов за мелкие провинности лично высек до полусмерти. Говорят, что его таким злым не видели с тех самых пор, когда император Фридрих, женившись на принцессе Изабелле, низложил его друга и союзника, регента Иоанна де Бриенна. Я как узнал, что племянник Ги за вами поскакал, сразу бросился на выручку. Коня по дороге одолжил...

– Мы в Яффу собрались, там вроде этот жонглер Рембо объявился, – благодарно обняв старого приятеля, сказал Робер, – может, поедем вместе?

– Да уж нет, спасибо, – ответил гигант, – сыт я по горло этим Заморьем, домой хочу, в Гент. Вернусь, пожалуй, в Бейрут, на свою галеру.

Вскоре два отряда разъехались в разные стороны. К Ветру теперь прибавился конь де Монфора, а также его меч и доспехи, которые по рыцарскому закону перешли в собственность победившему в честном бою де Мерлану.

* * *

Как выяснилось, в Сидоне имелась не одна, а сразу две крепости – сухопутная, прикрывающая небольшую гавань, и морская, расположенная на острове в нескольких полетах стрелы от береговой черты. Разыскав постоянный двор попримичнее, путники решили провести в этом городе несколько дней, чтобы, по словам Робера, явно копирующего своего дядюшку графа де Ретель, – «дать отдых войскам и лошадям, осуществить переформирование и учинить военный совет».

В строгом соответствии с предложенным планом после переформирования, которое представляло собой избавление от опостылевших доспехов и плотного неторопливого обеда, они устроили военный совет. Знаменательное событие проходило в конюшне. В стойлах дружно хрустели овсом Ветер, Бургиньон – так Робер окрестил своего походного коня, – два мула и трофейный конь де Монфора. Друзья же, удобно устроившись на лежанках из сена, вели неторопливый разговор.

– Надоели мне эти постоянные дворы хуже горькой редьки, – жаловался оруженосцу Робер. – Может, найдем какой-нибудь домишко или пару комнат в доходном доме да и переждем там до осени? А когда войска из Европы придут, попадем в Иерусалим, исполним обет и двинем обратно...

– Для того чтобы это время спокойно прожить, нужно вексель вернуть, – резонно возразил Жак, – а для этого мы должны до Яффы добраться.

– Трактирщик мне сказал, что нынешний граф Яффы – родственник Жана Старого... – задумчиво покусывая длинную соломинку, произнес Робер.

– С твоим языком, сир рыцарь, – ехидно заметил Жак, – мы вскоре восстановим против себя все здешние враждующие партии. Впрочем, ты у нас главный, ты и предлагай, как дальше жить...

– Будем службу искать, – уверенно заявил Робер. – Тут имеется множество крестоносных братств, которые специально организованы для того, чтобы все одиночки, что прибывают в Святую Землю с крестоносным обетом, – рыцари, бургеры, вилланы – не мыкались по стране без дела, а действовали сообща. Вот к ним и направимся. Чтобы денег раздобыть – продадим одного из мулов, ты пересядешь на монфорского коня, а с этими доспехами, – добавил он, кривясь на погнутую грудную пластину, – за сержанта вполне сойдешь. Так что мы вступим в

братство как целый рыцарский отряд.

– Вижу, ты уже все продумал, монсир, – вздохнул в ответ Жак. – А где в эти братства принимают?

– Братство святого Андрея находится в Акре, но в их ряды можно вступить и в Тире, – ответил Робер, демонстрируя завидную сноровку в обустройстве дел.

«Похоже, – подумал Жак, – достойному рыцарю, несмотря на бравату, не очень хочется жить, постоянно находясь меж двух огней и безо всякой защиты».

Обсуждая все преимущества и недостатки вступления в крестоносное братство, приятели незаметно для себя переместились в обеденный зал и исключительно вследствие нестерпимой полуденной жары, слово за слово, опустошили в общей сложности пять кувшинов доброго ливанского вина.

– Эх, Жак, мыкаемся мы тут с тобой, как два бездомных пса, – полуобняв приятеля за плечо, пьяно жаловался Робер. – В Иерусалим нам не попасть, хоть тресни. Кроме Фридриха, мы теперь враги Ибелинов. До осени – как до второго пришествия, а земли мои сейчас у тамплиеров...

– Тамплиеров? – едва ворочая языком, пробормотал Жак. – Так может, в тамплиеры вступим?

– Не-е-ет! – Робер начал мотать у него перед носом указательным пальцем, едва не ваясь со скамьи. – Только не к этим! Солдаты они хорошие, но ведь за вступление в орден потребуют все мои владения. Да к тому же ты вроде как женат – в братья никак не попадешь.

– А в собратья? – так же нетвердо поинтересовался Жак, проявляя поразительные знания местных условий.

– Все равно обдерут, – отрезал Робер и в подтверждение своих слов громко икнул. Слово за слово, разговор перешел на оставленные в Европе дела.

– Как там моя Зофи?.. – вздыхал Жак. – Мы ведь с ней и были-то вместе всего три дня, до прихода графского отряда, да пока до монастыря добирались через лес. Те три или четыре раза, когда она еще в Лионе отдавалась мне на мельнице, – не в счет. Это все было наспех и без венчания... А ты-то сам женат, рыцарь?

– Не успел, – вздохнул Робер. – С моей родословной простолюдинку брать не хотелось, а после того как храмовники с Ретелями ополовинили сеньорию, вся местная знать прятала от меня своих дочек, словно я прокаженный. Я даже сына витрийского коннетабля на поединке случайно убил. Мы в лесу столкнулись с каретой, где ехали три его сестрицы, он меня узнал, заорал как резаный: «Держись от нас подальше!» Вот я удар копьём-то и не рассчитал...

– И дамы сердца у тебя нет? – удивился Жак. – Так ведь рыцарь вроде как обязан иметь даму сердца.

– Это ты трубадуров наслушался, – ухмыльнулся де Мерлан... – Рыцарь – прежде всего воин, а не дамский угодник. На той стороне моря у меня и вправду никого, кроме дочек моих сервов, маркитанток да кабацких девок, не было. А вот потом...

– Что потом? – удивился Жак. – Потом мы с тобой в Акру приплыли...

– Да тут такое дело, приятель... – и тут Робер, смущаясь и запинаясь, пересказал Жаку обо всем, что произошло на корабле и в Мессине.

– Стало быть, ты точно знал, что мне грозит, и, не задумываясь, вернулся на неф, – выслушав рыцаря, протянул Жак. – Уж не знаю, как и благодарить тебя, монсир.

– Ладно, чего уж там, – смущенно пробубнил тот, пытаясь извлечь из пустого кувшина последние капли. – Давай-ка лучше еще с тобой выпьем. Хозяин, вина! – заревел де Мерлан, словно раненый медведь, так, что обедающие за соседним столом купцы в страхе повскакивали с мест.

Они возвращались в свою комнату далеко за полночь.

– Она, она! – время от времени вскрикивал рыцарь, волоча на спине почти бездыханного Жака и с огромным трудом преодолевая ступеньки. – Да я таких женщин в жизни своей не встречал!

* * *

Жак проснулся от дурного предчувствия. За распахнутым окном бесконечно вскрикивала на одной ноте ночная птица. Было еще темно. Как ни странно, хмель из него выветрился совершенно. Сын винодела, он тем не менее не мог похвалиться умением много пить. Через некоторое время ему стало понятно, что же именно вызвало у него тревогу. В комнате напрочь отсутствовал богатырский храп, к которому он едва привык еще во время морского путешествия. Предчувствия его не обманули – Робера в комнате не было.

«За лошадьми, что ли, приглядеть пошел или на двор?» – озабоченно подумал виллан.

Приведя в себя в порядок, он уж было собрался отправиться на поиски рыцаря, как вдруг в комнату вломился сир Робер де Мерлан собственной персоной. Вид у достоправного рыцаря, откровенно говоря, был довольно жалок. Лицо его опухло от вина, бессонная ночь положила под глаза тяжелые печати – черно-лиловые синяки, волосы, обычно и без того всклокоченные, торчали во все стороны вороньим гнездом, а усы, наоборот, не топорщились, а безвольно свисали с уголков губ. Робер безвольно рухнул на деревянную кровать.

– Все, – сказал он, обращаясь к противоположной стене, – послужили мы и у тамплиеров, и у госпитальеров, и в братстве святого Андрея...

– Что случилось? – Жак остолбенел. – Нас догнали люди Ибелинов? Или разыскали шпионы императора?

– Хуже, виллан, – произнес еле слышно Робер, – куда как хуже. Я уснуть не смог, все вино на живот давило, вот и пошел облегчиться. Дай, думаю, загляну в таверну, может, там девки есть. Зашел, а там сержанты местные в кости играют.

– Господи Иисусе, Пресвятая Дева Мария и двенадцать апостолов! – Ноги перестали слушаться Жака, и он в свою очередь медленно осел на табурет.

– Вот и я о том, – словно оправдываясь, пояснил стене Робер, – уже вроде совсем повезло...

– И что? – замирая от страха, спросил Жак. – Снова спустил все до нитки?

– Ветра ставить рука не поднялась, впрочем, как и доспех, – пробурчал Робер, уставившись в пол. – Да, еще про Бургиньона спьяну просто запомнил. А остальное... уж не обессудь, все ушло.

– И деньги? – хмуро уточнил Жак.

– И деньги... Слушай! – вдруг вскинулся рыцарь. – Вы же, вилланы, того, запасливые. Если у тебя пара ливров завалялась, то я сейчас схожу, отыграю...

Жак бросил на рыцаря испепеляющий взгляд. Тот осекся, словно получил по голове цепом.

– Нужно коней продавать, – немного подумав, сказал Жак, – все равно кормить их не на что.

– Снова в щитовые? – вскинулся Робер. – Да ни за что! Я тебе вот что скажу, виллан. Если ты хочешь знать – благородный рыцарь в любой стране без работы не останется.

У ворот, ведущих в венецианскую факторию, гладко выбритый стражник вежливо, но твердо объяснил благородному пилигриму, что охраной своих купцов граждане республики святого Марка занимаются сами, а подеста принять их, увы, не сможет ни по этому делу, ни по другому. И вообще, уважаемый мэтр чрезвычайно занят и освободится разве что после Пятидесятницы. Дел в эти праздники просто непроворот...

Примерно то же самое они выслушали в квартале пизанцев и у старшины местной колонии купцов из республики Амальфи.

– Эх! – махнул обреченно рукой де Мерлан. – Все утро по городу ходим туда-сюда – и никаких результатов. Видит Господь – не хотел я этого делать, но, видать, придется.

И они пошли в мусульманские кварталы.

В единственном караван-сараяе Сидона стоял такой шум, что Жак поначалу решил, что его обитатели или начинают войну, или ловят вора. Оказалось, что это всего лишь формируется караван на Дамаск.

Отыскав караван-баши, сирийца с обветренным лицом, единственным, которое в этом Вавилоне имело совершенно невозмутимое и даже отрешенное выражение, Робер обратился к нему, коверкая арабские слова. За две недели, проведенные в Святой Земле, он уже, хоть и с горем пополам, начал понимать здешний язык.

– А что, отец, тебе воины в охрану нужны? Можем договориться?

– А кому не нужны хорошие воины? – задал встречный вопрос сириец. Сразу же после этого он забулькал кальяном и слегка закатил глаза.

– Вроде соглашается! – обрадованно прокомментировал Робер. – Ну, так лучше нас тебе и не найти! Денег за службу возьмем немного. Главное, чтобы корм лошадям и нам мясо каждый день...

– Франки, отличные воины, – не стал спорить караван-баши и снова забулькал кальяном.

– Ну так как, берешь нас для охраны? – попытался уточнить Робер, но в его голосе было уже намного меньше радости.

– Караван сегодня уходит в Каир, – счел нужным пояснить сириец, прежде чем снова надолго затянуться.

Разговор в таком духе продолжался до тех пор, пока в кальяне не закончилась ароматная смола. Любая попытка Робера получить от собеседника однозначный ответ разбивалась о скалу восточной мудрости.

– Ты мне скажи, да или нет! – кипятился рыцарь.

Караван-баши, лишенный кальяна, в ожидании, пока слуга принесет ему новый, чуть не стонал, отвечая на вопросы докучливого многобожника, но, видимо, дать однозначный ответ на прямо поставленный вопрос для него было равнозначно осквернению имени Аллаха под куполом мечети.

Одновременно с коротышкой в грязном фартуке, тащившим дымящийся кальян, в арку, отделяющую чайхану от двора, зашли два сержанта. У них на сюрко были вышиты городские гербы.

– Монсир! – обратился старший к Роберу. – Тут такое дело... Вас бальи, господин Лоренцо, просит к нему немедленно пожаловать.

– Вот видишь! – бросил небрежно де Мерлан своему оруженосцу. – Видать, прослышали про нас, сейчас будут службу предлагать!

Бальи Сидона был лыс, тучен и угрюм. Он, как и Жан Ибелин, носил на шее массивную золотую цепь, на которой болталась тяжелая печать. Лоренцо долго внимательно смотрел на Робера, жестом предложил ему сесть, а сам отошел к окну.

– У меня полгорода принадлежит мусульманам, – сказал он негромко, и в голосе его послышалась чуть затаенная грусть, – еще тут имеются тамплиеры и госпитальеры, которые никому не подчиняются. А еще венецианцы и пизанцы. А Сидон, между прочим, принадлежит к королевскому домену!

– Это вы к чему, уважаемый? – несколько удивленно спросил Робер.

– А к тому! – неожиданно взвизгнул бальи и, быстро вернувшись к столу, обрушил на дубовые доски тяжелый, униженный перстнями кулак. – Что мне тут и без пришлых рыцарей забот хватает. Только и успевай поворачиваться. Мусульмане, христиане, пулены, крестоносцы... Вчера пришла почтовая галера – в Палермо ужас что творится! Новый папа, Григорий, не успел инаугурацию пройти – набросился на императора, словно коршун. Я сам родом из Ломбардии, знаю его отлично. Этот самый Уголино, граф Сеньи, у нас папским легатом был. Такому палец в рот сунешь – отхватит по локоть. Да что там палец – гвоздь перекусит и не поморщится. Старик ведь уже, ему, почитай, лет восемьдесят стукнуло, – а все никак не уgomонится. Ох, чую, наплачемся мы от этого похода...

Робер, слушая тираду бальи, сочувственно кивал.

– В общем, так, – сказал мэтр Лоренцо, на сей раз совершенно ровным и спокойным голосом, – чтобы завтра, шевалье, духу твоего в Сидоне не было. Мне ко всему еще не хватало, чтобы под стены города прибыли разъяренные Ибелины, требуя твоей выдачи. И не вздумайте больше даже пытаться здешним купцам охрану предлагать. Хоть христианам, хоть мусульманам, хоть иудеям, хоть нубийцам. Страна наводнена неимущими рыцарями, своими и пришлыми. Все хотят королями стать или, по меньшей мере, графами. Только графств осталось всего пять. У меня семеро земляков месяц своей очереди ждут, чтобы хоть какую-то работу получить. И вообще...

Робер, не говоря ни слова, развернулся и вышел на улицу. Жак засеменил вслед за ним.

– Все, что он нам наболтал, – это чепуха, – немного придя в себя, пояснил Жаку Робер. – Я гляжу, у них все схвачено, как на Сицилии. Не отстегнешь бальи – не получишь себе дела...

Когда они, ведя на поводу оставшихся коней, медленно шли к воротам, мимо проследовал караван. На переднем верблюде сидел знакомый караван-баш и, а рядом с кораблями пустыни скакали конные сержанты, один из которых был облачен в доспех, в недавнем прошлом принадлежащий злополучному Ги де Монфору.

С первыми лучами солнца, едва городские ворота раскрылись, впуская и выпуская ранних путников, из Сидона выехали два крестоносца на одном коне. Рядом с ними недовольно храпел Ветер, оскорбленный до глубины души. Робер не позволил себе скакать на дестриере, но на сей раз боевому коню пришлось нести на спине не только переметные сумы со скарбом и припасами, но также и щит, и копье. Крестоносцев проводили уважительными взглядами, въезжая, два тамплиера – брат-драпиер и брат-инфимарий Антиохийского командорства, следующие по своим делам из Бофора. Брат-драпиер скосил глаза на увесистые мешочки, полные золотых и серебряных монет, перекинутые через седло его коня, истово перекрестился и произнес: «Не нам, Господи, не нам, а только для прославления имени твоего» – оттиски на больших сургучных печатях точь-в-точь напоминали профиль двух всадников, скачущих на одном коне в направлении Тира. Бургиньон, отягощенный двойной непривычной ношей, скосился на рыцарей Храма и возмущенно заржал.

в которой выясняется, что жизнь – это чередование черных и белых полос

Только вот где какая – знает один лишь Господь

*Иерусалимское королевство,
город Тир, 1227 г. от Р.Х., канун дня
святого евангелиста Луки (18 октября)*

Безумная летняя жара наконец-то уgomонилась, и выжженная трава на склонах начала понемногу зеленеть, давая выпас немногочисленным козам. На тростниковый плетень, оглушительно хлопая крыльями, взгромоздился огненно-рыжий петух. Он качнулся взад-вперед вместе с хлипким забором, чуть не упал, но все же смог поймать баланс. Утвердившись, петух запрокинул голову, разинул клюв и закукарекал так громко и отчаянно, словно на город снова, как в старые времена, надвигалась, грозя немедленной смертью всей дворовой живности (за исключением кошек и собак), армия светлейшего султана Салах-ад-Дина.

Не успел петух завершить утренний ритуал, как на пороге невысокого глинобитного строения появился человек, в котором трудно было теперь узнать Жака из Монтелье, свободного виллана. Его лицо, руки и плечи покрылись густым темным загаром, а отросшие почти до плеч волосы, напротив, выгорели и приобрели рыжеватый оттенок.

Жак вышел на середину двора и огляделся по сторонам. Дом, в котором они с Робером прожили все лето, располагался в десяти полетах стрелы от главных городских ворот, неподалеку от ромейского гипподрома, почти на самом берегу моря. Обитатели тихого городского предместья были ливанцами-маронитами и промышляли изготовлением пурпурной краски, изобретением которой финикийский город Тир гордился еще во времена Александра Великого.

Посреди залива дрейфовало несколько десятков фелук, с которых то и дело опускались под воду ловцы лобстеров и собиратели раковин-пурпурниц. За парусами и мачтами, на противоположной стороне, виднелись стены городской крепости.

Петух недовольно закудахтал и спрыгнул с плетня. Неожиданно откуда-то из-за забора донесся долгий протяжный стон, который определенно исторгала не человеческая глотка. Жак заглянул в соседний двор. Источник утреннего шума не вызывал сомнений – два пожилых араба случали ишаков. Жеребец, если можно так выразиться в отношении осла, был молод, неопытен и очень нервничал. Он кричал, то ли проявляя нетерпение, то ли возмущаясь тем, что столь деликатным делом, как продолжение рода вислоухих копытных, ему приходится заниматься в присутствии многих свидетелей. За мающейся парочкой, кроме Жака и аксакалов, наблюдали еще с десятков кур, кошка и тощая ленивая собака.

Жак улыбнулся и прошел на задний двор. Там на утрамбованной площадке торчало на вкопанном в землю столбе большое чучело, сделанное из мешка, набитого соломой. Руки чучелу заменял вставленный в специальный паз деревянный брус толщиной с руку взрослого мужчины. В руках у бывшего виллана сверкнул меч. Он неуловимо подобрался, принял боевую стойку и, сделав несильный, экономный замах, с громким выдохом отрубил кусок деревянной «руки» примерно на две ладони. Хозяин ишака, приведенного на случку из дальней деревни, застыл с разинутым ртом. Сам же ишак, наоборот, немедленно отбросил стеснение и принялся за дело всерьез, словно желая поскорее закончить свою многотрудную и ответственную работу и убраться в родное стойло подобру-поздорову.

Еще немного поупражнявшись с мечом, Жак возвратился в дом, вспоминая по дороге про первые дни, проведенные в Тире.

Тогда, в день Пятидесятницы, они не успели добраться до города к закрытию ворот и, не

имея денег, чтобы остановиться на постоялом дворе или в караван-сараях, заночевали тут же, в тени высоких городских стен – благо ливанские ночи были почти такими же жаркими, как и дни. Утром, купив на последние гроши мешок овса для коней и проглотив холодную баранину, они отправились на поиски средств к существованию. Наученный горьким опытом, Робер не стал предлагать охрану местным купцам, а, поговорив со стражниками, направился в сторону рыночной площади.

Город был тесным. Множество домов имели пять, а в одном Жак насчитал даже целых шесть этажей.

Первым, кого они там встретили, оказался Рыцарь Надежды. Его голову, ранее покрытую паломническим капюшоном, теперь укрывала двцветная косынка, которую, как уже знали Жак и Робер, местные жители называют куфия. «Всего за один дирхем, – распинался он перед небольшой толпой богомольцев, – вы сможете посетить берега моря Галилейского, где Иисус Христос проповедовал со своими учениками, прежде чем отправиться в Иерусалим! Мы посетим церковь Заповедей Блаженства в Капернауме, возведенную на том месте, где Спаситель произнес Нагорную проповедь. Кроме того, в Галилее, на деревенских торгах, можно приобрести любые товары чуть ли не вдвое дешевле, чем на побережье! Торопитесь присоединиться к нам! Участникам Хаттинского сражения предоставляется скидка!»

Рядом с Рыцарем Надежды стоял прилавок, на котором были разложены разнообразные благовония и с десятков сортов разноцветного мыла. За прилавком стоял иудей, с ним торговался монах в белой бенедиктинской рясе.

– Ну сам погляди! – тыкал монах своим толстым коротким пальцем в серые неровные куски, отличающиеся от остального товара, словно овечьи шарики, чудом затесавшиеся между зрелыми аппетитными фигами. – За всю партию даю два дирхема. И Господь свидетель, лучшей цены за эту дрянь тебе не даст ни один покупатель на Святой Земле!

– Никак нельзя, – отвечал иудей. – Я приобрел это мыло у прованского торговца по случаю за бесцен... То есть бог знает, что я говорю, – за огромные деньги! Сам посуди, оно доставлено из самого Марселлоса! Здесь такого год ищи – не сыщешь. Я тебе его и так отдаю себе в убыток.

– Да ты только посмотри на этот товар! – возмущался монах. – Серое, сальное, пахнет собачьим жиром! В Сирии отличное мыло искони варят на каждом углу – этому не чета – красивое, ароматное, пенное. Я и пришел-то к тебе только потому, что у братии каждый грош на счету...

– Слушай, уважаемый, – поинтересовался иудей, – а зачем вообще твоей братии понадобилось мыло? Первый раз слышу, чтобы слуги Христовы помышляли о чистоте телесной. Это у нас, евреев, да у мусульман перед молитвой обязательно омовение, а ваш пророк вам мыться запретил!

– Ничего ты не понимаешь! – возмущился монах. – Говорил Христос фарисеям: «Сами моетесь, а в помыслах нечисты». А вы, евреи, как всегда перекрутили Писание к своей выгоде. Мыло же я приобретаю для того, чтобы...

Но для чего братии потребовалось мыло, торговец так и не узнал.

– Ба! Знакомые лица! – раздался вдруг за спиной монаха бодрый голос Робера де Мерлана. – Как дела, уважаемый?

Монах обернулся. Оказалось, что это тот самый послушник-бенедиктинец, знакомый еще с «Акилы».

– Воистину пути Господни неисповедимы! – обрадованно отозвался послушник. – Желая здравствовать вам, почтенные пилигримы. Какими судьбами попали вы снова в Тир?

– Да как сказать, преподобный... – замялся Робер, – Мы тут не поладили сначала с Жаком Ибелином в Бейруте, затем с сидонским бальи. Вот теперь ищем, к кому бы примкнуть, дабы

свой крестоносный обет наилучшим образом исполнить...

– Вскоре уже прибудет в Святую Землю воинство Христово, – ответил послушник, понизив голос. При этом торговец-еврей весь превратился в слух. – Не далее как вчера к архиепископу Тира пришла энциклика из Рима, в которой Его Святейшество Григорий Девятый объявил, что ежели император Фридрих снова обманет христианский мир и до осени не отправится на освобождение Святого града с приличествующим этому делу войском, то он будет подвержен интердикту. Так что ждать вам, миряне, осталось недолго.

– Добрая весть, – кивнул Робер. – Только пока Фридрих сюда доберется, мы с Жаком можем и ноги протя... ну, в смысле, истомимся в ожидании, когда можно будет наконец обнажить мечи во славу Христа. Ты лучше Расскажи, куда здесь – в Тире – нам на службу поступить?

– Ну, ежели не желаете погрязнуть в безделье, да не хотите влиться в ряды сторонников Ибелинов или слуг императора, путь вам один, – отвечал послушник, который, похоже, уже отлично освоился в Тире, – влиться в ряды крестоносного братства святого апостола Андрея Акроского.

– Слышали о таком, – проворчал Робер, – только еще не познакомились.

– А где это братство найти? – поинтересовался Жак.

– Правление братства находится в самой Акре, – отвечал послушник, – но и в Тире имеется ректор, который ведает здешними делами. Пойдемте, пилигримы, я укажу вам путь. Тем более это как раз по дороге.

– Спасибо тебе, преподобный, за богоугодное дело, – ответил Робер.

Послушник сделал многозначительную паузу, ожидая, когда к устным благодарностям прибавится что-нибудь посущественнее, но, встретив лишь лучезарные взгляды приятелей, совершенно «не понимающих», о чем идет речь, разочарованно вздохнул и двинулся по улице, ведущей к храму.

Торговец-иудей проводил удаляющуюся компанию долгим ностальгическим взглядом, взял в руку кусок марсельского мыла, внимательно его осмотрел, понюхал, попробовал на зуб и недоуменно пожал плечами. Из короба за его спиной выбрались две черные крысы. У одной из них, той, что покрупнее, на груди виднелось большое белое пятно. Грызуны о чем-то посоветовались и бросились короткими перебежками – от укрытия до укрытия – вдогонку за представителями трех главных сословий христианского мира – рыцарем, крестьянином и монахом.

Ректор братства святого Андрея, к которому их проводил послушник, был явно уроженцем здешних мест – черные волосы, карие миндалевидные глаза и смуглая кожа свидетельствовали о том, что франкской крови в его жилах течет от силы на четверть.

Выяснив, зачем к нему пришли пилигримы, ректор чрезвычайно обрадовался:

– Стало быть, в братство хотите вступить, уважаемые господа?

– Нам бы крестоносный обет исполнить, – протянул в ответ Робер, и впервые за все время знакомства Жак уловил в его голосе просительные нотки.

– Его Святейшество разрешил архиепископам Иерусалимского патриархата по ходатайству ректоров нашего крестоносного братства выдавать крестоносные индульгенции! – гордо ответил ректор. – Так что, господа, вы попали именно туда, куда нужно. Сейчас наш писец прочтет вам устав, вы принесете клятву...

– А долго нужно служить, чтобы эту вот индульгенцию получить? – перебил его Робер.

– По ассизам Иерусалимского королевства служба длится год, – помявшись, разъяснил ректор, – но нам позволено давать отпущение, если собратья прослужат до следующей навигации.

– Это получается, что если мы вступим сейчас, то осенью получим индульгенцию? – оживился рыцарь.

– Не совсем так, монсир, – вздохнул ректор. – Осенью служба – весной индульгенция, зимой служба – летом индульгенция, весной служба – летом индульгенция...

– А можно наоборот? – поняв логику ректора, спросил Жак.

– Можно, конечно, и наоборот, – еще раз вздохнул ректор, – но только в любом случае служба вперед...

– Слушайте, милейший! – вспоминая, как они получали отпущение грехов в Дижоне, заикнулся Жак. – А может быть, мы с вами как-нибудь договоримся?

– Желаете выкупить крестоносный обет? Ну, тут я вам, конечно, посодействую, – снова оживился поскучевший было ректор. – Как только внесете в казну архиепископа сумму, достаточную для содержания полного рыцаря в течение года, плюс мои десять процентов за хлопоты, сразу же и можете отплывать восвояси с цидулкой, скрепленной печатью его высокопреосвященства.

– Благородные господа своим крестоносным долгом не торгуют! – гордо ответил Робер. – Давай, мэтр, зови своего писца с уставом да говори, что нам нужно делать, чтобы в ваше братство вступить...

Первые две недели после вступления в братство они с Робером жили именно там. Достоянный рыцарь, оглядев длинный сводчатый зал с многочисленными лежанками, где жилую часть от конюшни отделяла лишь тонкая тростниковая перегородка, скривился, словно от лимона, но бодро произнес:

– Как говорил мой покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель: «Настоящий рыцарь даже на дневке во время дальнего похода обустраивается так, словно он находится в покоях родового замка».

С этими словами Робер выбрал самое удобное, с его точки зрения, место, согнав с него двух апулийцев, и предложил Жаку устраиваться по соседству.

Разобравшись, как устроено крестоносное братство, Жак признал его организацию достаточно разумной. В это сообщество входили представители всех без исключения сословий, причем все без исключения получали от этого ощутимую выгоду. Толстосумы, не желающие подвергаться риску путешествия в беспокойные земли Латинского Востока, вносили деньги в казну братства, которое имело множество отделений в Европе, таким образом выкупая крестоносный обет. Бедняки-крестьяне, у которых денег не хватало не то что на выкуп, но даже на само путешествие, напротив, вступая в братство, доставлялись в Заморье за его счет и исполняли обет, в основном выполняя различные работы. Горожане, не желавшие путешествовать в одиночку, жертвовали оружие, одежду и разнообразные товары и отправлялись на нанятых братством кораблях, делая, таким образом, свое путешествие на Восток и обратно удобным и безопасным. Ну а воины, вступившие в братство, занимались своим обычным делом, ибо потребность в ратном труде на Святой Земле была неизменно высока.

Благодаря тому что его уставы были утверждены Святым престолом, авторитет и влияние братства были чрезвычайно высоки. Часто для пополнения казны ректоры подражались на выполнение тех или иных работ. Так было и здесь, в Тире. По договору с городской коммуной семьдесят вилланов-богомольцев с утра до ночи трудились над укреплением и ремонтом городских стен, а братья-воины обеспечивали им охрану.

К счастью для приятелей, Робер оказался единственным в Тире членом братства – опоясанным рыцарем, поэтому вопрос, кто теперь будет возглавлять здешний воинский контингент, даже не обсуждался. Чтобы извлечь максимум выгоды в сложившемся положении,

практичный во всем, кроме азартных игр, де Мерлан объявил Жака конным сержантом и сделал его своим помощником. Несколько ветеранов, в том числе и низложенный начальник – сержант-пикардец, пробовали было возмущаться, но Робер проявил себя не только как доблестный воин, но и как опытный политик, задавив нарождающийся бунт в самом зародыше. Сержант, который пытался оспорить его лидерство при помощи фальшона, теперь ходил с отрубленным «по неосторожности» ухом. Прочие же не рисковали более вступать в пререкания с неистовым коротышкой, чей остро отточенный меч выскакивал из ножен быстрее, чем они успевали закончить фразу, которую де Мерлан склонен был счесть непочтительной.

Впрочем, после первой же стычки с налетчиками – мусульманами, пришедшими через перевал из-за Иордана, – вопросов о лидерстве больше не возникало. Под руководством арденнского рыцаря братья не только не понесли потерь, но и разгромили наголову в несколько раз превосходящего по численности противника, а таким успехом не могли похвалиться в последнее время и лучшие военачальники Заморья. Благодаря своей славе Робер, по личной просьбе архиепископа, за полмарки в неделю взялся обучать военному делу принятых в ополчение горожан, а в ответ на требование ректора «сдавать выручку в казну» поглядел на него так, что тот более никаких претензий ни ему, ни Жаку не предъявлял. Этих денег им хватило для того, чтобы снять в городском предместье полдома у вдовы рыбака. Вдова оказалась молодой, симпатичной и любвеобильной, чем достославный рыцарь не преминул воспользоваться в первую же ночь «расквартирования вне пределов части».

На третий день жизни в казарме Робер, ничего не объясняя приятелю, молча отвел его на задний двор. Критически осмотрев Жака, он отмерил у него шнурком расстояние от плеча до кончиков пальцев, добавил две ладони на ручку и вырубил из сосновой доски деревянный меч.

– Меня посадили на коня в четыре года, – сказал он «конному сержанту», – и с этого же возраста начали учить воинскому искусству. Поэтому тебе достичь моего мастерства вряд ли удастся. Но сержанта я из тебя сделаю, да такого, что всем этим толстопузым бургерам сможешь показать, где лобстеры зимуют. Теперь слушай и запоминай, повторять не буду. Главное в пешем бою – правильная стойка. Если нарвешься на опытного рыцаря или сержанта с длинным мечом и он захочет тебя убить, то ты ничего сделать не сможешь. А вот от горожанина, ополченца и сарацина, если немного поучишься, вполне защитишься. Разбегись и прыгни. Понятно? Толчковая – правая. Значит, давай становись, как скажу. Опора на правую ногу, левая вперед, корпус чуть наклони, но так, чтобы опорной оставалась правая. Щитом закройся так, чтобы он не мешал двигаться руке. Встал? – Робер сильно толкнул Жака, и тот грохнулся на землю. – Как овца на льду! Стойка должна быть мягкой и пружинистой.

Потерзав Жака с полчаса, он наконец добился от него некоего подобия «правильной боевой стойки».

– Ладно, это будешь отрабатывать сам, каждый день. Теперь – движения. Левая нога – щита, правая – нога меча. В строю нога щита ходит только полшага вперед-назад, а нога меча – полшага вправо-назад и обратно. Ноги должны быть все время на ширине плеч – ни сводить и уж ни в коем случае ни перекрещивать их нельзя ни при каких обстоятельствах. Если же бьешься в поединке, то двигаться нужно активнее. Как только стойку разучишь, будешь отрабатывать повороты. Турнирной чепухой заниматься не будем. Выучишь у меня четыре удара.

– Всего четыре? – изумился Жак.

– Не «всего четыре» – а целых четыре, штафирка! – рявкнул, раздухарившись, Робер. Роль наставника ему чрезвычайно импонировала. – Да многие воины годами руку ставят и удары оттачивают. У доброго рыцаря средней выучки всего пятнадцать-шестнадцать приемов, у меня – более тридцати – это если с конными и пешими. Л тебе на полгода и четырех за глаза. Для того

чтобы остаться в живых, этого достаточно. Учить будем самое простое и надежное – средняя защита-переход в верхний замах – боковой удар. Все хитрости объясню только тогда, когда ты научишься правильно бить, прежде чем подумать... Отбиваешь удар щитом, – показывал Робер, – затем удар верхнебоковой, с шагом вперед. Правильный замах определяет силу и точность удара. К моменту когда клинок коснется противника, нога меча должна быть твердо уперта в землю. Меч, кисть, локоть, рука, плечо – должны работать слаженно. А корпус – постоянно балансировать, чтобы в нужный момент вложиться в удар. Бить только выше локтя и в основание шеи, это у пехотинца самые незащищенные места.

Меч летал в руке у рыцаря. Объяснения были доходчивы, и все было понятно и легко до тех самых пор, пока Жак не попробовал принять стойку и нанести «верхнебоковой» удар самостоятельно...

Все последующие дни для него превратились в ад. Де Мерлан гонял приятеля до седьмого пота, пока не добился от него вполне приемлемых результатов. Ко дню Преображения Господня Жак уже спокойно перерубал двухдюймовую доску – этого было вполне достаточно, чтобы оставить противника без головы, руки или ноги.

– Отбил-ударил, отбил-ударил – это не для тебя, – говорил Робер. – Выдохнешься быстро, да и того, как противник открывается, ты все равно увидеть не сможешь, тут опыт нужен. Поэтому ежели в пешем бою – отбивай удары, береги силы и жди, когда он зазеваётся настолько, что даже ты это поймешь. Вот тогда и бей не задумываясь.

Уроки, которые преподавал Жаку Робер, сразу же дали о себе знать. В первой же стычке с сарацинами конные сержанты, у которых на крупах сидели арбалетчики, отбив атаку, без труда загнали арабских налетчиков в ущелье. Там арбалетчики перестреляли коней и после этого спешенных мусульман посекали мечами, словно чучела на учебном поле. Бывший виллан, сам себе удивляясь, одним и тем же простым, но хорошо отработанным ударом отправил к Аллаху одного за другим сразу троих бандитов, чем заслужил молчаливое признание всех братьев отряда.

Жак подошел к колодцу, набрал в ведро воды и стал с удовольствием умываться. Из хозяйской половины дома появился уже одетый Робер. Усы рыцаря горделиво топорщились, а деловитый и в то же время чрезвычайно самодовольный взгляд свидетельствовал о том, что он вполне удовлетворен своей нынешней жизнью. Теперь на его сюрко, явно недавно отстиранном, вместо красного креста пилигрима красовался герб братства святого Андрея, вышитый умелой и заботливой рукой.

– Я на Ветре поскачу сразу к воротам, – обратился он к Жаку, – а ты не спеши, позавтракай, возьми Бургиньона и отправляйся в казармы. Там выберешь семерых копейщиков и двух конных сержантов, свободных от службы. С ними отправишься в каменоломню. Мастер Григ тамошнему раису расчет за камень повезет, так нужно его сопровождать, чтобы грабежу кто не учинил...

– Робер-бек! Робер-бек! – раздался голос из комнаты.

В дверях появилась миловидная женщина и начала что-то быстро говорить по-арабски, одновременно протягивая Узелок с лепешками и молочный кувшин. Рыцарь, поднаторевший в местных наречиях, сердито отбивался, но узелок все же взял.

Хозяйка дома, Хафиза, вдова ливанского рыбака-маронита, дождалась, пока рыцарь вскочит в седло, и перекрестила его по своему обычаю – не ладонью, а двумя перстами. Затем, привлеченная шумом, она заглянула в соседний двор, увидела, чем там занимаются ишаки, густо покраснела, спрятала лицо за платком и мигом растворилась в глубине дома.

Жак вытерся чистым полотенцем, оделся и отправился под навес, где его уже ожидал горячий лаваш, жирный овечий сыр, кувшин оранжада и глиняное блюдо, полное соленых

оливок. Завершив завтрак, бывший виллан надел снаряжение, оседлал Бургиньона и выехал со двора. Конь недовольно косился на окончательно проникшихся важностью своей миссии ишаков и возмущенно храпел. За четыре месяца службы в качестве конного сержанта Жак, конечно, не стал лихим наездником, но научился вполне уверенно держаться в седле. Дав коню немного размяться, он заставил жеребца сменить аллюр и перейти с шага на крупную рысь, а выйдя на тракт, потянул поводья и направился в сторону главных ворот, рядом с которыми находились городские казармы.

Добравшись до места, Жак сформировал отряд, назначил старшего и, приказав ждать его на выезде из города, отправился во дворец архиепископа за мастером Григом, который руководил в Тире строительными работами. Киликийский каменщик, как старинный приятель архиепископа Тира, с его любезного соизволения занимал здесь целый флигель. Мастер как раз прогуливался по двору и любовался массивным черным жеребцом, которого ему недавно, по специальному заказу, доставили из Германии.

– Здравствуй, Жак! – поприветствовал он сержанта. – Действительно, не обманули, отличный конь. Сейчас отправлю слугу, чтобы тот ему новую попону заказал у шорников да поменял подковы с железных на медные. Я назвал его Лаврентиус-Павел. Не знаю почему, но мне кажется, ему это имя очень подходит.

Лаврентиус-Павел одобрительно сопел, раздувая широкие ноздри, и то и дело бил по земле тяжелым, поросшим густой шерстью копытом.

– Мы отправляемся, мастер Григ? – спросил Жак, поглядывая на солнце. – Отряд уже ждет, а до каменоломен даже широкой рысью не меньше полудня пути...

– Сейчас, сейчас, – заторопился вольный каменщик, – только вот оружие прихвачу.

Вскоре он вернулся, держа в руках свой любимый арбалет, который еще с весны был притчей во языцех у всех обитателей Тира.

Достопочтенный киликиец, отказавшись от помощи слуги, вскочил на коня и выехал на узкую извилистую улицу. Жак, наблюдая за тем, как Лаврентиус-Павел и Бургиньон обмениваются откровенно неприязненными взглядами, направил коня вслед за Григом.

Трудовой день, начинающийся с первыми лучами солнца, давно был в разгаре. Одни рабочие возились под стеной, замешивая раствор, другие поднимали при помощи воротов наверх отесанные камни, третьи укладывали их под руководством греческих строителей из гильдии, возглавляемой мастером Григом. Братья вилланы, работающие на стройке, уже завершали подготовку к ремонту последней угловой башни. На следующей неделе мастер Григ убывал в Яффу – там император Фридрих приказал начать восстановление крепости, чтобы с ее помощью ускорить завоевание Иерусалима.

Киликиец критически оглядел все участки, сделал несколько указаний и направил коня в сторону площадки, на которой Робер муштровал несколько десятков ополченцев-горожан. Одна шеренга училась держать строй, другая отрабатывала копейный удар на соломенных чучелах.

– Живот втяни, стал как верблюд... – прохаживаясь вдоль строя, разорялся достославный рыцарь, щедро раздавая тычки и затрещины. – Копье поставь ровно, это тебе не оглобля... И обхвати повыше! Так, как ты его держишь, будешь держать свой...

Что именно предлагал держать де Мерлан, тощий башмачник так и не услышал, потому что строгого, но справедливого командира отвлекли от занятий Жак и мастер Григ.

– Могу вас порадовать, сир рыцарь, – соскочив с коня, обратился к Роберу киликиец. – Вчера вечером я получил неофициальный ответ от великого магистра тамплиеров. Мессир, Пере де Монтегаудо и верховный капитул готовы будут рассмотреть ходатайство шевалье де Мерлана по поводу земель, переданных ордену его отцом. Мессир пишет, что эти греческие фьефы отчасти потеряны – их попытался отнять у ордена еще император Константинополя Генрих

Первый, и теперь они являются объектом спора между нами и афинским правителем-мегаскиром. Но рыцарю-крестоносцу, он думает, будет несложно поладить с домом де ла Рош.

– Благодарю вас, мастер! – кивнул Робер. – Как только мы завершим здесь все дела и Жак с индульгенцией отправится обратно в Марселлос, я немедленно поскачу в Морею и приму свои новые фьефы.

– Вечером, сир рыцарь, прошу отужинать у меня, – добавил мастер Григ. – Я открою еще один бочонок доброго напитка из Шотландии...

Робер приложил невероятные усилия, чтобы при упоминании о «добром напитке» под названием «виски» не скривиться. К этому крепчайшему пойлу с жутким вкусом и не менее чудовищным запахом киликиец пристрастился, по его словам, еще лет десять назад, когда строил донжон в Эдинбурге.

– Виноград там у них не растет, а привозные вина стоят столько, что и подумать страшно, – говорил Жаку Робер, после того как попробовал виски впервые, – вот они и вынуждены из подножной травы варить всякую гадость, дабы хоть чем-то зимой согреться. А чтобы от других не отставать, считают это отворотное зелье изысканным напитком. Что с них взять? Скотты – дикий народ.

– Ты когда меня начнешь обучать своему кистевому удару? – спросил Жак у рыцаря, чтобы сменить тему. – Помню, как на нефе ты лихо расправлялся с врагами...

– Кистевой удар, – поглядев на сержанта с некоторым сочувствием, как на больного, но выздоравливающего ребенка, ответил Робер, – это высшее мастерство. Он годами ставится. Суть его в том, что противник не видит замах и не имеет времени, чтобы отреагировать. Да и в ограниченном пространстве он хорош. Но удар этот несильный – в нем нет мощи всего корпуса, поэтому бить нужно точно в уязвимые места – и бить наверняка.

Робер сделал неуловимое движение, его меч мелькнул в воздухе, «рука» у стоящего рядом чучела дернулась, и из широкого разреза в мешковине полезла солома. Со стороны новобранцев раздался единый восхищенный выдох.

– Что касается вашего векселя, – продолжил мастер Григ, – я получил из Акры еще одно послание. Пизанский консул сожалеет, что почта ходит столь нерегулярно, и заверяет – ни одно из отделений Леванта не принимало к оплате такой документ. Также он сообщает, что любое лицо, кроме Жака из Монтелье, сержанта братства святого Андрея (чьи приметы разосланы всем банкирам), которое попытается предъявить вексель, немедленно будет задержано, вексель изъят, а деньги доставлены вам под удержание пятой доли указанной в нем суммы.

– Благодарю вас, мастер! – теперь настала очередь Жака склонить голову в поклоне, выражающем благодарность. – Встреча с вами для нас с Робером – самое удачное событие из всех, которые с нами произошли с тех пор, как мы отплыли из Марселлоса.

– Не стоит благодарности, – отмахнулся рукой мастер Григ и поставил ногу в стремя. – Лучше благодарите ту монгольскую монету, благодаря которой мы познакомились. Вот то, что она оказалась у вас, – это и есть подлинная случайность – остальное всего лишь цепь следствий, вызванных одной первопричиной.

Жак и Робер многозначительно переглянулись, но промолчали. При этом рыцарь непроизвольно постучал по рукоятке меча, где хранился загадочный пароль, найденный в каюте посланника.

Сержант и мастер Григ возвратились к отряду и двинулись в сторону синеющих вдали гор, где их ожидал раис, в чьем ведении находилась каменоломня.

– А где и что вы строили, мастер? – поинтересовался Жак.

– Я возводил крепости в Шотландии, Англии, Нормандии, – отвечал киликиец, – строил замки в Греции и Сирии, работал также в Багдаде и Бухаре. Но моя давняя мечта – возвести

настоящий храм. Потому что не крепости, но храмы Господни – это истинные столпы земли. Хотя сказано у Иова: «Плоская земля стоит на столпах, которые Бог колеблет, когда происходит землетрясение... человек не знает мест, в которых земля покоится на столпах...»

Прибыв в каменоломню, они быстро уладили все дела, оставили копейщиков для сопровождения повозок и, дав короткий отдых лошадям, поскакали обратно, чтобы засветло возвратиться в Тир. Стражники у ворот встретили их лихорадочным возбуждением.

– Паруса! Паруса на горизонте! – кричали они наперебой. – Флот императора наконец-то пришел в Святую Землю! Всадники пришпорили коней и, грохоча копытами по булыжной мостовой, припустили в порт, чтобы как можно скорее убедиться в том, что копейщики говорят правду. На рыночной площади к ним присоединился де Мерлан.

Корабли появились со стороны солнца, и невозможно было понять, кому принадлежит флот и насколько он велик. Но по мере приближения к берегу стало возможным различить, что он состоит из полутора или двух десятков галер, на которых самые зоркие наблюдатели смогли разглядеть большие имперские штандарты.

Мастер Григ, извинившись, покинул приятелей и направился в сторону группы нобилей, среди которых своим богатым одеянием выделялся архиепископ.

– Непонятно... – пробормотал Робер. – По моим прикидкам, Фридрих должен был привести сотни полторы кораблей, а эта эскадра даже на солидный торговый конвой не тянет.

– Наверное, это авангард, – предположил Жак, – а остальные подтянутся завтра или послезавтра.

– Ну, вот и сказочке конец, виллан! Теперь уже скоро мы захватим Иерусалим, ты поедешь домой, в Бургундию, к своей Зофи, виноград растить, а я в Морею, папашины земли окучивать...

Галеры шли в две кильватерные колонны, ритмично работая веслами и время от времени вздымаясь на волнах. Подойдя ближе к берегу, они опустили паруса, легли в дрейф на внешнем рейде и начали по очереди входить в узкую горловину, ведущую в гавань, которую отделял от залива искусственный насыпной мол.

– Здесь нет императора, – всматриваясь в поднятый на мачте штандарт, объявил де Мерлан. – Те, кто орал с причала, в геральдике ничего не смыслят. Это герб герцога Лимбургского, он брабантец, как и Гогенштауфен. Лев для непосвященного почти такой же, да не такой...

Галера пришвартовалась, портовые сервы приняли широкие сходни, и на причал стали не спеша сходить богато разодетые люди. К ним навстречу двинулись тирские нобили.

– Ни у кого из них нет знаков крестоносцев, – удивленно произнес Жак, всматриваясь в толпу знати, растущую прямо на глазах, – но ведь это не венецианский торговый конвой!

– Подойдем поближе, сержант, – Робер схватил Жака за рукав и потянул за собой, – сейчас все узнаем из первых рук.

Толпа на причале все росла. Знатные сеньоры уже собрались на берегу, и теперь слуги выводили из трюма их коней. Мастер Григ о чем-то разговаривал с одним из прибывших знатных германских рыцарей.

– Какие новости, сударь? – прокричал Робер, с трудом протолкавшись поближе.

– Новости – хуже не придумаешь, – ответил, прервав беседу, мастер Григ. – Император Фридрих наконец собрал столько войска, сколько требовалось по условиям договора в Сан-Жермано, и уже было вышел в море, как вдруг на его кораблях началась чума. Черная смерть выкосила множество крестоносцев. Заболел и сам Фридрих, а ландграф Тюрингии, назначенный маршалом похода, умер. Не имея возможности продолжать движение, император был вынужден возвратиться обратно конвой и высадиться на берег. Тем не менее он сделал все, что мог, –

выделил деньги, отрядил большой отряд, дал корабли, назначил новым маршалом герцога Генриха Лимбургского и отправил их сюда. С герцогом также прибыли гранMASTER тевтонцев и вновь назначенный патриарх Иерусалимский Герольд. Одновременно с этим император послал трех архиепископов к папе, дабы те объяснили Григорию сложившуюся ситуацию. Но папа отказал им в аудиенции и, невзирая ни на что, разослал энциклику, объявляющую об интердикте. Фридрих был поражен и уязвлен. Находясь чуть ли не при смерти, он, в ответ на отлучение, разослал письма к крестоносцам и подтвердил свои намерения освободить Иерусалим. Положение для простых участников глупейшее: папа, выливая на головы послушников котлы адовой смолы и грозя всеми карами небесными, запрещает поход, а отлученный император всеми силами стремится его начать.

– Что все это значит? – удивленно спросил Жак, не обращаясь ни к кому конкретно.

– А это значит, дружище, – скрипнул зубами Робер, – что в ближайшие месяцы большая война нам не светит, и, чтобы получить индульгенцию, мы должны до самого Рождества служить в братстве.

– Но я же должен до Рождества вернуться домой, – Жак глядел на рыцаря невидящим взглядом, – иначе мои виноградники заберет граф Колиньи-ле-Неф!

– Что же, дружище, – вздохнул в ответ Робер, – значит – не судьба. Поедем вместе в эти Афины. Там, говорят, земли знатные. Может, и тебе удача улыбнется...

Вдруг де Мерлан посмотрел куда-то в сторону, и взгляд его остекленел. Мимо них скакала небольшая кавалькада, которую возглавляла дама в высоком богато украшенном седле.

– Это она, – прохрипел Робер, толкая локтем в бок приятеля, – она, Виттория!

Де Мерлана было не узнать. Толстые рыжие пальцы рыцаря барабанили по рукоятке меча, его грудь ходила ходуном, а усы топорщились как никогда.

Жак, ошарашенный скверными новостями, вышел из протрации в тот самый момент, когда лошадь, несущая загадочную попутчицу, поравнялась с местом, где они стояли. Жак поднял глаза. На сей раз Виттория не пряталась под платком, взгляды их встретились, и бывший свободный виллан, ныне конный сержант крестоносного братства святого Андрея Акрского, Жак из Монтелье, увидел, как ее прекрасное лицо начинает приобретать пунцовый оттенок.

Глава восьмая, где Робер дает волю своим чувствам и одерживает блестящую победу

*Иерусалимское королевство, Тир,
1228 год от Р.Х., пятница – воскресенье
после праздника Крещения (7–9 января)*

Вдоль берега, мимо высоких крепостных стен, в сторону далекого Египта тянулись бесконечные вереницы перелетных птиц. По небу проносились рваные кучевые облака, а море, утратив лазурную летнюю прозрачность, налилось штормовым свинцом и вздыбилось злыми высокими волнами. Волны с ревом ударяли в подножия квадратных крепостных башен, но, не сумев совладать с массивными каменными стенами, отступали, чтобы собраться с силами и вновь и вновь обрушиться на черные, покрытые зеленью камни.

Жак с Робером, поднявшись на площадку сторожевой башни, уныло оглядывали горизонт, тщетно стараясь обнаружить хоть какие-то признаки улучшения так некстати испортившейся погоды.

– Неделя, как Рождество прошло, – мрачно произнес Жак, – и почти месяц ни один корабль не рискует выходить в море. Старожилы говорят, что таких штормов они здесь не помнят со времен Саладина.

– Рыбаки обещают, что на днях ветер утихнет, – рассматривая галеры, которые из-за непогоды третью неделю торчали в порту под защитой высокого мола, ответил Робер. – Сразу же после этого дурацкого турнира ректор отнесет ходатайство архиепископу, тот выпишет нам индульгенции, и помчимся мы кто куда: ты – в свою родную Бургундию, я – в Морею...

При этих словах приятеля лицо у Жака еще больше помрачнело.

– Кому я теперь там нужен, сир рыцарь? Мои виноградники и усадьбу по закону отобрал граф. Вексель украден, и у меня ни кола ни двора. Слава богу, что хоть Зофи под защитой монастырских стен. Но куда я теперь ее поведу? К тестю – в Лион?.. Даже и не знаю, что делать, возвращаться домой или нет...

– Да полно тебе! – Рыцарь хлопнул приятеля по плечу. – Значит, поедешь со мной. Вначале в Константинополь, затем в Морею. С рекомендательным письмом самого великого магистра ордена Храма к командору Греции, спасибо мастеру Григу, – он похлопал себя по груди, где был спрятан заветный свиток, – мы там быстро свое возьмем. Слышал я, что император латинской Романии щедро раздает рыцарские звания и фьефы всем рыцарям, которые изъявляют желание сражаться под его рукой. Правда, эти земли пока находятся под властью турок, ну да какого доблестного воина остановит подобная чепуха?

Жак в ответ промолчал. Наблюдая за птичьими караванами, он вспоминал события, произошедшие еще в ноябре, в день отплытия имперского флота.

* * *

Предводитель германских крестоносцев герцог Лимбургский, добравшись до берегов Леванта, не рискнул направиться прямо в Акру. Отлучение императора от церкви лишало его сторонников статуса крестоносцев и давало местной оппозиции законные основания не подчиняться своему заморскому монарху. Тир же еще со времен правления блистательного Конрада де Монферрата, маркграфа Священной Римской империи, был городом, тяготеющим более к сторонникам императора, нежели к Святому престолу. Пока гонцы выясняли, как воспримут авангард, посланный Фридрихом, местное духовенство, бароны и магистры военно-монашеских орденов, герцог около недели простоял в Тире.

В тот день они с Робером прискакали в порт, чтобы проститься с мастером Григом. Герцог распорядился бросить все и немедленно начать восстановление цитадели, разрушенной Саладином. Важность этой крепости была огромна. От Яффы до Иерусалима всего два пеших дневных перехода. «Укрепления в Яффе – это умнейший ход! – прокомментировал тогда Робер. – Войска можно высадить сразу под защиту крепости и, не совершая рискованный марш вдоль берега, одним броском осадить Иерусалим».

Киликиец был искренне огорчен тем, что ему приходится расставаться с новыми друзьями.

– Ну что, – спросил он приятелей, – не надумали со мной плыть? Император щедро оплатил работы. А я, как главный строитель, потребую, чтобы охрану возглавлял не кто-нибудь, а ты, де Мерлан.

– Соседство у тебя, мастер Григ, не самое лучшее, – косясь в сторону рыцарей, в сопровождении которых прибыла в Тир Витториа, ответил Робер. – У меня как-то с

германскими не сложилось...

Григ отвлекся, потому что в это время два конюха начали заводить на галеру Лаврентиуса-Павла. Конь упирался всеми четырьмя копытами и возмущенно храпел. При этом обычно плохо ладившие между собой Ветер и Бургиньон, наблюдая, как гордого германского жеребца бесцеремонно волокут за узду, то и дело обменивались взглядами, полными злорадства.

Как только мастер Григ взошел на галеру, Робер, не дожидаясь отплытия, оставил друга и заспешил к своим новобранцам. Жак вел на поводу Бургиньона, полной грудью вдыхая свежий морской воздух, как вдруг его сзади несильно ударили по плечу. Жак обернулся. Перед ним стояли охранники, с которыми Виттория плыла из Марселя. Были они широкоплечими, русоволосыми, с ясными голубыми глазами, в свободных камизах чуть ниже колен, поверх которых были надеты короткие кольчуги. На поясе у каждого висел тяжелый тесак-фальшон и короткий кривой нож. При взгляде на них становилось отчетливо ясно что, несмотря на открытые лица и располагающую внешность, такому молодцу человека отправить на тот свет – что комара прихлопнуть. Gridnyi – вспомнил Жак, как, по рассказу Робера, называла своих телохранителей хозяйка.

Жак не особо удивился. Не было сомнения, что Виттория узнала их с Робером еще в день прибытия в Тир. Друзья, находясь в полном недоумении, ожидали чего угодно – нападения, ареста, кинжала из-за угла – и ходили по городу так, словно они находятся не в христианской крепости, а посреди лагеря разъяренных сарацин, но посланница императора словно забыла об их существовании.

– С моя ходить! – произнес один из охранников, чудовищно коверкая франкскую речь. – Госпожа на тебя поговорить пожелали.

– Что вам нужно? – напрягся сержант и положил руку на меч.

– Не бойсь, – успокоил второй, – просто говорить, худого нет.

Жак подчинился. Вместе с охранниками он проследовал в резиденцию тирского бальи, где размещались прибывшие из Сицилии господа. Стараясь не привлекать внимания, охранники завели его во внутренний двор, но не через ворота, а через заднюю калитку, попросили оставить коня и на своем жутком языке пригласили войти внутрь. Обитатели покоев уже отбыли в гавань, и в гулких сводчатых галереях, лишь кое-где драпированных шелковыми тканями, не было ни души. Остановившись напротив одной из дверей, охранник постучал, обменялся с кем-то короткими фразами и подал Жаку знак, чтобы он проследовал в покои.

Виттория ждала его в роскошном кресле с бархатной обивкой и тонкой резьбой. Молодая женщина сидела в странной позе – подобрав под себя ноги и крепко держась за подлокотники. При этом на ней было лишь легкое шелковое платье, больше напоминающее ночную рубашку, которое не скрывало ни одного изгиба великолепного тела. На спинке кресла валялась тяжелая черная накидка. Виттория была настолько хороша, что Жак начал отчасти понимать Робера. Нет, иметь такую жену он бы, конечно, не хотел, но за ночь, проведенную в ее объятиях, можно было бы пожертвовать многим. Не в силах оторвать глаз от круглых белых коленок, рвущейся из-под платья высокой груди и топорщащих шелк сосков, Жак нервно сглотнул и склонил голову в молчаливом приветствии.

– У меня совсем нет времени, – произнесла Виттория; голос ее оказался неожиданно низким, грудным и возбуждал еще большее желание, – галеры вот-вот отплывут. Все сейчас ждут моего возвращения на борт. Надеюсь, ты понимаешь, сержант, для чего я захотела тебя увидеть?

– Понятия не имею, госпожа, – взяв себя в руки, ответил Жак. – Мы, кажется, плыли вместе с вами из Марселлоса? Я и помыслить не смел, что благородная сеньора выделит из толпы богомольцев и запомнит какого-то виллана...

– Прекрати! – оборвала его она. – Ты тогда вмешался в мои дела, и теперь я хочу знать, что ты видел и слышал такое, чего не видели и не слышали мои люди. Хочешь быть в моей свите? Поступай ко мне на службу. Мне нужно знать все, что тогда произошло на корабле.

– К вам на службу, госпожа? – переспросил тот скорее для того, чтобы протянуть время.

– Да, ко мне! – Женщина подалась к нему навстречу. – И видит бог, что ты найдешь во мне не только щедрую госпожу, но и пылкую возлюбленную! Я хочу тебя с тех самых пор, как увидела той ночью на «Акиле»!

– Но я же женат, сеньора!

– Скоро, перед началом Великого поста, будет карнавал, – рассмеялась Витториа, – а в эти дни по итальянскому обычаю для мужчин и женщин нет ничего запретного. Нет ни благородных, ни простолудинов, ни замужних, ни женатых. Есть только маски, вино и страсть. А после того как мы вместе отпразднуем римские ночи, ты и сам не захочешь, чтобы твоя дурнушка Зофи покинула стены монастыря.

«Откуда ей известно имя? – изумился сержант. – И почему дурнушка? Да, Зофи, конечно, не писаная красавица, но она отлично готовит и очень пылка в любви». Оскорбление, нанесенное молодой жене, словно смыло с его глаз пелену, которой их застлала близость и, главное, очевидная доступность прекрасного женского тела. Теперь он смотрел на женщину, сидящую в кресле, как на красивую, но смертельно опасную дикую кошку.

– А что же мой друг, рыцарь де Мерлан? – спросил он, глядя собеседнице прямо в глаза.

– Не переживай, Жак, – Витториа немного прищурилась, и взгляд ее на мгновение потерял очарование, словно из-под маски, призванной изображать любовное томление, вдруг выглянуло лицо безжалостного палача, – о твоём друге позаботятся. Но речь сейчас не о нём. Он, конечно, великолепный воин, но я не собираюсь держать рядом с собой влюбленного осла, который мне как мужчина интересен не больше, чем деревянное полено. Ты просто даже не догадываешься, что поставлено на карту. Речь идет ни много ни мало, как о будущем христианского мира! Император, которому я служу, не забывает о тех, кто оказывает ему услуги. Ты получишь все – титул, богатые фьефы, рыцарское звание. Если у тебя есть обидчики в Бургундии, ты сотрешь их в порошок. И в конце концов, – ее голос, до этого жесткий, чуть дрогнул, – ты мне не безразличен, Жак, и я не отказалась бы соединить с тобой свою жизнь.

– Вы нарисовали мне очень заманчивую картину, сеньора, – ответил Жак. Он уже принял решение и просто ждал, когда женщина завершит свою речь. – Но мне кажется, что ваша страсть, которая вполне может улетучиться так же неожиданно, как и возникла, – это не совсем то, ради чего я соглашусь отправить на смерть двух самых близких мне людей. Я не могу принять ни вашу любовь, ни вашу протекцию. Да и о том, что произошло на нефе, положила руку на сердце, имею довольно смутное представление...

В глазах у Виттории вспыхнуло пламя с трудом сдерживаемой ярости.

– Жаль! Но тут ничего не поделаешь, ты сам выбрал свою судьбу...

Она прокричала что-то на незнакомом языке, и в комнату ворвались охранники с обнаженными тесаками.

Жак вытащил из ножен меч, отскочил к стене и принял боевую стойку. Осознавая, что против воинов из неизвестной ему страны он не имеет ни малейших шансов, сержант вспомнил наставления Робера и приготовился продать свою жизнь как можно дороже. Охранники медленно надвигались с двух сторон, а он переводил взгляд с одного на другого, пытаясь определить более слабого противника, как вдруг из коридора донесся топот ног. Женщина прислушалась, ее лицо исказила недовольная гримаса, и она сделала знак рукой. Убийцы, подчиняясь ее команде, подались назад и вложили фальшоны в ножны. Чуть поколебавшись, то же самое сделал и Жак.

– Сеньора Витториа, сеньора Витториа! Это я, де Барн! – раздался голос, слышав который молодая женщина вскочила с кресла и быстро набросила плащ, который укрыл ее с головы до пят.

В дверях появился молодой рыцарь в плаще с черными тевтонским крестами.

– Герцог послал за вами, галеры уже готовы к отплытию, вас ищут по всему дворцу!

– Спасибо, шевалье! – ответила Витториа, принимая поданную руку. – А я тут заболталась с этим сержантом. Он рассказывал мне о святынях Капернаума...

Волочащийся по земле плащ скрылся в дверном проеме. Охранники, бросив на Жака все те же открытые бесхитростные взгляды, словно вышколенные цепные псы, которые получили команду «Нельзя!», последовали за своей хозяйкой.

Жак остался в комнате один. Вслушиваясь в удаляющийся шум и веселые голоса, он вдруг поймал себя на том, что зубы его выстукивают частую неровную дробь.

* * *

– Что? Что ты говоришь? – опомнился Жак. Он так отчетливо представил себе прошлые события, что совсем позабыл о стоящем рядом рыцаре, который, бурно размахивая руками, что-то ему объяснял.

– Опять ты вспоминаешь этот разговор, – обиженно буркнул в ответ Робер. – Эх, да предложи она такое мне...

– Что – согласился бы?

– Ну, как сказать... – сразу же замялся рыцарь. – Так, чтобы тебя бросить, нет, не согласился бы, конечно, ну а если так, вообще, то само собой. Да ради этой женщины!..

– И монету бы ей отдал, что в каюте нашел, и рассказал бы, что за слова непонятные от убитого посланника услышал?

– Да ладно тебе, – теперь уже обиделся де Мерлан, – ты за кого меня принимаешь? Бог с ними, с государственными делами. Я, между прочим, говорил как раз о том, что скорее бы этот турнир закончился. Ох, чую, что нельзя нам тут задерживаться. Достанет нас с тобой эта благородная сеньора рано или поздно. Кстати, что о ней пишет мастер Григ? Ему удалось что-то узнать?

– Не так уж и много. – Жан достал письмо, которое пришло из Яффы вместе с рекомендацией великого магистра тамплиеров, и начал читать.

...Она родом из Руси. Младшая дочь одного из ближних бояр князя Даниила Галицкого. В возрасте четырнадцати лет была выдана замуж за третьего сына сенешаля графа Савойского. Ее муж был одним из дворянских детей, с которыми вместе рос будущий император Фридрих Гогенштауфен. Она получила блестящее домашнее образование и много путешествовала вместе с мужем в свите Фридриха. Лет семь назад она овдовела при странных обстоятельствах – муж был то ли отравлен, то ли зарезан – и уехала в Палермо, где император пожаловал ей «на кормление» фьеф – горное селение в полутора днях пути от своей сицилийской столицы, где изготавливают отличное оливковое масло. Теперь она носит титул не по отцу или мужу, а по фьефу – Витториа ди Корпеоне. Витториа пользуется полным доверием императора и, судя по всему, исполняет особо важные его поручения. Однажды в кругу приближенных Фридрих заявил, что эта женщина для империи ценнее целой рыцарской армии. Это все, что мне удалось

узнать. Очень прошу вас сжечь это послание.

– Да уж, – крикнул Робер – с тех пор как они получили почту, Жак читал ему письмо киликийца уже третий или четвертый раз, – больше всего на свете я бы сейчас хотел, чтобы между этой сеньорой Корлеоне и нами было большое бурное море, а еще лучше – два. Похоже, что любить ее можно только на безопасном расстоянии.

– И откуда брат Григ это все разузнал? – спросил Жак, передавая папирус Роберу.

– Он глава гильдии каменщиков, а этот цех посвящен во многие тайны. К тому же в христианском мире, да наверное и у мусульман, не найти ни одного большого города, где не жили бы киликийцы. Порой кажется, что их общин там намного больше чем иудейских. Уж в Дижоне и Лионе – так точно, – сказал Робер, поднося папирусный свиток к ближайшему факелу.

– Что касается того, чтобы быть подальше от Виттории... Еще несколько дней, и мы покинем Иерусалимское королевство, вот тогда твое желание исполнится. Этот турнир... Никак не могу взять в толк, зачем герцог его устраивает.

– Нет ничего проще, – ответил Робер. – Три месяца имперцы и пулены сидят в ожидании войны, а императора все нет и нет. Он торчит в Палермо, никак не уладит свои дела с папой и не знает, что ему делать – отправляться в поход без благословения церкви или же склонить голову перед Григорием. Еще месяц-другой безделья и неопределенности, и местные рыцари начнут резать пришлых, или же, наоборот, люди герцога накинутся на Ибелинов. Вот герцог и решил, что лучше всего дать им встретиться на ристалище и позволить помахать тупыми мечами. Да и сарацинам не помешает поглядеть на рыцарей в деле. Когда поход начнется, будут поговорчивее.

– Тогда все ясно. Выходит, Тир он потому выбрал, что это город германцев и ломбардцев?

– В корень зришь, сержант. Здешние жители еще со времен короля Конрада гордятся тем, что Тир – единственный город королевства, который выдержал осаду и не сдался Саладину. Так что тут имперцам куда спокойнее, чем в Акре или Бейруте. К тому же в Тире остался от греков очень удобный гипподром.

– Ты отказался участвовать в турнире, несмотря на все просьбы ректора, – вздохнул Жак, которому в глубине души очень хотелось, чтобы рыцарь де Мерлан прославил свое имя. – Может, все-таки передумаешь? Он и доспех тебе обещал подыскать...

– Не желаю я в эти игрушки играть, – скривился рыцарь. – Да и зачем нам эта шумиха перед отъездом? Место на трибунах мы получили. Посидим посмотрим, а потом тихо-мирно отправимся в Антиохию и будем ждать, когда море успокоится, чтобы доплыть до Романии...

– Слышишь?.. Трубы трубят у ворот!

– А то! Это въезжают в город имперцы и рыцари Ибели-нов. Причем так как Тир – это не город зачинщика турнира, а вроде как нейтральная земля, то въезжают они в ворота одновременно по двое. Ладно, поскакали на гипподром, там сейчас будет проверка шлемов и представление участников. Посмотрим, что за рыцари завтра начнут сражаться.

* * *

Прохладный зимний ветерок потрепывал сотни разноцветных вымпелов, взметнувшихся на высоких флагштоках выше рядов выщербленных греческих колонн. Меж колоннами, по

большей части осыпавшимися, а кое-где и вовсе отсутствующими, роилась шумная праздничная толпа. Ни вымпелы, ни драпировки не могли даже отчасти скрыть разрушения, которые были нанесены этой циклопической постройке за долгие века ее существования. Но, несмотря ни на что, гипподром, построенный еще до Рождества Христова, все еще продолжал поражать своим размахом.

Жак и Робер спешили к бесконечной коновязи, предназначенной для гостей, оставили вечно ссорящихся Ветра и Бургиньона под присмотром собрата Николо, флорентийского суконщика-пилигрима, которого де Мерлан взял себе в оруженосцы, и, увлекаемые толпой зевак, двинулись к трибуне. Вчера, в первый день турнира, после торжественного въезда состоялось представление участников и проверка шлемов, по поводу чего отлично разбиравшийся в этих делах Робер заявил: «Смотреть, как эти цапли перьями размахивают да похваляются, у кого бархат на сюрко дороже, нет никакого резону...» Поэтому они приехали посмотреть на бои уже к началу всеобщей схватки, ристалища.

– Обычно, – просвещал приятеля де Мерлан, – турнир длится три дня. Сначала конное ристалище, затем пешее, потом схватка сержантов и состязания лучников и арбалетчиков, и только на третий день – джостра, рыцарские копейные поединки. Но герцог с Ибелином решили уложиться в один день. Так что, как мне объяснили английские рыцари, до полудня пройдет конное ристалище, ближе к вечеру – джостра, а завтра все разъедутся по своим крепостям.

– Лучше бы они уже сегодня разъехались, – проворчал Жак, подзывая разносчика оранжада. – Давай-ка лучше попьем да запасемся наперед.

Разносчик наклонил заплечный сосуд, и в подставленные деревянные фляги полился густой сок из свежесжатых апельсинов.

Проходя мимо монаха, стоящего на входе с огромной кружкой для сбора подаяний, уже довольно увесистой, они с удивлением узнали своего старинного знакомого, послушника-бенедиктинца с «Акилы».

– Христиане! – зывал он, то и дело кланяясь тем, кто, проходя мимо, опускал монеты в прорезь. – Пожертвуйте на строительство нового монастыря ордена святого Бенедикта в Яффе! И да воздастся вам сторицей!

– Молодцы бенедиктинцы, – пробормотал Жак, приветливо кивая монаху и опуская в кружку дирхем. – Мастер Григ писал, что они в Яффе уже расчистили фундамент старой цитадели и приступили к разметке внешних городских стен. После освобождения Иерусалима все паломники будут прибывать не в Акру, а в тамошний порт, и братья-бенедиктинцы заживут воистину, как у бога за пазухой...

Утоляя жажду, они остановились под аркой, которая открывала проход на трибуну, и огляделись по сторонам. В половине полета стрелы вдоль дороги гарцевали группы всадников в куфиях. Это были джигиты сарацинских поселений. Привлеченные редким зрелищем, они собрались, чтобы посмотреть на франкский турнир. В сторону каменных скамей, которые вздымались вверх на двадцать рядов и легко размещали несколько тысяч человек, спешили с женами и детьми празднично наряженные бургеры, крестьяне, паломники, солдаты – словом, все, кто составлял население древнего многонационального города.

Любому, кто оказывался внутри, сразу становилось понятно, что герцог и городская община не поскупились и устроили, по признанию Робера, сделанному сквозь зубы, «не хуже, а пожалуй, что даже и получше, чем в Труа и Париже... Особо если учесть, что в Шампани и Ильде-Франсе таких свободных полей ни в жизнь не сыскать». За несколько дней до начала турнира с поросшего травой поля были изгнаны пасущиеся овцы, убраны камни и обломки колонн. Границу необъятного ристалища обнесли веревочными барьерами, а центральную, господскую трибуну привели в порядок, насколько это было вообще возможно, и укрыли от солнца

огромным навесом из тростника.

– Всего за полдирхема! – раздался вдруг из-за колонны знакомый голос.

Приятеля одновременно скривились, словно, откусив от яблока, обнаружили на разломе половину червяка. Между колоннами стоял Рыцарь Надежды и, размахивая деревянными табличками, подзывал к себе зрителей:

– Лучшие места справа от трибуны нобилей! Его высочество герцог с супругой, барон Жан де Ибелин Бейрутский, бальи Иерусалимского королевства, архиепископ Тира, консулы италийских республик, а равно и первые красавицы Святой Земли Востока будут видны вам как на ладони! Кроме того, только на нашей трибуне присутствует старший помощник младшего герольда, почтенный мэтр, которому исполнится на днях девяносто лет. Он будет рассказывать по ходу состязания обо всех особенностях сражения и читать рыцарские гербы, дабы наши клиенты различали всех, кто примет участие в турнире. Кружка лимонада в подарок! Для крестоносцев – существенная скидка!

Оттирая к стенам простолюдинов, под арку вошла кавалькада, в середине которой двигался хорошо знакомый им портшез. Его полы были откинuty на крышу, и было хорошо видно, как на атласных подушках сидит, как обычно, закутавшись в длинный широкий плащ, синьора Витториа ди Корлеоне. Рядом с портшезом скакал стройный молодой рыцарь с черными тевтонскими крестами на плаще. Жак узнал в нем своего невольного спасителя. Витториа внимательно, но без особого удивления посмотрела на друзей и склонилась к уху своего спутника. Тот ее внимательно выслушал и серьезно кивнул в ответ. Завидев предмет своего обожания, Робер поперхнулся оранжадом и закашлялся так сильно, что Жаку пришлось ему долго стучать по спине.

– Говорил я, что не нужно было нам сюда приходить, – пробираясь к местам, которые предназначались крестоносцам братства святого Андрея, сказал Жак. – И зачем нам лишний раз на глаза попадаться?

– В этом ты совершенно прав, – невпопад ответил Робер, отодвигая своих копейщиков, позанимавших самые удобные места. – Сеньора – потрясающая женщина. Жаль, что с ее слугами на корабле так нехорошо получилось. Да и любит она не меня, а тебя...

Жак вскинулся в возмущении, чтобы достойно ответить приятелю. Слов нет – в бою тот стоит десятерых, а вот при виде красивого платья да смазливового личика превращается в жеребца, почуявшего за версту течную кобылу. Или селезня, который при звуке манка теряет всяческую осторожность и ломит сквозь камыши, не обращая ни малейшего внимания на притаившегося стрелка. Однако его прервал невообразимый шум, поднявшийся вокруг, – это заняли места на трибуне первые лица: зачинщик и ответчик турнира – герцог Лимбургский и барон де Ибелин. Герцог устроился в мягком кресле и подал знак. Герольды поднялись на ноги. По их сигналу длинные медные трубы, в которые дули музыканты, взревели, словно стадо некормленых индийских слонов, одновременно увидевших здоровенный чан сладкой морковки. Турнир начался.

Пока все присутствующие были увлечены церемонией две черные крысы вихрем пронеслись по лестнице, ведущей на верхнюю площадку, и, шмыгая между ног зевак, заскочили в глубокую нишу, рядом с которой стоял большой короб со сладкими пирожками, приготовленными знаменитым ливанским кондитером специально для знати.

Под грохот и завывания оркестра на ристалище начали выезжать участники турнира. На поле гипподрома длиной в два, а то и три полета стрелы появилось около трех десятков рыцарей с обеих сторон. Столь малое число участников, по утверждению Робера, скорее напоминало балаганные игрища жонглеров на ретельской ярмарке: «Да в Труа, в самый захудалый год, и то не меньше сотни человек за барьеры заезжало...» Де Мерлан, наблюдая за

происходящим, ворчал, брюзжал и ругался, но при этом цепким взглядом обводил строящиеся шеренги и сжимал кулаки, словно удерживая несуществующие поводья.

Перед тем как начать сражение, рыцари выполнили все необходимые ритуалы – прокричали нестройным хором девизы, погрохотали мечами о щиты и погарцевали у трибуны, красуясь перед дамами. Затем, по знаку своих предводителей, они разъехались по разные стороны поля, надели шлемы, притороченные к седлам, и приняли у оруженосцев копья.

– Слушайте, слушайте, слушайте! – прокричал герольдмейстер. – Владетели, рыцари, сержанты и оруженосцы, вы все, искатели счастья, уповающие на крепость оружия во имя милосердного Бога и Пресвятой Богородицы! Наградой лучшему бойцу будет султан для шлема с перьями, развевающимися при малейшем дуновении, и золотой браслет с эмалью весом в полфунта!

Герцог махнул платком, и слуги пронесли перед трибунами султан из перьев и красивый золотой браслет. Герольдмейстер торжественно продекламировал последние напутствия, копья опустились вниз, и участники ристалища, сомкнув ряды, стали сближаться, разгоняя коней.

– Вот смотри, пейзанин, – толкая Жака локтем под бок и при этом не отрывая глаз от несущихся навстречу друг другу стальных шеренг, произнес Робер, – это копейная кавалерийская атака. Именно благодаря такому удару франки считаются лучшими в мире воинами. Ему не может противостоять никто и ничто – ни вражеская кавалерия, ни пехота. Даже тяжеловооруженные сержанты в полном доспехе, со щитами от земли до подбородка, с двадцатифутовыми копьями, упертыми в землю, стоящие в восемь-девять рядов, разлетаются, словно костяные бабки после точного попадания...

Его речь оборвал страшный грохот и треск – отряды столкнулись друг с другом прямо напротив трибун. После сшибки примерно треть ее участников оказалась выбита из седла – несколько коней, вздыбившись, сбросили своих седоков, а многих снесли на землю копья противника. Теперь они сидели и лежали на взрыхленной копытами земле, среди кусков вывороченного дерна.

– Наезднички! – скривился Робер. – Не успели в бой вступить, а у кипперов уже спины в мыле.

– Это что за кипперы? – поинтересовался Жак. – Те, что с крючьями бегают?

– Они самые. Слово то ли исландское, то ли фландское. Вроде бы от крика «Киппа!» – то есть «Тащи!», но прижилось по всем землям. У рыцарей победнее за кипперов оруженосцы работают, у тех, кто побогаче, – специально обученные слуги. В этом деле тоже сноровка нужна, да и умение.

Кипперы, ловко орудуя длинными шестами с крючьями на концах, стали вытягивать из-под копыт разгоряченных лошадей утерянное оружие и слетевшие при ударе и падении доспехи. Двое оттаскивали на край поля потерявшего сознание рыцаря, за которым на длинном шнуре волочился меч.

Тем временем оставшиеся в седлах побросали копья, вытащили мечи и начали, кружа по полю, обмениваться ударами. Спешенные рыцари понемногу поднимались на ноги и вступали в бой друг с другом. Ристалище, подобно любому сражению, разделилось на несколько очагов, и только теперь Жаку стало понятно, почему его чаще всего называют франкским словом «behoys» – свалка. Зрители, сидевшие по соседству с приятелями, не нуждались ни в каких герольдах-пояснителях, потому что Робер, словно сам участвуя в схватке, громко и без остановки ругался. Если верить ехидным замечаниям доблестного рыцаря, то даже полсотни маркитанток, которых повытаскивали из бордельных коек и усадили на беременных коров, со стиральными досками вместо щитов и скалками вместо мечей, и то бы походили на сражающихся воинов не в пример больше, чем это «стадо хромых верблюдов». Вскоре Жаку

начало казаться, что рядом с ним сидит не Робер, а вселившийся в его тело дух покойного дядюшки, графа Гуго де Ретеля.

– Нет, ну ты на него только погляди! – возмущался рыцарь. – Он при ударе приподнимается на стременах, словно новичок. А как парирует? Да в любом сражении его бы уже давно на тот свет отправили! Да и противник тоже хорош. Как говорил покойный граф Гуго: «Куй железо, не выходя из лавки» – а этот что? Ударил, оглушил, а вместо того чтобы добить, стоит и ждет, словно засватанный.

Положа руку на сердце, сражение, по мнению Жака, не было столь безнадежным, как представлялось со слов де Мерлана. И вассалы Ибелинов, и крестоносцы императора были отнюдь не безусыми новичками. И те и другие постоянно участвовали в разнообразных сражениях. Итальянские графства и германские княжества не прекращали ни на день воевать друг с другом на протяжении десятилетий. Даже когда папы заключали мир с императорами, войны не утихали – то здесь, то там вспыхивали междоусобицы. Примерно то же самое происходило и на Востоке. Короли и султаны заключали перемирия, что совершенно не мешало пограничным эмирам делать набеги на земли баронов, и наоборот. Крестоносцы, прибывающие в Святую Землю, зачастую не считали себя связанными словом, данным местными нобилями. При малейшей возможности они ввязывались в бой с «сарацинами», при этом зачастую плохо представляя себе, с кем именно они воюют. Даже такому малоопытному воину, как Жак, было ясно, что рыцари в поле бились довольно опытные. Ну а ворчание приятеля вызвано, скорее всего, тем, что сам Робер не принимает участия в турнире.

С де Мерланом он мог согласиться, пожалуй, только в одном. Бой кипел везде примерно с одинаковой силой и яростью. Рыцари с обеих сторон, конные и спешенные, наносили и принимали удары, наступали, отступали и выходили из боя, но один среди схватки казался словно заговоренным. В отличие от большинства сражающихся он был закован в полный доспех, явно только что полученный из кузницы, – без вмятин и царапин. При этом он и его конь были богато наряжены, и головы обоих венчали высокие пышные султаны из страусовых перьев. Рыцарь сражался на стороне Ибелинов – но, судя по ярким крестам, нашитым на хаурт у коня, был из крестоносцев. Кто бы он ни был – вассал всесильного Жана Старого или богатый искатель приключений, – действовал данный персонаж настолько скверно и неумело, что было совершенно непонятно, что он здесь делает и как вообще до сих пор удержался в седле. Присмотревшись внимательнее, Жак с удивлением понял, что секрет неуязвимости рыцаря заключается в том, что участники ристалища стараются не ввязываться с ним в бой. Мало того, если тот все же оказывается на пути, то принимают от него удары, даже не парируя, а просто защищаясь щитами.

Мало-помалу благодаря присутствию Заговоренного рыцаря, который, как выяснилось, сражался за пуленов, имперские крестоносцы начали понемногу терпеть поражение. После того как последнего из них вышибли из седла, ибелинцы, объединив усилия, вытеснили германских рыцарей за очерченные границы, и герольды объявили об окончании ристалища.

После небольшой передышки, во время которой благородные дамы и господа немного перекусили и прогулялись к специально отведенному для них туалету, герольды объявили о начале джостры.

– Наградой победителю, – огласил герольдмейстер, – милостью его высочества зачинщика, герцога Лимбургского, будет полное вооружение миланской работы. А милостью его светлости барона де Ибелина Бейрутского – конь с чепраком, вышитым золотой нитью.

В подтверждение его слов слуги вывели на поле коня, у которого был закреплен на спине призовой доспех. При виде пегого дестриера-пятiletки и сверкающих на солнце лат с наплечниками, покрытыми позолотой и красивой резьбой, публика взревела от восторга.

– И достанется же такое богатство какому-то мазиле, – пробурчал завистливо Робер. Под богатством при этом он совершенно очевидно подразумевал не стоимость коня и доспехов, а их боевые качества. – Хотя, с другой стороны, если бы, к примеру, я или Недобитый Скальд при Бувине вышли в поле такими вот петухами, то вся императорская армия только за нами бы и охотилась. В бою нужно быть поскромнее.

Вскоре выяснилось, что в джостре примут участие всего по три рыцаря с каждой стороны. Жак не особо удивился, что среди поединщиков-ибелинцев оказался и Заговоренный рыцарь, зато возмущению Робера не было предела.

– Погляди, – кипятился де Мерлан, – как этот рубака копье держит! А как конем управляет! Да я бы ему с такой выучкой не то что свиней, даже улиток пасти не доверил – разбегутся.

После объявления имен поединщиков выяснилось, что Заговоренного рыцаря зовут сеньор Пьетро ди Россиано. Имя это Роберу ровным счетом ни о чем не говорило, и он продолжал костерить на чем свет стоит всех участников джостры до тех пор, пока герольды не объявили ее победителем именно «улиткового пастуха». В первой сшибке он задел щит противника, при этом тот вообще не попал в него копьем, а во второй ухитрился попасть точно в корпус, так что убеленный сединами германский рыцарь, явно ему поддающийся, едва не вылетел из седла.

Победитель джостры, под недоуменное гудение зрителей, направил коня к месту, которое занимали судьи, снял шлем и о чем-то с ними переговорил.

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! – прокричал герольдмейстер. – Доблестный рыцарь шевалье Россиано, победитель ристалища и джостры, посвящает свою победу сеньоре ди Корлеоне. Он называет ее своей дамой сердца и готов биться с любым, кто того пожелает. И будет наградой победителю весь турнирный приз и право провести сегодняшний вечер в качестве кавалера вышеозначенной благородной сеньоры.

Толпа взревела. Жак привстал, чтобы посмотреть на сеньору Витторию. Та сидела по левую руку герцога, храня на лице загадочную улыбку и глядя прямо перед собой. Казалось, то, что победитель турнира предлагает биться в ее честь, ее никак не касается.

Сержант обернулся, чтобы поглядеть, как на это отреагирует де Мерлан, и волосы его медленно встали дыбом. На том месте, где только что был достоправный рыцарь, теперь сидел, голося что есть мочи и размахивая зажатой в руке куриной ножкой, какой-то жирный, толстогубый горожанин...

Жак, не чуя под собой земли, вылетел в проход и стал вертеть головой в поисках рыцаря, чьи намерения были совершенно очевидны. Но он опоздал. Под восторженный рев толпы герольд объявил, что «вызов принимает пилигрим крестоносного братства святого Андрея Акрского сир Робер, шевалье де Мерлан из Арденн». При этом в голосе герольда явственно ощущалось некоторое недоумение.

Когда Жак наконец добрался до ограждения, где приходили в себя имперцы, он застал Робера деловито осматривающим турнирные копья, предложенные чуть не всеми рыцарями проигравшей стороны. Из десятка он выбрал три. Затем, внимательно ощупав каждое от пятки до наконечника с деревянной заглушкой, он отвесил их по очереди, проверяя центр тяжести, и после долгих колебаний сделал выбор. Как выяснилось, за тот короткий промежуток времени, который прошел от объявления герольдом Робера до прихода Жака, рыцарь ухитрился переделать еще уйму дел и Даже послал за лошадьми.

Сеньор Пьетро, ожидая, когда его противник подготовится к бою, гарцевал по гипподрому под одобрительные крики зевак.

– У тебя же нет турнирного доспеха! – обратился Жак к Роберу. В голосе его звучал плохо скрываемый ужас.

– Хаурт для Ветра мне пообещал один из лотарингцев, – яростно шевелил усами Робер. –

Это на случай, если этот Петруччо с перепугу копьём в коня тыкнет. А мне эта гора железа без надобности.

Вскоре за ограждением появился Николо, ведя на поводу Ветра. Дестриер, словно гончая перед охотой, своим лошадиным шестым чувством поняв, что сейчас ему предстоит сражение, храпел и бил копытами.

Одновременно с оруженосцем на площадке появились мужчина и женщина. Оба они были в плащах с накинутыми на голову капюшонами. Первым к Роберу с Жаком подбежал, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, мужчина-монах. Он откинул капюшон, из-под которого показалось знакомое лицо послушника-бенедиктинца.

– А тебя сюда каким ветром занесло, почтенный? – удивился Робер. – Благословить, что ли, хочешь?

– Меня к вам сам его преосвященство легат прислал, – тяжело дыша, ответил бенедиктинец. – Дело в том, что поединщик ваш, монсир Робер, это не кто иной, как сам сеньор Пьетро ди Россиано из дома графов Сеньи! – Он замолчал, словно ожидая от друзей какой-то особой реакции на это сообщение.

– Да хоть Сеньи, хоть Тосканы, хоть Феррары, мне-то какое дело? – изумился Робер. – Он вызвал, я ответил; еще немного, и дело завершится...

– Все дело в том, благородный рыцарь, – с ужасом ответил послушник, – что сеньор Пьетро – это любимый внучатый племянник самого апостолика, Его Святейшества папы Григория Девятого!

– А, ну тогда мне понятно, почему от него на поле все шарахались, словно от прокаженного! – воскликнул в ответ Робер. – Да только со мной, отче, ошибка вышла. Честь дамы – превыше всего! – При этом усы его снова грозно зашевелились, и Жак, уж было собравшийся присоединиться к бенедиктинцу в увещеваниях, бессильно опустил руки.

– Просил, очень просил сам легат передать, что никак невозможно сеньора Пьетро одолеть вам в джостре! – Голос послушника приобрел интонации настолько просительные, что попробуй он заняться сейчас сбором пожертвований, то средства, потребные для возведения монастыря в Яффе, были бы собраны не больше чем за час. – Уж больно сеньор впечатлен красотой сеньоры Корлеоне и желает добиться ее во что бы то ни стало. – Монах истово перекрестился и помял в руках четки, пробубнив при этом короткую молитву. – Так что ты уж, монсир, как-нибудь попробуй сделать так, чтобы он победил. А его преосвященство тебя отблагодарит.

– Сейчас, разбежался! – Усы Робера встопорщились еще сильнее. – Только завязки от брэ поглажу. Передай своему легату, чтобы он за папиного племянничка помолился хорошенько. Потому что больше ему ничего не поможет. Бить будем аккуратно, но сильно. Одно могу обещать наверняка – не покалечу.

С этими словами рыцарь, занятый прилаживанием к своему доспеху копейного крюка, отвернулся от послушника и положил руку на седло.

– Робер-бек! Робер-бек!

Женщина, до того ожидавшая в сторонке, бежала к нему, сбрасывая на ходу капюшон. Это оказалась Хафиза.

– Вот тебе охранный талисман, – сказала она, протягивая де Мерлану ладанку на кожаном шнурке, – там кусочек Честного Креста Господня.

– Да ладно тебе, женщина, стычка выеденного яйца не стоит, – пробурчал Робер, но тем не менее наклонил голову.

Хафиза надела ему на шею ладанку и троекратно его перекрестила. Робер без посторонней помощи вскочил в седло, принял щит и копье и выехал на поле. Толпа неистовствовала.

Жак уже и не знал, что для них хуже – победа рыцаря или его поражение. Но он ясно понимал, что после безумной выходки принявшего вызов де Мерлана его шансы вернуться в Бургундию стали почти призрачны.

Как и в предыдущих схватках, противники заняли исходные позиции и по команде герольда начали сближаться.

На этот раз сшибка была короткой и очень эффектной. Копье сеньора Россиано скользнуло по щиту Робера и отскочило в сторону. В отличие от своего малоопытного соперника арденнский рыцарь точно рассчитал удар. А судя по восхищенным возгласам имперцев, наблюдающих за схваткой, не просто точно, а филигранно. Копье миновало щит и огромную гарду, вошло в узкий просвет между их краями и ударило папского племянника чуть ниже груди. От мощного удара его подбросило вверх не меньше чем на три фута. Конь Россиано, освобожденный от тяжелой ноши, обрадованно ринулся вперед, а сам благородный сеньор сделал большую дугу и, почти не изменив позу, которую занимал в седле, грохнулся оземь своим железным седалищем.

Несколько мгновений толпа безмолвствовала. Затем раздался первый, удивленно-ликующий голос, вслед за ним еще один, и вскоре приветственный хор перерос в мощный ликующий рев. Трибуны для простолюдинов были заполнены местными жителями и крестonosцами, живущими в Тире. Все они хорошо знали де Мерлана и искренне радовались тому, что призы завоевал не пришлый, а свой рыцарь.

Пока оруженосцы и кипперы ловили коня, собирали разлетевшееся по сторонам оружие и снаряжение и уносили глухо стонущего господина, Робер, не выпуская из рук копья, гарцевал перед трибунами.

– Меня вот так же в Палермо лет пять назад высадили, – раздался голос слева от Жака. Это обменивались между собой впечатлениями итальянские рыцари. – После удара вся задница превратилась в сплошной синяк.

– Что ни говори, мастерский удар, – поддержал его собеседник. – Так красиво я бы, конечно, не справился, но, положив руку на сердце, этого римского фанфарона одолеть – что два пальца обмочить. Если бы не строжайший приказ его высочества герцога, мы бы ему еще в свалке показали, почем фунт перцу...

– Да, что ни говори, а арденнец этот – молодец. Спас, можно сказать, рыцарскую честь...

Фанфары снова загудели торжественно-вразнобой, и слуги герольдов начали выносить на поле призы. Рыцари, стоящие вокруг Жака, заметно оживились.

– Теперь этому рыжему коротышке не зазорно будет и в королевском батальоне в бой выходить, – с нескрываемой завистью произнес тот же сосед слева. – Да-а-а... Чтобы в бою такой трофеей взять, нужно, по меньшей мере, богатого барона завалить.

Робер подъехал к трибуне, где сидели герцог, Ибелины и Витториа, поклонился и протянул копье. При этом охранники у всех троих инстинктивно подались вперед. Витториа, по-видимому, не обнаружив под рукой подходящего платка, сорвала с лица вуаль из тончайшего газа и повязала ее на наконечник. Под ликование толпы Робер возвратился к имперцам.

Пока де Мерлан под бурные поздравления возвращал хозяевам наскоро позаимствованные перед поединком доспехи, его удостоил посещением сам герольдмейстер. На удивление совсем не старый пикардец, носящий на плаще отличительные знаки своего привилегированного ордена, лично поздравил Робера "с победой и проследил за передачей ему призов. Всем своим видом выказывая ему уважение, он явно дал понять, что рыцарь своей победой доставил огромное удовольствие всем присутствующим нобилям обоих лагерей, за исключением разве что папского легата.

Не успели Жак, Робер и Николо разобрать вновь приобретенные предметы, как мрачные,

словно рождественское небо над Левантом, оруженосцы побежденного Пьетро ди Россиано подвели к ним еще не расседланного боевого коня, к седлу которого был приторочен только что снятый с хозяина турнирный доспех.

– Хозяин спрашивает, – уныло произнес один из оруженосцев, потирая багровеющий под глазом кровоподтек, – не согласитесь ли вы принять отступные вместо трофея?

– За турнирный доспех – согласен, – ответил Робер, – а с конем пока погодим. Как его, кстати, зовут?

– Терроре, – с грустью ответил оруженосец, – конь лучших пьемонтских кровей. Только трусоват немного и до кобыл зело охоч...

– Ладно, разберемся, – пробурчал Робер, не скрывая Удовольствия. – Николо! Расседлать немедленно и напоить!

Оруженосец кинулся исполнять приказание. Слуги сеньора Пьетро, с видом еще более удрученным, отправились к хозяину сообщать о результатах переговоров. Жак, провожая их глазами, поднял взгляд на трибуну и увидел, что место по левую руку от герцога, где только что сидела Виттория, теперь пусто. Сердце его тревожно забилося...

Вскоре караван, составленный из четырех груженных лошадей, во главе с Робером, восседающим на Бургиньоне, потянулся в сторону выезда с гипподрома.

* * *

У самого въезда в деревню маронитов их догнал одинокий всадник в тевтонском плаще. Жак узнал в нем того самого де Барна, благодаря которому остался жив в день прибытия Виттории в Тир. Этот визит мог обозначать только одно. Свободный виллан из Монтелье, ныне сержант братства святого Андрея Акрского, тяжело вздохнул.

– Сир Робер де Мерлан? – осведомился дорого, но не вычурно одетый молодой человек. Потертая рукоятка меча и выдавшие виды ножны, выглядывавшие из-под плаща, говорили опытному глазу, что этот рыцарь носит оружие отнюдь не в качестве украшения.

– Ну, я, – произнес в ответ арденнский рыцарь, привычным жестом касаясь кончиками пальцев правого виска, словно приподнимая забрало.

– Меня попросили передать, монсир, что вас ожидает известная особа во дворце императорского балы. Я буду сопровождать вас по ее просьбе, дабы караулы не делали вам помех.

Усы Робера безо всяких видимых усилий со стороны хозяина начали медленно вздыматься над верхней губой.

– Минутку, сир! – обратился он к посланцу. – Извините, я не запомнил ваше имя...

– Собрат госпиталя Святой Марии Тевтонской, шевалье де Барн, к вашим услугам! – склонив голову в приветственном поклоне, ответил тот. – Мы ведем родословную из Брабанта, а в Иерусалимском королевстве мне принадлежит рыцарский фьеф в окрестностях Хайфы. Эти земли в свое время не были захвачены Саладином, поэтому я, в отличие от множества пуленов, настоящий, а не титульный владетель.

– Очень приятно, сир де Барн! Не соблаговолите ли вы подождать, пока я сменю коня? – спросил Робер и, не оборачиваясь, громыхнул: – Николо! Ветра мне под стремя!

Жак, оставленный «за старшего», пересел на Бургиньона, но не спешил продолжить путь.

Поднявшись на невысокий холм, мимо которого проходила дорога, он с тревогой проводил глазами двух всадников, усакавших в сторону крепостных стен.

Дворцом императорского бальи назывался пятиэтажный дом, сложенный из пиленого песчаника, расположенный у въезда в цитадель. Де Барн проводил Робера во внутренний двор, распорядился, чтобы у него приняли коня, и передал заинтригованного рыцаря с рук на руки рослому светловолосому воину, в котором достославный рыцарь без труда узнал одного из уцелевших охранников донны Виттории. Тот, похоже, тоже отлично представлял, с кем имеет дело. Взгляды, которыми арденнец и русич обменялись вместо приветствия, напоминали скрещенные клинки.

– Надеюсь, – пробурчал Робер, кладя руку на эфес, – меня сюда не резать привезли? Так учтите, господа, что занятие это не такое уж и легкое и гораздо более опасное, чем вы можете себе представить. Два приятеля вот этого дебардье, – Робер кивнул в сторону потемневшего от злости гридня, – могли бы это подтвердить. Стоит лишь выловить их обезглавленные тела со дна Тирренского моря...

– Я не знаю, сир рыцарь, о каких событиях вы говорите, – удивленно вскинул брови де Барн. – Я познакомился с донной Витторией этой весной в Палермо, при дворе императора. По просьбе Его Величества, а главное, по приказу мессира, гранмастера, я отвечаю за ее безопасность. Предваряя ваш вопрос, могу ответить, что донна Виттория не является дамой моего сердца. Но это вовсе не означает, что мне безразлична ее честь. Поверьте, если бы не строжайший запрет на участие в турнирах для братьев и собратьев ордена, я бы не посмотрел ни на легата, ни на политическую необходимость и поступил бы с этим чванливым италийцем точно так же, как и вы.

– Вот как! – облегченно вздохнул Робер. – А я-то уж, грешным делом, подумал, что за обещанную награду мне нужно будет биться еще и с вами. Только мне не хотелось вас не то что убивать, но даже и ранить, сир. Уж больно вы мне по сердцу пришлись.

– Благодарю вас, сир, – склонился в ответном поклоне де Барн. – Сегодня же во время вечерней молитвы я буду просить Господа, дабы он никогда не свел нас с вами на поле боя. Ну а сейчас ступайте за обещанной наградой, и я даю вам слово, что, пока вы находитесь в этих стенах, ни один волос не упадет с вашей головы.

Де Барн повернулся в сторону караульного помещения и отдал несколько жестких команд на германском наречии. Из-под арки выскочили три пеших сержанта с тевтонскими крестами и стали за спиной у Робера. Русич скрипнул зубами, резко развернулся и начал подниматься по лестнице. Вслед за ним двинулся и Робер. Его, все так же безмолвно, сопровождали тевтонские телохранители.

Винтовая лестница привела их сразу на третий этаж. Здесь в большом холле находились еще четверо стражников-сицилийцев, которые наотрез отказались пропустить тевтонцев внутрь покоев. Мало того, они потребовали, чтобы рыцарь сдал на входе меч и кинжал. Робер поднял на русича вопросительный взгляд. Тот насупился, пожал плечами и угрюмо мотнул головой, словно таким странным образом давая обещание не атаковать безоружного.

– Ладно, поверим, – пробормотал Робер, передавая оружие сицилийцу.

Робер вместе с гриднем зашел внутрь и оказался в длинной комнате со стенами, драпированными кроваво-красным шелком, с единственным узким стрельчатым витражным окном. Дальнюю половину комнаты отгораживала занавесь из тяжелой парчи. В передней, открытой взору части, несмотря на теплую погоду, горел очаг, над которым булькал котел с кипящей водой. Посредине стоял большой стол из полированного красного дерева и несколько тяжелых кресел. Пахло сладкими восточными благовониями.

Русич усмехнулся и пригласительным жестом предложил Роберу пройти вперед. Рыцарь,

путаясь мыслями, но стараясь ничем не выдать своего смущения, решительно подошел к занавеси, откинул тяжелую ткань и остолбенел.

Почти всю отгороженную часть занимал альков размером, пожалуй, с домик, который они с Жаком снимали у Хафизы. Перед альковым стояла большая деревянная ванна, наполненная водой, в которой возлежала донна Корлеоне. Над ней хлопотали две служанки, обнаженные по пояс. Одна из них осторожно подливала в ванну из кувшина горячую воду и сыпала благовония, другая, стоя за спиной у хозяйки, плавными, заволаживающими движениями разминала ей плечи. Всю поверхность воды покрывали лепестки роз. Виттория время от времени жмурила глаза, словно нежащаяся на солнце кошка, и возбужденно подергивала ноздрями.

Робер бросил короткий взгляд на покрывало, где были аккуратно разложены детали дамского туалета, и понял, что единственный наряд принимающей ванну сеньоры Виттории сейчас составляет разве что тяжелое рубиновое кольцо, подчеркивающее нежность и белизну ее шеи. Бросив настороженный взгляд на русича, оставшегося у входа, влюбленный рыцарь отпустил занавесь и сделал шаг вперед.

– Не беспокойся, он не причинит тебе зла, – произнесла Виттория. Она почти не разжимала губ, но ее на удивление низкий голос гулко заметался над сводчатым потолком. – Здесь убивают только по моему приказу, а я его не отдавала.

– Это неправда, сеньора, – ответил Робер. Голос его при этом предательски дрогнул. – А как же тот человек в Мессине?

Служанки, не отрываясь от своих занятий, с интересом посмотрели на Робера.

– Насколько мне известно, – взгляд молодой женщины сверкнул из-под прищура недобрым огнем, – тот, кому он был отдан, погиб во время схватки. Впрочем, это не важно. Я отменила свой приказ. Но только на время.

– И чем же вызвана такая милость с вашей стороны, благородная сеньора? – Робер с детства не терпел высокомерного обращения, и теперь, вопреки вполне понятному возбуждению, которое охватило его при виде давно желанной женщины (да и, не в последнюю очередь, от созерцания двух пар великолепных девичьих грудей), а может быть, именно благодаря ему, рыцарь начал язвить в ответ.

– Я говорила твоему приятелю, – продолжила Виттория, чуть привставая в ванне, так что рыцарь смог по ходу дела наглядно оценить разницу между красивой девичьей и красивой женской грудью, – меня интересует прежде всего то, что вы могли услышать от человека на борту нефа и что вы могли найти в его каюте. Жак отказался мне ответить. – На щеках Виттории появился румянец, губы ее плотно сжались, а отражающиеся в воде соски набухли и отвердели, словно она думала при этом о чем-то очень далеком от хитросплетений политики и императорских интриг. – Теперь я тебе задам тот же самый вопрос. Как только я получу на него исчерпывающий ответ, мы с тобой немедленно переберемся туда, – она указала изящным пальчиком в направлении кровати, – а все они, – палец переметнулся на служанок и ждущего у дверей охранника, – уйдут. Впрочем, – она низко, плотоядно рассмеялась, – если ты этого пожелаешь, то мои служанки могут к нам присоединиться. Поверь мне, рыцарь, я смогу отблагодарить тебя за преданность так, как ты себе не можешь представить в самых диких снах и фантазиях...

– Трудно на все это что-то ответить, – осторожно сказал Робер, при этом размышляя о том, а не стоит ли вместо всех этих пустопорожних разговоров шибануть явно расслабившегося охранника припрятанным в рукаве метательным ножом, связать служанок, забаррикадировать дверь и получить причитающееся вознаграждение самым надежным и отлично зарекомендовавшим себя во время войны во Фландрии солдатским способом. – Тут уж, право, и не знаю. А как же, к примеру, мой крестоносный обет? И Жак?

– Перейдешь служить ко мне в охрану, – безапелляционно заявила Витториа, которая определенно решила, что Робер просто с ней торгуется. – С огромным удовольствием отошлю этого тевтонского чистоплюя обратно, в пограничный Монфорт.

«Ясно, – подумал про себя Робер, – значит, не врал де Барн. Не удалось тебе его в койку заволочь, красавица».

– А твой приятель, – ее глаза снова прищурились, и она хлопнула ладонью по лепесткам, подняв фонтан брызг, – нанес мне личное оскорбление. Не хочу ничего о нем слышать. Ну да ладно, рыцарь, до приема во дворце не так уж много времени. Давай-ка быстро мне обо всем рассказывай и решай, как будем – вдвоем или все вместе? – При этом она окинула Робера с ног до головы нескрываемо-презрительным взглядом, так что рыцарю совершенно отчетливо послышалось, что она закончила фразу словами «рыжий коротышка».

Именно этот взгляд и спас русича от неминуемой смерти, а его хозяйку – от столь же неминуемого надругательства.

– Да в толк не возьму, о чем речь, благородная сеньора? – выпучив глаза и стараясь придать лицу как можно более тупое выражение, произнес Робер. – Я место свое знаю. Где вы, а где я, простой рыцарь. Я-то, по наивности, думал как? Ну, одолел я этого Петруччо на турнире, вот сеньора, раз уж это все, получается, в ее честь затеяно, и хочет перед отъездом ночку со мной скоротать. А о каких таких ваших делах на корабле вы говорили, я ни сном ни духом не ведаю. По чести сказать, мне на море не до того и было. Я полтрюма облевал, пока до этой Акры добрался. А бойцов ваших я там случайно убил. Тут уж простите. Да и они, сказать по правде, тоже хороши. Накинулись с двух боков со своими ножичками, которыми только грамотеям перья чистить. Стало быть, не сладились у нас с вами. Ну да я не в обиде. Вот и платочек ваш возвращаю... – с этими словами Робер вытащил из-за пазухи и обронил в ванну, где плескалась донна Корлеоне, снятую с копья вуаль.

Если бы не этот его откровенно презрительный жест, Витториа, может быть, и поверила, что имеет дело с тупым щитовым рыцарем, который только и умеет, что мечом махать.

– Ну что ж, – ответила она, медленно вставая на ноги, – я, в отличие от тебя, не буду притворяться деревенской душой. Нельзя, конечно, теперь тебя отсюда выпускать живым, да боюсь, что ты справишься с моей охраной даже кочергой. Видела тебя в деле. В общем, даю тебе срок ровно неделю – до моего отъезда из Тира. И если до этого ты или твой дружок не явитесь ко мне, как к кюре, на исповедь, – то пеняйте на себя. Речь теперь идет о ваших жизнях, не больше и не меньше.

Она крикнула что-то на своем родном языке охраннику, видимо, давая распоряжение, чтобы он выпустил Робера, и повернулась к нему спиной, ожидая, когда служанки укроют ее простыней, всем своим видом давая понять, что аудиенция окончена.

Робер ухмыльнулся, отбросил занавесь, чеканным шагом прошел через комнату и, не обращая внимания на русича, вышел в холл. Дождавшись, когда ему вернут оружие, Робер в сопровождении тевтонцев спустился вниз, запрыгнул на Ветра и, дав шпоры обиженно всхрапнувшему коню, вылетел из-под арки дворца, словно стрела, выпущенная из баллисты.

Пока он разговаривал с Витторией, на город опустилась ночь. Робер, опасаясь многочисленных ям, сменил аллюр, переведя коня на шаг, и направился в сторону городских ворот. Вдруг из-за угла ближайшего дома донеслось характерное звяканье, с которым обычно выходит из ножен меч, и Робер краем глаза заметил, как от стены отделяется, двигаясь в его сторону, черная фигура. Фигура сделала несколько осторожных шагов навстречу. Робер присмотрелся повнимательнее, осадил коня, облегченно вздохнул и вогнал обратно наполовину вынутый меч.

– Это кто тебя такой позиции обучил? – спросил он фигуру. – Нет, конечно, если таким вот

манером лен отбивать или на току цепом стучать, то так, пожалуй, и пойдет. Тут вы, пейзаже, лучше, чем я, разбираетесь, спорить не стану. Но атаковать конного... Учил же, учил, целых полгода учил, что первым делом секутся связки у лошади, при этом принимается средняя или нижняя позиция...

– Тут не до позиций, – проворчал в ответ Жак, вкладывая меч в ножны, – из этого дома, как темно, до этого еще никто не выезжал. Дай, думаю, подойду, пожелаю путнику доброго вечера, а между делом и поинтересуюсь, как там проводит время некий рыцарь, выигравший сегодня турнир.

Робер соскочил с коня. Ветер довольно всхрапнул. В ответ из-за угла донеслось ржание Бургиньона, гнусавый голос которого невозможно было спутать ни с каким другим.

– Ты что, меня тут всю ночь собирался ждать? – спросил Робер у приятеля.

– Сколько нужно, столько и собирался, – ответил тот, – я, слава богу, уже побывал у донны Корлеоне на приеме и отлично знаю, чем он может закончиться.

– Какая женщина! – привычно вздохнул вместо ответа Робер. – Лицо, фигура, грудь... Умная, красивая, богатая, при власти. Если бы не была законченной шлюхой, то лучше и не пожелать. Кстати, злится она на тебя ужасно.

Жак и Робер сели на коней и направились в сторону рыночной площади.

– Что-то быстро вы там с ней все завершили, – сказал Жак. В его голосе ощущались оттенки невидимой, белой зависти. – А как же обещанный победителю вечер?

– Если бы твоя Зофи в первую брачную ночь тебя привечала так, как меня эта сицилийская львица, – огрызнулся рыцарь, – ты бы ее наутро сразу же в монастырь отдал на веки вечные. Ей, видите ли, за любовь мало одной только рыцарской службы, еще и кровинушку друзей подавай. Да, впрочем, какая там, к дьяволу, любовь. То, что она мне предлагала, я от любой смазливой шлюхи в таверне могу получить за четверть дирхема. В общем, послал я ее, пейзажник, туда, куда святой Макарий гусей не гонял... – Робер тяжело вздохнул. Это решение далось ему не столь легко и просто, как он пытался представить приятелю.

Разговаривая, они выехали на рыночную площадь. Торг после захода солнца был запрещен, и сейчас о дневной суете здесь напоминали разве что несколько запоздалых прохожих да торговцы, которые то ли по скупости, то ли по бедности заночевали рядом с оставленным на ночь товаром. Впрочем, вполне возможно, что в дни турнира многие из них просто не нашли свободного места ни в одном из постоянных дворов.

– Ладно, господь с ними, с женщинами. – Робер остановился и начал оглядываться по сторонам. – Ты лучше думай, как нам домой вернуться. Ворота ведь давно на запоре. Мост поднят, а арбалетчики дежурят на площадке, готовые в любой момент взвести тетиву.

– А что там думать, – ответил Жак, – совсем тебе эта сеньора память отшибла. Выедем через калитку в южном барбикане. Его охраняют стражники архиепископа, те самые, которых ты обучал. Я по дороге туда заглянул и обо всем договорился. Там мастер Григ специально по ночам делал отсыпку во рву, коню по грудь, так что прое...

– Глазам своим не верю! – бесцеремонно оборвал приятеля Робер. – Похоже, что сюрпризы для нас сегодня еще не закончились...

Достославный рыцарь указал рукой на человека, который, крадись вдоль стены, пытался как можно скорее, но в то же время не привлекая внимания, покинуть площадь. Де Мерлан гикнул, пришпорил коня и, привстав на стременах, словно на скачках, бросил коня наперерез. Для того чтобы убедить Бургиньона хоть отчасти повторить маневр, осуществленный рыцарем, удара пятками в бока оказалось недостаточно. Конь, явно настроенный на отдых в стойле, делал вид, что он не понимает, чего от него добывается наездник, до тех пор, пока не получил от раздраженного Жака поводьями между ушей.

Пока вольный виллан упражнялся в выезде, рыцарь нагнал свою жертву и отрезал ей путь к отступлению. Человек, теперь уже не скрываясь, пустился наутек и заметался между стенами в надежде укрыться за одной из дверей.

Пролетающие по небу тучи ненадолго открыли полную луну, и Жак наконец-то смог разглядеть прохожего, за которым погнался его приятель. Дорого, с иголки разодетый бургер с гербами служителя дома Ибелинов, вышитыми на модном коротком плаще, ничем не напоминал их давешнего попутчика на нефе. И если бы не лютня, переброшенная через плечо, Жак нипочем бы не узнал в человеке, отчаянно колотящем в деревянную дверь, прованского жонглера Рембо.

– Уйдет, Жак! Уйдет! – закричал Робер и коршуном бросился с коня, сбивая с ног злоумышленника.

Жонглер предпринял отчаянную попытку вырваться и шмыгнуть под арку, но скорость, которую вложил в бросок достойный рыцарь, превысила человеческие возможности. Ахнув, Рембо покатился по мостовой и забился под рыцарем, словно пойманная рыба. Выдавший его инструмент издал жалобный звук и отлетел на противоположную сторону улицы. К тому времени, когда Жак наконец-то справился с Бургиньоном и прибыл к месту схватки, необходимость в помощи уже отпала. Жонглер, придавленный к стене рукой, затравленно озирался, словно утопающий в поисках спасительной соломинки, а Робер, тяжело дыша и отплевываясь, буровил его глазами.

– Кто вы такие? Что вам нужно? – с деланным возмущением в голосе пискнул Рембо.

– Он еще спрашивает!.. – прорычал Робер. – А ну-ка, Жак, поддержи лошадей. Зайдем во двор, чтобы никто не мешал, там ему память и освежим.

– Караул! Грабят! – завопил жонглер. Похоже, только теперь, когда рыцарь схватил его за шкуру, словно нашкодившего кота, и поволок в чернеющий проем, он испугался настоящего. – Я Рембо из Прованса, личный трубадур его светлости барона! Я буду жало...

Кому он собирался жаловаться на обокраденных друзей, Жак так и не узнал, потому что Робер стукнул его свободной рукой по спине. В удар вложилась вся накопившаяся злоба, обида и разочарование этого дня. Жонглер пролетел шагов пять, шмякнулся с размаху об стену и, хватая ртом воздух, осел на землю.

– Ну как? – спросил участливо де Мерлан. – Память начала восстанавливаться или еще немного полечимся? У меня, ворюга, в арсенале много притинок и припарок, и поверь, что та, которую я только что попользовал, далеко не самая Действенная из них.

– Не понимаю, о чем вы говорите, сир рыцарь! – продолжал запираяться Рембо.

– Вексель! – прорычал Робер.

– Какой вексель? – фальшиво изумился жонглер.

– Вот такой. И такой. А еще такой. И вот эдакий, – произнося эти слова, Робер нанес ему серию уларов по лицу и в область живота.

Рембо сложился и захрипел.

– Еще вопросы имеются? – осведомился рыцарь, вытирая об полу окровавленный кулак. – Меч об тебя пачкать – много чести, а вот этим – в самый раз...

У де Мерлана в руке сверкнул кинжал-мизерикордия. Он ухватисто сгреб волосы жонглера, запрокинул ему голову и приставил лезвие к горлу.

– У меня с собой нет! – боясь пошевелиться, прохрипел Рембо, выплевывая выбитый зуб. – Нужно в апартаменты. Он там, в сундучке.

– Вот же сучий потрох! – сказал Робер, обращаясь на сей раз к Жаку. – Он здесь уже пообтерся, знает, падаль, что Ибелины нас сразу же схватят, стоит лишь появиться у них в поле зрения. А ну-ка, сержант, ощупай его тряпки. Если ему до сих пор не удалось деньги получить,

то пергамент носит при себе, провалиться мне на месте...

Предположения рыцаря, по всей видимости, были не лишены оснований – стоило Жаку приблизиться к жонглеру и взяться за полу чудом оставшегося на плечах плаща, как тот обреченно зарычал.

– Не балуй! – Рыцарь тряхнул его за волосы и надавил посильнее. Из-под лезвия потянулась, стекая за кружевной ворот, тонкая струйка черной крови.

Обыск завершился намного быстрее, чем ожидалась. Как это ни смешно, но жонглер, то ли проявив присущей этому бесовскому племени фантазии, то ли из чванливого самомнения, зашил вексель в подкладку новой (вернее говоря, которая была таковой до встречи с Робером) бархатной камизы. Воспользовавшись собственным ножом, Жак, не жалея дорогую ткань, вспорол полу прямо снаружи и извлек оттуда бесценный пергамент. Даже в неверном свете луны, едва проникающим под арку, он смог разглядеть кудрявую подпись пизанского банкира.

– Мой вексель! – вскричал он, поднимая руку вверх.

– Вот и славно, – довольно проворчал Робер, – прячь, и поехали домой.

– А с этим что делать будем? – спросил Жак, указывая на замершего от страха жонглера. – Может, страже сдадим?

– Было бы ради чего возиться, – буркнул недовольно Робер. – Я голоден, как стая волков. Сейчас еще немного его повоспитываем напоследок, и пусть катится к черту. Ему и без суда досталось прилично. А ну принеси-ка мне сюда его бренчалку...

Жак выскочил из арки, подобрал потерянную при падении лютню и подал ее Роберу. Тот спрятал нож, хозяйственно обтерев его об рукав воришки, отошел на шаг в сторону и, держа ни в чем не повинный инструмент за гриф, нанес по голове жонглера страшный удар. Лютня бренькнула, хрустнула и брызнула по стенам деревянными щепками, оставив в руках у рыцаря лишь обломок со свисающими струнами. Жонглер рухнул на четвереньки и, завывая, пополз куда-то в сторону, явно не разбирая дороги. Робер сплюнул и швырнул в него обломком.

– Поехали, Жак! – сказал он приятелю. – Хафиза, поди, до сих пор ужин с очага не снимает, постояльцев ждет...

* * *

Робер был прав. Добравшись без приключений до селения маронитов, они обнаружили в зале хозяйку, не находящую себе места от волнения, а на углях непогашенного очага – сочную баранину и телятину, тушенную в специях, вкуснее которой трудно было что-нибудь придумать.

– Папа, император, Ибелины, – вещал с набитым ртом достославный рыцарь, и у него выходило: «Фафа, иффифатоф, ифелифы», – пусть сами между собой разбираются. И они сами, и их прислужники.

– И прислужницы, – поддакнул Жак, перед тем как затолкать в рот очередной кусок.

– И фрифлуфнифы, – согласился Робер, хлопывая по талии хлопчущую вокруг него вдову.

Хафиза, зная о том, какая награда среди прочих призов ожидает победителя турнира, с ужасом думала о том, что Робер-бек возвратиться к ней в лучшем случае к утру, если возвратится вообще. Весь вечер она молилась Христородице и даже решила сходить назавтра в церковь, чтобы сделать пожертвование и принести сердечное покаяние за то, что пускает к себе

на ложе мужчину, с которым она не состоит в законном браке. И от предвкушения того, как она будет рассказывать настоятелю о своем грехе, ее тело заполняла сладкая истома.

Приятели выпили напоследок кувшин сладкого вина и разошлись по своим комнатам. То есть Жак отправился в предназначенную им двоим спальню, а Робер, топорща усы и что-то напевая, двинулся на хозяйскую половину.

Перед тем как улечься в кровать, бывший свободный виллан вернулся в зал, достал щипцами из очага уголек, дунул на него и зажег фитиль масляной лампы. Раздевшись, он положил на столик возвращенный вексель, осветил его, полюбовался, улегся на кровать и сразу же почувствовал, как его обволакивает давно уже таившийся где-то в темном углу сон.

Жаку приснилась Зофи в монастырском одеянии. Она стояла на крыльце Вьеннского кафедрального собора, протягивала к нему руки и что-то говорила. Затем раздался грохот, купола собора начали осыпаться, земля под его юной женой зашаталась, и она громко, прерывисто закричала: «Алла! Алла!» Жак проснулся от сыплющейся прямо на лицо штукатурки.

Сначала ему показалось, что началась война с сарацинами или же в Тире происходит землетрясение, о котором он много слышал от местных жителей. Он вскочил и начал шарить руками по полу, пытаясь нащупать меч, но вскоре понял, что именно является источником испугавшего его шума, и со смехом опустил на кровать. За глинобитной перегородкой предавались любовным утехам достославный рыцарь и безутешная вдова. По тому, как стонала и кричала Хафиза, было ясно, что именно ей сегодня достался от Робера весь его нерастраченный любовный пыл.

– Алла!!! – завопила в очередной раз молодая женщина.

В ответ раздалось знакомое рычание и частые, даже не скрипы, а обреченные стоны большой деревянной кровати. Потолочная балка заходила ходуном, а из прилепившегося под самой крышей ласточкиного гнезда посыпалась труха.

Снова заснуть при таком соседстве не удавалось. Жак долго вертелся на кровати, тщетно ожидая, когда Робер с Хафизой наконец уgomонятся. Но силы рыцаря, казалось, были неисчерпаемы.

Ветер стих, облака рассеялись. Над стенами и башнями Тира висела яркая, отливающая багрянцем луна. Жак забрался под навес, где сушилось свежескошенное сено, и закрыл глаза. Больше ему в эту ночь ничего не снилось.

* * *

Жак проснулся от напевного голоса, который, казалось, снисходит прямо с небес. Это за несколько лье отсюда, в мусульманской деревне собирал свою паству муэдзин. «Фаджр, утренний намаз!» – подумал Жак. Но, поглядев на висящее в зените солнце, понял, что это зухр, полуденная молитва почитателей пророка Мухаммеда. Он встал, стряхнул остро пахнущее сено, вспугнув проходящего мимо петуха, и огляделся по сторонам.

Часть двора была перекрыта сушащимся бельем. У коновязи стояли, засунув морды в мешки с отборным зерном, четыре коня. При этом Бургиньон недовольно храпел и деловито хрумал в кормушке трофейного Терроре, а тот, лишенный обеда, боязливо терся у деревянной перегородки. По двору шла босая Хафиза с высоким кувшином, который она, на местный манер, несла на голове. Казалось, ее покачивает легчайший утренний бриз. Она посмотрела, улыбаясь,

на Жака. В глазах у нее не наблюдалось и тени связных мыслей, однако более счастливого женского лица Жаку в жизни встречать не доводилось. Идиллию нарушали только два посторонних звука. Из соседнего двора жаловался на жизнь разлученный с подругой ишак, а из дома, то и дело вспугивая присевших на крышу воробьев, разносился мощный рыцарский храп.

Жак немного поработал с мечом и отправился будить приятеля.

– Что?! Что такое?! – вскинулся достославный рыцарь, шарахаясь спросонья в дальний конец широкой кровати. – Хафиза, этот ты?.. Еще разик?!

– Это я, Робер, – ответил Жак, присаживаясь на табурет и опираясь обеими руками на рукоятку меча. – Ветер утих, и первые галеры уже покидают порт. А это значит, что и нам пора собираться в дорогу.

Робер, не стесняясь приятеля, как был, без одежды, подлетел к окну. По зеркальной глади залива тут и там были разбросаны рыбацкие фелуки, а со стороны города по направлению к Сидону шла, подняв паруса, легкая почтовая галера.

* * *

Пизанский банкир, увидев в руках у Жака заветный вексель, о пропаже которого, стараниями мастера Грига, знали все левантийские колонисты, расплылся в улыбке и, уточнив, в какой монете благородные господа желают получить свои деньги, выложил на прилавок несколько запечатанных кожаных кошель. Здесь же они сговорились о доставке в Константинополь – благо пизанская галера, с осени томившаяся в тирской гавани, уже готовилась к отплытию и должна была выйти в море через два или три дня.

Друзья заехали к ректору, который чуть не лопался от гордости, оттого что именно брат рыцарь святого Андрея Акрского выиграл турнир, и тепло с ним распрощались. Тот заверил, что не позже чем завтра заберет из канцелярии архиепископа индульгенции и доставит их нарочным к ним в дом.

Посетив по дороге таверну, славившуюся на весь Тир своей кухней, они выдали хозяину – черному как смоль ливанцу – задаток и приказали доставить к ним в дом до заката праздничный ужин на два десятка человек.

– Семерых-восьмерых сами позовем, – рассудительно заметил свободный виллан, – а остальные и без приглашения сбегутся.

– Значит, так, – сказал Робер, после того как они, завершив все дела в стенах города, выехали за ворота. – Что мы имеем и что берем с собой в Константинополь? Коней у нас, стало быть, уже четыре. Призовой баронский дестриер хорош, ничего не скажу. Нужно будет до отплытия его имя узнать. А вот Терроре этот... Может, он и каких особых кровей – да только ленив, труслив и пожрать горазд. Я подумываю, а не вернуть ли его сеньору Пьетро за отступной? Эти двое, я думаю, общий язык отлично находят. Теперь оружие и доспехи. Стальной доспех, порученный как приз на турнире, ты заберешь себе. И не спорь. С добрым конем и в такой броне будешь тяжелым конным сержантом. Такому и платят больше, и уважают сильнее. За трофеем вчера, пока нас не было, слуга италийца привез восемьдесят ливров. Браслет ушел за шестьдесят. Да мы с тобой богачи, приятель!

– Главное, чтобы ты хотя бы до Константинополя в кости играть не сел, – пробурчал в ответ Жак.

Ужин, данный для друзей в честь отбытия, перерос в шумную пирушку и продолжался до

глубокой ночи. Как и предполагал Жак, на проводы стянулись все, кто хоть как-то мог считать себя добрыми знакомыми прославленного рыцаря и его друга. Вино лилось рекой, и съедено было столько, что соседей-аксакалов пришлось срочно мобилизовать на приготовление дополнительных шашлыков. А уж христианских здравиц и недавно вошедших в моду сарацинских «алыверды» за бесплатным угощением прозвучало столько, что если поверить всему сказанному, то выходило, будто древний Тир покидают не простые крестоносцы, а по меньшей мере античные герои, по уходу которых Иерусалимское королевство останется полностью беззащитным перед врагом, а сам город Тир и вовсе немедленно провалится от безысходности в тартарары.

Робер в очередной раз встал, сжимая в руке серебряный кубок, но не успел он открыть рот, как был прерван.

– Сир рыцарь, сир рыцарь! – раздался вдруг немного Дрожащий и в то же время полный решимости голос.

У калитки, не заходя во двор, стоял копейщик, в котором Жак узнал старшину городской стражи. За ним, в свете факелов, переминаясь с ноги на ногу, толпилось не менее полутора десятков вооруженных пехотинцев.

– Вы уж извиняйте великодушно, – обратился старшина к Роберу, – но нас по вашу душу сам бальи послал. Дело, говорит, срочное и не терпит отлагательств. Только он вас не у себя, а во дворце архиепископа ждет. И вас, сир рыцарь, и сержанта Жака.

– Судя по тому, что ты прихватил с собой всю дежурную смену, – спокойно произнес Робер, вставая со своего места и набрасывая плащ, – вам приказано доставить нас даже в случае сопротивления.

В ответ старшина тяжело вздохнул и потупил глаза.

* * *

Жак и Робер ехали верхом, то и дело придерживая коней, дабы от них не отстали плетущиеся в хвосте охранники.

– Вы извините нас, господин, – не прекращал ныть старшина, – только приказ нам дали такой – вас к бальи доставить. Вы уж пожалейте нас, монсир. Дети дома ждут, а наш господин на расправу страх как скор.

Нытье продолжалось до тех пор, пока окончательно вышедший из себя Робер не пообещал, что ежели хоть один из этих лягушачьих детей еще раз отворит свой поганый рот, то он, благородный рыцарь, развесит их всех на ближайшем дереве, будь то олива или кипарис.

– В чем там хоть дело, не знаешь? – не выдержал и поинтересовался Жак.

– Да сами не ведаем, господин сержант, – ответил старшина, опасливо косясь на Робера, который всем своим видом демонстрировал, что ему совершенно безразлично, для чего их вызывает, чуть ли не в полночь, бальи. – Жалоба на вас вроде какая-то пришла. Вроде как нужно ответ держать.

– Ну, это все чепуха, – облегченно вздохнул Жак, – мы ведь как крестоносцы находимся под защитой церкви.

В приемном зале, несмотря на позднее время, их ожидало, помимо бальи, человек пять, среди которых, судя по гербам и эмблемам, были лишь слуги императора да тевтонцы.

Бальи, апулиец, с которым Робер по долгу службы был отчасти знаком, до этого

расхаживавший по залу, при виде вошедших приятелей сморщился, как от зубной боли, и занял место в высоком богато инкрустированном кресле. Присутствующие расположились от него по правую и левую руку, а старшина копейщиков занял по его знаку оборону на выходе.

– Сир рыцарь и ты, сержант, – с места в карьер начал бальи. При этом в его голосе, нарочито суровом, ощущались неуверенные и даже отчасти извиняющиеся нотки, – на мое имя поступила жалоба от жонглера Рембо из Лангедока, совершающего паломничество, в том, что вчера после вечерни вы оба, угрожая оружием, избили его и ограбили.

– Чушь! – рявкнул в ответ Робер, и усы его встопорщились в неподдельном возмущении. – Это как раз он у нас украл вексель в Акре еще весной, по прибытии в Святую Землю, а мы его изловили и вернули свое! И ради этого нас стоило ночью вызывать?

Бальи оглянулся на одного из присутствующих нобилей, который носил имперские знаки различия. Тот кивнул ему в ответ, словно говоря: «Вот видите, я же предупреждал!»

– Вы можете мне сказать, кому вы подавали жалобу и кто может выступить свидетелем в ваше оправдание? – тяжело вздохнув, словно скрепя сердце соглашаясь с собеседником, спросил бальи.

Робер обескураженно замолчал.

– Говорил я тебе, нужно было подавать прошение, – процедил сквозь зубы Жак.

– Не робей, виллан! – прошептал в ответ Робер. – В крайнем случае, виру уплатим, да и все дела.

– Кроме того, – продолжил бальи, – в Акре вы похитили коня, который принадлежит ордену Храма, таким образом, совершив разбой по отношению к церковному имуществу...

– Бред какой-то! – заорал, брызгая слюной Робер. От такого огульного обвинения он начал терять самообладание. – Ветра мне подарил тамплиер Гийом по решению своего капитула!

– Еще бы! Вы отлично знаете, на кого вам ссылаться! – покачал головой бальи и прищурил глаза, в которых уже не оставалось ни тени сочувствия. – Нужно еще выяснить, откуда вам стало известно, что Гийом де Монферрат, командор Антиохии, погиб со всем своим отрядом в стычке под Дарбсаком еще два месяца назад.

При этих словах нижняя челюсть у Робера слегка отвисла, а со стороны присутствующих должностных лиц раздался осуждающий гул.

– Хорошо, сир, – ответил рыцарь, – обвинения и в самом деле не пустячные. И те, кто подал на нас ложные доносы, должны отвечать по всей строгости законов. Назначьте место и время суда, и мы прибудем на него, дабы оправдаться. Могут ли я идти?

– Нет, – ответил бальи, – это еще не все. Сегодня днем я получил письмо от бальи Иерусалимского королевства Томмазо д'Арчерра. В нем говорится о том, что султан Рума, или Кониин, Ала-ад-Дин Кейкубад, жалуется Его Величеству на некоего рыцаря Робура, который во главе отряда оборванцев прибыл на нефе «Акила» к берегам Атталии, напал на мирное селение Мекри, убил и ограбил подданных султана, пленил его любимого племянника, поставленного там эмиром, и потребовал за него выкуп. Обо всем этом свидетельствует перед лицом их Аллаха почтенный раис Ходжа Мустафа. – Бальи завершил чтение и поднял глаза. – Нарушение перемирия является тяжелейшим преступлением, особенно в то время, когда королевство готовится к священной войне. Сеньор Томмазо в гневе. Он считает, что наш государь-император не дозволит баронской вольнице того, что вытворял в свое время с попустительства короля Ги де Лузиньяна рыцарь Рено де Шатильон...

Ошарашенные услышанным, Жак и Робер молчали, не имея ни малейшего понятия, как им реагировать на то, что происходит.

– Ввиду того, что сир Робер, шевалье де Мерлан, а также сержант Жак из Монтелье подозреваются одновременно в нескольких тяжких преступлениях, – объявил бальи на весь зал

официальным голосом, – постановляю впредь до суда содержать их под стражей. Исполнение приказа поручается братьям госпиталя Святой Марии Тевтонской. Брат де Барн! Арестуйте этих двоих и препроводите к месту заключения.

Де Барн, как и тогда, на аудиенции у донны Виттории, отдал по-германски несколько коротких команд. Из дверей, раздвигая плечами городскую стражу, появились давешние тевтонские сержанты.

– Господа, прошу вас сдать оружие, – словно извиняясь, произнес де Барн. По всему было видно, насколько ему неприятно исполнять приказ бальи.

– Поберегите в надежном месте, – произнес Робер, одновременно вынимая из ножен меч и кинжал и подавая их тевтонцу, – и коней наших прикажите отогнать на подворье.

– Я сделаю все, что в моих силах, – отозвался де Барн, принимая оружие сначала у рыцаря, а затем у Жака и передавая его одному из сержантов, – а теперь следуйте за мной.

Спуск по бесконечной винтовой лестнице, казалось, не закончится никогда. Идти приходилось по одному, друг за другом, так что разговаривать не было ни малейшей возможности. Лестница была настолько крутой и узкой, что свет факелов, которые несли направляющий и замыкающий слуги, доставал до шагающих в середине процессии приятелей только мечущимися по влажным стенам красно-желтыми отблесками.

Жак по дороге считал ступеньки. Их оказалось ровным счетом триста пятьдесят одна. «Каждая высотой не меньше полуфута, – подумал он, оглядывая сводчатое помещение, оканчивающееся тяжелой кованой дверью, – выходит, что мы спустились на глубину большую, чем высота городских стен».

– Эту темницу построили по приказу моего дальнего родственника, короля Конрада де Монферрата, – словно извиняясь за предка, негромко произнес де Барн, – у которого тогда было много врагов. С завтрашнего дня вас будут охранять мои пехотинцы. Ну а сегодня вы останетесь в распоряжении здешнего надзирателя.

– Да какой там, к дьяволу, завтрашний день! – прорычал в ответ Робер. – Завтра утром, как только проснется его высокопреосвященство архиепископ и ему доложат об аресте рыцаря и сержанта крестоносного братства, этот распоясавшийся апулиец самолично кубарем покатится по ступенькам, чтобы принести нам извинения и под локоток вывести на поверхность.

– Боюсь, что все не так просто, сир, – сочувственно покачал головой де Барн. – Кроме предъявленных обвинений существует еще одно, не в пример более тяжкое. Сеньор Пьетро ди Россиано подал жалобу самому легату на то, что вы его победили на турнире при помощи колдовства. А некий послушник из бенедиктинского монастыря подтвердил, что перед джострой, прямо у него на глазах, сирийская еретичка повесила вам на шею волшебный амулет... – Открывай, Вер! – закричал тевтонец и забарабанил в дверь кулаком.

Раздался натужный скрип отсыревших, давно не знавших ухода петель, и перед друзьями предстал невысокий человечек, дремучий, словно темница, которая находилась у него на попечении. В руках он держал связку ключей на большом железном кольце.

– А, это ты, разумник! – отозвался тюремщик. Голос его оказался не менее скрипучим, чем дверные петли. – Меня, истинного тевтонского рыцаря, вы вышвырнули из ордена, загнали в подземелье и теперь время от времени навещаете, чтобы насладиться своим глумлением...

– Снова ты о своем, бывший брат Вер! – рассмеялся де Барн. – Тебя погубила любовь к блудословию и страсть к беспредметным спорам, а не зависть других братьев. И тебе самому это хорошо известно. Вот два пленника, задержанных по приказу бальи. Отведешь им лучшие камеры, каждому дашь по масляной лампе и охапку сена посвежее.

– Ладно, заводи, – проворчал тюремщик. У него за спиной выросли три вовсе бесплотные тени. Это были стражники подземелья.

– Могу ли я что-нибудь для вас сделать? – поинтересовался напоследок де Барн.

– Проследите, чтобы нам сюда приличный завтрак принесли, если не трудно, – буркнул Робер. – Как говорил мой покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель: «Война войной, а обед по расписанию...»

– Если это возможно, отправьте, пожалуйста, депешу в Яффу на имя вольного каменщика мастера Грига, – попросил тевтонца Жак, – он там руководит восстановлением цитадели. И изложите ему все, что с нами произошло. Все почтовые расходы мы вам оплатим.

– Я сегодня же отправлю в Яффу своего слугу, – ответил де Барн. – По приказу великого магистра я более не возглавляю охрану сеньоры Корлеоне, но тем не менее я больше чем уверен: все, что произошло с вами, – дело ее рук.

– Я в этом тоже не сомневаюсь, – скрипнул зубами Робер. Дверь темницы вновь заскрипела и с громким хлопком затворилась, окончательно отсекая друзей от внешнего мира.

– Ну что, голубчики, пойдёмте, я вам ваши новые жилища покажу, – раздался прямо над ухом у Жака скрипучий голос бывшего брата Вера.

Глава девятая, в которой выясняется, что перед ассизами Иерусалимского королевства все равны, а баронский суд - отнюдь не самый гуманный суд в мире

*Тир, 1228 г. от Р.Х., пятница —
воскресенье по Богоявлению (14–16 января)*

Где-то далеко-далеко, в конце коридора, застонала входная дверь. Жак почесал подбородок – последнее время отросшая щетина зудела почище, чем укусы тюремных клопов, плюнул на кончики пальцев и, стараясь не обжечься, чуть вытянул фитиль. Его слух, обостренный за время, проведенное в тиши глубокого подземелья, уловил много необычного. Например, то, что по лестнице спустился не один человек, а сразу несколько, что это был не слуга, несущий еду и питье охранникам и заключенным, ибо прибывшие носили доспехи и были вооружены. Все вместе это означало, что в их судьбе наступают перемены – кроме него и Робера в главном тирском подземелье узников больше не было.

Ждать пришлось недолго. После коротких переговоров по каменному полу чуть слышно зашелестели войлочные башмаки надзирателя, загрохотали отпираемые запоры, и сразу же вслед за этим на все подземелье раскатился львиный рык достоправного рыцаря де Мерлана. «Похоже, сир Робер не потерял присутствия духа», – подумал Жак, с трепетом ожидая, когда придет его черед. Сам он, отрезанный от мира и потерявший счет дням, уже давно находился на грани помешательства, и только ругань приятеля, неизменно доносившаяся до него в то время, когда в двери открывалась ставенка, удерживала его от малодушных поступков.

Ключ застучал в замке, дверь отворилась.

– Выходи! – раздался скрипучий голос Вера.

Жак поднялся с лежанки и шагнул наружу.

– Живой, пейзанин! – заорал Робер. Казалось, что одиночное заключение только прибавило ему сил и энергии. – Ну, я им всем устрою, когда выберусь наверх!

У выхода их ожидал де Барн в сопровождении своих сержантов.

– И где же твои пехотинцы, брат-рыцарь? – ехидно поинтересовался Робер. – Да и обещанное «Не далее как завтра» – похоже, несколько затянулось...

– Прошу меня простить, сир, – ответил, нахмурившись, де Барн, – но в этом нет моей вины. Там, наверху, вокруг вашего ареста кипят нешуточные страсти. Ваш главный недоброжелатель, сеньор Пьетро, заручился поддержкой Жана Ибелина и привез из Бейрута своего юриста. Все вместе они добились, чтобы вас держали отрезанными от внешнего мира до тех пор, пока обвинение не подготовится к суду. Впрочем, поспешим наверх, там вам все объяснят намного лучше, чем могу это сделать я, простой тевтонский рыцарь, не искушенный в дворцовых интригах и в судебном крючкотворстве...

– Сколько мы здесь сидим? – бесцеремонно перебил его Робер.

– Завтра будет неделя, – ответил де Барн. – Но разве это так важ...

– Понятно, – снова перебил его рыцарь, – значит, эта скотина нас кормила не чаще чем два раза в день вместо положенных трех. Бы нам провиант и вино передавали?

– Конечно, сир, – удивился де Барн, – я лично следил, да и ваша домохозяйка тоже, чтобы вам раз в день передавали суточный запас самых изысканных яств, дабы хоть как-то скрасить неудобства, связанные с заключением.

– Мы сюда больше не вернемся, сир рыцарь? – спросил Робер без всякой видимой связи с предыдущим вопросом.

– Нет, сир, – ответил де Барн. – Сегодня вы предстанете перед судом.

– Вот и славно. – Де Мерлан развернулся и со всей силы врезал стоящему в дверях тюремщику по физиономии. Тот охнул и растворился в темноте. В глубине коридора что-то грохнуло и покатилося.

Процессия начала подъем, который для приятелей, ослабевших в заключении, превратился в настоящее испытание. Жак шел, опираясь рукой о стену, в спину ему сопел Робер. За спиной у рыцаря, время от времени цепляя ножнами о шершавую штукатурку, поднимался тевтонец.

– Известная вам особа, донна Виттория, – негромко говорил де Барн Роберу, – встретив меня на приеме у архиепископа, просила передать, что вы в любой момент можете избежать суда. Стоит только сделать то, что она просила.

– Десять кизяков ей в глотку и прочие места, которые Бог создал у женщин на погибель мужчинам, как говорил мой дядюшка, граф де Ретель, после очередной ссоры с супругой, – поворачиваясь, на ходу чуть не всем корпусом, отвечивал де Мерлан. – Единственное, на что она может рассчитывать, после того как продержала меня в холоде и голоде столько дней, так это на добрые розги по филейным частям, ежели попадетсЯ мне где-нибудь без сильной охраны.

Жак был настроен не столь воинственно, но вынужден был признать, что в словах рыцаря, пусть и облаченных в столь грубую форму, содержится зерно истины.

– Сир Робер, ты помнишь о своем мече? – спросил он у де Мерлана.

– Всю неделю только о нем и думаю, – хмуро ответил тот, – но только в основном о лезвии, а не о рукоятке...

– Все ваше имущество арестовано по приказу бальи, – ответил де Барн, думая, что рыцарь и сержант беспокоятся именно об этом. – Все, что было при вас и найдено в доме, который вы занимаете, передано на хранение под опись в моем присутствии.

Оставшаяся часть подъема прошла в молчании, которое лишь изредка прерывалось негромкими чертыханиями то и дело спотыкающегося арденнского рыцаря.

Наконец, сделав очередной виток, лестница вывела процессию на поверхность. Когда приятели отдышались, а глаза их привыкли к яркому солнечному свету, выяснилось, что их там ожидает длинный, как жердь, человек в широкополой шляпе и темно-буром, почти черном платье.

– Прежде чем представиться, – произнес человек стрекочущим сорочьим голосом, – прошу вас изучить сие послание...

С этими словами он протянул друзьям заранее заготовленный свиток.

– Читай, – Робер пихнул Жака локтем под бок, – ты у нас грамотный.

– Дорогие мои сир шевалье де Мерлан и мэтр Жак из Монтелье! – зачитал Жак.

Оруженосец брата де Варна доставил мне весть о вашем аресте. Не медля ни минуты, я направился в Акру, дабы выяснить у бальи королевства, чем вызваны столь нелепые обвинения, но получил ответ, что это, мол, дело государственной важности. Зная вас обоих как людей высоко порядочных и весьма далеких от каких бы то ни было государственных дел, я позволил себе не согласиться с графом Томмазо и нанял за свой счет лучшего адвоката акрской гильдии. Это самый настоящий волкодав, который легко справится со всеми обвинениями, тем более огульными. За участие в процессе ему уплачено сполна, а кроме того, обещана половинная доля того, что ему удастся взыскать с лжеобвинителей и лжесвидетелей по окончании процесса. Сочтемся потом, при встрече. Надеюсь, что вы посетите меня в Яффе перед отбытием в Европу.

Искренне ваш
мастер Григ.

– Мэтр Ги из Вифлеема, к вашим услугам! – дождавшись, когда Жак завершит чтение, представился адвокат. – Суд состоится после обеда. Сейчас, по моему настоянию, вас отведут в отдельную комнату, где вы сможете поесть, умыться, побриться и переодеться в свежее платье. А заодно расскажете мне, что с вами произошло на самом деле, дабы я мог выстроить защиту. Хотя, по правде говоря, я в этом не особо и нуждаюсь, – добавил он с оттенком хвастовства, – местные законники – настоящие дети.

В сопровождении де Варна они проследовали в помещение, где их ждали бородатые и приправленные Хафизой наряды.

– Не вздумай проболтаться про монету, – прошептал Робер, обращаясь к Жаку, – этого тоже вполне могли перекупить.

– И в мыслях не имел, – ответил Жак, – я уже успел убедиться – то, что идет на пользу Виттории, ее слугам и ее покровителю, неизменно оборачивается нам во вред. Поэтому будем молчать.

* * *

На этот раз большой, богато украшенный зал, в котором городской бальи проводил пиры, суды и приемы, был полон народу. Среди нескольких десятков разряженных нобилей Жак разглядел Жана Ибелина, его племянника Ги де Монфора, сеньору Витторию и Пьетро ди Россиано. Было там и множество других знакомых лиц, чьи имена он не мог припомнить.

На месте, предназначенном для председателя, расположился сам правитель города. По правую руку от него восседал архидьякон каноников архиепископства, а по левую – какой-то жизнерадостный толстяк.

– Ничего себе толпа, – пробормотал у него за спиной Робер. – Слушай, а мы с тобой, случайно, не узурпацию королевской власти замыслили? В зале только Фридриха и папы не хватает...

– Тише, прошу вас, тише, – взмолился стоящий рядом адвокат. – Ради бога, не говорите резких слов и уж ни в коем случае не упражняйтесь в остроумии. Когда нужно будет пошутить,

поверьте, я с этим отлично справлюсь и без вашей помощи.

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! – по знаку бальи заголосил судебный пристав. Одновременно с этим городские стражники-алебардисты, сменив тевтонцев, взяли приятелей в каре и вывели их на середину зала.

– К наместнику Его Императорского Величества Фридриха, императора Священной Римской империи, короля Германии, короля Ломбардии, короля Иерусалима, – продолжил пристав, – обратились просители с множественными обвинениями, выдвигаемыми против рыцаря Робера, шевалье де Мерлана из Арденн, и сержанта Жака из Монтелье.

– Кто будет выдвигать обвинения? – не поднимаясь, спросил бальи.

– С вашего позволения, – жизнерадостный толстяк вскочил с места и, сделав несколько воробыных скачков, вмиг оказался между судьями и подсудимыми, – я, Мартин из Аквитании, легист его светлости барона Жана де Ибелина Бейрутского, по всемилостивейшему соизволению своего господина буду представлять здесь его интересы. Помимо этого меня также сделали своим представителем сеньор Пьетро ди Россиано из дома Сеньи и сеньора Витториа ди Корлеоне. Позвольте ли мне предъявить обвинения?

– Начинайте, – буркнул бальи.

Легист сноровисто отцепил от пояса свиток, развернул его и начал декламировать, словно кюре, читающий пастве Священное Писание. Время от времени он отрывал глаза от текста и обводил присутствующих ищущим понимания взглядом. Описав в цветистых выражениях обстоятельства появления в королевстве двух крестоносцев, он особое внимание уделил тому, что оба они взяли крест не из любви к Господу, а дабы найти защиту от справедливого возмездия за тяжкие преступления.

– Врет же как сивый мерин! – взвился при этих словах Робер.

– Подождите, сир, – прошептал ему на ухо адвокат. – Не мешайте ему рыть себе яму собственным языком.

– Донна Корлеоне, – продолжал толстяк, – обвиняет их в намеренном убийстве двух ее слуг, совершенном во время плаванья на нефе «Акила». А закон, как известно, гласит, что, если кто лишит жизни, продаст или отпустит на свободу чужого серва, присуждается к уплате сорока ливров. Стало быть, за убийство, совершенное вдвоем, двух сервов сеньоры обвиняемым подлежат к уплате всего сто шестьдесят ливров виры.

– Желаете возразить? – спросил у адвоката бальи.

– Нет, монсир, – ответил тот, делая пометки на восковой табличке, – мои подзащитные прежде хотят выслушать все обвинения.

– Кроме того, – продолжил Мартин, дождавшись, когда председатель в знак согласия кивнет головой, – бальи Иерусалимского королевства обвиняет их в том, что эти двое нарушили перемирие между императором и султаном Кони, совершив разбойное нападение на принадлежащий ему город и пленив его родственника. А таковые действия, как известно, караются смертной казнью.

Далее. Во время описи имущества задержанных, вышеозначенных сира Робера и Жака, обнаружен боевой конь с клеймом ордена Бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова. Так как никаких дарственных либо купчих грамот на сей счет не обнаружено, бальи счел разумным обвинить их в краже вышеозначенного коня. А как известно, если кто украдет стремennую лошадь и будет уличен, то приговаривается к уплате виры в сорок пять ливров, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Помимо вышесказанного, имеются еще обвинения, которые выдвинул его светлость барон Бейрутский. Прибыв в Святую Землю, обвиняемые оскорбили действием родственника господина барона а кроме того, нанесли оскорбление словом самому господину барону в его

собственных покаях. Затем они напали оружно на ближнего родственника его светлости на его собственной земле, что по сути является вооруженным мятежом. Как известно, вооруженный мятеж против сеньора и его семьи, а равно и помощь вилланам, восставшим против сеньора, для человека благородного происхождения карается лишением титула и рыцарского достоинства, а для виллана и горожанина – смертью. Ко всему прочему, они ограбили и избили серва барона Жана Ибелина Бейрутского, жонглера Рембо из Прованса. Все эти обвинения подтверждаются многочисленными свидетельствами, в чем уважаемый суд может легко убедиться.

За означенные преступления, по их совокупности, обвинители – его светлость барон, Жан де Ибелин, бальи Иерусалимского королевства граф Томмазо Д'Арчерра и сеньора ди Корлеоне – помимо положенной виры, требуют полного возмещения убытков.

Услышав, что имя бейрутского барона объявлено легистом перед именем императорского наместника, тирский бальи недовольно скривился, но промолчал.

– Слушай, Ги, – Робер повернулся к адвокату, – это куда он гнет? Я так прикинул, что вира и возмещение убытков потянут на все наши деньги и имущество?

– Терпение, сир, терпение, – прострекотал защитник, не отрываясь от своих записей.

– Мнение обвинителей понятно, – произнес бальи. Все это время он разглядывал свои холеные пальцы, стараясь не встречаться взглядом ни с рыцарем, ни с вилланом. – Это все?

– Нет, монсир, к величайшему сожалению. – Легист барона Ибелина улыбнулся при этом столь лучезарно, что у Жака не осталось ни малейших сомнений в том, что на самом деле он хотел сказать «к счастью». – Сеньор Пьетро ди Россиано заявляет, что означенный рыцарь Робер де Мерлан во время турнира одержал над ним победу при помощи колдовства. Некая еретичка и знахарка перед схваткой надела ему на шею бесовской амулет. Таким образом, еще и нарушен турнирный кодекс, что делает вышеозначенного рыцаря подсудным и за это преступление. Опираясь на письма Гроба Господня, которые, как известно, являются истинными ассизами Иерусалимского королевства, обвинение просит лишить шевалье де Мерлана рыцарского звания и титула. Кроме того, перед судом святой равноапостольной церкви я уполномочен обвинить означенного рыцаря в колдовстве.

Все присутствующие со стороны обвинения довольно закивали. Жак оцепенел, а у Робера от изумления отвисла челюсть. Защитник слегка похлопал его по плечу, чтобы успокоить, сделал шаг вперед и, оказавшись прямо напротив Мартина Аквитанского, стал его разглядывать с нескрываемым сочувствием. Так порой ярмарочная публика разглядывает шута, который спяну либо по старости лет не справился с самым простым кульбитом.

– Что скажет защита? – хмуро осведомился бальи.

– Защита категорически отрицает все обвинения и предлагает начать опрос свидетелей по каждому из них, – не отрывая глаз от обвинителя, прострекотал адвокат Ги.

– Не возражаю, – ответил бальи. – С чего начнем?

– Если ваша милость не против, то с обвинения о нарушении перемирия с конийскими турками.

– Не против, – выжал из себя бальи. Толстяк под взглядом адвоката неуютно поежился.

– Обвинение располагает свидетелями описанных событий? – переходя к делу, осведомился адвокат.

– Какое еще нужно свидетельство помимо послания самого бальи Иерусалимского королевства? – искренне изумился в ответ Мартин Аквитанский и обвел глазами присутствующих, словно говоря: «И где берут таких бестолковых юристов?»

– Думаю, что это не совсем так, – тем же ровным голосом произнес Ги, на сей раз обращаясь к председателю. – Вот здесь у меня имеется письменное свидетельство десяти тосканских арбалетчиков, сделанное в присутствии епископа Акры и заверенное его печатью. И

оно говорит о том что не христианские рыцари, а именно подданные султана во главе с эмиром совершили нападение на марсельский неф. Буря загнала его в прибрежные воды, но не вынесла на берег, таким образом, он не попадает под действие берегового права. Вышеозначенное свидетельство не далее как позавчера было предъявлено самому бальи, сеньору Томмазо. Узнав всю правду о событиях, он был взбешен и немедленно отправил конийскому султану ответную ноту. Мало того, тосканцы свидетельствуют, что именно благодаря бесстрашию и мастерству сира де Мерлана это нападение было отражено. Я думаю, с этим пунктом обвинения мы покончили? – спросил адвокат у бальи.

– Следующее обвинение, – ответил апулиец, скорчив при этом такую мину, словно его заставили при всех съесть кислейший сирийский лимон.

Из толпы присутствующих донеслось недовольное гудение. Жак перевел дух, Робер приосанился, а на лице легиста из Бейрута, которое по-прежнему охраняло жизнерадостное выражение, промелькнула некоторая обескураженность.

– Далее рассмотрим обвинение в убийстве сервов достопочтенной госпожи Корлеоне, – продолжил Ги. – Располагает ли обвинение очевидцами этих событий?

– Непременно, ваша милость! – обращаясь к бальи, просиял легист. – Здесь присутствуют два копейщика донны Корлеоне, которые могут в подробностях рассказать о том, что произошло.

Обвинитель бросил просительный взгляд на Витторию, та махнула сложенным веером, и на середину зала вышли два ее охранника. Оба они были одинаково широкоплечи, светловолосы и голубоглазы, а кроме того, одинаково одеты и имели одинаковое выражение лица. «Ну, просто двое из ларца, как в старой кельтской сказке, которую долгими зимними вечерами рассказывала покойная бабушка», – подумал про себя Жак.

– Что ты видел? – спросил, обращаясь к одному из них, обвинитель.

– Однако, мы гулял, – с готовностью начал тот, – ночная ветром свежего. Тут сразу этот мечом нападать. Пока моя своя тесак вынуть – она Михаилу и Вадиму давай кирдык. А мы воздух дышать завязавши и госпожа вернулись охранять.

– Стало быть, насколько я понял, – осведомился Ги, обращаясь прямо к Виттории, – ваши слуги сразу же доложили вам, сеньора, о том, что на них совершено столь дерзкое нападение?

Та в ответ высокомерно кивнула головой.

– А какие же меры вы приняли для того, чтобы обезвредить опасного преступника? – задал следующий вопрос защитник. – Ведь насколько я понимаю, человек, способный напасть посреди ночи на четверых вооруженных молодцов безо всякой видимой причины и с легкостью убить двоих, крайне опасен для путников. Или же причина все же была? – обратился он к свидетелям.

– Никак не была, – в этот раз ответил второй, – он сам нападать, убивать...

– Но мои подзащитные свидетельствуют прямо противоположное, – объявил адвокат. – Именно эти двое молодцов напали на них ни с того ни с сего. Благородная сеньора, разумеется, говорит нам чистую правду, поэтому защита склонна считать, что солгали именно эти двое. Так как все свидетели – и со стороны защиты, и со стороны обвинения – это заинтересованные люди, то дело должно быть решено судебным поединком между одним из свидетелей обвинения и моим подзащитным. Обвинение соглашается на поединок?

При последних словах адвоката «двое из ларца» испуганно переглянулись, Робер встопорщил усы и выпятил грудь, а обвинитель подпрыгнул на месте. Теперь его лицо выражало лишь испуг и смятение. Донна Корлеоне нахмурила лоб, немного поразмышляла и отрицательно мотнула головой.

– Сеньора, будучи уверена в своей правоте, вынуждена отказаться от обвинения за

недостаточностью доказательств, – объявил легист. Охранники с облегчением вздохнули, Робер разочарованно сплюнул, а бальи помрачнел больше прежнего.

– Теперь рассмотрим обвинение в краже коня, принадлежащего ордену Храма, – считая и этот вопрос исчерпанным, продолжил защитник. – Уважаемый мэтр, повторите, пожалуйста, кто выдвигает это обвинение?

– Его светлость бальи Иерусалимского королевства, – крайне неуверенно ответил легист.

– Стало быть, вы действуете от его имени, по его письменному или устному поручению?

– Мне поручил это дело бальи города Тира, – очень тихо ответил Мартин из Аквитании. Он уже понял, в какую ловушку его загоняет коварный акрский законник.

– Ваша милость, – обратился Ги к председателю, – защита и обвинение предлагают отставить рассмотрение этого пункта до тех самых пор, пока с жалобой о краже коня не обратится представитель ордена либо уполномоченное им лицо. Вы не возражаете, коллега? – развернулся он к Мартину. Тот густо покраснел и в знак согласия кивнул головой.

– Следующий пункт, – ни на кого не глядя, объявил бальи.

– Предлагаю все обвинения, выдвинутые его светлостью господином бароном Бейрутским, рассмотреть по совокупности, – продолжил защитник. – Так как самым существенным из всего является обвинение в мятеже, с него, пожалуй, и начнем. Никто из присутствующих не будет возражать против того, что столкновение между рыцарем де Мерланом и его оруженосцем Жаком из Монтелье состоялось примерно на полпути от Черной Скалы до Белых Камней?

– Совершенно верно! – обрадованно подтвердил Мартин. – А как известно, все побережье до Белых Камней является владением господина барона...

– До каких пор я буду слушать эту чепуху? – взвился бальи Сидона, который, оказывается, тоже присутствовал в зале. – Во всех жалованных грамотах черным по белому прописано, что границы сидонских земель простираются вдоль берега до самой Черной Скалы, известной как место отличной рыбной ловли!

– Искони, еще со времен взятия Бейрута, известно, что границей Бейрутского баннерета являются Белые Камни! – рявкнул с другого конца зала барон. – Мы неоднократно подавали жалобы Его Святейшеству, дабы он рассудил этот многолетний спор.

Бейрутец и сидонец заговорили одновременно, председатель вжался в кресло и съежился, а по лицу обвинителя стало видно, что он откровенно жалеет о том, что ввязался в это дело.

– Очевидно, – обращаясь к председателю, сказал Ги, – к этому вопросу можно будет возвратиться только после того, как высокие нобили окончательно определят, где происходил поединок – на земле Бейрутского баннерета или Сидонской сеньории.

Что касается обмена любезностями, произошедшего между сиром рыцарем и его светлостью бароном в Бейруте, – мой подзащитный готов дать удовлетворение оскорбленной стороне любым приличествующим для рыцаря способом – с копьем на коне или же пешим порядком, с мечом и щитом, до первой крови. Так как шевалье де Мерлан не является вассалом сира барона, то, стало быть, вопрос о рыцарской чести не подлежит юрисдикции здешней судебной палаты...

При этих словах Жан Ибелин прекратил препираться с сидонцем и уставился на Ги ненавидящим взглядом.

Адвокат быстро перевел взгляд на председателя.

– Вот кому не позавидуешь, – пробормотал Робер, отслеживая его взгляд. – Наши головы, поди, оплачены еще неделю назад, а тут с судом такая вот незадача...

Барон что-то буркнул в сторону легиста, и тот помчался к нему, словно легавая, которой хозяин показал лакомство.

– Пока благородные господа советуются, – как ни в чем не бывало продолжил Ги, – я хотел

бы рассмотреть обвинение в нападении на некоего жонглера. Кстати, он здесь?

– Я здесь! – выступил из толпы Рембо. Вид он изображал крайне несчастный, а в руках сжимал обломок многострадальной лютни. – Избит, ограблен, унижен и оскорблен, ваша милость, – обратился он к бальи, – а все вот эти двое. – Он указал обломком на Жака и Робера.

– Вот тут у меня имеется свидетельство пизанского консула в Акре, – более не обращая внимания на пострадавшего, произнес, также обращаясь к бальи, адвокат, – где говорится о хищении некоего векселя и указываются приметы жонглера Рембо как похитителя. Кстати, жонглер, откуда у вас этот штопанный надрез на новом платье?

– Мне испортил одежду этот вот разбойник! – Жонглер снова вытянул вперед обломанный гриф, указывая на Жака.

– А не ответите ли вы, что именно он оттуда вырезал? – на удивление вежливо осведомился Ги. – Уж не письмо ли, полученное вами от Анны, фрейлины ее светлости баронессы Бейрута, в котором говорится о том, как она вас куртуазно благодарит за чудесную ночь?

При этих словах лицо барона Ибелина начало багроветь.

– Ах ты, мерзкая тварь! – взревел барон, обращаясь к жонглеру. – Я тебя на службу принял, а ты, стало быть, в мой курятник засунул свой грязный... – Последние слова барона перекрыл громкий смех всей имперской половины зала.

– Так вы уверены, мэтр Рембо, что именно эти люди напали на вас в ночь после турнира? – ласково уточнил защитник. – Ночь была темная, могли и обознаться...

– Н-не уверен, – ответил жонглер, дрожа как осиновый лист, – я в тот вечер выпил преизрядно, мог и ошибиться. Уж, право, и не знаю, ваша милость...

– Ну вот, – сказал Ги, обращаясь к барону, – ваш свидетель и пострадавший сам отказывается от обвинения.

– Бог с ним, с обвинением, – пророкотал барон, – если подтвердятся твои слова, законник, то я его безо всякого суда лишу мужских атрибутов.

Смех в зале усилился. Суд медленно, но верно превращался в настоящий фарс. Бальи затравленно оглянулся по сторонам и, не встречая ни у кого поддержки, просительно воззрился на Витторию. Та что-то прошептала на ухо одному из своих слуг и повелительным жестом направила его к председателю. Тот выслушал сбивчивый шепот посланника, немного успокоился и провозгласил:

– Теперь рассмотрим обвинения, выдвинутые сеньором Пьетро по поводу турнира!

– Какого турнира? – искренне изумился Ги.

– Того турнира, который обвиняемые выиграли колдовством, – ответил бейрутский легист. Он успел вернуться на свое место и приосанился, по всей вероятности, считая позиции обвинения в этом вопросе несокрушимыми.

– Обращаюсь прежде всего к его милости архидьякону каноников Тира, – спокойно уточнил адвокат. – Известна ли здешним клирикам булла святейшего апостолика папы Григория Девятого о строжайшем запрещении рыцарских турниров?

При этих словах брови у бальи и обвинителя поползли на лоб, а у архидьякона грозно сошлись у переносицы.

– То есть вы хотите сказать, – продолжил Ги, не обращая особого внимания на мимику судейских, – что эту буллу нарушил и сеньор ди Россиано, близкий родственник Его Святейшества?

В зале повисла гробовая тишина. Местные сеньоры уже почувствовали крутой нрав папы Григория, а особенно его полномочного представителя, легата, и не без основания полагали, что за участие в запрещенном турнире их могут, заодно с Фридрихом, подвергнуть интердикту. На самого же сеньора ди Россиано было страшно смотреть. Он во мгновение ока растерял всю свою

напыщенность и теперь стоял бледный как смерть, с дрожащей нижней губой, напоминая школяра, который поставил большую кляксу на уроке каллиграфии и теперь ожидает наказания розгами.

– Но я уверен, что на прямое нарушение подобного запрета власти города Тира пойти никак не могли, – неожиданно заявил адвокат. – Стало быть, это был и не турнир, а рождественский бугурт, то есть игрища на потеху благородным дамам, устроенные отдельными рыцарями в честь святого праздника?

– Бугурт, конечно, бугурт! – радостно отозвался бальи.

Архидьякон при этом одобрительно закивал, по залу пронесся вздох облегчения, а сеньор Пьетро удивленно захлопал глазами, словно не веря в чудесное избавление.

– А это означает, – продолжил Ги, – что сир Робер и сир Пьетро просто сражались в честном несмертельном поединке за честь прекрасной дамы. Вы согласны, сир Пьетро? Или же ваш двоюродный дед, который, кстати, и подарил вам коня, оружие и доспехи на совершеннолетие, обрадуется, узнав о том, что вы, благородный сир, приняли участие в рыцарском турнире? – «Рыцарский турнир» в устах акрского адвоката прозвучало как «ведьминский шабаш».

– Так оно и было, – испуганно пролепетал Пьетро ди Россиано.

– А если это был бугурт, то, стало быть, турнирный кутюм^[15] к данному случаю никак неприменим, и о лишении рыцарского звания и титула турнирным судом не может быть и речи! – Последние слова адвокат произносил четко и размеренно, словно вбивая гвозди в несуществующий гроб.

Бальи вцепился в подлокотники кресла. Лицо его побагровело. Казалось, что председателя суда, с треском провалившего процесс, который виделся всем его устроителям совершенно беспроектным, сейчас хватит удар. К нему одновременно с противоположных сторон зала подскочили порученцы донны Корлеоне и барона Ибелина. Выслушав и того и другого, бальи почесал переносицу, поднял взгляд, в котором засветилась некоторая надежда, и во всеуслышание объявил:

– Остальные пункты обвинения, а также и заключительную речь Мартина Аквитанского, представителя пострадавшей стороны, суд намерен выслушать завтра. На сегодня, ввиду позднего времени, слушание дела прекращается.

– У защиты нет возражений, ваша милость, – прострекотал адвокат и обернулся к Жаку с Робером, на лицах у которых застыло одинаковое выражение неподдельного восхищения, какое бывает обычно у детей, на глазах у которых фокусник извлекает голубя из пустого колпака.

* * *

По настоянию неугомонного защитника бальи отдал распоряжение не возвращать Жака и Робера в темницу короля Конрада, а оставить на ночь в камере, предназначенной для заключения знати и содержания богатых пленников. Помещение располагалось на первом этаже дворца, и о том, что они находятся под стражей, здесь напоминали только кованые решетки на окне да мощные двери, лишённые внутренних запоров.

После блестящего выступления Ги к приятелям возвратился аппетит, и в предвкушении завтрашнего триумфального освобождения они заказали в любимой таверне роскошный ужин.

– Вы настоящий мастер своего дела, – уважительно говорил Жак, отдавая должное жареной

рыбе в апельсиновом соусе. – Видел я суды в самом Лионе, наблюдал, как легисты защиту ведут, но такое!..

– Да говорить не о чем, – отмахнулся от него адвокат наполовину обглоданной гусиной ногой. – Это просто чепуха, а не процесс. Вот, помнится, пару лет назад в Тивериаде тамошний виконт попробовал отсудить у мастера Грига несколько доходных домов, которые тот построил по заказу местного раиса, – тогда пришлось повозиться. Виконт подкупил палату горожан, и те напрочь отказывались принять нашу жалобу к рассмотрению. А здесь, в Тире, не законники, а сущие школяры. Привыкли к тому, что адвокаты, совершенно не знающие законов, просто упражняются в красноречии. Барон вообще там, в своем Бейруте, царь и бог – как он сказал, так и будет.

– Да, кстати, о бароне, уважаемый мэтр, – с трудом оторвавшись от засахаренных смокв, сказал Робер. – Я не понял, что это вы говорили о письме какой-то фрейлины?

– Да в Заморье ни для кого не секрет, – улыбнулся в ответ Ги, – что христианнейший бейрутский нобиль под видом фрейлин своей драгоценной супруги содержит, подобно султану, собственный гарем. Зная похотливую сущность жонглерского племени, я решил навести справки, и сегодня утром, всего за денье, одна из служанок прибывшей на суд вместе с мужем баронессы выболтала мне, что лично передавала любовное признание, написанное этому сладкоголосому воришке одной из наложниц.

– Ловко! – восхитился Робер. – Истину говорил покойный граф Гуго де Ретель: «Перо в ловкой руке законника часто разит сильнее, чем рыцарский меч».

– Но завтра с утра они будут говорить о колдовстве, мэтр Ги, – заметил Жак, – а это ведь очень опасное обвинение.

– Пустое, – ответил юрист, – о колдовстве и ереси вспоминают обычно тогда, когда человека нужно во что бы то ни стало отправить в темницу либо на плаху, а доказательств для этого не хватает. Но с этим мы тоже справимся. Во-первых, вы крестоносцы, принявшие обет. Как известно, таковые находятся под защитой церкви, и только церковь может их обвинять в этом преступлении. Во-вторых, ваша хозяйка Хафиза – никакая не еретичка, а маронитка. Духовные отцы этой раскольниковской общины еще до падения Иерусалима были приняты со своей общиной в лоно Римской церкви. Марониты очень богаты, многочисленны и имеют огромное влияние в здешних местах. Поэтому ни легат, ни тем паче архиепископ, получив это дело в свою юрисдикцию, ни за что не рискнут назвать эту женщину колдуньей и еретичкой. Кроме того, о каком колдовстве вообще идет речь? Ладанка при вас, сир рыцарь? Вот и отлично. Найдутся два свидетеля, готовые подтвердить, что это именно ее Хафиза надела вам на шею? Вот и славно. Как мог не победить в поединке рыцарь, носящий с собой щепку от Честного Креста?

– Точно так же, как потерпели поражение при Хаттине войска христиан, которые, как известно, несли с собой весь Честной Крест целиком, – не удержался и съязвил в ответ Робер.

– Не сбивайте меня с настроения, сир, – недовольно поморщился адвокат. – Вот если бы я выступал на стороне обвинения, то тогда, конечно, припомнил бы Хаттин в этой связи.

После того как все принесенное было съедено и выпито, Ги распрощался со своими клиентами и отбыл отдыхать и готовиться к завтрашнему дню. Робер, выпивший между делом два кувшина вина, заснул, положив голову на стол, так что его пришлось долго расталкивать и убеждать, чтобы он перебрался на кровать. После прогнившей соломы королевского подземелья душистый клевер, которым был набит матрас, показался Жаку ароматом райских кущей. Заснул он, еще не успев положить голову на подушку.

Разбудил их посланный из таверны слуга. По приказу хозяина он поинтересовался, будут ли господа заказывать завтрак. Жак ограничился стаканом холодной воды – он волновался перед началом суда, зато Робер без малейших усилий уплел жареного каплуна, закусил его целой миской оливок и выпил кувшин вина, правда, наполовину разведенного водой.

Они успели завершить завтрак, одеться и привести себя в порядок, когда в коридоре послышался топот стражников. Сегодня их конвоировали не менее десятка человек. К удивлению Жака, это были не тевтонцы и не городские копейщики. Примерно половина сержантов, окруживших их со всех сторон, носили гербы императорских солдат, остальные – эмблемы наемников бейрутского барона.

– Похоже, дружище, – кося глазом на конвой, пробормотал Робер, – мы с тобой первые, кто смог объединить войска Ибелинов и Фридриха.

Жак ничего не ответил. Он заглядывал через головы охранников в надежде высмотреть адвоката Ги, который с утра еще не появлялся. Отгороженные живым заслоном, они миновали галерею и вошли в зал, на глазах заполнявшийся зрителями и участниками процесса.

На высоком балкончике, откуда во время балов и торжеств музыканты услаждали слух городской знати, не по-зимнему шумно разорвался воробей. Солнце, пробиваясь сквозь висящую в воздухе пыль, падало на большие гранитные плиты, по которым в ожидании начала суда разгуливали допущенные в зал господа и простолюдины. Вчерашнее выступление акрского адвоката стало известно всему городу, и теперь все, кто имел хоть малейшую возможность, пришли сюда, чтобы увидеть собственными глазами, как будет окончательно развалено белыми нитками шитое обвинение. Бальи был апулийцем, и в Тире, заселенном по большей части ломбардцами, бургундцами и германцами, его не любили, тем более что на сей раз он открыто выступил на стороне «заносчивых чужаков» – сторонников императора, костью сидевших в горле у здешних купцов.

– Ну, и куда запропастился наш Ги? – проворчал недовольно Робер. – Тоже решил на радостях вчера винца попить?

Стража оттеснила к входным дверям толпу простолюдинов, благородные господа заняли место на приготовленных для них стульях, бейрутский легист заметался между рядами, выслушивая последние пожелания своих клиентов, а Ги все не появлялся.

Из галереи вышли судьи во главе с председателем и начали рассаживаться по местам.

– Что-то здесь не так, – недовольно пошевелил усами Робер. – Я, конечно, знаю этого юриста всего один день, но он не произвел впечатления человека, который может вот так, за здорово живешь, опоздать к началу суда.

Глашатай прокричал: «Слушайте! Слушайте! Слушайте!», бальи объявил о продолжении рассмотрения обвинений, а место, предназначенное для защиты, все еще пустовало.

Жак и Робер растерянно вертели головами и ничего не могли понять.

По залу легким лесным ветром пронесся гул – какой-то человек бегом пересек свободное пространство и встал как вкопанный напротив бальи. Жак узнал его – это был десятник городской стражи, тот, который их арестовывал.

– Ну, – спросил его бальи, – так скоро там появится этот столичный законник? Ей-богу, еще немного, и мы начнем без него!

– Да тут дело, стало быть, такое, ваше светлость, – доложил, выкатывая глаза от служебного рвения, десятник. – Этот самый мэтр, за которым вы меня посылали, поселился здесь

неподалеку, в доходном доме сеньора Грансини, на шестом этаже. Подошли мы туда, а там... Окна в этом доме высокие, а подоконники, стало быть, низкие. Вот он, видать, с непривычки из окна-то и шмякнулся кулем. Его, поди, кто снизу окликнул, а он возьми да и перегнись. Мы пришли, а он аккурат на мостовой валяется, и голова расколота, словно гнилой арбуз.

Все присутствующие охнули, как один человек, и в зале воцарилась гробовая тишина, которую, впрочем, тут же нарушил воробей, по-видимому, обрадованный тем, что его голос теперь сможет услышать весь зал.

Присутствующие отреагировали на новость по-разному. Председательствующий бальи, не скрывая своих чувств, облегченно вздохнул. Архиепископ перекрестился и начал шептать молитву. Барон Ибелин просиял, а его придворный легист всеми силами пытался изобразить скорбь по поводу случайной кончины своего столичного коллеги. «Не их работа, – сделал про себя вывод Жак. – Тот, кто это устроил, не станет откровенно торжествовать и демонстрировать радость». Он прошелся взглядом по рядам знати. Единственным человеком, которого, казалось, совершенно не задела принесенная десятником ошеломительная новость, оказалась донна Корлеоне.

– Это Виттория, – прошептал, подтверждая его слова, Робер, – ее работа. Эх, рано мы с тобой, приятель, победу праздновали. Похоже, что эта змея подкольная все-таки получит наши головы.

Жак почувствовал во рту горячую слюну. Он отчетливо осознал, что дело проиграно окончательно и бесповоротно, и теперь их может спасти от неминуемой гибели разве что чудо.

– Несмотря на случайное выпадение из окна мэтра Ги из Вифлеема, акрского легиста, – посовещавшись со своим окружением, объявил бальи, – суд продолжает рассмотрение дела. Обвиняемым предлагается либо избрать себе в защитники кого-то из присутствующих здесь, в зале, либо держать ответ самим.

– Что скажешь, пейзанин? – обратился к Жаку Робер. – Поищем себе нового адвоката?

– Гибель адвоката – не случайность... – обреченно прошептал тот. – Я думаю, что в толпе полно подставных, которые защитят нас не лучше, чем мэтр Мартин Аквитанский...

– Ну да ладно, – вскинул голову достоправный рыцарь, – сами с усами. Еще посмотрим, как они запоют. Слава богу, покойный Ги, да будет ему земля пухом, и пусть ангелы услаждают его слух в раю, куда попадают все невинноубиенные, вчера объяснил, что нам делать и как он собирался отвечать на последние обвинения.

Жак в ответ коротко кивнул.

– Я и сержант, – громко произнес де Мерлан, обращаясь к судьям, – не желаем прибегать к услугам иного защитника и будем отвечать сами.

– Так тому и быть, – несколько разочарованно произнес бальи. – Что ж, я смотрю, слова просит обвинение.

При этих словах Мартин Аквитанский вылетел вперед.

– Многоуважаемый суд! По воле моих клиентов, скорбя о безвременном ушедшем от нас мэтре Ги, мы снимаем все выдвинутые обвинения, за исключением двух. А именно: благородные господа, интересы которых я имею честь представлять, настаивают на уличении сержанта Жака в вооруженном бунте, а рыцаря де Мерлана – в злонамеренном колдовстве. При этом оба обвиняются в пособничестве друг другу как в первом, так и втором случае.

– Вчера же ясно было сказано, – рявкнул Робер, – что, пока не будет определено, на чьей земле произошла стычка, не будет и рассматриваться обвинение в бунте! Вы же прекрасно слышали, что говорил сидонский бальи!

– Бальи славного города Сидона, – засветился от счастья обвинитель, – вчера вечером отбыл из Тира по государственной необходимости. Его советник, коему оставлены все полномочия,

временно отказывается от межевой тяжбы в пользу его светлости барона. Таким образом, с учетом только что сделанного рыцарем де Мерланом признания о том, что там «произошла стычка», обвинение в вооруженном мятеже можно считать доказанным.

– Ах ты, скользкая жаба! – взревел Робер. – Ты что же, думаешь, что мои слова можно перекручивать, как тебе вздумается, баронская подтирка?

– Если вам, благородный сир, известны законы, которые позволяют толковать мои слова как-нибудь иначе, – все так же лучезарно улыбаясь, ответил Мартин, – то вы можете апеллировать к высокому суду.

– Законы! – Робер был взбешен. – Верните мне меч и выставьте любого бойца – и Господь разберется, кто из нас прав, а кто виноват!

– Процессы, где вина подсудимых очевидна и подтверждена множественными свидетельствами, не решаются судебным поединком, – нахмурившись, сказал бальи. – Переходите к следующему пункту.

– Теперь рассмотрим вопрос о колдовстве, – не стал возражать бейрутский легист.

– Протестую! – воскликнул Жак. Он поборол в себе робость перед благородными господами и выступил первым, боясь, как бы Робер сгоряча не выдал еще какую-нибудь фразу, которая сделает их положение, и без того крайне шаткое, совершенно безвыходным. – Мы являемся крестоносцами, принявшими обет, а потому в обвинениях, касающихся дел веры, подлежим юрисдикции церковного суда. Прошу направить нас к его высокопреосвященству архиепископу и полагаюсь на то, что он рассудит это дело по справедливости!

– К величайшему сожалению, уважаемый суд, – обрадованно завопил обвинитель, – обвиняемые уже не крестоносцы, а простые паломники! В день турнира, то есть я хотел сказать, во время бугурта, его преосвященство архиепископ Тира по ходатайству ректора крестоносного братства святого Андрея Акрского подписал индульгенцию о том, что обет ими полностью исполнен! Я могу предъявить сей документ суду!

– Я вам верю, мэтр, – ответил бальи обвинителю, – тем более что в состав суда входит представитель кафедрального клира. Сержант Жак, ваш протест отклонен!

– Я желаю говорить, – снова взвился Робер. – Все, что тут было сказано, – это чудовищная ложь! Вдова Хафиза, наша домохозяйка, никакая не колдунья. Она из церкви Святого Марона, которая, как известно, признает главенство римского папы. И повесила она мне на шею вовсе не колдовской амулет, а ладанку с кусочком Святого Креста!

Слушая сбивчивую речь Робера, бальи откровенно скучал, барон не мог скрыть самодовольную улыбку, а сеньора Витториа, делая вид, что ее совершенно не интересует то, что происходит в зале, перешептывалась с сияющим от счастья сеньором Пьетро.

– Значит, вы утверждаете, что перед поединком вам на шею был надет христианский оберег? – вкрадчиво поинтересовался Мартин.

– Христианнее не бывает, – широко улыбнулся Робер.

– И вы готовы предъявить его суду?

– Само собой! – Робер стянул с шеи шнурок и протянул его вперед.

Пристав, по знаку бальи, раскрыл ладанку и извлек из нее маленький корешок, напоминающий человеческую фигурку. Держа кончиками пальцев, он поднес его к судьям. Те, разглядев, что он держит в руках, отшатнулись, словно им под нос подсунули пылающий факел. Затем пристав обернулся к залу и высоко поднял находку над головой.

– Мандрагора! Мандрагора! – раздались отовсюду испуганные крики.

Жак ощутил, что земля уходит у него из-под ног.

– Как видите, многоуважаемые судьи, – заявил обвинитель, – наличие колдовства бесспорно установлено. Всем известно, что корень мандрагоры, вырытый на кладбище или на

месте, где казнят преступников, является колдовским талисманом.

– Приплыли, виллан, – пробормотал Робер, – а я-то еще подумал, что это за вино такое нам подали за ужином – с пряным привкусом, и травами отдает. Это, выходит, они нас с вечера опоили, а ночью в ладанку эту гадость и вложили вместо святыни.

– Вы по-прежнему отрицаете обвинение в колдовстве? – спросил бальи.

– Отрицаю, – уверенно ответил Робер.

– Понятно. – Бальи снова смотрел куда-то в сторону и говорил бесцветным голосом, словно произнося заученный текст. – В таком случае следствие будет искать дополнительные доказательства. Сегодня же вдова Хафиза будет взята под стражу и допрошена с пристрастием. Ее обреют наголо в поисках дьявольских печатей, а затем учинят Божье испытание огнем или водой. Но если сир Робер, даже не признавая своей вины, не станет отрицать обвинение, то мои клиенты не будут, в свою очередь, настаивать на дополнительном следствии, а разбирательство о степени вины вышеозначенной вдовы будет передано на рассмотрение совету местной маронитской общины.

В зале повисла тишина, которую на сей раз не нарушили даже хлопотливые птицы. Жак понял, что бальи предложил Роберу обменять жизнь ни в чем не повинной женщины на его собственную жизнь.

– Соглашайся, Робер, – шепнул он приятелю, – я не против. Я не смогу дальше жить, зная, что моя жизнь куплена такой ценой.

– Не нужно допрашивать Хафизу, – спокойно произнес Робер, глядя при этом прямо в глаза Виттории, – я не буду ничего говорить в свое оправдание. Пусть нашу судьбу решает суд.

– Что скажут обвинители? – после тяжелой паузы встав с места и обернувшись к залу, спросил бальи. – Какого наказания они требуют?

– Казнить, – уверенно произнес Ибелин, глядя прямо перед собой.

– Казнить, – неуверенно подтвердил архидьякон, косясь на кого-то из господ.

– Казнить, – заявил, снова надувшись фазаном, Пьетро ди Россиано.

– Казнить, – чуть кивнула донна Корлеоне.

– Казнить, – объявил старшина суда горожан.

Бальи выпрямился и медленно произнес:

– По требованию обвинителей и по приговору суда за указанные ранее преступления рыцарь Робер де Мерлан и сержант Жак из Монтелье приговариваются к смертной казни. Рыцарь – через усекновение головы с последующим повешением, а сержант – через повешение за шею. Приговор будет приведен в исполнение завтра, на городской площади. После казни там же на площади все имущество осужденных будет передано истцам, а также направлено на выплату пошлин и судебных издержек в пользу суда и городской казны.

Не успел бальи закончить оглашение приговора, как со стороны главного входа послышался нарастающий шум, затем два стражника, охраняющие дверной проем, отлетели в стороны, словно тряпичные куклы, и в арке выросла исполинская фигура.

– И кто же тут главный? – размахивая огромной булавой, пророкотал стоящий на пороге рыцарь.

При этих словах бальи, архидьякон и барон неуверенно переглянулись.

– К оружию! – раздались со всех сторон возгласы, и опомнившиеся охранники, на ходу доставая мечи и опуская копья, стали образовывать живой заслон. Вскоре между возмутителем спокойствия и стульями, на которых сидела знать, стояли десятка полтора ошестинившихся клинками рыцарей и сержантов.

– Ну и дела, – пробормотал Робер, – вот кого я меньше всего ожидал увидеть именно здесь и сейчас, так это...

– Брат Недобитый Скальд, а ты здесь как оказался? – перекрикивая лязг оружия и гул толпы, прокричал Жак.

– Робер, что тебе лучше передать, меч или булаву? – громыхнул в ответ гентский рыцарь, принимая боевую стойку. – Тут работы, смотрю, немного...

На балконе, испугнув воробья (который, как выяснилось, находился там в обществе воробьихи), появились три арбалетчика, и в сторону Скальда нацелились массивные заостренные наконечники.

– Остановись, рыцарь! – крикнул бальи. – Иначе я прикажу застрелить тебя за бунт и неуважение к суду!

Недобитый Скальд медленно опустил булаву.

– Я вассал ромейского императора Иоанна из рода Ватасиев! – объявил он на весь зал. – И не обязан здесь подчиняться ничьим приказам.

– Сир рыцарь, – вступил в разговор архидьякон, – надеюсь, вы не столь безрассудны, что желаете объявить войну одновременно Его Величеству Императору и нобилям Иерусалимского королевства? Если вы, конечно, не действуете по указке своего греческого сюзерена...

– Политика... – пробурчал гигант, косясь на арбалетчиков и опуская меч. – Обложили, крючкотворы, житья от них нет...

Несмотря на эти слова, Жак решил, что арбалеты все же оказались в переговорах намного более весомым аргументом, нежели угроза государственных неприятностей.

– Поклянитесь, сир рыцарь, что более не поднимете оружие, находясь в стенах Тира! – Архидьякон немедленно стал развивать дипломатический успех.

– Клянусь, – после долгой паузы произнес Недобитый Скальд. – Этой, как ее, Девой Марией и двенадцатью апостолами.

По команде своих хозяев стражники опустили мечи и копья.

– Что вы желаете, сир? – немного успокоившись, спросил бальи.

– Для начала поздороваться с моим другом. Пусти! – Скальд, не дожидаясь согласия, прошел через заслон, расталкивая стражников плечами. Он обнял Робера и přátельски похлопал по плечу Жака.

– Силен ты, брат, булавой махать, – одобрительно прогудел де Мерлан. – А как же Гент? Снова попал в кораблекрушение?

– К счастью, нет, – отмахнулся гигант. – Доплыли до Родоса без приключений, там ждали хорошей погоды. Ждали долго, а на этом островишке, как назло, оказалось всего пятьдесят человек венецианского гарнизона, две таверны да четыре доступные девицы. После того как мне опостытели все они, вместе взятые, а местный капитан поклялся, что ни один из его солдат не то что обидное слово скажет, но даже взгляда на меня не поднимет (калеки в отряде ему в таком количестве не нужны), я от скуки и пошел служить в войско Ватасия. Он платит рыцарям щедрее, чем германский император, поэтому франкский полк в Никее, в котором я служил, числом поболее, чем вся армия константинопольского императора Балдуина. Служба хорошая – стычки чуть не каждый месяц, вино вкусное, а гречанки ласковы и щедры на любовь. Две недели назад мне было поручено сопровождать в Сирию на поклонение святым местам сына одного русского герцога. Хороший мальчишка, родом из этого, не выговорить без кувшина... короче, забыл. Представляешь, у них там на деревьях из всех фруктов растет лишь клюква, а в городах по улицам разгуливают медведи. Ватасий сейчас в мире с конийским султаном, мы получили проездной фирман, пересекли горы, миновали Антиохию и добрались до Бейрута. И что же? Весь город гудит как растревоженный улей. Рассказывают, будто сарацинская принцесса-колдунья влюбилась в доблестного рыцаря де Мерлана, потомка королей. Она повесила ему на шею заговоренный карбункул, вот он с его помощью победил всех рыцарей на

турнире. Да только иерусалимский патриарх молился целый день и всю ночь и снял бесовское заклятие. Рыцарь силу потерял и был повержен в судебном поединке доблестным графом Сеньи, который, поговаривают, приходится незаконным сыном самому папе римскому! Вот рыцаря этого с его слугой-чернокнижником и собираются сжечь на костре. Ну я, конечно, оставил герцогского сына в бейрутском командорстве на попечении тамплиеров и рванул сюда.

– Спасибо, друг! – прочувствованно произнес Робер. – Только дело наше все одно – пропащее. Отбить нас не удастся, а если и отбить, то хоть к сарацинам на обрезание иди – в христианском мире нам жизни не будет.

– Да ладно, мало нас англичане ловили и казнили! – Скальд на всякий случай понизил голос. – В общем, так. Ждите. Казнь, как я понял, назначена на полдень, а рано утром я вас освобожу. Есть одна мысль...

– Ты хочешь в одиночку штурмовать Тир? – покачал головой Робер. – Безнадежное дело.

– Может, раз уж так получилось, что вы здесь, сир, придумаем что-то еще? – неуверенно произнес Жак. Оба рыцаря уставились на него так, словно к ним обратилась каменная статуя.

– А что может нам помочь после вынесения приговора? – спросил Робер.

– Способы имеются, – задумчиво ответил Недобитый Скальд. – Драка с палачом, например. По обычаю, победил палача и помощников – остаешься жить. Я так в Брюгге от топора ушел. Правда, палач с пятью подручными, как только я освободился от пут, сразу бросился наутек...

– Ну, это понятно, – кивнул Робер, – только я про здешнего заплечных дел мастера наслышан. Говорят, что он кинжалом орудовать мастер, могу и не управиться.

– Женитьба на девице, – добавил Жак, – вот, помнится, в Лионе, на ярмарке...

– Думал! Не подходит, – перебил его Робер. – Хафиза взяла бы меня в мужья со всеми потрохами, но, увы, она не девица, а вдова. Кроме того, ты, Жак, женат, а стало быть, не сможешь воспользоваться этой уловкой, даже если Недобитый Скальд сгонит к месту казни всех девственников Тира.

– Решение тирского суда может отменить именем короля только бальи Иерусалимского королевства, – задумчиво произнес Скальд.

– Хм, – в глазах у Робера вспыхнул огонек надежды. – Да только сеньор Томмазо в Акре, а до нее два дня пути...

– Я получил от греческого императора трех отличных лошадей, – горделиво произнес Недобитый Скальд. – Не будем терять времени и заниматься ерундой. Если Господь хотя бы не будет мне мешать, то я успею доскакать до Акры, получить помилование и вернуться обратно к полудню.

– А вы уверены, сир рыцарь, что королевский бальи вас немедленно примет и вынесет нужное решение? – удивленно спросил Жак.

– Сеньор Томмазо – разумный человек, даром что с тевтонцами дружбу водит, – не задумываясь ответил рыцарь. – Я ему жизнь два раза спасал, на охоте и во время стычки с сарацинами. Он меня чуть не на коленях умолял, чтобы я возглавил его личный эскадрон. Так что я уверен, что он выдаст мне распоряжение об отмене казни и доставке к нему осужденных преступников, стоит мне лишь заикнуться, что я принимаю его предложение.

Недобитый Скальд развернулся и, постукивая висящими на поясе булавами, покинул зал.

После того как стражники вернулись на свои места и шум, вызванный неожиданным появлением гиганта, немного стих, к осужденным подошел де Барн.

– Весьма сожалею, господа! – произнес он сочувственным тоном. – Но вы до начала казни переданы тевтонскому ордену и по приказу нашего магистра будете находиться под моей охраной. На этот раз вас велено содержать во дворце архиепископа.

– Скоро в этом городе не останется ни одной тюрьмы, где бы мы с тобой не сидели,

виллан, – проворчал Робер. – Ладно, давайте закрывать этот балаган! Честно говоря, я уже изрядно проголодался...

Тевтонцы образовали каре и, раздвигая толпу, двинулись к выходу. На всем протяжении пути Жак, не обращая внимания на сотни любопытных взглядов, думал лишь о том, успеет ли их спасти Недобитый Скальд.

* * *

Темница в архиепископском дворце располагалась в неглубоком подвале, так что узкие зарешеченные окна, пробитые под самым потолком, пропускали свет и приносили в довольно просторные помещения уличный шум.

Де Барн, рассыпаясь в извинениях, развел их по камерам, расположенным в противоположных концах коридора, поинтересовался, не нуждаются ли они в чем, и покинул друзей, сославшись на то, что его ожидает с рапортом местный комтур. Жак, в отличие от Робера, слабо верил в то, что миссия Недобитого Скальда завершится успешно. Коварная и предусмотрительная донна Корлеоне могла предвидеть, что кто-то попытается обратиться к королевскому бальи, или же устроить засаду на обратном пути. Ведь достаточно одного арбалетного залпа, чтобы гентский рыцарь по меньшей мере лишился своих хваленых византийских коней и не успел вернуться до полудня.

Уличный шум, весь день доносившийся из окна, ближе к вечеру начал стихать. А после того как за окном почернело, а колокола кафедрального собора отзвонили к вечерне, город вовсе угомонился. Теперь ночную тишину нарушали только дальние окрики часовых на башнях да топот изредка проходящей по улице ночной стражи.

Ожидание становилось невыносимым, сон не шел, а на сердце лежал тяжелый камень. Точно так же – обреченно, но с проблеском надежды – Жак себя чувствовал в ту ночь, когда после свадьбы они с отцом ожидали появления графского отряда.

В Лионе на ярмарке ему доводилось наблюдать за казнями. Осужденного со связанными руками и табличкой, описывающей совершенное преступление, вели по улицам от тюрьмы. При этом грамотный священнослужитель или судебный пристав зачитывал вслух то, что там было написано. Зеваки, особенно если речь шла о конокраде или детоубийце, издевалась над ним и швыряли гнилые овощи и нечистоты, будто осуждения на смерть было недостаточно, чтобы искупить любую, даже самую тяжелую провинность...

Колокол отзвонил полуночицу, а он все *лежал*, уставившись в потолок, и старался заснуть, вспоминая лучшее, что было в его жизни, – праздник виноградной лозы, Лион и свою Зофи.

В коридоре застучали двери и послышались приглушенные голоса.

– Ничего не знаю, приятель! – раздался голос с твердым германским акцентом. Так разговаривали тевтонцы, многие из которых были выходцами из Швабии и Вестфалии.

– Твой приказом получайт! – Жак с ужасом понял, что собеседником начальника караула является один из слуг Виттории, а это не могло сулить ничего хорошего. – А здесь бумаг от бальи и подпись твой комтур! Наша нынче сторожайт, твоя до рассвет отдыхайт. Утра – приходить и преступник забирать!

– Приказ вроде правильный, – задумчиво произнес тевтонец, – Но нам бы у брата де Варна справиться, он ведь над нами начальник.

– Брат де Барн убыл из города с особым поручением, – раздался за дверью низкий голос донны Корлеоне. У Жака мороз пробежал по коже. – Так что ты, сержант, можешь выполнять приказ комтура, не советуясь с начальством.

– Да я что – я ничего, благородная госпожа, – пробормотал в ответ смущенный тевтонец, – я только беспокоюсь, чтобы службу исправно нести.

– Вот и несите ее! Только не у дверей камер, а у входа в подземелье, как это написано в приказе.

Раздалась короткая команда, несколько раз стукнули ножны, задевая о дверной косяк, тяжелые шаги стихли где-то в глубине, и вскоре в темнице воцарилась тишина, которую Жаку даже в глубине души было страшно назвать гробовой.

Дверь отворилась. На пороге, держа в руке факел, стоял один из русичей. Он покосился на Жака, прошел к противоположному от него концу камеры и вставил факел в предназначенное для него отверстие. «Казни не будет, – Жак оцепенел, не в силах не то чтобы сопротивляться, но даже кричать, – они зарежут меня прямо сейчас».

Но русич не стал к нему подходить. Окинув помещение подозрительным взглядом, он быстро вышел наружу. Сразу же после этого в комнату вошла женщина в тяжелом черном плаще с накинутым на глаза капюшоном. Жак, ничего не понимая, поднялся с лежанки. Женщина сделала едва заметное движение руками, и капюшон упал ей на плечи, открывая взору изумленного виллана красивое и в то же время ненавистное лицо.

– Ты по-прежнему ценишь случайно подслушанные, ненужные тебе тайны больше, чем собственную жизнь? – Голос Виттории почти не выдавал ее волнения.

– Откуда ты узнала о моей жене? – спросил Жак. При этом ему ни к селу ни к городу пришла в голову прованская шутка: «Скажите, это правда, что в Марселлосе всегда отвечают вопросом на вопрос? – А кто вам это сказал?»

– Я на службе императора. – Виттория отмахнулась от вопроса, как от назойливой мухи. Она хотела сейчас говорить совсем о другом. – Еще в Мессине я навела справки о тебе во Вьеннском диоцезе. Оттуда прислали точное описание твоей жены. Мне очень хотелось знать, как выглядит моя соперница. Но к делу. Я последний раз предлагаю тебе рассказать обо всем, что ты знаешь.

– Само собой, речь идет только о моей жизни?

– Да. И только о ней.

– Прости, – твердо ответил Жак, – но думаю, что этот разговор пора закончить. Ты сама-то веришь, что даже если я получу помилование ценой жизни моего друга, то переживу его больше чем на месяц?

– Ладно, – сказала Виттория, недобро сверкнув глазами, – у меня очень мало времени, а ночь уже подходит к концу. То, что с тобой произошло, – не твоя и не моя вина. Просто ты очень неудачно оказался в ненужное время в ненужном месте. Но черт меня побери, если я не думаю о тебе с того самого дня, как увидела впервые! Так что единственное, чем я хоть немного могу тебе отплатить за все, – это вот... – С этими словами она отстегнула на шее фибулу и отбросила на охапку сена свой плащ. Теперь все одеяние молодой женщины составляли только башмачки из кроваво-красного бархата и рубиновое кольцо.

Жак широко раскрыл глаза и почувствовал, как в нем, заглушая все – страх смерти, любовь к оставленной жене, ненависть к императорской шпионке, – вскипает неудержимое, первобытное желание. В больших, напоминающих капли крови драгоценных камнях, отражаясь от факела, плясали адовым светом огоньки, и такими же кровавыми полосками чернели, потянувшись к нему, тонкие чувственные губы. Виттория впиалась в него, словно голодный упырь, и, потянув на себя, опустилась на лежанку. Мысли у Жака спутались. Из потока

бессвязных слов выскочили непонятным образом две фразы, принадлежащие, как ни странно, Роберу. «Где наша не пропадала!» – словно прошептал ему на ухо де Мерлан, в то время как тонкие пальчики проникли под камизу и ловкими, привычными движениями начали распускать завязки у брэ.

Когда Жак вошел в Витторию, а если точнее, то возбужденная до невозможности женщина сама оседлала его, тот же голос рассудительно произнес: «Как говорил покойный граф Гуго де Ретель: „Господь не выдаст – вебрь не съест"». После этого все в глазах у Жака померкло, мыслей и слов в голове не осталось, и время изменило свой бег. Того, что происходило сейчас между ними, он не испытывал никогда в жизни. Он даже представить себе не мог, что «это» может быть таким ярким, сильным и всепоглощающим. Он вернулся к реальности только тогда, когда они вдвоем одновременно издали протяжный нутряной стон.

Пока Жак возвращался с небес на землю, Виттория, не говоря ни слова, поднялась, накинула валяющийся в стороне скомканный плащ и скрылась за дверью. «Если такая любовь возможна в раю, – не в силах пошевелиться, подумал Жак, – то я, пожалуй, не очень-то и боюсь завтрашней казни».

Оказавшись в коридоре, Виттория поежилась, поплотнее закуталась в плащ и недовольно прищелкнула пальцами. «И это все, на что он оказался способен?» – произнесла она одними губами и окинула пристальным взглядом своих охранников, будто что-то про себя оценивая. Те, зная, что обычно следует за подобным проявлением внимания госпожи, нетерпеливо заелозили, готовые подскочить к ней по первому знаку. Но взгляд донны Корлеоне, ненадолго задержавшись на двух мощных торсах, уперся в дверь камеры, где, коротая оставшиеся до казни часы, сидел достолавный рыцарь де Мерлан. «Почему бы и нет?» – пробормотала она себе под нос, несколько мгновений поразмышляла и решительно направилась в избранном направлении. Ближний к двери охранник угодливо проскочил вперед, отпер засов и застыл у входа почетным караулом.

Вносить факел сюда не понадобилось – комнату освещала большая масляная лампа. Виттория, пригнув голову, зашла внутрь и остолбенела. Подобной картины она не видела еще ни разу в своей переполненной приключениями, событиями и мужчинами жизни.

Достолавный рыцарь, не обращая на гостью ни малейшего внимания, сидел прямо на полу, а рядом с ним, вальяжно отбросив длинный хвост, стояла столбиком большая черная крыса с белым пятном на груди. Крыса сжимала передними лапками большой кусок дорогого ливанского сыра и уплетала его за обе щеки. Робер, умильно глядя на грызуна, держал наготове еще один кусок, дабы предложить его крысе после того, как она покончит с первым. При этом усы у обоих – крысы и рыцаря – двигались в такт. Сыр исчезал прямо на глазах, а из норы, проделанной в стене, высовывалась, посверкивая черными бусинками, еще одна любопытная мордочка.

– Так вот, значит, с какими подругами проводит свои последние часы непобедимый рыцарь, гроза Арденн и Сирии! – произнесла Виттория, вложив в голос как можно больше язвительности.

– Бывает компания и похуже, – не поворачиваясь в ее сторону, пробурчал Робер, – например, императорские шпионки, которые меняют мужчин чаще, чем мой боевой конь подковы...

Виттория покраснела от возмущения и топнула ногой. Крыса, уже покончившая с первым куском, ловко выхватила второй из рук Робера и, возмущенно попискивая, скрылась в норе.

– Чем больше я узнаю крыс, тем меньше люблю людей, – задумчиво провожая взглядом грызуна, ни с того ни с сего произнес де Мерлан. – Ну, сеньора, говори, зачем пожаловала. Опять будешь мне службу предлагать? Так можешь не тратить время.

– И не подумаю, – ответила Витториа, – у меня к тебе Другое дело. Оно касается только нас двоих и завершится перед рассветом. – Ее рука снова потянулась к застёжке плаща. – Надеюсь, что твои последние часы окажутся не так скучны, как ты думал.

Робер, все так же сидя на полу, развернулся в ее сторону, откинулся на руках и заглянул ей в глаза. Во взгляде рыцаря не было ни капли вожделения, там светилась одна только злость. Но от этого, как ни странно, желание у Виттории только усилилось.

– После того как ты мою Хафизу чуть под пытку не подвела, видеть тебя не могу, – произнес он после долгой паузы. – Политика, власть, деньги – это я понимаю. И ради большого куша сам никогда был не прочь головой рискнуть. Но когда вот так, за здорово живешь, ради какой-то чепухи, обрекают на смерть и муки ни в чем не повинных людей, тут у меня никакой любви не хватит, чтобы это простить. Да и мारаться не желаю. Тебя, поди, за дни турнира все окрестные рыцари, у которых в штанах хоть что-то шевелится, перепробовали.

– Почти, – ответила Витториа и снова сбросила плащ. – Все умное и правильное ты уже сказал. А теперь отбрось пустые рассуждения и возьми свой последний в жизни военный трофей. Видит бог, ты его заслужил!

Рыцарь, не отрывая глаз от обнаженного тела, тихо зарычал, вскочил на ноги, в мгновение ока увлек ненасытную женщину на жесткое тюремное ложе и набросился на нее, словно изголодавшийся барс на горную лань.

Донна Корлеоне покинула темницу, когда на городские улицы выполз из моря предрассветный туман. Движения ее были усталы, глаза печальны, а по щеке катилась одинокая слеза...

* * *

Жак проснулся от солнечного пятна, которое напозло ему на лицо. Он открыл глаза, прищурился и, отгородившись ладонью от нестерпимо яркого света, огляделся по сторонам. День был в разгаре, на столе стоял завтрак, а за дверью слышалась громкая германская речь – там переговаривались охраняющие их тевтонцы. Он поднялся и выглянул в окно. Солнце висело над крышей трехэтажного, невысокого по здешним меркам здания. А это означало, что половина времени от рассвета до полудня уже прошла.

Отхлебнув прямо из кувшина наполовину разведенного водой вина, он вспомнил о том, что произошло с ним ночью. «Сон, – подумал Жак, – я слишком много вчера переживал, вот и пригрезилось». Он принялся. В камере, пробиваясь сквозь ни с чем не сравнимый запах тюрьмы, неизменный во все времена, витал едва различимый аромат эфирных масел и женского тела. Жак тряхнул головой, отгоняя навязчивое видение. «Где сейчас Недобитый Скальд?» – подумалось ему. И сразу же все мысли, не связанные напрямую с тем, что уже скоро, буквально сейчас, его поведут на виселицу, растаяли, как предрассветный туман.

Словно в оправдание его опасений внешние двери начали открываться и закрываться, и коридор наполнился гулом множества голосов. Это на смену тевтонцам пришли апулийские копейщики – личная гвардия тирского балы. По всей вероятности, имперский наместник решил не рисковать и поручил конвоирование осужденных самым преданным своим солдатам.

Дверь раскрылась. На пороге стояли капитан апулийцев и де Барн.

– Доброе утро! – произнес тевтонец. – Мэтр Жак, по приказу балы я передаю вас охране, которая будет сопровождать вас к месту казни. Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

– Сир рыцарь! – ответил Жак. – Если это только возможно, не могли бы вы встретить на въезде в город некоего рыцаря, сира Макса из Гента по прозвищу Недобитый Скальд, и сопроводить его к нашему эшафоту, дабы он смог доставить без помех некое важное послание?

– Это вполне возможно, – кивнул головой де Барн. – Это тот самый рыцарь, что ворвался вчера в зал суда?.. Насколько я понимаю, речь идет о вашем помиловании.

– Вполне возможно, сир. Только, если вы его увидите, сразу же крикните, что вас послал Робер де Мерлан. У этого Скальда давние счеты с тевтонцами, и он может принять вас за врагов...

– Думаю, что мы сумеем с ним объясниться, – вежливо кивнул тевтонец и, развернувшись, покинул камеру.

Жак, как мог, привел в порядок одежду. В коридоре его ждал Робер.

– Интересно, где сейчас Скальд? – спросили они друг друга одновременно, оба нахмурились, а затем рассмеялись.

В коридоре кроме десятка солдат находились еще три человека в черном платье – то ли приставов, то ли помощников палача. Один из них – видимо, старший – подошел к осужденным. В руках у него были несколько кусков веревки и деревянные таблички. Там большими красными буквами были начертаны полуграмотные слова, которые, видимо, были призваны разъяснять зевакам, за что именно осуждены преступники. Жак разобрал слова «калдафзтво», «вазстанее» и отвел глаза.

– Извиняюсь, господа, – произнес пристав с опаской, – я человек маленький, а закон есть закон. Нужно бы вам, того, руки связать и повесить на грудь вот эти надписи.

– Вяжи, штафирка, – скривился Робер, складывая руки за спиной. – Да только туго не затягивай, чтобы кровь не остановилась.

Они вышли на улицу. Солдаты по команде капитана образовали заслон, и процессия медленно двинулась вперед.

– Как нас поведут, Риккардо? – крикнул Робер, обращаясь к капитану. – По всем улицам или коротким путем?

– Сеньор распорядился коротким, сир рыцарь, – ответил апулиец. – В городе столпотворение, все боятся беспорядков.

Казнь рыцаря, имя которого уже было хорошо известно не только в Тире, но и по всей Святой Земле, вызвала множество толков и привлекла огромное число зрителей. Улицы были запружены народом настолько, что два или три раза, чтобы пройти вперед, стражникам приходилось пустить в ход свои копья. Зеваки обсуждали осужденных, словно рыцарей на турнире. Робер, проходя мимо кучки ремесленников, услышал, как один говорит другому:

– Дурак ты, Ансельм! Рыцарь – вот этот, высокий, черноволосый красавец. А виллан – маленький, рыжий, с усами. Это ведь даже слепой разглядит!

Сир де Мерлан скривился и покосился на Жака – не слышал ли тот? Но его друг шел, глядя прямо перед собой, полностью поглощенный собственными мыслями.

Проходя по улицам города, Жак ощущал, как каждый шаг по направлению к месту казни удаляет его от мира живых и приближает к страшному порогу. Именно сейчас он вспоминал всю свою жизнь, и она представляла перед его глазами так же отчетливо, как будто он вспоминал о событиях одного, недавно прожитого дня...

Внезапно Жак вздрогнул. Он услышал крик, который вдруг вырвал его из воспоминаний о ночах, проведенных с Зофи, а до нее – с молодыми батрачками на отцовской заимке, и вернул его в сегодняшний день. Чтобы понять, в чем дело, он развернулся в ту сторону, откуда он слышал голос. У входа в лавку со специями и благовониями, мимо которой их вели, стояли несколько сирийцев. Это были купцы-мелькиты из Мосула, Жак знал их, потому что они

несколько раз сопровождали сюда Хафизу за покупками. Один из них снова что-то прокричал, обращаясь к товарищу, который стоял на противоположной стороне улицы.

– Он произнес ту же самую фразу, что и убитый посланник на нефе! – прошептал Жак, обращаясь к Роберу. – Теперь я ее узнал и запомнил!

– Словами не передать, как вовремя! – недовольно пробурчал в ответ рыцарь. – Не удивлюсь, если кто-то в толпе начнет размахивать половинкой монгольской деньги. Меня сейчас больше Скальд интересует.

Они вышли на площадь, когда солнце поднялось в зенит. Знать заняла места на балконах и в окнах домов. Городская стража оттеснила толпу по краям, освободив большую площадку. Там на утрамбованной земле стояла деревянная колода, а рядом с ней аркой, открывающей путь на тот свет, возвышалась мощная виселица. Под ней ожидали с десятков человек, среди которых выделялся один, в багрово-красной шапочке и коротком, едва достигающем бедер плаще. Апулийцы разомкнули строй, пропустили осужденных вперед, а сами, рассыпавшись, образовали вокруг места казни второе, внутреннее оцепление.

Жак ощутил, как между участниками предстоящего действия и зрителями пролегла незримая, но явственно ощутимая граница. За этой границей теперь гудела встревоженная их появлением толпа простолюдинов, привставали на балконах господа, а в окнах мелькали любопытные женские лица.

Перед самым оцеплением на земле были расстелены большие персидские ковры, а над ними сооружен пальмовый навес. Под навесом расположились нобили – тирский балли, барон Ибелин с племянником Ги де Монфором, рыцарь Пьетро ди Россиано и участвовавший в судебном заседании архидьякон. Архиепископ Тира, по всей вероятности, не разделявший кровавых устремлений своей паствы, на казни не присутствовал. Не было под навесом и Виттории. Впрочем, она могла наблюдать за ними, скрывшись за шторой одного из многочисленных окон.

– Слетелось воронье, – проговорил Робер, косясь в сторону навеса. – Не смогли нашей кровушки добыть в честном бою, так теперь наслаждаются, победители! Эх, чует мое сердце, что Скальд не успеет вернуться, и все, что ему останется, так это снять с виселицы наши тела.

– Ну что, будем прощаться, сир рыцарь? – спросил Жак, и голос его задрожал.

– Не дрейфь, пейзанин, – ухмыльнулся Робер, – все там рано или поздно окажемся. Жаль, что не в бою, ну да тоже не беда. Это язычники-северяне считают, что в рай попадают только воины, погибшие с оружием в руках, а наша святая церковь...

Опережая палача, к ним подскочил священник.

– А, это ты, послушник! – радостно окликнул его Робер. – Я-то думал, что перед смертью более ни одного знакомого лица не увижу...

– Не послушник, а монах бенедиктинской обители в Яффе! – ответил тот. – Побывав на небогоугодном суде, я еще в первый день, когда сии греховодники только собирались выносить вам приговор, отправил нарочного к Его Святейшеству, самому патриарху, дабы он своей духовной властью остановил незаконное непотребство. При этом я нанял гонца, используя деньги, собранные мной как пожертвования нашему монастырю. Надеюсь, что сир рыцарь не позволит мне впасть в прегрешение и вернет затраченные средства.

– Сторицей, – ответил Робер. – Поройся в поясном кошелье и возьми оттуда ливр, святой отец.

За действиями монаха алчно поглядывали экзекуторы.

– Спаси тебя Господь! – перекрестился и вздохнул монах. – Да только нет до сих пор посланника от патриарха. Вот я и решил, раз уж помилование не успеет, самолично проводить вас на эшафот, для чего получил от его преосвященства архиепископа право разового

отпущения грехов. Станьте на колени, дети мои, и повторяйте за мной...

– Не лги, церковная крыса! – опускаясь на колени, пробурчал Робер. – Поди, с самого начала рассчитывал на мою щедрость, а как увидел, что нас собрались казнить всерьез, бросил все и ринулся к плахе, чтобы выручить свои денежки. Ну да ладно, я и так тебе благодарен, что отпевать нас будет не какой-то чужой ярыга, а поп, который сражался вместе со мной на корабле с сарацинами.

– Отче наш, – произнес вслед за монахом Жак.

– Сущий на небесах, – продолжил, прекратив ерничать, де Мерлан...

После отпущения грехов священник отошел в сторону, и осужденные перешли в руки давно проявляющего нетерпение палача.

Палач был невысокого роста, чуть выше Робера. Он был широкоплеч, руки имел длинные и держал ладони ковшом, так что они напоминали две небольшие катапульты.

– Ну, стало быть, здравствуйте, господа хорошие! – произнес он, склонив голову набок и что-то про себя прикидывая. – Значитца, так. Мы вас сейчас будем по одному развязывать, платье снимать да льняные рубахи вам надевать, как водится по обычаю. Вы уж, того, драку не затевайте. Мои парни – люди тертые, у каждого стилет. Поджилки подрежем, а убивать не станем. Только мучиться будете не в пример дольше. Ну а ежели по-хорошему, то я расстарюсь, чтобы все для вас кончилось побыстрее. Кто тут из вас благородный рыцарь, ты, что ли? – спросил он у Жака.

– Он, – кивнул Жак на Робера, который, казалось, был готов взорваться от возмущения.

– Тогда проще, – даже и не думая извиняться, сказал палач. – Ты, – он ткнул пальцем в Робера, – первый. Главное – шею вытяни посильнее да замри. А я туюну разочек, и все дела. А если дернешься, то могу ведь сразу и не оттяпать целиком. Нехорошо. Господа любят, чтобы голова покатила...

– А этого сразу в петлю? – подскочил к палачу помощник, который возился до этого с блоком. – Как обычно? Поставим, затянем, а я по команде подпрыгну повыше и на веревке-то и повисну...

– Нет, тут вдвоем нужно, а то и втроем, – деловито прикидывал палач. – Ты не гляди, что он тощий, весу в нем препорядочно будет. Ты, сержант, не дрейфь! – обратился он к Жаку. – Мы тебе мешок на голову накинem, так что ничего и не увидишь...

– Это опять мне свою долю на троих делить, – обиделся подручный, – вот вечно все не как у людей...

Подручные под наблюдением палача начали их переодевать. «По воле Его Величества Императора Фридриха, короля Иерусалима...» – заорал на всю площадь глашатай, объявляя приговор. Но голос его звучал где-то там, за границей оцепления, и Жак не обратил на него особого внимания. Теперь мир для него ограничивался лишь им самим да натягивающим на него рубашку человеком, лица которого он так и не рассмотрел. И в этом маленьком и очень страшном мире не было места никому и ничему. Даже готовящемуся к отсечению головы Роберу.

Чтение приговора все продолжалось. Жака поставили под переκладиной.

– Ты подожди, это еще пока не казним, – прошептал ему кто-то сзади, брызгая в ухо горячей слюной, – просто петельку примерим. Еще поживешь чуток, пока твоему другагану башку не отчекрывают.

Толстая пеньковая веревка стала неприятно колоть в подбородок, и Жак теперь уже по-настоящему поверил, что очень скоро ему придется умереть. Глаза его застлала пелена, и он, словно сквозь туман, стал наблюдать за тем, как нелепо выглядящий в длинной льняной рубахе Робер, переругиваясь с палачом, кладет голову на плаху, а тот заносит над головой свое орудие.

И тут откуда-то из-за спины вдруг раздался спокойный уверенный голос:

– Отставить!

Голос звучал негромко, но, похоже, все, кто находился на площади, его услышали. Палач обернулся, нахмурился и медленно опустил топор.

Жак понял – что-то вокруг них изменилось. Смерть, уж было замкнувшая в объятия долгожданную добычу, отступила с недовольным ворчанием и скрылась в одной из подворотен. Границы мира, сжатого до пределов накинута на шею петли, вдруг расширились одним коротким броском, и все, что находилось вокруг, словно освободилось от тумана и налилось яркими красками, отчетливыми звуками и резкими запахами. Он увидел поднимающегося с плахи Робера, навалившуюся на стражников толпу, стаю голубей, с хлопаньем взмывающую над крышами ближайшего дома, и мелькание разряженных людей чуть не в каждом его окне. Обернувшись всем корпусом, он разглядел того, чье слово остановило казнь.

В нескольких шагах от навеса, под которым сидела знать, стояла группа из пяти всадников. Двое из них были с золотыми шпорами и в белых плащах. Бока и крупы их коней покрывали белые чепраки с темными пятнами пота. На груди у рыцарей красовались простые прямые кресты желтого цвета, окаймленные четырьмя маленькими крестиками. Такие же кресты были нашиты и на конских чепраках.

«Это гербы Иерусалимского королевства! – вспомнил Жак. – Но почему их носят братья-рыцари? И к какому ордену они принадлежат?»

– Что тебе нужно, приор? – раздался голос из-под навеса.

– Ты уже слышал, барон! – ответил рыцарь, возглавляющий отряд. – Властью, данной мне Его Святейшеством, я использую свою привилегию отменять смертные приговоры. Эти двое поедут со мной. Верните им одежду и пошлите кого-нибудь, чтобы привели их коней.

Жак перевел взгляд на барона.

Барон Ибелин прищурил глаза.

Бальи скрипнул зубами.

Архидьякон Тира охнул и пробубнил себе под нос что-то весьма и весьма еретическое.

Ги де Монфор и Пьетро ди Россиано вскочили с мест и теперь стояли, уставившись на того, кого называли приором, одинаково выпученными глазами.

– А ты уверен, что можешь отдавать здесь приказы, Сен-Жермен? – Лицо барона побагровело, и он вцепился пальцами в подлокотники высокого кресла.

– Распоряжайся у себя в Бейруте! – резко ответил ему приор. – Мне известны пределы моих полномочий, и не тебе о них судить. Отдайте необходимые приказы, бальи. И не забудьте вернуть все конфискованное имущество.

– А как же мой конь и доспехи? – Пьетро ди Россиано чуть не плакал. – Мне же их дедушка подарил. Что он скажет, когда узнает об этом?

– Я упомяну об этом, когда буду писать Его Святейшеству очередное донесение, – ответил Сен-Жермен. – Может, еще у кого-то есть вопросы?

Под навесом воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь голосом Робера, который отвечивал тумаки и ругал одного из подручных палача за то, что тот недостаточно проворно прислуживал ему, помогая надеть сюрко.

– Сир Робер де Мерлан и мэтр Жак! – обратился приор к приятелям. – Мне срочно необходимо посетить архиепископа, после чего мы отправимся в путь. Как можно скорее завершайте в Тире все свои дела и ожидайте меня у городских ворот. Дабы никто не чинил вам препятствий, с вами останется один из братьев. Поезжай с ними, брат Серпен!

Один из стоящих позади Сен-Жермена рыцарей тронул поводья и выехал вперед. Остальные вслед за приором прищипорили коней и, раздвигая толпу, исчезли в боковой улице.

Из-под навеса не доносилось ни звука. Нобили, ошеломленные внезапным вторжением, не могли понять, что им теперь делать и как себя вести.

– Вы готовы? – спросил, подъезжая к приятелям, тот, кого приор назвал братом Серпеном.

– Я готов был покинуть это место с того самого момента, как моя нога ступила на площадь, – отозвался Робер. – Не очень приятно, знаете ли, когда тебя хватают и собираются ни за что ни про что взять и отрубить голову... Но кому мы обязаны столь своевременным освобождением, сир?

– Вас взял под защиту орден рыцарей Святого Гроба, – ответил рыцарь. – Добро пожаловать в наше славное братство. Итак, куда мы сейчас последуем?

– Сначала в гости к бальи, – проворчал, поправляя ремни, Робер. – Раз уж такое дело, то прежде всего нам нужно вернуть коней и оружие. Если я все правильно понял, то они нам вскоре понадобятся.

– Вы не ошибаетесь, сир, – улыбнулся брат Серпен. – Сейчас я попрошу кого-нибудь из благородных господ, чтобы они ненадолго одолжили вам двух лошадей. Негоже собратьям нашего ордена передвигаться пешком. Да и время дорого.

Рыцарь отъехал в сторону коновязи и сказал несколько слов охраняющему коней оруженосцу. Вскоре Жак и Робер уже сидели в седлах, на которых красовались гербы Бейрутского баннерета. Проезжая мимо одного из домов, Жак увидел, что из окна на втором этаже, откинув тяжелую гардину из дорогой парчи, за ними наблюдает Виттория. Лицо ее сохраняло бесстрастное выражение, и по нему невозможно было понять, обрадована ли она таким исходом событий или же, напротив, огорчена.

После убийства братьев-рыцарей и осужденных толпа, отчасти разочарованная тем, что ее лишили кровавого зрелища, начала быстро таять. Площадь почти опустела, когда со стороны ворот раздались испуганные крики. Вскоре из Улицы вылетел огромный рыцарь на сером першероне. Он был в полном боевом облачении и размахивал чудовищной булавой. Оказавшись напротив виселицы с двумя пустыми петлями, сиротливо покачивающимися на ветру, он поднял коня на дыбы. Благородное животное, измученное многочасовой скачкой, едва оторвав передние копыта от земли, рухнуло на землю. Рыцарь, проявляя изрядное проворство, свидетельствующее о том, что он имеет изрядный опыт падения под ним коней, успел отскочить в сторону.

Он снял шлем, огляделся по сторонам и пожал плечами.

– Успел все-таки кто-то раньше меня, – проворчал Недобитый Скальд. – Трех лошадей загнал, вассальную присягу королевскому бальи принес – и, выходит, зазря. А все эти два десятка копеечников у ворот. Если бы с ними так долго не провозился...

Недобитый Скальд взял коня за гриву, поднял его без видимых усилий, словно держал за шиворот щенка, и поставил на ноги. Конь, понимая, что сейчас на его многострадальную спину снова обрушится непосильная ноша, обреченно заржал.

Глава десятая, в которой выясняется, кому обязаны герои своим спасением

*Акра, квартал патриарха Иерусалимского,
1228 г. от Р.Х., день Святого Духа
(понедельник, 15 мая)*

Церковь Святого Саввы звонила, сзывая своих прихожан к праздничной мессе. По

причинам, никому не ведомым, аббат-генуэзец всегда начинал службу с опозданием, так что к тому времени, когда из-за высокой стены аббатства еще только доносились первые удары большого колокола, в часовне, где молились каноники Гроба Господня, служба была в самом разгаре. Молящиеся располагались в строгом соответствии со своим чином. В первом ряду – двенадцать каноников во главе с приором, во втором – простые братья ордена, в третьем – собратья-рыцари, а в четвертом – собратья-сержанты. Проводил службу сам патриарх Иерусалимский Геральд де Лозанн.

Жак из Монтелье, бывший вольный виллан, бывший оруженосец сира де Мерлана, бывший сержант крестоносного братства святого Андрея Акрского, ныне сержант Гроба Господня, облаченный в выстиранную, хрустящую от свежести и сверкающую белизной камизу, стоял в четвертом ряду и вслушивался в пение хора, исполняющего гимн Святому Духу.

Veni Sancte Spiritus,
reple tuorum corda fidclium,
et tui amoris
in eis ignem accende...

Ты приди, Дух Святой, словно ветра дуновенье,
Ты приди, Дух Святой, и огонь в душе зажги!
Ты приди, Дух Святой, в наши души, в наши души,
Ты приди, Дух Святой, и огонь любви зажги!

Пятидесятница для крестоносцев – день особенный. Со времен легендарного короля Артура все рыцари считают его своим праздником, а для братьев Святого Гроба он был редким днем общей молитвы, когда отряды, несущие службу по всей Святой Земле, возвращались, словно в древний Камелот, в свою главную обитель.

Жак вместе с молящимися вторил хору и размышлял о Божьем промысле, волей которого он избежал неминуемой казни и оказался в рядах самого загадочного крестоносного ордена Заморья. В тот день он, в самом буквальном смысле вынутый из петли, оседлал подведенного коня и в сопровождении братьев-рыцарей покинул площадь. В резиденции бальи города Тира они с Робером де Мерланом забрали конфискованное имущество, пересели на собственных коней и отправились к городским воротам, где их ждал приор Сен-Жермен. Робер скакал стремя в стремя с братом Серпеном и переговаривался с ним вполголоса. Жак держался на корпус позади. Уже тогда, при первом знакомстве с братьями Святого Гроба, ему сразу же бросилось в глаза уважение, которое им оказывают все встречные вне зависимости от знатности и вероисповедания. На протяжении недолгого пути им трижды безропотно уступили дорогу – вначале вылетевшие из-за угла госпитальеры, затем встречные рыцари из войска Ибелинов и у самых ворот – всадники во главе с союзным императору эмиром.

Магистр ожидал их в седле.

– Все в порядке, сир! – доложил ему брат Серпен. – Нам вернули оружие, коней и доспехи.

– Вы желаете проститься с кем-то еще? – спросил Сен-Жермен у Жака и Робера. – Если так, то поспешите. Сейчас мы поскачем в Акру.

– Если вы пустите коней в среднюю рысь, – произнес Робер, обращаясь к своему новому командиру, – то мы успеем уладить все свои дела и догоним вас в нескольких лье от города, мессир.

Жак про себя отметил, что таким уважительным тоном до этого времени его приятель не

говорил еще ни с кем...

Сержант отвлекся от воспоминаний, когда патриарх перешел к чтению Писания.

– Как сказано в Евангелии от Луки, по истечении шестой недели после Святого Воскресения апостолы и все собравшиеся ожидали, когда Спаситель пошлет им знамение и они обретут его силу, хотя они не знали, в чем именно будет состоять пришествие Духа Утешителя. И вот, в девятом часу утра, когда народ иудейский обычно собирался в Храм для жертвоприношения и молитвы, внезапно над горой Сион послышался шум, как будто от бурного ветра. Шум этот наполнил дом, где находились апостолы, и над их головами возникло множество огненных языков, и стали языки опускаться на каждого из них, но были холодны и никого не обжигали. И когда языки опускались на голову каждому апостолу, они начинали говорить на разных, ранее неведомых им наречиях. И сказано у Матфея: «Так совершилось над апостолами крещение Духом Святым и огнем, как было предсказано пророком Иоанном Крестителем». И пошли апостолы нести слово Божье во все земли. Так появилась наша первоапостольная Римская церковь...

По окончании службы причастившиеся братья покинули часовню и в ожидании праздничного обеда прохаживались по дворику перед входом в трапезную и дортуар. Бесчисленные колокольни Акры, стараясь перещеголять друг друга, при помощи всех доступных средств созывали приезжих богомольцев. Били набаты, надрывались вперемежку большие и малые колокола, и над городом стоял даже не звон, а сотрясающий стены гул. Неделью назад до берегов Палестины добрался наконец первый венецианский конвой, и столица Иерусалимского королевства наполнилась паломниками, рыцарями и благородными господами. Немедленно оживилась торговля, и в жертвенные кружки стоящих на каждом перекрестке и чуть не дерущихся за самые хлебные места монахов из пока еще тугих крестоносных кошельков полились потоки серебра.

– Слушайте, почтенный, – Робер, рыжий коренастый коротышка, припер к каменной стене долговязого каноника и учинял ему допрос, – я вот никак не разберу. На прошлой неделе приор нам читал из Ветхого Завета про Вавилонское «столпотворение». А там сказано, что Господь, в наказание за дерзкую попытку построить башню до небес, смешал все языки. Получается, что тогда многоязычие было наказанием, а теперь – даром Божьим?

– Видит Всевышний, закончишь ты свою жизнь на костре, как еретик, – крестясь и с тревогой оглядываясь по сторонам, отвечал каноник. – Ты, брат-рыцарь, божий дар с яичницей не путай. И главное, вслушиваясь в слова Святого Писания, помни о богослове Косьме, который по подобному поводу изрек: «Вред или польза действия определяются совокупностью обстоятельств...»

Робер задумался и сделал шаг назад. Каноник воспользовался моментом, прошмыгнул в открывшуюся щель и был таков. Жак улыбнулся и подошел поближе. К ним присоединился брат Серпен. Именно этот высокий широкоплечий рыцарь оказался первым человеком в ордене, который объяснил им, кому, собственно, осужденные по лажному навету рыцарь и сержант обязаны своим освобождением.

Они скакали весь вечер и половину ночи, делая короткие привалы и меняя лошадей. Уже под утро на развилке с большим верстовым столбом Сен-Жермен перевел коня на шаг, а затем поднял правую руку вверх и остановил отряд.

– Сейчас я поеду в новый замок тевтонцев, который называется Монфор, – сообщил он Жаку и Роберу. – Оттуда ненадолго возвращусь в Акру и отправлюсь в Константинополь и Морею. Времени на то, чтобы с вами поговорить, будет очень мало. Пока на все ваши вопросы ответит брат Серпен.

С этими словами он подал команду сержантам, пришпорил коня и растворился в

преддрассветной дымке, над которой возвышались неясные контуры горного хребта. Серпен нахмурился и направил коня в сторону Акры. Копыта глухо рокотали по утрамбованной земле, так что всадники могли разговаривать, не повышая голос.

– Так что это у вас за орден такой, сир? – после продолжительного молчания задал давно мучивший его вопрос де Мерлан. Положа руку на сердце, вопрос этот вертелся у него на языке от самого Тира, но в присутствии магистра он робел и не решался раскрывать рот.

– Первым магистром нашего ордена мы считаем святого апостола Иакова, который как сын Иосифа Обручника, мужа Девы Марии, был названным братом Спасителя. Воскресши из мертвых, Иисус Христос выделил Иакова среди всех апостолов, удостоив его особенным посещением, о чем, как известно, говорится в послании к коринфянам. Именно тогда и обязал Спаситель Иакова служением, целью которого была защита того места, где и произошло великое чудо Воскресения. После Вознесения Господня Иаков безоговорочно был избран епископом Иерусалимской церкви. Именно он и созвал первых воинов для служения. Говорят, что это были первые обращенные в христианство римские легионеры, которые поселились неподалеку от Голгофы и оберегали Святой Гроб от осквернений, – но так это или нет, нам неизвестно.

Во время иудейских войн братство было рассеяно, но преемственность магистров не прервалась. Кого принимали в свои ряды первые рыцари – тайна, но долгие годы, пока учение Иисуса не победило язычников и воцарилось в Римской империи, Гроб Господень находился под надежной защитой. И когда мать византийского императора Константина Великого святая Елена прибыла в Иерусалим для того, чтобы поклониться святыням, именно глава нашего братства указал ей на позабытое к тому времени место усыпальницы Спасителя и местонахождение Честного Креста. Благодарная Елена построила на месте Гроба Господня базилику и взяла братство под свое покровительство. И потомки Константина поддерживали воинов Святого Гроба до тех пор, пока Святой град их нерадением не оказался в руках неверных.

Много лет братство, оставленное христианскими монархами, пребывало в неизвестности, пока в Иерусалим не прибыл как паломник император Карл Великий со своей свитой. Он встретился с приором и поразился тому, как братство, никому не известное и никем не поддерживаемое, продолжает хранить свои традиции и исполнять апостолическую миссию. Император принял титул Протектора Иерусалима, направил в орден Святого Гроба лучших своих рыцарей, которые с соизволения халифа Гарун-аль-Рашида несли свою службу до того самого дня, пока Иерусалим не завоевали безбожные и алчные турки-сельджуки.

– Но позвольте, брат Серпен! – воскликнул Жак. – Когда я учился грамоте в монастыре, мой наставник отец Браун рассказывал, что знаменитая песнь о деяниях, шансон-де-жест, в которой рассказывается о паломничестве Карла Великого, – это всего лишь выдумка, и сам император никогда не бывал в Святой Земле.

– Молчи, пейзаин! – рявкнул в ответ де Мерлан. – Ты что, хочешь сказать, что ордена Святого Гроба не существует? Тоже мне, грамотей... А кто же тогда, по-твоему, меня от топора спас?

– Ваш приятель отчасти прав, – улыбнулся в ответ Серпен. – Та история происхождения ордена, что я вам рассказал, – это, конечно, всего лишь красивая легенда, в которую, впрочем, верят многие люди. На самом же деле наше крестоносное братство ведет свою историю со времен правления завоевателя Иерусалима Годфруа де Булона. Впрочем, обо всем вы узнаете в свое время, а сейчас пришпорим коней – нас ждет с докладом патриарх.

Всадники поднялись на небольшую возвышенность, и перед их взорами предстали утопающие в садах предместья, за которыми желтели массивные стены Акры.

Резиденция патриарха Иерусалимского располагалась рядом с арсеналом и занимала целый квартал. «Настоящая цитадель», – пробормотал под нос Робер, когда они, пропетляв по узким улочкам со сводчатыми перекрытиями, выехали к широкой приземистой надвратной башне, за которой теснились многоэтажные постройки. Здесь, как и в Тире, внутри городских стен было очень тесно, и здания, не имея возможности раскинуться вширь, поднимались ввысь, а улицы и дворы, наоборот, сужались, стараясь занимать как можно меньше драгоценной земли.

Не успел брат Серпен подъехать поближе к воротам, как тяжелая деревянная решетка, загораживающая въезд, медленно поползла вверх, и вскоре они оказались внутри.

Рыцари Святого Гроба занимали большое трехэтажное здание, на первом этаже которого располагались хозяйственные помещения и конюшни, а на втором, куда вел отдельный вход, – трапезная и дортуар. Третий этаж занимали апартаменты приора и кельи рыцарей. Сержанты жили в общих казармах, а оруженосцы и конюхи – при лошадях. Сержанты несли посменно службу, охраняя всю территорию, а все работы по дому, такие как стирка белья и уборка помещений, исполняли слуги патриархии. Как выяснилось, Серпен оказался на тот момент единственным братом-рыцарем в обители – прочие находились в отъезде.

– Так бывает почти всегда, – объяснил он Жаку и Роберу, сопровождая их в гостевые покои. – Времена сейчас тяжелые, и братья сбиваются с ног, исполняя разные поручения. Впрочем, узнаете обо всем, когда придет время. Пока что отдыхайте и осматривайтесь. Единственной вашей обязанностью пока является присутствие на обедне. Вам запрещено покидать пределы обители, заходить в любые помещения, кроме трапезной и церкви, и расспрашивать здешних обитателей о чем бы то ни было.

– А самим-то можно отвечать на вопросы? – попытался съязвить свободолюбивый де Мерлан.

– Не думаю, что вам их здесь будут задавать, – улыбнулся брат Серпен.

На третий день пребывания в патриархате в Акру возвратился Сен-Жермен. Он буквально влетел во двор в сопровождении целого эскадрона, и тихая обитель сразу же наполнилась звоном оружия, скрипом упряжи, стуком копыт и храпом лошадей.

– Ну, началось наконец, – проворчал де Мерлан, который от вынужденного безделья готов был на потолок лезть.

И вправду, сразу же после обеда к друзьям подошел оруженосец приора и попросил их следовать за собой.

Кабинет главы ордена находился под самой крышей, и из его окон открывался прекрасный вид на акрскую гавань. Все убранство большой, чисто выбеленной комнаты составлял большой гобелен с изображением королевского герба, два длинных стола со скамьями, полка, набитая книгами и пергаментными свитками, и несколько больших сундуков, окованных железными полосами.

Теперь наконец Жак смог рассмотреть загадочного приора поближе. Это был человек зрелых лет, много повидавший в жизни: его черные как смоль волосы чуть тронула на висках седина. Среднего роста – повыше Робера, но чуть пониже Жака, он казался выше, чем есть, благодаря стройной худощавой фигуре, но при этом бугрящиеся под камизой мышцы выдавали в нем человека недюжинной силы. Больше всего поражали его глаза – серо-зеленые, пронзительные и очень внимательные. Когда он глянул на Жака, ему показалось, что приор рыцарей Святого Гроба в одно мгновение просветил его насквозь.

– У меня совсем нет времени, – заговорил Сен-Жермен. Голос у него оказался чуть хрипловатый и на удивление мягкий, но тем не менее Жак ощутил в нем металл, который звенел, когда приор, спасая их с Робером от казни, обращался к первым нобилям королевства. – Пока не собрался конвент, я готов ответить на несколько вопросов.

– Почему вы освободили нас и как узнали о казни, мессир? – немедленно, словно только того и ждал, отозвался Робер, так что Жак не успел и рта раскрыть.

– На эти два вопроса у меня найдется один ответ, – улыбнулся приор уголками губ. – На прошлой неделе я пришел к патриарху, с тем чтобы сообщить ему о гибели одного из наших братьев и попросить совета, кого из крестоносцев принять на освободившееся место. Выбор кандидата – дело государственной важности. Наше братство очень невелико – в нем всего двадцать пять рыцарей, включая и меня, но каждый из нас, поверьте, стоит целой баталии. В ответ его высокопреосвященство протянул мне только что полученное письмо, написанное неким монахом-бенедиктинцем из Яффы, которого непонятно каким ветром занесло в Тир. Я быстро навел справки, узнал, кто такие сир де Мерлан и Жак из Монтелье, и, поверьте, то, что я услышал, очень понравилось и мне, и патриарху. В Акре в это время не было никого, кроме нас с братом Серпеном. Мы, не теряя времени, пустились в путь и, как видите, успели... Таким образом, вы избежали казни для того, чтобы быть принятыми в орден Святого Гроба.

– Насколько я понимаю, – пробормотал Робер, – выбора у нас никакого нет.

– Есть, – снова улыбнулся Сен-Жермен, – но я думаю, что он вам не понравится. Посвящение в рыцари и сержанты у нас по традиции производится на Пасху. До этого времени вы должны пройти особую подготовку, чтобы на первых порах хоть отчасти отвечать тем требованиям, которые наш орден предъявляет к своим воинам.

– Вот те раз! – искренне удивился Робер. – А я-то думал, что вам, как и братьям святого Андрея, нужен настоящий рыцарь, который будет вас обучать военному делу.

– Возвратимся к этому разговору после моего возвращения, – сверкнул глазами приор. – Я должен немедленно отбыть в Константинополь.

– Мессир, – набрался смелости и подал голос Жак, – господин де Мерлан, видимо, забыл, что у него имеются в тех местах владения, ради которых он и принял крестоносный обет.

Приор в ответ чуть кивнул головой, предлагая изложить суть дела. Жак уже заметил, что Сен-Жермен предпочитает обходиться жестами там, где они могут заменить слова.

– Молодец, Жак! – Робер пихнул приятеля локтем под бок. – Он прав, мессир, у меня действительно имеется хартия от тамошних тамплиеров. Только вот как к делу подойти, понятия не имею.

– Что у вас есть, кроме слов? – спросил приор.

– Вот грамота, – протянул Робер злополучную бумагу, которая и стала первопричиной всех его нынешних злоключений. – Речь идет о рыцарских фьефах в Афинском мегаскирстве.

– Там у нас есть владения, – быстро прочитав грамоту, кивнул головой Сен-Жермен, – думаю, что мы сможем уладить это дело с приором Греции. До отъезда я переговорю с архидьяконом – именно он ведает всеми имущественными делами и владениями ордена. Скорее всего, он согласится, чтобы Святой Гроб позаботился о ваших правах, и если желаете, то мы возьмем эти земли в управление.

– И вы не отберете мои фьефы насовсем, как храмовники? – недоверчиво переспросил Робер.

– Рыцари Святого Гроба – светские рыцари, не связанные обетом бедности, – отчеканил Сен-Жермен, – и мы не даем монашеских обетов, как госпитальеры и тамплиеры. Но данные нам привилегии, самая главная из которых – право использовать в качестве эмблемы ордена герб Иерусалимского королевства, накладывают на братьев тяжкий груз. Мы обязаны быть лучшими во всем, при этом нигде и ни в чем мы не можем нарушить закон и запятнать рыцарскую честь. После посвящения и ты, рыцарь, и ты, сержант, будете связаны с орденом до конца своих дней...

На следующий день приор покинул Акру, и в резиденции из всех рыцарей снова остался

один лишь брат Серпен.

Из всех событий, произошедших за это время, самое яркое воспоминание у Жака оставили их первые воинские занятия. Несмотря на то, что его прозвище переводилось с франкского как «Змей», на самом деле этот широкоплечий светловолосый нормандец ничем не напоминал холодную рептилию. На следующее утро, не успели каноники отслужить заутреню, он без стука вошел в комнату.

– Не обижайся, сир рыцарь, и ты, сержант, – обратился он к приятелям, вскочившим при его появлении, – но мне поручено проверить вас в деле. Так что надевайте доспехи и следуйте за мной.

– Да какие уж тут обиды, – ухмыльнулся де Мерлан, вытаскивая из-под кровати кольчугу и шлем. – Еще поглядим, кто кого проверит. Ну, где тут у вас место для тренировок?

Следуя за Серпеном, они вышли во двор, завернули за угол, миновали арку, соединяющую капитул с домом рыцарей, вошли в неприметное каменное строение, спустились вниз по длинной лестнице и оказались в огромном сводчатом помещении. По периметру потолка были проделаны многочисленные щели, из которых на каменные плиты падали солнечные лучи.

– Ну и дела, – оглядываясь по сторонам, подивился Робер, – да это подземелье, похоже, размерами с полквартала.

– Зал построен еще греками, в те времена, когда Акра именовалась Птолемаидой, – объяснил им брат Серпен. – Здесь размещалась большая городская цистерна, целое озеро пресной воды. Но во время исламского завоевания греки засыпали все входы, вода высохла, а зал пребывал в неизвестности до тех пор, пока каноники, разбирая захваченную в Константинополе библиотеку греческих басилевсов, не наткнулись на его описание. Здесь мы можем в любое время упражняться, не привлекая к себе внимания. Ну что, начнем, сир рыцарь? – с этими словами Серпен бросил Роберу учебный деревянный меч.

– Защищайтесь, монсир! – крикнул Робер, встал в стойку и немедленно нанес верхний удар. Жак уже не раз наблюдал приятеля в бою и знал, что подобный замах меча, с обманным движением, уходом корпуса и неожиданным резким рывком, не отбивал еще никто.

И тут случилось невероятное. Брат Серпен, казалось, просто небрежно отмахнулся от рыцаря, но вслед за этим движением меч де Мерлана вдруг взлетел почти к потолку, упал на пол и застучал по плитам.

– Не понял... – сказал Робер. – Давай-ка еще раз!

Он поднял меч и снова встал в стойку...

Меч еще три раза совершил воздушное путешествие в дальние углы зала. Несмотря на прохладу, царившую в подземелье, лоб Робера покрылся капельками пота. Рыцари взяли щиты, но бой при этом завершился с тем же результатом – после каждой сшибки меч Робера неизменно отлетал в сторону, а оружие Серпена при этом оказывалось упертым в его грудь или шею.

Глядя, как брат Серпен управляет с де Мерланом, словно это не рыцарь с двадцатилетним боевым опытом, а младенец, беспомощно размахивающий хворостинкой, пытающийся отогнать атакующего его гуся, Жак повесил нос. Если все здешние братья обладают подобной выучкой, то уж ему-то, с его подготовкой, в ордене делать нечего.

Избиение младенцев продолжалось. Щиты и мечи сменили копья, затем фальшоны и в конце концов – кинжалы.

– Как ты это делаешь? – прохрипел вконец измотанный Робер. – Техники особой не вижу, но двигаешься раза в два быстрее. Глаз видит, а руки-ноги за твоими не успевают.

– Вот это вам с приятелем и предстоит узнать в ближайшее время. – Серпен, не проявляя ни малейших признаков усталости, складывал оружие в специальные короба. – Тренировки

начинаем прямо с сегодняшнего дня. У меня, к сожалению, есть еще и другие обязанности, и я не смогу быть с вами все время, но к вам будут приставлены два самых опытных сержанта, которые обучат, как в бою замедлять время.

Вспоминая о неделях бесконечных занятий, Жак улыбнулся. Боевое искусство братьев Святого Гроба имело и обратную сторону медали. Ускорять свои движения при использовании специальных упражнений оказалось не так уж и трудно, но двойное ускорение также требовало двойных усилий, и порой у приятелей в конце занятий едва хватало сил для того, чтобы подняться наверх и добраться до своих кроватей.

Четыре месяца, проведенные в Акре, пролетели как один день. Их приняли в орден, как и обещал Сен-Жермен, на Пасху. Приор до сих пор не возвратился из Мореи, и церемонию проводил глава капитула каноников церкви Святого Гроба, второе лицо после патриарха, архидьякон Дагоберт. Перед посвящением они исповедались, причастились и остались в притворе часовни, дабы всю ночь молиться, а с первыми лучами солнца пройти инициацию. Брат Дагоберт, перед тем как оставить их одних, наконец-то открыл завесу тайны происхождения ордена.

– Родоначальником этого крестоносного братства мы считаем первого архидьякона церкви Святого Гроба Арнульфа де Роола.

«Вот те раз! – подумал про себя Жак. – А в хрониках Гийома Тирского сей прелат выведен хуже нечистого. Разве что в содомии не обвинен. Он и самозванец, и прелюбодей, и человек, незаконно претендовавший на кафедру иерусалимской патриархии».

– Сей достойный человек, – словно отвечая на его вопрос, продолжал Дагоберт, – к сожалению, впоследствии был представлен христианскому миру в черном свете. Он был в большом почете у Балдуина Первого, а вот при Балдуине Втором из рода Ретелей впал посмертно в немилость. Однако каноники Святого Гроба хранят о нем добрую память. Именно Арнульф де Роол после организации в королевстве церковных владений настоял на разделении манса – доходного держания – патриарха и манса капитула каноников, а также получил у короля и папы привилегию церкви Гроба Господня иметь собственных рыцарей. С тех пор наш орден, живущий по августинскому статуту, – одновременно и капитул иерусалимского патриархата, и тайный совет королей, и крестоносное рыцарское братство. Подобно орденам тамплиеров и госпитальеров, наши владения рассыпаны от Мертвого моря до Кастилии, и, для того чтобы ими управлять, мы организовали более ста малых приоратов. Данный нам папой устав ограничивает братство всего двадцатью пятью рыцарями, но, как вы уже смогли убедиться, эти рыцари не имеют себе равных. Молитесь, дети мои, и ожидайте заутрени. Вы поклянетесь защищать Святой Гроб до последней капли крови и хранить славные традиции первых крестоносцев!

– Но как же... – осекся на полуслове как всегда любопытный Робер.

– Ты хочешь спросить, как получилось, что мы потеряли Святой Гроб? – Архидьякон, уже было собравшийся покинуть часовню, вернулся обратно.

– Именно так, ваше преподобие, – добавил чуть слышно Жак. – Я читал, что Иерусалим был сдан Саладину без боя. Неужели братья Святого Гроба не стали его защищать?

– Все двенадцать рыцарей во главе с приором, – грустно ответил Дагоберт, – были посланы патриархом Ираклием вместе с войском короля Ги де Лузиньяна для охраны Честного Креста. В сражении на Хаттинских холмах они погибли, исполнив свой обет, как и подобает истинным крестоносцам. Поэтому, когда армия Саладина пришла под стены Святого града и Балиан Ибелин оставил город, Гроб Господень было просто некому защищать. В те черные дни пропали без следа Письма Гроба Господня – свод законов королевства, который хранился в церкви и находился у нас под охраной еще по воле первого правителя, который называл себя защитником

Святого Гроба, – сира Годфруа де Булона. Теперь наш возрожденный орден располагается в Акре. Мы храним традиции королевства и готовимся к тому часу, когда Гроб Господень будет снова возвращен нашему радению. И видит Господь, после того как Святой престол занял Его Святейшество Папа Григорий Девятый, до этого светлого дня осталось совсем немного...

Вспоминая о церемонии посвящения, Жак снова вернулся в сегодняшний день. Колокола наконец отзвонили, и на город опустилась праздничная тишина. Двери, ведущие в трапезную, распахнулись, и туда, привлеченные ароматами праздничного обеда, уже потянулись самые нетерпеливые.

– Слушай, брат-сержант, – подмигнул Жаку Робер, – а может, к дьяволу эту мясную кашу? Кормят здесь сытно и обильно, ничего сказать не могу, да только повар, похоже, еще в раннем детстве себе язык обварил и теперь не чувствует, что его стряпня то пересолена так, что скулы сводит, то пресна, словно постная вечеря. Давай-ка ради праздничка съездим пообедать где-нибудь в Монмазаре. До заступления в караул еще полдня.

После посвящения в орден им было разрешено ненадолго покидать обитель. Деньги у приятелей благодаря возвращенному векселю водились, и они, пользуясь всеми преимуществами своего положения, время от времени устраивали себе, как говорил Робер, «скромный отдых по высшему разряду».

– Ну, я не против, – ответил Жак. – Только вряд ли где сегодня свободное место найдем. Город забит приезжими.

– Не дрейфь! – хлопнул его по плечу неунывающий рыцарь. – Раз так, то отправимся к Магистерской башне. Там, в «Черном тамплиере», для нас всегда отыщется и свободный столик, и кувшин лучшего вина.

Одна из лучших в городе таверн получила свое название благодаря легенде, которые, как известно, очень любят рассказывать доверчивым пилигримам коренные жители Заморья. Поговаривали, что сам хозяин таверны, крещеный сарацин Азии, специально приплачивает лучшим городским краснобаям, чтобы они в своих историях упоминали его заведение, тем самым привлекая к нему посетителей.

Начало этой истории рассказчики относили еще к тем далеким временам, когда Иерусалимским королевством правил Балдуин Прокаженный. Именно тогда юный бретонский рыцарь по имени Годдар, родом из Жизора, горя желанием сражаться за веру, вступил в орден тамплиеров и отправился в Святую Землю. Там он прославился многими подвигами, участвовал в битве при Монжизаре и вскоре дослужился до командора. Но в это самое время на христиан пошел войной грозный Саладин. К тому времени отважный король Балдуин уже умер, и в Заморье правил муж принцессы Сибиллы Ги де Лузиньян. Он собрал всех рыцарей, которые имелись в королевстве, и дал Саладину бой у Хаттинского Рога. Три дня и три ночи длилось кровопролитное сражение. Бог отступился от крестоносцев за их грехи и слабую веру – все войско короля Иерусалимского полегло. Командор Годдар, защищая королевский штандарт, бился до самого конца, был ранен сарацинской стрелой и пал на землю. Когда он очнулся, сражение уже завершилось и на поле, покрытое телами павших воинов, опустилась ночь. Истекая кровью и страдая от жажды, Годдар пополз к колодцу. Рана его была глубокой, он двигался с огромным трудом. Добрался до воды он только к утру и, едва утолив жажду, впал в беспамятство.

Он снова очнулся под вечер и увидел перед собой юную сарацинку. Девушки прекраснее Годдар не встречал в своей жизни. Сарацинка повесила ему на шею золотой амулет, и тамплиер почувствовал, как силы возвращаются к нему. С ее помощью он добрался до пещеры, скрытой в глубине холма, и спрятался в ней. Эта юная сарацинка была дочерью самого Саладина. Годдар,

даже покрытый глубокими ранами, был молод и красив, и она влюбилась в тамплиера с первого взгляда.

Рана рыцаря была тяжелой, и он, выздоравливая, провел в пещере долгие месяцы. Сарацинская принцесса часто к нему навещалась, привозила изысканные яства, вела с ним беседы и танцевала перед ним, словно гурия в раю у неверных. Конечно же, вскоре и Годдар воспылал к ней страстью. Не единожды он, охваченный любовным томлением, хотел разделить с ней ложе, но сарацинка блюла невинность и отказывала крестоносцу.

Годдар в конце концов полностью оправился и покинул свое убежище. Это было как раз в то время, когда в Святую Землю прибыл с крестоносным войском английский король Ричард Львиное Сердце. Слово освободившись от наваждения, Годдар вспомнил о своих монашеских обетах, простился с принцессой и отправился под стены Акры, чтобы сражаться вместе с Ричардом. Но сарацинка не вынесла разлуки и отправилась вслед за ним. А нужно сказать, что дочь Саладина была обучена черной магии, и амулет, который она повесила на шею Годдару, обладал волшебной силой – он уберегал тамплиера от смерти и всегда показывал колдунье, где находится ее суженый.

Акра была наконец взята, Ричард Львиное Сердце готовился к походу на Иерусалим, а вместо погибшего в бою Жерара де Ридфора великим магистром тамплиеров был избран Воламонд. А надо сказать, что Воламонд этот был сыном графа Жизорского, знал с черной магией и с самого детства ненавидел Годдара.

И вот однажды сарацинка, мечтая о свидании с любимым, тайно пробралась в Магистерскую башню. Но Воламонд при помощи волшебного зелья прознал, кто она такая, обрадовался, схватил стеноящую девушку за волосы и поволок по лестнице наверх, чтобы выбросить с высоты прямо в море. Но тут им навстречу попался Годдар. Узнав в пленнице свою спасительницу, он разъярился настолько, что вытащил меч и пронзил Воламонду сердце.

Ночь Годдар и сарацинка провели вдвоем, рядом с остывающим телом великого магистра. Сарацинка уступила тамплиеру, и они удовлетворили свою страсть, после чего девушка покинула башню через тайный ход.

Наутро Годдар предстал перед судом короля Ричарда. Воламонд был любимцем Львиного Сердца, и тот, разъяренный поступком командора, приказал вывести его к подножию Магистерской башни и заколоть кинжалом. Слуги короля исполнили приказ – они пронзили сердце тамплиера на том самом месте, где сейчас находится таверна. По приказу Ричарда тело, в назидание другим, не похоронили, а оставили на месте казни. Узнав о смерти Годдара, сарацинка в ту же ночь пробралась в Магистерскую башню, взобралась на самый верх и бросилась вниз, прямо на то место, где лежало бездыханное тело любимого.

Утром их нашли там вдвоем и хотели похоронить. Но тело Годдара под воздействием волшебного талисмана почернело как смоль – это смерть сарацинской принцессы разбудила древнее заклятие. На следующую ночь над городом разразилась страшная гроза. Молнии били в башню и вокруг нее, а над городом носились, хохоча, черные тени. Наутро на месте гибели Годдара и сарацинки осталось лишь пятно выжженной земли.

Как объясняют арабские звездочеты, сарацинку как колдунью нечистый забрал к себе в преисподнюю, а тамплиер благодаря амулету остался на земле, но превратился в нежить. Еще говорят, что с тех пор в полнолуние он бродит вокруг Магистерской башни в поисках своей любимой и зажигает вокруг холодные синие огоньки. А заклятие это будет разрушено тогда, когда христиане возвратят Святой град и найдется рыцарь, что первый поклонится Гробу Господню, имея при себе меч, сразится с Черным тамплиером и сорвет с его шеи страшный талисман...

Каждое полнолуние таверна Азми была забита до отказа желающими поглядеть на Черного

тамплиера. Но, несмотря на двусмысленную славу этого места, столы здесь всегда сверкали от чистоты, а блюда, которые готовили два пожилых ливанца, пользовались большим успехом у тех, кто знал толк во вкусной еде. Законопослушный хозяин был преисполнен почтения к иерусалимским гербам, он принимал братьев Святого Гроба за важных королевских сановников и всегда предоставлял им лучшее место в обеденном зале.

Надо ли говорить, что все названия блюд так или иначе были связаны с тамплиерской легендой. Друзья, удобно разместившись у открытого окна, немедля получили кувшин сладкого тамплиерского вина «Командария», острую приправу «Сарацинский талисман» и маринованную рыбу под названием «Дочь Саладина». Лично обслуживающий их хозяин посоветовал в качестве основного блюда заказать жаркое «Тамплиер Годдар» и тушеную баранину «Валамонд», что они и сделали с огромным удовольствием.

Жак и Робер уже завершали трапезу, отдавая должное пирогу под названием «Магистерская башня» и краем уха прислушиваясь к тому, как один из нанятых краснобаев, не жалея красок, рассказывал сто раз уже слышанную историю развесившему уши болонскому мельнику, как вдруг тяжелая двустворчатая дверь растворилась от мощного пинка, словно плетенная из лозы калитка, и на пороге появился Недобитый Скальд.

На поясе у него, как обычно, болталось несколько разномастных булав, а мощный торс гентского рыцаря был затянут в посеребренную кольчугу, которую прикрывал темно-лиловый сюрко с эмблемами личного эскадрона коннетабля, или, на новый манер, бальи Иерусалимского королевства. Продолжая стоять в дверях, он обвел весь зал тяжелым оценивающим взглядом, словно прикидывая, кого бы из присутствующих «вежливо попросить», чтобы освободить себе столик. Но, разглядев в дальнем конце Жака с Робером, гигант сразу же просиял.

– Так и знал, что именно здесь вас застану! – громыхнул он на всю таверну и, не особо разбирая дороги, двинулся к ним.

Как выяснилось, Недобитый Скальд пришел не с пустыми руками. Он держал за шиворот и без малейших видимых усилий волочил за собой какого-то очень запыленного и изрядно побитого человека.

Скальд оказался в Акре немногим позже Жака и Робера. Несмотря на то что в день казни он не успел выручить друзей, вассальную клятву, данную им королевскому бальи, всесильному Томмазо д'Арчерра, никто отменять и не думал, и ему пришлось возглавить рыцарский эскадрон. И, хотя Недобитый Скальд имел все, чего только может пожелать рыцарь, – собственные апартаменты во дворце, пять коней, двух оруженосцев и трех слуг, – сердце его продолжало тосковать по родному Генту. Он попросил дворцового писца сделать ему особую тонкую жердь и нанести на нее насечки, число которых совпадало с количеством дней, оставшихся до праздника святого Михаила – срока, когда истекала его вассальная присяга. Ежевечерне он отсекал мечом по зарубке, искренне радуясь тому, что жердь становится все короче и короче.

Скальд, то и дело задевая своей ношей за лавки и столы, добрался до друзей.

– Ну, приятель, ты как всегда с подарком, – вместо приветствия произнес Робер.

– А то как же! – ответил гигант, швыряя под ноги свою добычу.

Упавший тихо заскулил, с трудом поднялся на четвереньки и повернулся к ним лицом.

– Крест Честной и святые угодники! – охнул Робер.

У Жака широко раскрылись глаза. В нечесаном оборванце он с огромным трудом узнал жонглера Рембо.

– Где ты его нашел, сир рыцарь? – спросил он чуть не лопающегося от самодовольства Скальда.

– Так я же в Тире был вместе с сеньором Томмазо, – ответил Недобитый Скальд,

подозрительно оглядывая предложенный стул, который, по его мнению, мог и не выдержать его веса. – Еду я по улице, гляжу – идет навстречу. Подайте, говорит, инвалиду, герою осады Акры. Сами мы, говорит, не местные, отстали от галеры... Тут я его сграбастал да поговорил по душам. Как, вопрошаю, ты, мошенник, до жизни такой докатился? Вот он мне и поведал, что после неудавшейся казни барон Ибелин – Жак Старый так разъярился, что приказал всыпать ему полсотни плетей и вышвырнул на улицу. Лютню ему, помнится, еще ты, Робер, разбил, а тирские жители жонглеру навет на вас с Жаком не простили. Так что все это время, не имея ни денег, ни еды, он ночевал на базаре да жил случайными подаяниями. Ну, я и подумал: возьму-ка его с собой, то-то друзья порадуются.

– Спасибо, конечно, сир, – пробормотал Жак, разглядывая бывшего жонглера с нескрываемым сочувствием, – да только на кой ляд он нам теперь сдался?

– Ну, я свое дело сделал. – Скальд с удовольствием отставил хлипкий стул – из кухни к ним бежал сам хозяин, держа в руках мощный табурет, который, похоже, мог выдержать не только огромного рыцаря в железном доспехе, но и слоновью тушу. – Ваш обидчик, вы и решайте.

– А я-то сегодня утром как раз и думал, на ком мне в стрельбе из лука попрактиковаться, – подмигнув друзьям, задумчиво сказал Робер. – Вот что, сир Скальд, ты его пока привяжи где-нибудь неподалеку, а мы пообедаем да поедem на стрельбище, к старому городу. Бегаёт он быстро, помню, это как раз то, что требуется моим...

– Не нужно к старому городу. – Жонглер встал на колени и сложил руки в безысходной мольбе. – Каюсь, господа рыцари, грешен перед вами, нечистый попутал. И обокрал я вас, и оболгал, что было, то было. Но Господь меня наказал уже за мою подлость, и такого наказания, клянусь, я бы и врагу не пожелал. Сохраните мне жизнь, и я буду преданным вашим рабом!

Приятель переглянулись. Недобитый Скальд пожал плечами, мол, делайте что хотите, Жак сочувственно кивнул, а Робер довольно сверкнул глазами и сердито насупил брови.

– Деньги у тебя есть, мошенник? – ни с того ни с сего спросил он у жонглера.

– Ни полушки, сир! – ответил, чуть не плача, Рембо. – Но ежели у меня будет разрешение выступать на здешней ярмарке, так я вам отработаю и верну столько, сколько скажете...

– Нужны мне твои гроши, дурак! – оскорбленно рявкнул Робер. – Вот тебе полдирхема, и мухой лети в пизанские бани – они самые дешевые, как раз для такой голи перекатной. Там смоешь с себя всю грязь, постираешь обноски, подстрижешься, а к заходу солнца прибудешь в квартал патриарха. Я там как раз буду караул сменять. Ежели вдруг задержусь – скажешь страже у ворот, что ты новый слуга брата Робера.

– Бог тебя вознаградит за твое благородство, сир достославный рыцарь. – Рембо, за время нищенства растерявший все свое жонглерское достоинство, попытался поцеловать Роберу руку, но тот безгласно отстранился.

Не веря своему счастью, провансалец по-мужицки засунул серебряную монетку за щеку, еще раз рассыпался в благодарностях и исчез за дверью.

– Вернется, как ты думаешь? – спросил Недобитый Скальд, разливая вино по глиняным кружкам.

– Конечно, – ответил Робер, придерживая горлышко, чтобы налилось побольше, – а куда ему еще деваться?

– Злой ты человек, – вздохнул Скальд, – проявил бы милосердие да отсекай бедолаге голову. А так будешь в страхе держать, пока он сам не изведет себя до смерти.

– Да не нужен мне его страх, – опустошив кружку и обтирая усы, ответил де Мерлан. – Когда мы с Жаком вначале лишились векселя, а затем, по несчастному стечению обстоятельств, и всех оставшихся денег, я спал и видел, как этот прощелыга по вечерам стягивает с меня сапоги. Вот, стало быть, сон-то вещим оказался. К тому же, кто его знает, как жизнь

повернется, – пусть лучше пока побудет на глазах. Так от него, пожалуй, поменьше пакостей можно будет ожидать. А слуга мне и в самом деле нужен.

– Что-то мы редко тебя видим, сир рыцарь, – чуть пригубив из своей кружки, произнес Жак, – все в трудах, поди, все в заботах?

– Да что я, – отозвался рыцарь, единым махом уплетая половину «Магистерской башни», – это моему бальи на месте не сидится. Где мы с ним за это время только ни побывали – и в Тире, и в Триполи, и в Антиохии, и даже в Газе и Дамас... – поняв, что сболтнул лишнего, Скальд выпучил глаза и сделал вид, что подавился пирогом.

Жак и Робер тоже, в свою очередь, сделали вид, что полностью поглощены вином: в капитуле Святого Гроба было давно известно, что бальи; граф Томмазо, выполняя приказы Фридриха, ведет непонятные переговоры одновременно с двумя враждующими между собой султанами – аль-Муаззамом дамасским и аль-Камиллом каирским. Томмазо Д'Арчерра чуть не каждый день то принимал у себя сарацинских послов, то, наоборот, получив с посыльным султанский фирман, в сопровождении эскадрона, возглавляемого Скальдом, отправлялся во владения Айюбидов. Но так как они волею судьбы оказались во враждующих лагерях, между гентским рыцарем и братьями Святого Гроба было заключено негласное соглашение – при встречах не делиться друг с другом никакими секретами враждующих партий.

– Как там Хафиза? – переводя беседу в другое русло, спросил Робер.

– Да нормально, – фальшиво прокашливаясь, ответил Скальд. – Деньги, тобой переданные, ей вручил и, как ты велел, передал на словах, чтобы она у соседей оливковую рощу откупила. А она расплакалась и сказала, что готова все, что у нее есть, отдать, лишь бы Робер-бек снова был вместе с ней.

– А про Витторию ди Корлеоне удалось что-нибудь узнать? – поинтересовался Жак.

– Увы... – вздохнул Недобитый Скальд, выливая в свою бездонную глотку очередную кружку вина. – Ни в Тире, ни в Триполи, ни в Антиохии никому неизвестно, куда после вашей несостоявшейся казни пропала Виттория. Ходят неясные слухи, что она вместе с германскими рыцарями, которые устали ждать начала войны, возвратилась в Европу. Да, кстати! Будучи проездом в Яффе, повстречал я и мастера Грига. Мы с ним и еще с вашим старым знакомым, монахом бенедиктинского монастыря, очень недурно посидели в тамошнем заведении. Отличный человек ваш киликиец, хоть и пьет всякую гадость. Он просил передать, что очень сожалеет, но не имеет ни дня для того, чтобы заглянуть в Акру. Его гильдии поручено, помимо Яффы, еще и укрепление тевтонского замка Монфор, поэтому дел у него до завершения строительства неуворот. Кстати, этот монах уже сумел дослужиться до чина ризничего. В Яффе говорят, что в этом ему посодействовали каноники Гроба Господня...

– Этот мастер Григ, – нахмурился Робер, – когда выпьет, болтает много лишнего. Знать ничего мы с Жаком не знаем, ведать не ведаем...

– Вот вы где, братья, – раздался вдруг встревоженный голос – перед ними стоял брат-сержант из отряда Робера, – а я вас по всему городу обыскался. Приор Сен-Жермен только что возвратился в Акру и немедленно требует вас к себе.

Глава одиннадцатая, в которой старые друзья раскрываются с совершенно неожиданной стороны

*Акра, 1228 г. от Р.Х., день Святого Духа —
пятница попраздненства дня Иоанна Крестителя*

(15 мая – 30 июня).

Сен-Жермен сидел за столом, над которым высилась гора неразобранных документов. Держа в руке перо, он быстро просматривал очередной пергамент, советовался вполголоса со своим секретарем, делал пометки и откладывал прочитанное в сторону. При виде Жака и Робера он поднялся со стула с высокой спинкой, отпустил помощников и подозвал вновь прибывших к окну.

Казалось, что за те четыре месяца, которые прошли со дня их последней встречи, приор постарел лет на десять. Дорожное платье, которое он не успел сменить, было измято и покрыто пылью, седых волос на его голове стало намного больше, поперек лба пролегла глубокая складка, а лицо носило печать усталости.

– Сожалею, братья, что не мог присутствовать на вашей инициации. – Он поглядел на рыцаря и сержанта, и взгляд его, до этого жесткий, почти колющий, стал мягче и светлее. – Я как глава рыцарей Святого Гроба от всей души приветствую вас в наших рядах, да будет ваше служение славным и доблестным. Я знаю, сейчас у вас на языке вертится множество вопросов. Со временем, по мере вовлечения в дела ордена, вы получите исчерпывающие ответы на все ваши вопросы. Некоторые вещи вы узнаете и сегодня. Но прежде всего я сам хочу вас спросить. Чем была вызвана такая ненависть к вам со стороны сеньоры Виттории? Чего она хотела добиться, подстраивая вашу казнь?

– Вы позволите, мессир? – оглянувшись на Робера и получив его молчаливое согласие, негромко ответил Жак.

– Говори, брат-сержант, – ободрительно кивнул приор.

– По пути из Марселлоса в Акру со мной и братом Робером произошла странная история. В ночь во время перехода от Неаполя до Мессины я прогуливался по палубе и, сам того не желая, стал свидетелем загадочного убийства. Слуги сеньоры Виттории Корлеоне закололи кинжалом какого-то человека и собирались выбросить его за борт. Завидев меня, они решили избавиться от случайного свидетеля, но, к счастью, на палубу поднялся де Мерлан.

– Совершенно верно, мессир, – вмешался брат-рыцарь. – Выхожу я, значит, и вижу, что мой попутчик бежит, словно загнанный олень, а за ним по пятам двое с фальшонами. Ну, я их попросил, значит, чтобы оставили приятеля в покое, а они не послушались. Пришлось их там же, стало быть, и положить...

– Бы не помните, как выглядел убитый человек? – спросил вдруг приор.

– Была ночь, и я его толком разглядеть-то не успел, – ответил Жак. – Невысокий, мне примерно по глаза, пальцы тонкие, одет был в дорогое платье с серебряным шитьем... Голос у него высокий, хотя трудно сказать – он скорее не говорил, а хрипел...

– Все сходится, – прошептал Сен-Жермен. – Что еще ты увидел, брат-сержант? Вспоминай все, каждую мелочь.

– У него на пальце было кольцо...

– Какое? На что похоже? – Сен-Жермен прищурил глаза и задвигал желваками.

– Вспомнил! – Лицо Жака просияло, затем глаза его округлились от удивления. – Это был перстень, на котором вытеснена эмблема Святого Гроба.

– Такая? – Приор вытянул вперед правую руку.

– Точно такая же, – подтвердил Жак.

– Значит, это действительно был Базил, да упокоит Господь его душу. – Лицо приора помрачнело. Он, словно забыв о присутствии Жака и Робера, долго смотрел в окно.

– Осмелюсь заметить, мессир, – после долгой паузы тихо произнес Робер, – что вы совершенно правы. Как нам сообщил помощник капитана, этот человек был записан в портовой

книге именно как Базил из Реймса.

– Это был мой друг, францисканец, тайный посланник епископа-кардинала Уголино ди Сеньи, нынешнего папы Григория. Прodelать длинный, полный опасностей путь и погибнуть, находясь в двух шагах от цели...

Друзья, понимая, что приор разговаривает не с ними, а сам с собой, молчали, затаив дыхание.

– Но ты не все рассказал мне, брат-сержант. – Приор резко отвернулся от окна, и Жак вздрогнул от неожиданности. – Ты слышал голос Базила, точно определил его рост и мог рассмотреть его руки. Рассказывайте все, что знаете. Тайна, которой вы овладели сами того не желая, вам не принадлежит.

– Вы правы, мессир, – ответил Жак, – перед тем как быть сброшенным за борт, этот человек попытался убежать. Он вырвался, подскочил ко мне и успел произнести непонятную фразу.

– Что еще? – спросил приор. – Видит бог, ваше спасение в Тире оказалось далеко не случайностью: Рассказывайте обо всем, что видели, слышали и знаете. Не упускайте ни малейших подробностей, даже тех, что кажутся вам малозначительными. После этого я постараюсь объяснить, в какую историю вы оказались вовлечены.

Друзья, перебивая и поправляя друг друга, рассказали все, что произошло с ними начиная от Мессины и до гибели сицилийца. Сен-Жермен слушал, не перебивая и не задавая вопросов. Только время от времени приор покачивал головой, словно удивляясь тому, как приятелям удалось остаться целыми и невредимыми до того дня, когда на стол к патриарху Иерусалима легло письмо монаха-бенедиктинца. Единственное, о чем они оба, не сговариваясь, промолчали, были события, произошедшие в ночь перед несостоявшейся казнью...

– О том, что произошло после того, как вы прибыли в Акру, мне хорошо известно. Теперь, до того как мы продолжим, ответьте мне на три вопроса. Первый – почему вы не согласились поделиться тайной с Витторией? Ведь она вам предлагала за нее гораздо больше, чем жизнь. Мне известно, что она обещала каждому из вас благорасположение императора Фридриха", военную службу и свое тело.

– Не знаю, как Жак, мессир, – вскинулся Робер, – а я отвечу за себя. Я рыцарь, стало быть, человек военный и в шпионских играх не искушен. А служить у бабенки, которой отдать приказ человека зарезать – что, простите великодушно, до ветру сходить, желания у меня никакого. Тело свое она и так направо и налево всем предлагает, так что тоже невелика награда. Но это все полбеда. Положа руку на сердце, я бы тогда, когда она мне службу предлагала, и не стал ерепениться, да только ей непременно понадобилось Жака жизни лишить. Чтобы, значит, кровью друга меня к себе намертво привязать. Как вы считаете, мессир, сколько времени прошло после подобного ее предложения, до того как я ответил ей «нет»?

– Думаю, что не очень много, – улыбнулся приор. – А у тебя, брат-сержант, я так понимаю, были точно такие же соображения?

– Я хоть по происхождению и виллан, – немного подумав, ответил Жак, – но тем не менее не привык предавать друзей. До того как донна Биттория пожелала осчастливить меня своей милостью, сир Робер несколько раз спасал меня от верной смерти.

– Мне понятны ваши поступки, – кивнул головой приор, – и ваш рассказ в очередной раз меня убеждает, что, приняв вас в орден, я поступил более чем правильно. Теперь расскажи мне, брат-сержант, что произнес перед смертью Базил?

– Я не смогу повторить эту фразу, мессир, – помрачнел Жак, – я уже пробовал это сделать не единожды, но у меня ничего не вышло. Правда, нечто подобное я слышал, когда нас вели к месту казни.

– Ладно, – кивнул приор, – пока отложим это. Теперь последний вопрос. Где сейчас та

половинка монеты, которую вы нашли в каюте?

– Вот она, мессир! – Де Мерлан вытащил из ножек меч, взялся за хвостовую петлю, открутил головку эфеса и наклонил его над столом. Сверкнув на солнце, на лежащих в беспорядке пергаменты упала половина монгольской монеты.

Сен-Жермен поднял монету, внимательно ее разглядел и удовлетворенно кивнул головой:

– Да, это то, чего мы ждали долгие годы. Теперь я расскажу вам, почему подручные императора Фридриха так хотели заполучить этот предмет...

Все началось шестнадцать лет назад, когда два военачальника, Бонифасио де Монферрат и Балдуин Фландрский, отвоевали у греков Константинополь. Известно, что трофеи, взятые в городе, обогатили участников похода, и в Европу хлынули целые потоки драгоценностей и церковных святынь. Многие знают и о том, что после избрания константинопольским императором Балдуина Фландрского в Рим отправился его посланник, тамплиер, командор Ломбардии брат Бароцци, который вез официальное сообщение об организации новой Латинской империи. Помимо послания брат Бароцци вез с собой богатые дары – драгоценности, золото, книги. Но почти никто не знает о том, что главным даром папе Иннокентию Третьему оказался архив тайной дипломатии басилевсов.

Изучая этот архив, папа Иннокентий узнал, что далеко на Востоке зарождается новая империя, которую создает предводитель кочевников, живущих к северу от Китая. Что предводителя этого зовут Темучин, и, что самое главное, большую часть его ближайшего окружения составляют христиане.

До Святого престола и раньше доходили неясные слухи о некоем христианском царстве пресвитера Иоанна, но были эти слухи неясными, противоречивыми и больше напоминали сказки, на которые так падка чернь во все времена. Но здесь было совсем иное. В точных и хорошо систематизированных сообщениях многочисленных агентов – купцов, воинов-наемников, ремесленников, – которые рисковали добираться до самых границ обитаемого мира, было подробно описано, какие племена и народы исповедуют веру в Христа по несторианскому обряду, какие правители склонны к обращению и как следует действовать греческим императорам, дабы обратить это к своей пользе.

Не прошло и трех лет, как в Латеранский дворец пришла весть, что у воинственных монгольских племен, вечно враждовавших друг с другом, появился единый правитель. Тот самый Темучин, уничтожив в жестоких кровопролитных войнах всех своих врагов, получил на собрании всех монгольских вождей – курултае – титул великого хана, Чингисхана. Узнав об этом, Иннокентий немедленно направил к Темучину своего посланника с поздравлениями и предложением дружбы. Тот прислал в ответ очень уважительное письмо, в котором выражал свое восхищение главой христианского мира. Иннокентий понял, что у Рима есть шанс заполучить в тылу у мусульман могущественного союзника.

Для переговоров и миссионерской деятельности среди восточных христиан Иннокентий учредил орден Святого Франциска, так же, как для борьбы с ересями в Европе было утверждено братство святого Доминика.

Прошло несколько лет, и Чингисхан, неожиданно для всех проведя несколько молниеносных походов, завоевал Китайское царство. Теперь он был уже не предводителем кочевых племен, а настоящим императором. Именно тогда к нему прибыло тайное посольство францисканцев. Доверенный представитель Иннокентия провел в шатре Темучина долгие дни, рассказывая ему о христианском мире. Новый монгольский император оказался человеком редкого ума и проницательности. Он вслед за Иннокентием также оценил все преимущества союза монгольских туменов и крестоносной армии.

В 1215 году Иннокентий собрал Латеранский собор, одним из тайных решений которого

было одобрение союза с монголами для уничтожения исламских государств. Договор, который заключили папа и Чингисхан, говорил о том что монголы сокрушат Хорезмское царство, Багдадский халифат, возьмут Дамаск и выйдут к Средиземному (как сказано было в договоре – последнему) морю. В это же время крестоносцы овладеют Тунисом, Нубией и Египтом. Темучин обещал, что после этого он изменит свой закон, Яссу, где говорится, что монгольские ханы не могут обращаться в христианство, сам же будет крещен в Иордане, помазан на царствование папой в Иерусалиме и примет титул христианского императора Востока. Начало похода было определено в 1217 году.

Но папа Иннокентий Третий, самый выдающийся понтифик после Григория Седьмого, человек, которому приносили вассальную присягу первые христианские монархи, который чуть было не превратил Святой престол в царский престол Европы, скончался от лихорадки в возрасте всего пятидесяти четырех лет. Преемником Иннокентия и продолжателем его дела должен был стать его родной племянник Уголино. Но...

Через две недели после того, как душа понтифика вознеслась к небесам, девятнадцать кардиналов, составляющих конклав, приехали в Перуджу, город, в котором он скончался. Сразу же выяснилось, что дело Иннокентия имеет множество противников. Уголино ди Сеньи, который занимал тогда пост кардинала Остии, был противопоставлен Гвидо Пренсти – главе партии, которая, опасаясь растущего могущества монголов, не желала союза с Чингисханом. Голоса разделились примерно поровну, и ни один кандидат не смог получить перевес, пока в дело не вмешался двадцатидвухлетний император Фридрих Гогенштауфен. Пообещав свою поддержку одновременно обеим партиям, он предложил в качестве компромисса избрать своего бывшего наставника – Ченчио Савелли. Это был пожилой человек, имевший невластный, уступчивый характер. Как обычно бывает в подобных случаях, обе партии решили, что слабый понтифик станет послушным орудием именно в их руках, и вскоре Ченчио Савелли был инаугурирован под апостольским именем Гонория Третьего.

Но, к ужасу обеих противоборствующих партий, которые сходились в том, что войну за Святую Землю необходимо продолжать, но не могли договориться, какими средствами ее вести – в союзе с монголами или без них, выяснилось, что Фридрих Гогенштауфен имеет собственный, совершенно отличный от Рима, взгляд на будущее Латинского Востока. Император, выросший на Сицилии, несмотря на то что с раннего детства был окружен католическими наставниками и учителями, проникся духом веротерпимости, которым еще со времен нормандского завоевания славится эта земля, и, что намного страшнее, стал ярким поклонником мусульманской культуры. Будучи широко образованным человеком, Фридрих переписывался с арабскими мудрецами, обсуждал философские и математические трактаты. Он собрал при дворе в Палермо итальянских, греческих, еврейских и арабских ученых, при нем переводились на латынь арабские рукописи. Мог ли такой монарх желать полного уничтожения культуры исламского Востока, которую он почитал выше христианской культуры? Конечно, нет. Поэтому все десять лет понтификата Гонория превратились в нескончаемую череду задержек с организацией похода и компромиссов императора с папой. Влияние Фридриха на Гонория было столь большим, что при дворе в Палермо его стали называть «королем пап». Это прозвище быстро распространилось по всему христианскому миру, но оно не соответствовало истине – папу буквально разрывали на части враждующие партии. Это легко увидеть, если проследить все его буллы и энциклики. Зная, что происходило на самом деле, можно ясно увидеть, что Гонорий безропотно подписывал все бумаги, которые ему подавала и одна и другая сторона, за исключением тех, что могли напрямую разозлить императора.

Партия Гвидо, желающая во что бы то ни стало овладеть Каиром, Иерусалимом и Дамаском до прихода в Сирию монгольских орд, добившись назначения легатом своего представителя,

кардинала Пелагия, организовала две военные экспедиции – поход венгерского короля в Сирию, а затем и франкского войска в Египет. Первая кампания не принесла никаких успехов, вторая же, хоть и привела к взятию ключевой крепости Нила – Дамьетты, впоследствии завершилась полным крахом. С другой стороны, кардинал Уголино и его сторонники продолжали втайне поддерживать связь с Чингисханом, постоянно обмениваясь посланиями. Темучин подтвердил все свои обещания и вскоре доказал крепость данного им слова на деле, сокрушив Хорезмийское царство.

Фридрих знал об этих переговорах и, понимая, что союз папы с монголами приведет к полному уничтожению ислама, всеми силами пытался их сорвать. Но имена посланников кардинала хранились в глубокой тайне, и многочисленные агенты императора никак не могли выйти на их след...

В кабинет на цыпочках вошел секретарь. Он приблизил-ся к приору и что-то нашептал ему на ухо.

– К сожалению, – сказал друзьям Сен-Жермен, – я вынужден прерваться, меня ожидает патриарх. Но разговор наш еще не закончен. Будьте поблизости, братья, как только я возвращусь, за вами пошлю.

Сен-Жермен забрал со стола какие-то документы, передал их секретарю и удалился. Вслед за ним покинули кабинет и Жак с Робером.

– Ну и дела... – спустившись по лестнице во двор, пробормотал де Мерлан. – А я-то думал, что папа – он и есть папа. Помню, когда Иннокентий умер, в кафедральном соборе заупокойная служба шла. Потом все радовались, когда Гонорий понтификом стал. А там, в Риме, оказывается, творится то же самое, что и при любом королевском дворе.

– Если я правильно понял все, что рассказал нам приор, – вслух рассуждал не менее пораженный услышанным Жак, – то мы, сами того не подозревая, вмешались в дела Рима и Палермо. Сен-Жермен говорил о веротерпимости германского императора. Но я не раз слышал разговоры о том, что Фридрих Гогенштауфен не просто хорошо относится к сарацинам, а является их ярым сторонником. Не зря же бальи, граф д'Арчерра, все время проводит в разъездах и переговорах то с Дамаском, то с Египтом.

Робер выложил на ладонь половинку монгольской монеты и стал внимательно ее рассматривать.

– Вот он, значит, какой, этот Чингисхан. Сарацины – особенно те, что приезжают из Багдада, – начинают дрожать при одном упоминании его имени. Говорят, что волна беженцев из Хорезма вскоре докатится и до Акры.

Сен-Жермен снова вызвал их к себе только под вечер. Приор выглядел еще более уставшим, чем в обед, – ему так и не удалось до сих пор даже переодеться.

– Теперь, – продолжил он, – я расскажу о событиях, которые непосредственно предшествовали вашему плаванию на нефе. И для того, чтобы стало понятным, как во все эти дела вовлечен орден Святого Гроба, я расскажу вам то, о чем вы до сих пор не могли слышать...

Как известно, все рыцари Святого Гроба погибли в битве на холмах Хаттина, защищая Честной Крест. Но папа Иннокентий, отчасти в награду за подвиг погибших братьев, отчасти для воплощения своих планов, сразу же после установления тайных сношений с монголами постановил, что орден Святого Гроба с приходом в Иерусалим и коронацией Чингисхана станет главной силой нового, христианского Востока. Братство рыцарей Святого Гроба было призвано встретить монгольского императора и провести его войско в Святой град. Для этого нам были предоставлены такие привилегии, что и не снились большим военным орденам – тамплиерам и

госпитальерам. Впрочем, в этом вы уже успели убедиться, когда я использовал право отменять смертные приговоры.

Иннокентий был дальновидным человеком. Наши привилегии он утвердил на Вселенском соборе, таким образом, его преемник Гонорий, при котором Вселенские соборы не проходили, оказался не в состоянии их отменить. В то время я, отпрыск одного из самых известных родов Аквитании, возглавлял охрану Его Святейшества. У его смертного одра в Перудже в последние часы присутствовали я, кардинал Уголино и мой друг Базил – посланник, который недавно вернулся с очередным письмом из ставки Чингисхана. Перед тем как папа навсегда закрыл глаза, мы трое поклялись, что исполним все, что он пообещал императору монголов.

Теперь вы понимаете, что внезапное вмешательство в дела римской курии императора Фридриха едва не свело на нет все наши планы. Базил уехал в Реймс и там скрывался от агентов императора. Кардинал Уголино уничтожил все документы, свидетельствующие о переговорах, а я, пользуясь покровительством патриарха, который был ярым сторонником Иннокентия, принял пост приора. Мой предшественник, мессир Алеман, достиг восьмидесятидвухлетнего возраста и, по обычаю ордена, удалился в альпийский монастырь, где и закончил свои дни в уединении и молитвах.

Хвала Всевышнему, монголы приняли неудачные походы сторонников кардинала Гвидо за выполнение папой своих обязательств. Но время шло, Чингисхан завершал усмирение непокоренных племен и народов Китая, и требовалось принимать решение – как поступить дальше. Тогда Базил вместе с миссией францисканцев убыл из Акры на Восток. Он вез послание от кардинала Уголино, в котором тот просил Чингисхана, чтобы он, когда будет готов начать поход к последнему морю, сообщил об этом через доверенного человека. Этот человек должен был ждать в условленном месте и иметь при себе пароль.

Шло время, все мыслимые и немыслимые сроки прошли, а Базил все не возвращался. Встревоженный кардинал начал осторожно наводить справки и выяснил, что на нашего посланника Фридрих открыл настоящую охоту. И главной гончей в этой травле, как вы уже, наверное, догадались, стала ваша знакомая, донна Виттория ди Корлеоне. Ей-то и было поручено выяснить, каким образом поддерживают связь кардинал Уголино и Темучин. После того как до Германии дошла весть о разгроме русских князей войском монгольского маршала Субедея, Виттория, пользуясь своим происхождением, отправилась на Русь, оттуда добралась до ставки монгольской армии и установила связь с кем-то из сыновей Чингисхана. От него-то ей и стало известно имя нашего посланника. Базил, зная, что его могут перехватить в Багдаде, отправился в Европу дальним северным путем. Он пересек степь, поднялся вверх по реке Итиль и через Владимир и Новгород приплыл в нормандские земли. Путь был неблизкий, а он, опасаясь шпионов, не рисковал сообщать нам о своем местонахождении. Он не знал, что все это время Виттория шла за ним буквально по пятам.

Развязка наступила тогда, когда Базил сел на неф, чтобы самым, как ему казалось, неожиданным путем, из Марселлоса, вернуться наконец в Акру. На третий день пути на него напали слуги императорской шпионки – страшные русские копейщики, но тут в дело вмешался не иначе как сам Господь Бог. Остальное вам известно. Виттория, желая завладеть паролем, пыталась вас сначала подкупить и соблазнить, затем напугать. Но промыслом Всевышнего вы оба не только сохранили тайну, но и стали братьями Святого Гроба.

Пусть это и звучит из моих уст святотатственно, но смерть Гонория стала для нас настоящим подарком судьбы. После поражений в Египте партия Гвидо потеряла почти всех сторонников, и кардинал Уголино без каких бы то ни было трудностей был избран папой под именем Григория Девятого.

Но все это время Фридрих не сидел сложа руки. Он женился на наследнице Иерусалимской

короны и отстранил от регентства ее отца, Иоанна де Бриенна. Затем император, уже как король Иерусалимский, отправил в Акру своего наместника, а сам начал собирать большое войско, чтобы совместно с султаном Египта ударить по Дамаску, а затем идти на Багдад. По тайному соглашению Палестина, Галилея, Сирия и Левант должны были перейти к Фридриху, а все остальные земли – египтянам. Этот план, если он будет осуществлен, сделает султанов Каира едиными владельцами всего мусульманского Востока и даст миру ислама небывалое могущество. Если монгольские ханы отойдут от христианства и примут учение Магомета, то через сто – двести лет, как утверждал Иннокентий, христианский мир ожидает волна новых вторжений. Поэтому Григорий сделал единственное, что он мог в сложившейся ситуации. Пользуясь надуманными предложениями, объявил, что Фридрих не исполнил своих обетов как крестоносец, и подверг его интердикту. Это дало нам отсрочку в полтора года, во время которой мы прояснили судьбу бедного Базила. Теперь, к счастью, мы сможем наконец отыскать и посланника Чингисхана.

Но есть одно обстоятельство, которое стало известным только во время моей поездки в Константинополь. Осенью прошлого года монгольский император умер.

– Значит, теперь договору папы с Чингисханом – конец? – Потрясенный услышанным, Робер тем не менее не утратил способность рассуждать здраво.

– В том-то и дело, что никому, даже в Монголии и Китае, толком ничего не известно, – ответил приор. – Ходят какие-то неясные слухи о торжественных языческих похоронах, но место погребения сохраняется в тайне.

– Интересно, и как это может быть, – почесал в затылке рыцарь, – чтобы похороны были торжественные, а где проходили – неизвестно?

– Да, в этом очень много неясного, – согласился Сен-Жермен, – тем более что слухи до нас доходят в основном от мусульман, через Багдад и Конию. Самое неприятное заключается в том, что сейчас к наследникам Чингисхана, желая привлечь их на свою сторону, посланы эмиссары императора Фридриха. Вот почему нам так важно встретиться с посланником – больше такой возможности у нас просто не будет.

Сен-Жермен и де Мерлан одновременно посмотрели на Жака. Тот съежился и потупил глаза.

– Нам нужно знать, что сказал тебе Базил! – положив ему руку на плечо, произнес приор. – Не торопись и попробуй вспомнить.

– Знаю лишь одно, – ответил Жак, – слова, похожие на те, что он сказал перед смертью, произнесли мосульские купцы в Тире. Я слышал, когда нас вели на казнь. Сам я их, сколько ни старался, произнести не мог – но если только услышу...

Сен-Жермен три раза хлопнул в ладоши, призывая секретаря.

– Вызовите брата Серпена, – распорядился приор, едва тот появился на пороге.

Секретарь растворился в воздухе.

– Сделаем так, – Сен-Жермен медленно подошел к окну, – с этой минуты вы втроем будете заниматься лишь поисками монгольского посланника. В вашем распоряжении все, что только может понадобиться, – люди, оружие, деньги. Но вы должны быть предельно осторожны – Акра наполнена императорскими людьми.

– Вы хотели видеть меня, мессир? – На пороге стоял брат Серпен.

– Да, брат-рыцарь. – Лицо Сен-Жермена немного просветлело. – Ты занимался подготовкой новых братьев. Что о них можешь сказать?

– Брат-рыцарь де Мерлан – великолепный воин, – ответил Серпен, – он быстро научился ускорять свои движения. Еще год, от силы полтора упорных тренировок – и ему не будет равных. У брата-сержанта Жака выучка, слов нет, послабее. Но могу твердо сказать: как и сир

Робер, он – прирожденный боец. У него твердая рука и холодная голова. Я с ним много занимаюсь, и он делает успехи прямо на глазах.

Жак за все время пребывания в братстве не слышал от Серпена ни единого слова одобрения и был до крайности польщен. Всем было хорошо известно, как скуп на похвалы этот рыцарь, и тем ценнее была для недавнего виллана его оценка.

– Ступайте, братья, – произнес Сен-Жермен, – и думайте, как выполнить поставленную задачу. Я же должен хотя бы немного отдохнуть – не спал две ночи на марше из Триполи, а завтра предстоит трудный день.

Не успели они втроем спуститься вниз по лестнице, как к Роберу подошел один из сержантов дневного караула:

– Брат де Мерлан, там у ворот дожидается какой-то простолюдин. Утверждает, что он – ваш новый слуга.

– Надо же, пришел все-таки, мерзавец, – прицокнул языком Робер. – Значит, жизнь его хоть чему-то да научила.

Достославный рыцарь двинулся в сторону ворот и вскоре вернулся вместе с Рембо. Отставной жонглер, похоже, и в самом деле получил хороший жизненный урок. Он выполнил в точности все распоряжения своего нового хозяина, вид имел покорный и даже пытался вернуть оставшуюся после бани мелочь.

– Это кто? – поинтересовался брат Серпен.

– Жонглер Рембо из Прованса, мой слуга! – Робер с размаху хлопнул беднягу по плечу, так что тот едва удержался на ногах. – Ладно, приятель, сейчас я тебя отведу в помещение для слуг и оруженосцев и поставлю на довольствие. Завтра чтобы чуть свет был при конюшне. Утром лошадей нужно будет промять. А дальше посмотрим, на что ты способен, кроме как на лютне брэнчать да шарить в чужих карманах.

По щеке жонглера, не надеявшегося на такую милость со стороны господ, которые благодаря ему чуть было не лишились жизни, покатилась слеза, и он едва не встал перед Робером на колени.

– Но-но! – прикрикнул на него рыцарь, удерживая верноподданнический порыв. – Подхалимов не переносу. Делай свое дело и отрабатывай причиненный ущерб. А поклоны будешь бить у алтаря, раскаиваясь в делах своей прошлой жизни.

Рембо был перепоручен одному из слуг брата-драпиария, ведающего всеми хозяйственными делами ордена, а Жак, Робер и Серпен отправились в подземный зал, чтобы потренироваться перед сном.

– Раз уж мессир объединил нас в отряд, – произнес брат Серпен, выбирая и отвечивая на руке учебный меч, – то, может быть, вы введете меня в курс всех событий?

– Несомненно, брат-рыцарь, – улыбнулся Робер, – только запасись терпением, разговор у нас будет очень долгий.

Наутро к ним в комнату зашел брат Серпен.

– Я всю ночь размышлял над вашей историей, – сказал он, присаживаясь на табурет, – и вот что хочу предложить. Раз Жак никак не может припомнить то, что услышал на нефе, мы просто обязаны ему помочь. А для этого, наверное, стоит прежде всего отправиться в Тир и хорошенько расспросить тех самых мосульских купцов.

– В Тир? – сразу же вскинулся Робер. – Отличная идея! Говорят, что Жан Ибелин туда часто наезжает. Ох, я там и устрою...

Жак представил, что учинит мстительный рыцарь, пользуясь преимуществами, которое давало его новое положение, и ему стало страшно.

– К сожалению, – улыбнулся в ответ Серпен, – мессир запретил вам обоим покидать

пределы Акры. – На сердце у Жака сразу же отлегло. – Я был рано утром на докладе. Чтобы не привлекать внимания врагов, Сен-Жермен приказал отправиться в Тир именно мне. Я собираюсь вместе с двумя или тремя конными сержантами выехать прямо сегодня. Поэтому, братья, потрудитесь мне сообщить, где именно находится эта лавка и как выглядел купец, который произнес столь важные для нашего дела слова.

– Лавка, где продают благовония и пряности, внутри городских стен только одна, – ответил Жак. – Ее по привилегии, дарованной еще самим Конрадом де Монферратом, держит семья ломбардских негоциантов. Но торгуют там не ломбардцы, а их компаньоны, арабы-мелькиты. Они-то и доставляют свой бесценный груз из Мосула, а миланцы везут его дальше – через Венецию и альпийские перевалы – в земли германцев и франков.

– Как выглядели эти купцы? – спросил Серпен.

– Как и все сирийские христиане, – пожал плечами Жак, – бородатые, в халатах, на голове чалма, золотые кресты на груди весом не меньше фунта, с цепями, которыми можно спокойно акрскую гавань перегораживать...

– Под такое описание подходит любой богатый купец Востока, – снова улыбнулся брат Серпен. – А были ли какие особые приметы?

– Да какие там приметы? – не выдержал Робер. – Моя Хафиза в этой лавке была чуть не главной покупательницей, я ее туда не раз сопровождал. Их главного зовут Салям, его и ищи.

* * *

Несмотря на то что до Тира было всего полтора дневных перегона, брат Серпен отсутствовал в Акре целых тринадцать дней. К концу второй недели мучительного ожидания Робер уж было собрался просить Сен-Жермена, чтобы он отпустил их на поиски пропавшего рыцаря, но к вечеру первого дня Петрова поста тот возвратился в патриарший квартал. Судя по всему, путешествие завершилось успешно, хоть и не было безмятежной прогулкой – вид у брата-рыцаря был усталый, но довольный, а один из сопровождавших его сержантов держал руку на перевязи. Жак и Робер, хоть оба и сгорали от любопытства, настояли на том, чтобы Серпен немного отдохнул с дороги, умылся и сменил дорожное платье.

Ближе к вечеру они собрались в беседке, расположенной в уединенном закрытом саду, куда был разрешен вход только патриарху и братьям ордена. Пройдя по аккуратной песчаной дорожке между пальмами и развесистыми земляничными деревьями, Серпен, Жак и Робер обнаружили там сервированный к полднику столик, вокруг которого хлопотал бывший жонглер. При их появлении он встал – руки по швам и, обращаясь к Роберу, четко, по-военному доложил:

– Все готово, брат-рыцарь, ваше приказание выполнено, стол подготовлен, порядок наведен. Как и наказывали, на столе ваза со свежими фруктами, ливанские сласти, вино из Киликии и кувшин родниковой воды. Чего еще изволят достопочтенные братья?

– Достопочтенные братья, – удовлетворенно буркнул Робер, – желают, чтобы ты исчез отсюда быстрее, чем убегал от меня по акрской набережной с векселем брата Жака.

– Ну вот, опять вы, сир, бьете по больному... – прохныкал Рембо, привычно увертываясь от оплеухи. – Я же искренно раскаялся и делаю все, что в моих силах, чтобы загладить свою вину.

Больше он ничего не успел сказать – пинок достославного рыцаря прекратил бесконечный спор и помог провансальцу выполнить команду.

– А не боитесь вы этого проходимца при себе держать? – поинтересовался Серпен. Он знал,

какую неблагоприятную роль сыграл в злоключениях рыцаря и сержанта новый слуга.

– Я тоже выражал сомнение, – поддержал его Жак, – да только сир Робер заявил, что, как сказал один сицилийский мудрец: «Держи друзей своих подле себя, а врагов – еще ближе». Вот и держим. Только пока не разобрались – друг или враг.

– Акра – город не такой уж и большой для тех, кто в нем живет, – добавил Робер, – здесь все как на ладони. Если он окажется «засланным пажом», то рано или поздно побежит на встречу со своими хозяевами. Тут-то мы его и раскроем. А пока пусть живет. Тем более что старается так, что и придраться не к чему. Я вон ему в венецианской фактории новую лютню заказал взамен разбитой. Вскоре должны привезти.

Убедившись, что их никто не подслушивает, братья приступили наконец к разговору.

– Задача оказалась не из легких, – начал свой рассказ Серпен. – В Тире-то я легко обнаружил нужную лавку. Но оказалось, что почтенные негоцианты Назар и Салам как раз отправились к себе домой, в Мосул, за очередной партией товара за три дня до нашего прибытия. Узнав, что они будут следовать более коротким, хоть и небезопасным, путем – через долину Иордана и левантийские перевалы, – мы немедленно пустились за ними вслед. Моля Господа, чтобы они не изменили маршрут, о котором объявили своим ломбардским компаньонам, рискуя загнать лошадей, я переправился через Иордан и вскоре настиг их на привале. К счастью, они везли с собой партию бронзовых подсвечников из Флоренции, и груженные верблюды двигались намного медленнее, чем кони. Наше появление ошеломило мелькитов. Люди они замкнутые, с чужаками откровенничать не любят. В Тире или Акре я бы, пользуясь своей властью, пригрозил им лишением торговой привилегии и в два счета развязал язык, но – увы! – мы уже находились за пределами Иерусалимского королевства, и наши державные кресты на плащах здесь, в землях пограничных эмиров, были скорее недостатком, чем преимуществом. Короче, Салам и Назар, хоть и с трудом, согласились, что в тот день стояли на пороге лавки и наблюдали за тем, как осужденных ведут на казнь, но наотрез отказались припомнить, какой фразой перебрались в тот самый момент, когда с ними поравнялась процессия. Как я ни бился, чего ни обещал – до глубокой ночи не выдавил из них ни слова. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Под утро на нас напали местные разбойники. Судя по десятку трупов, которые мы потом собрали вокруг лагеря, это не был мусульманский рейд. Среди отребья оказались и сирийцы, и арабы, и турки, и франки, словом, обычная волчья стая, каких много развелось в годы безвластия на нейтральных землях. Они обстреляли нас из луков и, думая, что имеют дело с обычной охраной караванов, решили воспользоваться своим многократным численным превосходством. Чтобы доказать бродягам, что настоящие воины бьют врага не числом, а умением, мне и моим сержантам понадобилось времени не больше, чем нужно хорошо разожженному костру для того, чтобы превратить в золу сухой просмоленный сук. Гораздо больше сил потребовало добивание рассеявшихся по кустам воителей.

Мелькиты, чудом спасшиеся от неминуемой гибели (разбойники свидетелей не оставляют, они не рискуют брать заложников для выкупа), справедливо рассудили, что раз братьев Святого Гроба им послал Господь, то и они должны всем, чем только возможно, оказывать нам помощь и поддержку. Сразу же выяснилось, почему они побоялись повторить сказанное тогда, хотя оба отлично помнили, о чем идет речь. Сирийские христиане, живущие испокон веку в мире с мусульманами, недолюбливают воинственных и нетерпимых франков и часто допускают по отношению к ним слова, которые можно счесть и оскорбительными. Вот и достопочтенный Салам решил, что кто-то услышал, как он крикнул через улицу достопочтенному Назару: «Блистательный Саладин казнил франкских пленников напротив одной из портовых башен и в нее же сбрасывал их тела. С тех пор она называется Башней мух!» Оба негоцианта как раз за

завтраком обсуждали все известные им случаи смертной казни в Святой Земле, да запаматовали историю осады Акры. Вот Салям, наблюдая за процессией, припомнил и поспешил поделиться с приятелем.

– Как это звучит по-арабски? – спросил заинтригованный Робер.

Серпен, за долгие годы жизни на Востоке освоивший основы этого наречия, произнес вслух цветистую фразу.

– Вспомнил! – закричал вдруг Жак. – Только Базил на нефе сказал не совсем то. Вот что я тогда услышал – слово в слово. – Он произнес четыре незнакомых слова.

– Четыре – луна – башня – мухи, – перевел Робер, который, в отличие от друга, за год жизни на Востоке освоил арабский почти в совершенстве. – Все понятно, что ничего непонятно. Ты ничего не перепутал, пейзаин? Как в этих словах может содержаться место и время встречи?

– Я думаю, – поднялся с места Серпен, – что мы немедленно должны сообщить об этом мессире. Он лучше, чем мы, сможет истолковать истинный смысл этих слов.

Сен-Жермен, несмотря на позднее время, принял их незамедлительно. Он, как и Робер, хорошо владел арабским. Расспросив еще раз Жака, а вслед за ним и Серпена, он немного подумал и улыбнулся. Это была первая улыбка, которую Жак увидел на его устах за все время знакомства с приором.

– Четыре луны, Башня мух, – произнес Сен-Жермен, – точнее, четвертая луна, Башня мух. Все очень просто. Это обозначает, что посланник ожидает нас каждое четвертое полнолуние здесь, в Акре, на расстоянии двух полетов стрелы от нас. Достопочтенный Назар был совершенно прав, со времен завоеваний Саладина эту башню прозвали Башня мух, или Мушинная башня.

Все четверо выглянули в окно и посмотрели на небо, где мерцал тонкий серпик молодой луны.

* * *

В конце длинного насыпного мола высилась старинная башня, замыкающая с востока вход в гавань, над которой, отбрасывая на гладь внутреннего рейда блестящую подрагивающую дорожку, висела тяжелая полная луна. В ее призрачно-мертвенном свете лицо Робера, сидящего напротив за столом, казалось Жаку мраморной маской, которую, впрочем, сильно оживляли недовольно шевелящиеся усы. Он в сотый раз огляделся по сторонам, тяжело вздохнул и подумал, что сидеть им в таверне «Черный тамплиер» на открытой террасе, с которой отлично просматривается и Башня мух, и ведущий к ней длинный мол, придется почти до самого утра.

– Третье полнолуние здесь торчим, а толку никакого, – словно уловив мысли своего друга, проворчал достославный рыцарь. – И вообще, мне эта затея нравится все меньше и меньше. Никакого посланника мы не дождемся. Разве что Черного тамплиера.

Жак после двух месяцев ожидания вполне разделял пессимизм своего приятеля. Он потянулся, поправил меч, с которым в последнее время не расставался даже во время прогулок по городу, и, оглядывая соседние столики, произнес:

– Может, еще чего-нибудь закажем, сир рыцарь, нам здесь еще долго силе... – Он осекся и, глядя в сторону Магистерской башни, вытаращил глаза.

На улице стояла непривычная для восточных ночей тишина, которую сегодня не нарушали ни крики вахтенных на кораблях, ни топот ног ночных прохожих, ни стрекотание неутомимых

и вездесущих цикад. Робер проследил за взглядом приятеля и нахмурился. Там, у подножия башни, выросла огромная черная тень, вокруг которой едва различимыми росчерками метались летучие мыши.

– Черный тамплиер! – донесся в полной тишине сдавленный голос из-за соседнего столика. Там ужинали только недавно прибывшие в Акру овернские паломники, которые определенно за несколько дней пребывания на Святой Земле успели послушаться местных баек...

– А вот это уже интересно, – пробормотал де Мерлан, не выявляя ни малейших признаков страха и удивления, – и не просто интересно, а ужасно интригующе. Сир рыцарь! Давненько не виделись. Какими судьбами?

– Привет, братья святогробцы! – разрушая чары, раздался громopodobный голос, и на веранду шагнул Недобитый Скальд. Темное платье, которое носила имперская гвардия, делало его действительно похожим на легендарное привидение.

При таком фамильярном именовании Жака и Робера перекосило, но они быстро справились с собой и изобразили на лицах приветливые улыбки. Глядя на криво ухмыляющегося Робера, Жак подумал, что тому намного лучше удавалось изображать жизнерадостность в день казни, чем сейчас. Оба они, конечно, были рады видеть старого боевого товарища, но трудно было признать удачным соседство капитана имперской гвардии именно здесь и сейчас.

– Действительно, сир! – произнес Жак, подвигаясь и освобождая гиганту место рядом с собой. – Никак не ожидали увидеть вас в такое время в таком месте.

– У меня в здешних местах есть небольшое дельце сегодня вечером, – заговорщицки ответил Скальд, опускаясь на лавку, которая под его весом обреченно заскрипела. – Ничего особенного, но нужно с одним человечком кое-что уладить...

Глядя на то, как на лице Робера фальшивое радушие сменяется на совершенно искреннее удивление, Жак понял, что выражение рыцаря в точности отражает его собственные чувства. «Так Недобитый Скальд и есть посланник? – обескураженно подумал он. – Но ведь гентский рыцарь служит императору! Хотя следует согласиться, что для тайного посланника со столь значительной миссией лучшего прикрытия и придумать трудно. Кто же заподозрит в знаменитом капитане королевского балли тайного эмиссара далеких монголов? В этом случае его поездка к никейцам может многое объяснить. В голове не укладывается, что этот прямой и простодушный рубака на самом деле – прожженный политический интриган...»

– Что киснете, братья? – Не обращая ни малейшего внимания на замешательство друзей, Скальд хлопнул по столу и проорал: – Эй, хозяин! Волоки сюда вина, да сразу греческую большую амфору, чтобы десять раз не бегать!

Приказчики заметались по залу.

– Да мы, собственно, уже идти собирались, – извиняющимся тоном промямлил Жак. – В братстве порядки строгие...

– Да никто вас особо и не держит, – широко ухмыльнулся гигант, – у меня, скажу вам по секрету, у самого тут дело, можно сказать, государственной важности, жду посыльного от одной важной особы, – произнес Скальд, перейдя на шепот, от которого сотрясались тарелки за соседним столом.

Жак и Робер снова переглянулись. При этом рыцарь встопорщил усы и чуть заметно пожал плечами, словно говоря: «И чего только в жизни не бывает».

– Ну да ладно, жди своего посланца, сир рыцарь, а нам и вправду пора идти, – произнес Жак и пнул под столом уже было раскрывшего рот Робера. – Вот сейчас рассчитаемся и пойдем. Сир де Мерлан, ну-ка поройся в кошельке, какие там у тебя монеты имеются?

– С удовольствием, многоуважаемый брат, – произнес все понявший Робер голосом столь неискренним, что любому стало бы ясно – что-то здесь нечисто, и полез в поясной кошель, где

среди динаров и дирхемов была упрятана половина монгольской тенге.

– Так быстро уходите... – огорчился Недобитый Скальд. В отличие от насквозь фальшивого голоса де Мерлана он, как показалось Жаку, говорил совершенно искренно. – Жаль, конечно. Ну, ничего не попишешь, служба есть служба.

– Вот кого не ожидал встретить в этой таверне, так это вас, друзья мои, – вдруг раздался со стороны входа знакомый, чуть грустный голос.

Жак обернулся и обомлел. К ним приближался, улыбаясь, мастер Григ.

– Ну вот, – пробормотал Робер, – похоже, вечер перестает быть томным. Сделаем так. Ты отвлечешь киликийца, а я тем временем со Скальдом знаками обменяюсь...

Появление вольного каменщика оказалось столь неожиданным, что Жак на некоторое время потерял способность к решительным действиям. Он молча наблюдал, как тот присаживается рядом с Робером и здоровается с Недобитым Скальдом.

– Я проездом из Яффы в Монфор, – пояснил он свое неожиданное присутствие. – На завтрашнее утро у меня назначена аудиенция у бальи, сеньора Томмазо. В патриархате мне сказали, что вы ужинаете где-то неподалеку от Магистерской башни. Должен сказать, шевалье де Мерлан, что у вас очень толковый и исполнительный слуга, вам с ним просто повезло. Вот, рассчитывая обнаружить вас обоих в одной из лучших городских таверн, я и пришел сюда. И как видите – не ошибся.

Чтобы не усугублять весьма двусмысленную ситуацию, друзья опрокинули по бокалу вина и разлили во второй раз. Из всех, кто присутствовал за столом, безмятежным выглядел один лишь киликиец.

– Вы позволите? – спросил мастер Григ, указывая на богато украшенную плетъ, которую Недобитый Скальд принес собой и выложил на стол.

– Пожалуйста, уважаемый. – Скальд протянул свое орудие укрощения строптивых лошадей, которое ему было крайне необходимо, так как обычно лошадям очень не нравилось то, что их седок был тяжелее двух обычных людей.

Мастер Григ повертел плетъ в руках и покачал головой:

– Такие вот дорожные выдает близким или доверенным людям никейский император Ватасий. – Он показал им обитую бронзой пятку, на которой было отчеканено изображение двуглавого орла.

– Ну и дела! – искренне удивился Недобитый Скальд. – А я-то думаю, почему все греки мне поклоны бьют, стоит на них плетью замахнуться. И в землях императора с меня ни один трактирщик ни разу плату не взял!

«Какой потрясающий лицедей! – восхищенно подумал Жак. – Такую плетъ просто так не получишь – скорее всего, он состоит на тайной службе у греческого императора. Григ его этой плетью уличил, а он так изящно, даже глазом не моргнув, выкрутился из сложной ситуации. Без сомнения, это и есть посланник...»

Его размышления прервало появление совершенно неожиданного посетителя – у стола объявилась совсем молодая девушка в платье горничной, на котором красовались баронские гербы.

– Сир Макс, – чуть слышно прошелестела она на ухо Недобитому Скальду, который даже сидя был выше ее на полголовы, – вас ожидают в отеле Святого Георгия! – С этими словами на стол опустился благоухающий шелковый платок с вышитым на нем затейливым вензелем.

Лицо гиганта приобрело какое-то детское, мечтательное выражение. Затем он покраснел так, что это стало заметно даже при том скудном освещении, которое давала луна, и суетливо вскочил с места, чуть не перевернув тяжелый деревянный стол.

– Я должен вас покинуть, друзья! – зачастил он оправдывающейся скороговоркой. – Если

понадоблюсь, пришлите слугу в королевский дворец. Но освобожусь я, похоже, не раньше чем послезавтра утром.

С этими словами гигант в сопровождении горничной скрылся в глубине улиц, оставив друзей в полном недоумении. Робер поднял со стола забытый Скальдом платок, расстелил его на столе и взгляделся в вышитый герб.

– Это знаки баронов трансиорданского Керака. Все понятно! – Рыцарь хлопнул рукой по столу. Трудно сказать, чего было больше в его взгляде – облегчения или разочарования.

– Ну и что, что баронский герб? – удивился Жак. – Какое он отношение имеет к нашему делу?

– Леди Мелизанда! Жена титульного сеньора Трансиордании. Именно она, а не муж, и является наследницей титула! Недавно этой сеньории, которая находится под властью сарацин, указом императора присвоен статус баннерета...

– Интересная история! – вмешался в разговор мастер Григ. – Трансиордания до-нашествия Саладина была одним из самых доходных фьефов в королевстве. Замок Керак возвышался над главной караванной дорогой на пути из Месопотамии в Египет, которая проходила по землям франкских сеньоров. Дань, которую они собирали, превосходила доход иерусалимской короны, а такие владельцы, как Рено де Шатильон, и вовсе провозглашали себя независимыми от королевства князьями. Но при чем же тут ваш приятель?

– Допровозглашались... – буркнул Робер. – Сорок лет уже, как Трансиордания только на гербах рисуется да в титульных книгах числится. Земля эта под рукой сарацинских эмиров, а замок Керак полуразрушен и находится в полном запустении. Что касается Скальда – то здесь, увы, нет никакой загадки. Вы встречали баронессу Мелизанду?

– На последнем приеме в новом замке Яффы я, кажется, ее видел, – задумчиво произнес киликиец. – Это та, что на голову выше своего мужа, с формами, напоминающими тяжелый круглошпангоутный неф, которая грудью, словно корабельным тараном, легко раздвигала плотную толпу затянутых в доспехи рыцарей?

– Она самая, – ухмыльнулся рыцарь. – По всей Акре ходят слухи, один пуще другого. Если знаменитый плащ нашего гентского малютки, под которым как-то раз укрывался от ливня чуть не весь его эскадрон, попробовать затянуть ей на груди, боюсь, что его полы и близко не сойдутся. Говорят, что, когда она предается любовным утехам, живущие поблизости горожане выбегают посреди ночи на улицу с криками «Землетрясение!» Уже двоих благоверных спровадила на тот свет, а третий, нынешний новоиспеченный барон, говорят, уже одной ногой в могиле. Так вот, значит, какое дельце нашел себе на ночь глядя сир Недобитый Скальд. Что ж, такая дама сердца как раз ему под стать.

– Ваш сир Недобитый Скальд, оказывается, отнюдь не простака, – рассмеялся Григ. – Если начнется война и крестоносное войско возвратит королевству утраченные владения, бароны Трансиордании станут одними из самых богатых и влиятельных людей во всем крещеном мире.

– Барон, страдающий жестокой подагрой, как раз отправился в Рим вместе с посольством, которое местные нобили направили папе, – добавил Жак. – Стало быть, вот от кого ждал Скальд посланника! Точнее, посланницу. Что ж, воистину для него этот роман и есть дело государственной важности.

– Ну что ж, друзья, – мастер Григ глубоко вздохнул и поставил на стол опустошенный кубок, – рад был вас увидеть. Но, к величайшему сожалению, завтра предстоит очень тяжелый день, который мне нужно встретить с ясной головой. Речь идет ни много ни мало как о переговорах с королевским бальи об окончательной сумме оплаты, которая причитается моей гильдии. Так что, увы, но мне нужно идти.

– К сожалению, глубокоуважаемый мастер, – склонил голову в ответном поклоне Робер, –

наше время тоже истекло. Сейчас мы рассчитаемся и отправимся в свои казармы.

Мастер Григ надел шляпу с большим черным пером и покинул таверну.

– А я ему чуть было монету не показал, – прошипел, рассчитываясь с подскочившим хозяином, достопамятным рыцарь, – то-то был бы конфуз.

– Ладно, – ответил Жак, – нам и впрямь больше здесь нечего ловить, сир Робер. Давай, как и в прошлое полнолуние, для очистки совести прогуляемся по молу до самой башни и будем возвращаться к себе.

На набережной, у лестницы, ведущей вниз к причалам, стоял, любуясь луной, мастер Григ.

– Вот, – он лучезарно улыбнулся, завидев друзей, – решил, перед тем как заснуть, немного подышать морским воздухом.

– Да мы, собственно, тоже решили перед уходом кости промять, – пряча глаза, ответил Робер.

– Ну, до свидания, друзья, – несколько неуверенно произнес мастер Григ.

– До свидания, мастер! – ответил де Мерлан, и в его голосе также ощущалась некоторая озадаченность.

Жак, на правах младшего, ограничился красноречивым молчанием. Они снова раскланялись и, не сговариваясь, все втроем стали спускаться вниз по лестнице. Вскоре Жак, Робер и мастер Григ стояли у самой воды. С этого места можно было двигаться только в четырех направлениях – направо и налево вдоль берега, назад, по лестнице, либо вперед, по молу, в направлении чернеющей Башни мух.

– Прощаемся? – натянуто поинтересовался мастер Григ.

– Прощаемся! – уже совсем неуверенно согласился Робер.

Они снова, но на этот раз уже сухо и коротко кивнули друг другу, сделали одновременно три шага вперед и оказались на насыпи, омываемой с двух сторон тихо плещущимися волнами.

Сир Робер де Мерлан набычился, мастер Григ насупился. В воздухе повисла очень нехорошая тишина.

– Мастер Григ! – Жак решительно прервал начинающееся выяснение отношений. – Я думаю, что для того, чтобы уладить дело, для которого мы сюда пришли, ни вам, ни нам не обязательно шагать по молу на виду у половины стражников Акры и подходить к самой башне. Сир Робер! Достань и покажи мастеру Григу то, что он, как мне кажется, давно ожидает увидеть.

Лица рыцаря и вольного каменщика одновременно прояснились.

– Только не здесь, друзья! – воскликнул мастер Григ, как только обрадованный Робер решительно запустил свою рыжую пятерню в поясной кошель.

– Давайте вернемся в таверну, – предложил Робер, – ибо я снова голоден, как десять пустынных львов, словно и не ел ничего. Скажу хозяину, чтобы он приготовил нам отдельную комнату и принес ужин. Там и предъявим друг другу то, что должны предъявить.

– Согласен, – улыбнулся киликиец. – Я с удовольствием разделю с вами трапезу. Поверьте, у меня в последнее время совершенно не было никакого аппетита.

Жак дождался, когда слуга накроет на стол, затворил за ним дверь и занял позицию у входа. Робер в очередной раз порывлся в кошель и хлопнул по столу своей половинкой. Мастер Григ внимательно поглядел на рыцаря, извлек откуда-то из-под одежд свою часть условного знака и придвинул к половинке Робера. Части рассеченной монеты сошлись, и теперь на Жака, Робера и Грига строго смотрел хорошо знакомый монгольский хан.

– Значит, посланник – это вы, мастер Григ! – облегченно выдохнул Жак, который до самого последнего мига опасался очередной путаницы или, хуже того, подвоха. – Но как?..

– Я же говорил вам, что строил укрепления в Багдаде, – ответил киликиец, – но это была

только часть правды. Я бывал также в Хорезмийском царстве еще до начала монгольского похода и там, в Бухаре, познакомился с посланником великого Чингисхана. По его приглашению мы отправились в монгольскую ставку. Темучин, этот старик, не знающий грамоты и не владеющий ни одним языком, кроме родного наречия, потряс меня своей нестигаемой волей, полководческим талантом и государственным умом. Он единолично владеет четырьмя пятими долями всего известного нам мира, а живет как обычный воин. Всегда держит свое слово, щедро одаривает друзей и никогда не прощает врагов. Впрочем, о Чингисхане нужно говорить уже в прошлом. Я думаю, что весть о его загадочной смерти докатилась и до вашего братства...

– Ну что, мастер Григ, – покончив со вторым ужином, спохватился Робер, – нас ведь ждет приор. Именно он укажет, кто и когда отправится с вами на Восток. Поехали с нами в патриарший квартал.

– Лучше не рисковать, друзья, – задумчиво ответил мастер Григ. – Да, не спорю, нам нужно повидаться с приором как можно скорее, но нас не должны видеть вместе. А уж въезжать в ваш квартал до восхода солнца – это равносильно тому, чтобы во всеуслышание объявить врагам о своих планах. Расскажите приору о нашей встрече, в обед возвращайтесь сюда, а я уж укажу место, где мы сможем пообщаться, не опасаясь любопытных глаз.

У ворот патриаршего квартала их встретил Серпен – в те дни, когда Жак и Робер отправлялись ждать посланника, он всегда возглавлял ночную стражу.

– Мессир Сен-Жермен просил передать, – произнес он, вглядываясь в довольные лица Жака и Робера, – если у вас будут хорошие вести, то немедленно следуйте к нему в кабинет.

– Будите приора, брат Серпен, – гордо ответил достолавный рыцарь, – вести, которые мы принесли сегодня, более чем хорошие. Посланник наконец-то найден!

Глава двенадцатая, в которой герои знакомятся наконец с императором Фридрихом

Акра, 1228 г. от Р.Х.

день после Успения Пресвятой Богородицы —

Крестовоздвижение (16 августа – 15 сентября)

Под высоким каменным сводом, многократно дробясь и отражаясь от стен, гулким эхом металась лязги железа о железо, когда мечи ударяли в стальной доспех, глухие стуки щитов, принимающих удар, и короткие восклицания сражающихся рыцарей.

Жак, завершив отработку нового приема, отдыхал с разрешения сержанта-наставника. Сняв шлем и усевшись на войлочной подстилке, он наблюдал за тем, как упражняются в пешем строю Серпен с Робером. Братья-рыцари Святого Гроба бились в полном доспехе, со щитами, при этом оба действовали ожесточенно и не давали друг другу поблажек, и, не будь их мечи затуплены на турнирный манер, такой учебный бой вполне мог закончиться тяжелым ранением, а то и смертью одного из противников.

Это сражение уже ничем не напоминало то избиение младенцев, в которое превратился первый урок, преподанный де Мерлану братом Серпеном. Несмотря на тяжелые кольчуги и сковывающие движения многослойные войлочные гамбезоны, на первый взгляд неуклюжие рыцари двигались легко и изящно, словно танцоры. Противники наносили один за другим молниеносные удары и парировали их щитами. Мечи летали в воздухе с такой скоростью, что для глаза они сливались в полупрозрачные полосы.

После полугода пребывания среди воинов прославленного крестоносного братства Жак

убедился, что слава рыцарей Святого Гроба – это не выдумка и не пустой звук. Умение двигаться вдвое быстрее, чем любой другой воин, давало им такое преимущество в бою, что даже такой малоопытный боец, как Жак, начал представлять реальную угрозу для врага.

Схватка наконец завершилась. Противники отсалютовали друг другу, отдали подскочившим оруженосцам щиты и мечи, сняли шлемы, обнажив взмокшие, как после купания, головы, и медленно двинулись в дальний конец зала, где стояла бочка со свежей водой. Тяжелые войлочные гамбезоны, которые в Заморье надевались не вниз, как принято на Западе, а поверх кольчуги и заставляли рыцарей исходить семью потоми во время маршей и сражений, были новшеством, введенным из-за особенностей войны с сарацинами. Первые крестоносцы несли большие потери под обстрелом конных лучников, которые, не вступая в бои, держались на дистанции и были неуязвимы для тяжелой маломаневренной конницы. Но вскоре выяснилось, что толстый слой стеганого войлока задерживал стрелу и пружинил удар, не давая пробить кольчугу. Франки стали повсеместно применять такую защиту, так что часты были случаи, когда рыцари возвращались после боя истыканные стрелами, словно ежи, но при этом невредимые.

Освободившись от кольчуг, рыцари при помощи слуг стали обливаться водой. Взгляд Жака перескочил на едва заметную в темном углу низкую деревянную дверцу, за которой находилась кладовая. В глубине кладовой помещалась еще одна, тщательно замаскированная, дверь, которая вела в подземелье, соединяющее все кварталы Акры. Существование этого подземелья было первой тайной, которую поведал рыцарям Святого Гроба мастер Григ сразу же после того, как Жаку и Роберу стало известно, что именно он и является тайным эмиссаром монгольского императора. В то утро, сообщив мессииру Сен-Жермену радостную весть, они, по его приказу, отправились отдыхать. Приор был полностью солидарен с киликийцем и не рвался немедленно с ним встретиться, справедливо полагая, что его свидание с каменщиком тут же поднимет на ноги всех акрских шпионов вне зависимости от их национальности, вероисповедания, пола и возраста.

К вечеру следующего дня мастер Григ прислал в патриарший квартал своего слугу и пригласил «многоуважаемых братьев сира Робера и мэтра Жака», как передал, старательно запинаясь, пожилой сириец-полукровка, «пожаловать к нему в апартаменты на ужин». Слуга проводил их в небольшой одноэтажный домик, располагавшийся в неприметном переулке между кварталом госпитальеров и венецианской факторией. Скромная усадьба была обустроена, как и добрая половина всех акрских жилищ, на восточный манер, то есть стояла в глубине двора за высоким забором, надежно отгораживающим обитателей от посторонних взглядов.

– Что-то непохоже это на нашего мастера, – удивленно проворчал Робер. – Он же у нас вроде предпочитает удобство и комфорт.

Мастер Григ встретил гостей у порога и жестом гостеприимного хозяина проводил их в дом, давая на пути пояснения:

– Я купил этот домик сразу же после того, как прибыл в Акру, и сделал это отнюдь не случайно. Вам, наверное, известно, что, когда город принадлежал грекам и назывался Птолемаидой, он был обустроен гораздо лучше, чем сейчас. Здесь, на римский манер, были сделаны не только подземные водохранилища, но также и тоннели, предназначенные для сбора городских нечистот и дождевой воды. Все городские дома тогда имели специальные сливные отверстия, а сеть тоннелей сходилась в отстойник, который был соединен с морем. Арабы, захватив город, разрушили дома и привели в полную негодность системы водоснабжения и канализации. Затем, во времена крестоносных войн, город много раз разрушался и строился вновь, так что про систему этих тоннелей все давно забыли. Но тем не менее она существует.

Работая в Константинополе, я обнаружил план подземных сетей Птолемаиды и выяснил, где именно пролегал коллектор. Сейчас мы с вами находимся как раз над ним. Я купил эту усадьбу, докопался до входа, спустился вниз и обнаружил, что большая часть тоннелей находится в отличном состоянии и вполне может использоваться как подземные ходы. Так что самый надежный способ для того чтобы организовать встречу, не привлекая к себе особого внимания, – это воспользоваться тоннелями. Тем более что один из них начинается прямо под вашей резиденцией, нужно только освободить проход.

Они прошли во внутренние покои, и мастер Григ, приподняв за край висящий на стене ковер, показал им проем и ведущую вниз каменную лестницу. Друзья спустились на глубину примерно в два человеческих роста и очутились в узком сводчатом тоннеле, длину которого трудно было определить, так как его противоположный конец тонул во мраке. Киликиец зажег прихваченный с собой факел. Оказалось, что проход, через который они проникли внутрь, является как бы боковым входом – тоннель отсюда вел в обе стороны.

– Это бывший главный городской водосток, – пояснил вольный каменщик, – если пойти направо – он выведет вас к морю, почти к самой Магистерской башне. Но мы пойдем налево – отсюда до главного коллектора не больше двух десятков шагов. Третий вход справа от нас приведет в тоннель, ведущий в сторону патриархии, а шестой по счету водосток находится примерно под вашим домом.

– И что, вот так можно проникнуть в любое место? – спросил Робер. – Хошь к тамплиерам, хошь во дворец, хошь вообще из города вон?

– Не совсем. Многие водостоки полностью завалены, многие не имеют выхода, так как дома над ними давно уже перестроены. К тому же не все тоннели сохранились так хорошо, как этот.

Они миновали коллектор, который был похож на большой бассейн. Центральный водосток находился вровень с его дном, а идущие по кругу канализационные тоннели располагались выше, примерно на уровне головы. К счастью, древние строители хорошо знали свое дело и позаботились об удобстве возможных посетителей этого сооружения, которые, если учесть изначальное предназначение постройки, вряд ли были представителями аристократии. По периметру коллектора на уровне отверстий шел широкий уступ, на который можно было подняться по одной из каменных лестниц.

Третий тоннель оказался не так широк, как центральный сток, но, к счастью, имел достаточную высоту, чтобы не только коротышка Робер, но и довольно высокий Жак мог продвигаться, не нагибаясь и не задевая макушкой за потолок.

– ...семь, – закончил считать мастер Григ и указал факелом на ведущую вниз щель. – Теперь нужно подняться наверх и осмотреться, – при этом оба – и киликиец, и рыцарь – сразу же посмотрели на Жака.

«Жаль новую камизу, недавно только купил», – по крестьянской привычке подумал Жак, безропотно стаскивая сюрко.

Старый водосток заканчивался полуразрушенной каменной кладкой, разобрав которую Жак оказался в темном помещении с запертой снаружи дверью. К счастью, дверь была сколочена довольно грубо, и, заглянув в щель, он легко определил, что находится в кладовой их подземного рыцарского зала.

– Не будем терять времени! – деловито произнес Робер. – Приор и так места себе не находит. Значит, так! Мастер Григ, проводите меня наверх и ждите в этом вашем бассейне. Жак, стой у входа, а я поверху возвращусь в патриархию и приглашу мессира проинспектировать место занятий...

Приор ордена Святого Гроба раньше никогда не встречался с киликийским каменщиком и не знал его в лицо. Киликиец, ожидавший при свете масляной лампы, снова зажег факел, и оба – посланник и приор – долго оценивающе смотрели друг на друга. Жак уж было подумал, что кто-то из двух договаривающихся сторон заподозрил подвох, но представление прошло благополучно. Первым улыбнулся мастер Григ, немного погодя просветлело лицо и у Сен-Жермена. Они были чем-то неуловимо похожи – приор рыцарского братства и глава гильдии мастеров. В мнящемся пламени яркого смоляного факела, отбрасывающего от предметов неверные, пляшущие тени, лица обоих сохраняли одинаково невозмутимое выражение, глаза светились умом, а морщины на лбу свидетельствовали о немалом жизненном опыте и грузе возложенных забот.

– К делу, – произнес Сен-Жермен. – Мы все слишком долго ждали этого часа, чтобы тратить время на бессмысленные словесные капканы и взаимные заверения в совершенном почтении.

– Согласен, – кивнул мастер Григ, – задавайте вопросы.

– Кого вы представляете сейчас, после известных нам событий?

– Меня отправлял в Палестину сам Чингисхан Темучин. Сейчас, до монгольских выборов нового императора – курултая, по их закону правит младший сын, Толуй. Я встречался с ним в ставке, он знает о договоре отца с папой Григорием и в моем присутствии поклялся его исполнить, в случае если Темучин до этого не доживет.

– Где и кто нас ждет?

– Нас ждут в Багдаде, в одной из уйгурских торговых факторий. На самом деле там находятся не купцы, а осведомители монголов и их военачальники, которые тайно приезжают в Халифат, чтобы изучить места предстоящих сражений. Две половинки монеты, переданные Чингисхану или его преемнику, будут знаком к началу войны.

– Как мы можем добраться до Багдада?

– Темучин, оправляя меня сюда, все предусмотрел. У меня есть фирман султана Дамаска, фирман халифа Багдада и пайцза самого Чингисхана. Я предполагаю, что мы выдвинемся как небольшой торговый караван с дорогим франкским товаром – лучше всего миланским оружием и доспехами. Естественно, что такие дорогие и редкие вещи перевозятся в сопровождении сильной рыцарской охраны. Монголов боятся все мусульмане, и отряды, подчиненные правителям земель, по которым мы будем передвигаться, не рискнут на нас напасть. Ну а от разбойников, я думаю, рыцари Святого Гроба как-нибудь отобьются.

– Как вы думаете, наследники сдержат данное императором слово?

– Кто будет нас ждать в Багдаде после смерти Темучина и о чем пойдет разговор, я не могу даже предполагать – мои сведения о том, что происходит сейчас у монголов, крайне скудны и противоречивы. Но предполагаю, что миссия окажется успешной. Новые правители монгольских степей, Китая и Хорезма всегда держат свое слово.

– Значит, будем готовиться в путь, – прошептал Сен-Жермен.

Гулкое эхо подхватило его слова, и они, словно ласточки – символы доброй вести, заматались под древними сводами...

* * *

Отвлекая Жака от воспоминаний, в зал влетел Рембо. За время службы под началом

достославного рыцаря брата де Мерлана бывший жонглер изменился как внешне, так и внутренне. Он отъелся, носил аккуратный, но скромный, более приличествующий его нынешнему положению костюм и никогда не расставался с новой лютней, которую постоянно носил за спиной. В силу одновременно артистических и шулерских составляющих своей натуры жонглер оказался непригоден ни к домашнему услужению, ни к уходу за лошадьми, ни уж тем более к воинской службе. Робер скрепя сердце возложил на него обязанности курьера и исполнителя песен, улаждающего слух всех светских обитателей патриаршего квартала. Одной из главных его обязанностей стали ежедневный сбор и доставка Жаку и Роберу всех городских новостей.

В преддверии новой крестоносной войны большего события, чем приход флота Фридриха, и представить было невозможно, так что ко дню Успения напряженное ожидание, в котором так или иначе находился весь Латинский Восток, достигло своего пика.

Приор ордена Святого Гроба Сен-Жермен начал подготовку к путешествию в Багдад, но, посоветовавшись с архидьяконом Дагобертом, решил, что они отправятся на встречу с монголами только после того, как будут доподлинно знать о том, что задумал Фридрих Гогенштауфен.

Вести о продвижении императора приходили редко, были отрывочны и противоречивы. Стало известно, что флот из сорока галер в конце июня отплыл из Бриндизи, прошел тем же путем, что и в свое время «Акила» – через Отранто, Корфу, Кефалонию и Крит, – и долго стоял на Родосе, о чем донесли жителям Триполи вездесущие венецианцы. Фридрих ни с кем, кроме самого ближнего окружения, не делился своими планами, и последней вестью о флоте императора стало то, что он отправился из Родоса в сторону Кипра. Теперь прибытия на Святую Землю ее законного, но отлученного от церкви монарха ждали все без исключения его подданные, связывая с этим событием кто опасения, кто надежды. Стоит ли говорить, сколь томительным было это ожидание для братьев Святого Гроба.

– «Фалько», «Фалько» прибыл с Кипра и заходит в гавань! – закричал на весь зал Рембо.

При этих словах все рыцари и сержанты, как по команде, застыли и опустили мечи. «Фалько», тамплиерская галера, которая после прибытия из Марселлоса исполняла роль почтового корабля, крейсируя между Акрой и Лимассолом, последний раз покинула порт давно, еще до того как до патриархата дошла весть о том, что император покинул Родос. Поэтому ее появление было для томящихся в неведении рыцарей и каноников словно манна небесная. Брат Сериен и Робер закончили умывание, быстро натянули кольчуги и направились к выходу. Вслед за ними устремился и Жак.

К концу дня великий магистр тамплиеров Пере де Монтегаудо прибыл к патриарху Геральду де Лозанну и показал ему послание от командора Кипра. Переговорив с великим магистром, патриарх немедленно вызвал к себе архидьякона Дагоберта и приора Сен-Жермена. Те, в свою очередь, рассказали обо всем братьям-рыцарям ордена Святого Гроба.

Глубокой ночью Жак и Робер через тоннели пробрались в дом мастера Грига, измученного ожиданием не меньше других, и рассказали ему обо всем, что им удалось узнать.

– Две с половиной недели назад, – начал Жак, – корабли Фридриха бросили якоря в лимассольской гавани. Первый день он вел себя мирно и радушно, словно путник, воспользовавшийся гостеприимством хозяина. Как раз в это время в Никосии находился небезызвестный барон Жан де Ибелин Бейрутский, который правил Кипром как регент малолетнего короля Генриха Лузиньяна. По случаю своего прибытия Фридрих устроил для местной знати торжественный прием, проходивший, за неимением других достойных императора помещений, в местном замке тамплиеров. Во время представления ему Жана Старого Фридрих объявил, что он как законный король Иерусалима требует от барона, чтобы

тот ему принес вассальную присягу, и принимает на себя регентство над королем Лузиньяном. Некоторые законные основания для этого были, потому что тридцать лет назад император Генрих Шестой, отец Фридриха, пожаловал Кипр иерусалимскому королю Амори де Лузиньяну. Но Жан де Ибелин, как обычно, пошел напролом. Он заявил, что знает о том, что жена императора, наследница иерусалимской короны Мария-Иоланта, благодаря браку с которой Фридрих получил корону, сразу после Пасхи умерла, и теперь законным правителем Иерусалима является не император, а его двухлетний сын Конрад. Неудивительно, что после такого ответа Фридрих пришел в ярость. Он приказал арестовать барона, силой привел его к присяге и объявил себя правителем Кипра. Королю Генриху Лузиньяну удалось бежать в тамплиерскую крепость Святого Иллариона, расположенную в горах Тродоса. Вскоре к ним присоединился и барон де Ибелин. Теперь остров в руках Фридриха, и только Господь знает, как будет дальше действовать император – ограничится блокадой труднодоступного замка и направится дальше, в Акру, или же начнет на Кипре полномасштабную войну.

– Как вы думаете, сир рыцарь, – выслушав Жака, обратился к Роберу мастер Григ, для которого де Мерлан был авторитетом в военных делах, – что предпримет Фридрих?

– Воевать с Ибелинами ему не с руки, – почесав в затылке, ответил тот. – Если он прищучит Жана Старого, то здесь у него будет земля гореть под ногами. Пулены – сила реальная. Но и уехать не солоно хлебавши, оставив за спиной наполовину покоренный остров, он вряд ли решится. Так что дело, похоже, зависит от того, пойдет ли Ибелин на переговоры.

– Так, значит, Мария-Иоланта умерла... – задумчиво произнес Жак. – Внуку короля Конрада Монферрата и Изабеллы Иерусалимской будет оплакивать не только Тир, но и вся страна. А что теперь будет с короной, тем более непонятно. Бывший регент Иоанн де Бриенн и Фридрих теперь уж точно вцепятся друг другу в горло.

– Да бог с ними, пусть вцепляются, – махнул рукой Робер. – Сен-Жермен считает, что, пока они будут делить шкуру неубитого медведя, монголы покорят Месопотамию и Дамаск и придут в Иерусалим.

– Не знаю, чем закончится эта война, – покачал головой киликиец, – но ничего хорошего миру она не принесет. Чингисхан полагал, что, приняв христианство и дойдя до последнего моря, он подчинит себе папу и станет правителем и Востока, и Запада. Папа Григорий считает, что, уничтожив или подчинив себе Фридриха и помазав Темучина на царствование, он получит власть над двумя империями – западной и восточной. Фридрих ведет переговоры с мусульманами и желает создать свою франко-арабскую державу, распространив сицилийские традиции мирного сосуществования христианства на все подчиненные ему земли. Все прочие мечутся в этом треугольнике, пытаясь вырвать для себя хоть кусочек власти, денег и славы. Мы же – всего лишь орудия в руках Господа.

– Не знаю, какие мы там орудия, – буркнул Робер, – но люди Фридриха нас с Жаком несколько раз попытались убить, а люди папы, наоборот, постоянно спасали от смерти. Кто такие монголы – мне пока не ведомо. Так что как простой рыцарь я буду, не влезая в высокие материи, служить сюзерену, которому принес присягу. Моя жизнь и мой меч всецело принадлежат ордену Святого Гроба, и, если папа Григорий прикажет привести сюда монголов, значит, приведем, и дело с концом.

– Ну что ж, – мастер Григ тяжело вздохнул, подводя черту ночной беседе, – как решили приор и архидьякон, будем ожидать прибытия имперского флота. Передайте Сен-Жермену, что волы и повозки куплены, погонщики и проводники наняты.

– Мы тоже не сидели сложа руки. – Де Мерлан протянул киликийцу тонкий пергамент. – Миланское оружие закуплено через генуэзцев, находится у них в фактории и будет передано вам вот по этому письму, так что можете начинать погрузку.

Распознавшись с мастером Григом, они отправились в патриарший квартал.

Флот Фридриха объявился у берегов Бейрута третьего дня после начала индикта, в воскресенье. Сразу же после того как наблюдатели разглядели на мачтах императорский штандарт, по всему Иерусалимскому королевству, опережая медленно идущие вдоль берега тяжело груженные галеры, понеслись эстафеты, сообщая правителям всех христианских областей, что крестоносная армия, собранная для освобождения Гроба Господня, наконец-то достигла Святой Земли. К тому времени, когда флагманский корабль, едва не зацепившись реей за Башню мух, неуклюже вполз в акрскую гавань, для встречи законного монарха собрались чуть не все левантийские нобили, прелаты и военачальники.

Жак, Робер и Серпен, нарядившись в только что выстиранные и отглаженные снежно-белые плащи, медленно двигались по запруженным улицам, сопровождая в порт Сен-Жермена.

– Такой встречи, как эта, похоже, здесь не устраивали еще никому, – сдерживая коня, чтобы не сбить с ног многочисленных зевак, рассказывал Сен-Жермен. – Еще вчера в патриарший квартал прибыли архиепископы Назарета, Кесарии и Нарбонны. Прибытия Фридриха ждут и посланники его друга, английского короля, прелаты Вильям де Брие и Питер де Роше – они доставили дар от своего монарха, четыре тысячи марок.

– Не вижу только старого знакомого, – проворчал Робер. – Похоже, архиепископ Тира не собирается почтить вновь прибывшего императора своим присутствием.

– Архиепископ Тира – человек преклонных лет, – ответил приор. – Не имея сил для того, чтобы держаться в седле, он путешествует в повозке, поэтому проделывает путь от Тира до Акры за два с половиной дня. Впрочем, вот и он!..

Из-за угла появилась огромная неуклюжая фура, запряженная шестью лошадьми, которая двигалась в сопровождении конных сержантов с гербами крестоносного братства святого Андрея Акрского. У ворот, ведущих в порт, процессию остановила особо бдительная по случаю торжеств охрана. Пока начальник эскорта объяснялся с начальником караула, из повозки выскочил человечек в наряде кафедральной служки. Он просеменил назад, туда, где был приторочен массивный короб с дорожным припасом. Служка встал на цыпочки, приподнял резную крышку, пошарил внутри и вдруг с диким криком отскочил в сторону. Не обращая ни малейшего внимания на множество наблюдателей, из короба выбрались две большие черные крысы и, рискуя переломать все кости, по очереди плюхнулись на брусчатку. Оказавшись на земле, грызуны огляделись по сторонам, издали несколько коротких деловитых писков и скрылись за оградой королевского арсенала.

– Кого-то они мне напоминают, – почесал в затылке Робер.

Начальник караула дал команду открыть вторую створку ворот, и повозка архиепископа, с трудом протискиваясь между столбами, проследовала внутрь.

Внешняя охрана знала всех рыцарей Акры в лицо и беспрепятственно пропустила братьев Святого Гроба вовнутрь, но там, преграждая посторонним доступ к главной пристани, уже стояло двойное оцепление. Первый его ряд составляли пешие сержанты тевтонского ордена. В их командире, дефилирующем вдоль строя на горячем жеребце, Жак узнал де Варна. Молодой рыцарь, в свою очередь, разглядел старых знакомых, приветливо махнул рукой и указал им в сторону проезда, через который к месту встречи попадали все знатные лица.

Второй ряд оцепления был составлен из наемных копейщиков, подчинявшихся бальи Иерусалима. Их командир был виден даже из-за спин довольно рослых тосканцев благодаря своему росту. Голова рыцаря возвышалась над шлемами, словно он встал на специально припасенный табурет.

– Привет, сир Недобитый Скальд! – перекрывая гул толпы, проорал Робер. – Я смотрю, что

ты стремительно делаешь карьеру.

– Да ладно тебе, де Мерлан! – Голос гиганта громыхнул по набережной, отражаясь от стен. Сидевшие на воде чайки с испуганными криками взмыли в воздух. – Граф Томмазо поручил мне обеспечить надежную охрану императора, и, видит бог, я это сделаю так, как положено. Как только вся эта тягомотина завершится, жду вас в «Черном тамплиере». Сегодня меня никто не отвлечет от пирушки в компании старых друзей! А пока подъезжайте сюда, я расчищу вам проезд к тому месту, где стоит патриарх.

Недобитый Скальд начал отдавать распоряжения, которые, к слову сказать, его подчиненные выполняли с полувзгляда, и вскоре рыцари Святого Гроба без особых помех присоединились к тем избранным, что ожидали Фридриха Гогенштауфена прямо под сходнями.

Тем временем имперский флагман, едва не врезавшись бортом в каменный пирс, навис над набережной, загораживая солнце. Не успел он прильнуть к каменному парапету, как портовые матросы засновали, как ошпаренные, принимая швартовы, подавая сходни и раскатывая ярко-красную ковровую дорожку.

Жак спешил, занял место за спинами брата Серпена и Робера – благо малый рост арденнского рыцаря позволял не вытягивать шею – и огляделся по сторонам. Словно отражая расклад политических сил в королевстве, две партии выстроились по разные стороны ковровой дорожки. Высшие тевтонцы во главе со своим гроссмейстером Германом фон Зальцем ожидали рядом с бальи, графом д'Арчерра. Рядом с ними стояли герцог Лимбургский, только что прибывший из Яффы, германские и английские рыцари, а также консулы Пизы и Генуи. Справа и слева от Жака стояли патриарх, Геральд де Лозанн, архидьякон Дагоберт с канониками церкви Святого Гроба, архиепископы Заморья, великие магистры тамплиеров, госпитальеров, лазаритов и ордена святого Фомы Акрского, а также представители бургеров и крестоносных братств. Словно демонстрируя всем свой нейтралитет, в дальнем конце дорожки, не сливаясь с другими рядами, ожидал в окружении многочисленной свиты венецианский подеста.

На палубе корабля загудели фанфары.

– Ну, началось, – повернувшись к Жаку, произнес Робер. – Наконец-то увидим в лицо главного супостата и всю его клику. Так что теперь, брат сержант, гляди в оба.

Не успели отгреметь торжественные звуки, как с корабля на сходни высыпали два-три десятка смуглокожих воинов в чалмах с обнаженными кривыми саблями. По толпе встречающих пронесся недоуменный ропот: «Сарацины!»

– Не беспокойтесь, братья, – Сен-Жермен обеими руками остановил схватившихся было за мечи Серпена с Робером, – это личная гвардия Фридриха. В свое время он даровал сицилийским арабам лучшие земли на юге Италии, и теперь эти воины – самая преданная его охрана.

– Чем еще нас порадует этот папский король? – буркнул Робер, убирая руку с рукоятки меча. – Слонами? Маврами? Гаремом?

Однако ни слонов, ни мавров, ни гарема они не увидели. Сарацины выстроились вдоль дорожки, и с борта начали торжественно сходить роскошно одетые люди. На полшага впереди остальных неуверенными шагами путника, плохо переносящего морскую качку, двигался молодой рыжеволосый, хорошо сложенный человек, на вид лет тридцати. Это и был император Священной Римской империи, германской нации, самый могущественный христианский монарх Фридрих II Гогенштауфен. Присмотревшись внимательнее, Жак понял, что император не так уж юн, а просто в окружении высоких широкоплечих бородачей с гладко выбритым лицом он выглядит гораздо моложе, чем есть на самом деле.

– Маршал Апулии Риккардо Филанжиери, епископ Пуатье, аббат Мирбах, граф де Вюртемберг, Балиан Сидонский... – начал негромко перечислять свиту императора Сен-Жермен.

– Гляди-ка, Жак! – перебивая приора, воскликнул Робер. – Вот уж кого не ожидал увидеть идущим чуть не в обнимку с Фридрихом, так это Жана Ибелина. Если бы я своими глазами не лицезрел выражение лица старого барона, когда он диктовал письмо императору в бейрутской цитадели, ни за что бы не поверил, что совсем недавно они были злейшими врагами.

Церемония встречи началась. Первым как принимающая сторона к Фридриху подошел балый Иерусалимского королевства граф Томмазо д'Арчерра. Он склонился в глубоком поклоне, что-то произнес и попытался поцеловать руку своему сюзерену, но тот, не дав ему этого сделать, в ответ сказал что-то шутливое и дружески обнял своего наместника.

– Сеньор Акви, Томмазо, связал свою судьбу с юным императором еще десять лет назад, когда все войско Фридриха составляло от силы десятков сицилийцев, преданных его матери, – пояснил Сен-Жермен. – Недавно за верную службу и преданность он получил большое апулийское владение Арчерра, дающее право на графский титул. Сейчас граф Томмазо – один из тех, кто облачен полным доверием императора.

– Честно говоря, – пробормотал Робер как можно тише, так, чтобы его услышал только Жак, – меня гораздо больше, чем все вместе взятые нобили, интересуется одна дама, весьма сомнительного благородства.

Включив в свою свиту графа, Фридрих зашагал вперед. Навстречу ему, в сопровождении архиепископов и трех великих магистров, выдвинулся патриарх Геральд. Сделав два шага навстречу друг другу, патриарх и император нерешительно остановились прямо напротив братьев-рыцарей.

Заминка была вполне понятной. Прошлой ночью Жак дежурил в резиденции патриарха и стал невольным свидетелем обсуждения того, каким порядком встречать отлученного от церкви императора. С одной стороны, Геральд де Лозанн отдавал себе отчет, что, следуя букве папской буллы, интердикту должно быть подвергнуто любое селение, в котором находится опальный Гогенштауфен, и он, патриарх, как один из самых преданных сторонников Григория, обязан это сделать. С другой стороны, обойтись с могущественным монархом, словно с наказанным послушником, было глупо и небезопасно. Да и стремление Фридриха в Святую Землю, положив руку на сердце, казалось всем достаточно искренним. Патриарх помнил, как еще в позапрошлом году тяжелобольной император, отложив поход, тем не менее выделил сопровождавшему его Геральду две галеры и надежный эскорт. В конце концов, после долгих споров и препирательств, архидьякон Дагоберт предложил единственно возможный выход. Раз флот с крестоносцами прибыл в Акру, то, скорее всего, за время путешествия и пребывания на Кипре Фридрих мог договориться с папой, и Григорий снял отлучение. Стало быть, необходимо организовать торжественную встречу, а затем действовать по обстоятельствам.

Прямой и недипломатичный Геральд меньше всего думал о далеко идущих последствиях своих поступков, а больше о том, как лучше выполнить волю понтифика, чье слово было для него законом. По этикету встречи короля Иерусалимского, они должны были обменяться братским поцелуем, а затем патриарху полагалось благословить своего монарха. Зная об этом, Фридрих улыбнулся и, раскрывая объятия, сделал шаг вперед.

Три великих магистра, проявляя уважение к иерусалимской короне, опустили перед ним на колени. Геральд испуганно посмотрел на приближающегося императора и, явно не собираясь целоваться до получения достоверных сведений о его статусе, попытался отступить, но архидьякон и каноники пресекли ретираду, став позади своего духовного отца несокрушимой стеной. Фридрих, увидев маневр патриарха, остановился, опустил руки и удивленно поднял брови. Не видя иного выхода из сложившейся ситуации, патриарх сотворил рукой неопределенный жест и пробубнил нечто невразумительное, так что его действия можно было истолковать двояко – то ли как благословение, то ли как простое пожелание здоровья.

Император слегка скривился, но быстро справился с собой и подавил недовольство.

– Успешным ли было ваше путешествие, сир? – переводя дух, спросил Геральд.

– Как видите, ваше высокопреосвященство! – ответил Фридрих. – Ведь я же стою перед вами. – Голос у него оказался мелодичным и на удивление бархатным, но произносимые слова по смыслу были почти неприкрытой издевкой над патриаршим косноязычием. – Несмотря на многочисленные и почти непреодолимые преграды, я здесь, в Акре, во главе большого войска, полон сил и надежды.

– А позвольте поинтересоваться, как самочувствие Его Святейшества? – опасаясь, что патриарх сморозит очередную глупость, в разговор вмешался архидьякон Дагоберт. – Мы давно не получали писем из Рима и уже начинаем беспокоиться.

– Благодарю вас за вопрос. – Фридрих, в отличие от разинувшего рот Геральда, сразу уловил подоплеку сказанного и улыбнулся детской лучистой улыбкой. – Отплывая с Кипра в Левант, я направил папе Григорию послов, сообщая о том, что я все-таки сдержал слово, данное Святому престолу, и готов в ближайшее время освободить Иерусалим. Таким образом, нашего апостолика ничто не удерживает от снятия интердикта.

– Теперь я понимаю, почему этот еретик умеет приобретать друзей и оказывать влияние на людей, – прошептал на ухо Жаку Робер. – Когда он говорит и улыбается, возникает желание бежать за ним хоть на край света.

– Все ли готово в замке на реке Рикордан? – спросил Фридрих у графа Томмазо.

– Да, Ваше Величество, – ответил тот, – замок ожидает вашего прибытия.

– Позаботьтесь, пожалуйста, о том, чтобы проследили за выгрузкой моих охотничьих соколов! – с этими словами Фридрих двинулся вперед, здороваясь по дороге со знакомыми ему в лицо нобилиями и время от времени приветствуя ревушую от восторга толпу.

– А ведь император молодец, – снова прошептал Робер. – Решил не останавливаться в Акре, а отправился в загородный замок, чтобы не ставить прелатов в двусмысленное положение.

– Ну и дела! – произнес Жак, дергая друга за полу. – В Акре, похоже, тоже университет собрались открывать. Иначе что здесь делать студиязусам?

В толпе придворных, прибывших вместе с императором, мелькало хорошо знакомое по нефу «Акила» лицо флорентинца Николо Каранзано. Глава парижских студиязусов, разглядев друзей в толпе, в свою очередь, выказал неподдельную радость. Не имея возможности объясниться, он отчаянно замахал руками, показывая, что сейчас, мол, обязан следовать вместе с толпой придворных, но как только император обустроится на новом месте, ему, Николо, позарез нужно с ними повидаться.

Императорская свита, сопровождаемая охранниками-сарацинами, германцами и тевтонцами, скрылась в воротах, слуги начали выгружать из галеры бесчисленные свертки, тюки и баулы, а патриарх и великие магистры вместе с эскортами отправились в свои цитадели.

Жак и Робер отпросились у Сен-Жермена и остались у причала, ожидая, не появится ли сеньора Витториа. Они простояли на причале до тех пор, пока все благородные господа, прибывшие на трех кораблях, уже сошли на берег, но императорская шпионка так и не объявилась.

– Ладно, приятель! – Робер хлопнул Жака по плечу и поставил ногу в стремя. – Не вижу больше ни малейшего смысла здесь торчать. Поехали обратно.

Последнее, что бросилось Жаку в глаза, когда они покидали опустевший причал, были несколько десятков клеток, где клокотали и вскрикивали хищные птицы. Слуги в особых одеждах осторожно выставляли их на подогнанные телеги. Он вспомнил о том, как Сен-Жермен рассказывал, что главной страстью германского императора является соколиная охота.

Утром следующего дня посыльные от бальи сообщили всей собравшейся в Акре знати, что

по традиции император устраивает торжественный прием в честь своего прибытия.

Предусмотрительный Сен-Жермен выделил патриарху эскорт, в который помимо Робера и Серпена вошли еще три рыцаря Святого Гроба. В эскорт также были включены и семь сержантов, в числе которых оказался Жак. Таким образом, в замок на реке Рикордан отправились все, кто был посвящен в тайну переговоров с монголами.

По прибытии в замок выяснилось, что императорская резиденция – небольшое укрепление, находившееся в распоряжении бальи, – менее чем за двое суток пребывания в ней Фридриха превратилась в пышный монарший двор. Стены и башни цитадели украшали флаги с гербами Гогенштауфенов и всех его приближенных, двор был чисто выметен, кусты подстрижены, а на въезде всех прибывающих встречал пышно одетый мажордом.

Геральд де Лозанн с архидьяконом и приором как высшие сановники королевства были торжественно препровождены в зал, приготовленный для нобилей, где их ждал император, братья-рыцари, как все гости благородного происхождения, отправились в общую трапезную, а сержанты были оставлены нести службу во дворе.

«Вот они, первые признаки перемен, которые принес в Заморье Фридрих, – подумал про себя Жак, занимая пост под невысоким балконом. – Впервые в Акре появилось место, куда Роберу разрешен вход, а мне – нет, только потому, что он благородный сеньор, а я – виллан».

Однако стараниями императорских распорядителей солдаты прибывших на пир также не были обойдены вниманием. Для них в дальнем конце двора был накрыт длинный деревянный стол с закусками, куда, подменяя друг друга, то и дело подбегали госпитальерские и тамплиерские сержанты, а также и многочисленные наемники, которые сопровождали местное дворянство. Робер тоже не забыл о приятеле. Дважды до захода солнца он выходил на двор, притаскивая с собой вкусности с рыцарского стола, и рассказывал Жаку обо всем, что ему удалось узнать.

– Встретился я там и с нашим студентом, – рассказывал де Мерлан, разламывая пополам фаршированного фазана и протягивая приятелю большой кусок, – так он мне поведал, какой его повелитель Фридрих добрый да просвещенный, да все пытался выпросить, как это нас с тобой в крестоносное братство занесло.

– Про Витторию он что-нибудь рассказал?

– Уходил от прямого ответа как угорь. Видел он ее в Палермо и Мессине, но мельком. В свите императора она не показывалась, однако могла прибыть на одном из кораблей. Ладно, пошел я дальше вино хлестать да здравицы императору орать, – с этими словами Робер скрылся в темноте.

Жак вернулся на пост, чтобы не маячить у всех на виду, сделал пару шагов назад и прислонился к стволу большого раскидистого дерева. Он чуть было не задремал, когда на балконе послышались негромкие голоса. Вскоре у перил появились двое. Ночь была на удивление безоблачной, и в свете луны Жак разглядел профили императора и патриарха.

– А кто нас тут может услышать? – продолжая начатый внутри разговор, искренне удивился Фридрих и обвел рукой двор. – Тут же нет ни единого человека, только слуги да солдаты. А нам нужно, очень нужно поговорить прямо и без обиняков, ваше высокопреосвященство.

– Я готов к любому разговору, Ваше Величество, – раздался хриловатый, немного каркающий голос патриарха, – если, конечно, речь пойдет о богоугодных делах, одобренных Его Святейшеством папой.

– Я думал, что этот мой поход будет похож на завоевание Германии, – задумчиво произнес Фридрих. – Тогда я вошел в страну едва с шестьюдесятью рыцарями, а через пару лет короновался в Аахене, располагая многотысячной армией. Это был подлинный триумфальный марш. Сокрушив лжеимператора Оттона, где – силой оружия, а где – искусством дипломатии,

мы прекратили раздоры и разорения и добились долгого мира и процветания. На этот раз все наоборот. Я собрал большое войско, построил флот, заготовил припасы, изыскал немалые средства и отправился в путь. Но с каждым шагом, приближающим нас к Иерусалиму, мои силы тают, словно весенний снег. И это происходит не в сражениях с врагами христианской церкви, а потому, что уже полтора года, с самого дня инаугурации, надо мной и над этим походом нависает тень папы Григория. Ведь если бы не это нелепое и бессмысленное отлучение, то сейчас бы в Акре и Яффе собралось впятеро больше войск, и я был бы в состоянии не только освободить Иерусалим, но и предпринять успешный поход на Дамаск!

– Вы впервые на Востоке, сир, – словно не слыша слов императора, обратился к нему патриарх, – и как вам нравится Святая Земля, Земля обетованная?

– Иудейский бог не видел моих земель, – с досадой ответил Фридрих, – Терро ди Лаворо, Калабрию, Сицилию и Апулию... – Император явно был раздражен неуклюжей попыткой Геральда превратить серьезный разговор в ничего не значащую светскую беседу. – Иначе бы он не восхвалял столько раз эту угнетающую взор землю, которую обещал и дал иудеям. – Фридрих обвел рукой горизонт, показывая патриарху на сереющую за стеной равнину, действительно не отличавшуюся особой живописностью.

Геральд возмущенно всплеснул руками, словно желая отгородиться от слов, которые считал самым настоящим богохульством, и было открыл рот, чтобы сказать что-то в ответ, но, к счастью, не успел этого сделать, так как на балконе, как всегда вовремя, объявился третий собеседник – архидьякон Дагоберт.

– Вы позволите, Ваше Величество? – осторожно поинтересовался глава каноников церкви Святого Гроба.

– Отчего же нет, ваше преподобие, – ответил тот, – может, хоть вы объясните своему патриарху, что эта безумная идея Иннокентия и Григория о том, чтобы призвать монголов под знамя Христа, не только глупа и неосуществима, но и по-настоящему опасна!

– Я сам не очень верю в то, что монголы окажутся лучшими христианами, чем болгары и их союзники-половцы, которые делают кубки из черепов плененных латинских королей, – осторожно ответил Дагоберт. – Однако, вслед за святыми отцами, не вижу иного способа уничтожить сарацинскую ересь и навеки вернуть главный феод христианства в руки крещеного мира.

– Боже, какое невежество! – чуть не застонал император. – Вы все еще считаете арабов, которые почитают Христа великим пророком и отдают дань уважения его матери, Деве Марии, идолопоклонниками? Почитайте их хроники времен взятия Иерусалима. До нашествия франков на этой земле все религиозные общины жили пусть не безмятежно, но мирно. Мусульманские и христианские паломники безо всяких помех посещали святыне. Потом Иерусалим ненадолго захватили тюрки, которых и арабы считают варварами, и стали напропалую грабить паломников, не понимая, что миренное собираніе дани принесет неизмеримо больше барыши. Именно тогда сюда прибыла армия крестоносцев, воодушевленная речами папы Урбана. Пока они год стояли под Антиохией, фатимиды отбили Иерусалим, открыли доступ к святыням и предложили латинянам дружбу и союз. Но Годфруа де Булон, то ли из полного невежества, считая, что все сарацины на одно лицо, то ли из алчности, не представляя себе последствий войны с Каирским султанатом, отказался заключать предложенный мир. Он пошел на Иерусалим и взял город, уничтожив в бесцельном штурме половину своих солдат и залил святыне целыми реками крови мирных жителей. С тех пор и идет, не прекращаясь, эта злая и бессмысленная война. А ведь мир ислама может обогатить христианский мир многими достижениями, как, впрочем, и христианству есть чему научить мусульман. Посмотрите на мою Сицилию, где с давних времен мирно уживаются и те и другие. Я, по традиции моих предков,

норманнских королей, не позволил разрушать мечети и сохранил по всему острову арабскую систему управления. Теперь мои сицилийские сарацины готовы за меня идти в огонь и в воду и, не задумываясь, убивают моих врагов, невзирая на то, что они могут оказаться их единоверцами.

– Все, что вы говорите, полностью противоречит Писанию и воззрениям святейшей апостолической Римской церкви! – не боясь, что его могут услышать, воскликнул патриарх. – Сарацины есть злейшие враги христианства, и святая богоугодная цель крестоносного войска – изничтожить под корень сию заразу. Его Святейшество, как известно, непогрешим. И если он подтвердит снятие интердикта, то я буду проповедовать крест, собирая солдат под ваши знамена, так, как этого не делал и Петр Отшельник, приведший в Сирию сто тысяч христиан. Но я не допущу, чтобы Святой град был возвращен христианам руками отлученного от церкви еретика, который, как мы могли только что наглядно убедиться, подвергает сомнению устои нашей святой веры!

– Не надрывайтесь, патриарх, – жестко усмехнувшись, произнес Фридрих, – вашему хозяину и без того непременно донесут, какую вы в разговоре со мной проявили непреклонность. Что ж, простите, но я должен идти. У меня есть дела поважнее, чем пытаться убедить в очевидных вещах властолюбца, рядящегося вместе со своим сюзереном в тогу фанатичного поборника истинной веры. Первый правитель Иерусалима, Годфруа, был герцогом Священной Римской империи. С моим сыном Конрадом корона Святой Земли вновь возвращается к германской нации. Что ж, христианский мир хочет, чтобы император Священной Римской империи освободил Иерусалим, и он это сделает! – с этими словами Фридрих покинул балкон.

Жак стоял под деревом ни жив ни мертв. Несмотря на слова императора, который с детства привык не считать челядь и охрану за людей, было ясно, что если его сейчас вдруг обнаружат, то от неминуемой смерти незадачливого конного сержанта не спасет даже всемогущий приор ордена Святого Гроба. Оставшись вдвоем, прелаты, не подозревая о присутствии постороннего, продолжали разговор.

– Император напоминает мне охотника, которого травят гончие, – после долгой паузы произнес Дагоберт. – Как вы думаете, ваше высокопреосвященство, чего теперь можно от него ожидать?

– Он не остановится, – ответил патриарх. – Император пропитан сарацинской ересью словно губка, наполненная отравляющим душу ядом. Я молю Господа, чтобы наш апостолик все же снял с него отлучение. Это отдалит начало войны, к которой мы не совсем готовы, и даст нам отсрочку для того, чтобы посланники успели добраться до Багдада. Все, что за этим последует, будет в руках Всевышнего.

– Так вы все же решили отдать приказ Сен-Жермену? – переспросил Дагоберт.

Жак вжался в дерево и старался не дышать.

– Я готов это сделать в любой момент, – ответил Геральд, – но без подтверждения из Рима мы связаны по рукам и ногам. Кто знает, какие виды у Его Святейшества?

– Ваше высокопреосвященство! – раздался из глубины дворца встревоженный голос. – У ворот вас ожидает гонец из Акры со срочным донесением.

– Немедленно зовите его сюда! – рявкнул патриарх. – Впрочем, нет, подожди. Я сам спущусь во двор...

– Ну что тут у тебя? – раздался над самым ухом знакомый шепот.

Жак вздрогнул от неожиданности. Он так увлекся подслушиванием, что обычно шумный, словно медведь в малиннике, Робер ухитрился подкрасться к нему тихо, как мышь. Когда сержант, едва придя в себя от испуга, вновь поднял глаза вверх, балкон был уже пуст.

– Молчи, сир рыцарь, – прошептал бывший вольный виллан, – похоже, что только что между патриархом и императором произошло объяснение.

– И что? – прошептал де Мерлан, хищно шевеля усами. – Скоро отправляемся в путь? Устал я от этой тягомотины, жду не дождусь, когда можно будет не только в зале мечом помахать...

– Прелаты ждут вестей от папы. От этого зависит все – и будущий поход, и время нашего выезда.

– Ладно, стой тут и слушай. Может, они еще чего выболтают. А я пойду дальше – студента поить. Не меньше бочонка влил в этого флорентинца, а язык у него все не развязывается и не развязывается.

– Вот уж и впрямь интересно, – улыбнулся Жак, – кто кого перепьет – рыцарь студента или студент рыцаря?

Де Мерлан встопорщил усы и уж было собрался достойно ответить на дерзкие слова пейзажиста, который, поди, за всю жизнь меньше вина надавил со своих виноградников, чем один достойный рыцарь его выпил, но его гневную тираду прервал разнесшийся по всему двору голос мажордома:

– Всем братьям Святого Гроба немедленно собраться у ворот! Его высокопреосвященство, патриарх Иерусалимский со свитой, изволит немедля убыть к себе по срочному делу!

Возвратившись в Акру, патриарх, не говоря ни слова, проследовал к себе в покои. Почти сразу же после этого по всему городу застучали копытами гонцы, сообщая великим магистрам тамплиеров и госпитальеров, а также и нобилям, поддерживающим папу и Иерусалимский патриархат, о том, что их с первыми лучами солнца ожидает его высокопреосвященство.

Совещание проходило за плотно закрытыми дверями, куда не допускались даже слуги. Завершилось оно далеко после полудня. Присутствовавший там по должности Сен-Жермен, возвратившись в расположение, немедленно вызвал к себе Жака, Робера и Серпена.

– Самые худшие опасения патриарха и архидьякона оправдались, – тяжело опустившись в кресло, произнес приор. – Ночью, словно по волшебству, в Акре объявились два францисканца. Как они попали в город – неизвестно. Они доставили послание под личной печатью папы Григория. Апостолик подтверждает отлучение Фридриха и требует принять все необходимые меры, чтобы Иерусалим был освобожден не еретиком, а истинно христианскими воинами...

– Вот тебе, дядюшка, и Михайлов день! – почесал в затылке Робер. – Теперь вместо доброй крестоносной войны начнется самая настоящая уособица.

– Похоже, что все идет к тому, – кивнул головой Сен-Жермен. – Мы еще не успели собраться у патриарха, как весть о содержании письма разнеслась по городу. Посыльные мечутся между кварталами, а нобили и прелаты определяют, как вести себя дальше. Собственная армия Фридриха, само собой, на его стороне. Гроссмейстер фон Зальца со своими тевтонцами – на стороне императора. К счастью, пулены во главе с Жаном Ибелином, оказавшись на родной земле, немедленно позабыли о своей вассальной присяге и с радостью переметнулись к патриарху, который данными ему полномочиями легата готов их от нее освободить. Пизанцы и генуэзцы, которые из-за конкуренции с Дамьеттой несут огромные убытки, готовы идти за императором в огонь и в воду. Тамплиеры и госпитальеры сказали, что не будут исполнять приказы Фридриха, но если он начнет войну, то не имеют права оставаться в стороне. Венецианцы пока сохраняют нейтралитет.

– А что относительно нашей миссии, мессир? – задал вопрос встревоженный Жак.

– Приказ от патриарха получен, – ответил приор. Все присутствующие облегченно вздохнули, – выступаем послезавтра ночью. Кроме мастера Грига с нами пойдут пятнадцать братьев-рыцарей и десять братьев-сержантов. Каждый рыцарь берет четырех коней, одного

оруженосца и одного слугу. Сержанты – двух коней. Выдвигаемся как можно скорее на Назарет, потом на Амман. Мастер Григ обеспечивает проводников. Мне дано право вести переговоры от имени Его Святейшества и передать послание к новому Великому хану. Однако наше выступление будет держаться в тайне, для чего приняты чрезвычайные меры. Перед тем как пересечь реку Иордан и оказаться на арабской стороне, мы сменим одежды братьев ордена на платье простых наемников и все превратимся в сержантов. Более не задерживаю вас, друзья. Готовьтесь к маршу и отдыхайте. И главное – будьте осторожны. Архидьякон Дагоберт не без оснований считает, что Фридрих догадывается о нашей миссии и сделает все, чтобы нам помешать. Ступайте, и да поможет нам Бог!

Вечер и все утро следующего дня рыцари Святого Гроба провели в подготовке – слуги чистили и разминали коней, шорники возились со сбруей, а оружейники приводили в порядок копья, мечи и доспехи. Для того чтобы сбить шпионов Фридриха со следа, по патриаршему кварталу был распушен слух, что Сен-Жермен с отрядом срочно направляется в Триполи, чтобы не допустить туда эмиссаров отлученного императора и поддержать сторонников патриарха.

К вечерней трапезе, после которой был назначен выезд, все было готово к опасному путешествию. Приор, воспользовавшись тоннелем, лично переговорил с мастером Григом, уточнив место и время встречи, и, возвратившись в патриархат, заперся с секретарем, приводя в порядок документы и дела рыцарского братства. Сами же братья Святого Гроба, отстояв мессу, отправились в трапезную. По заведенному порядку первыми вошли и заняли места вдоль длинных столов слуги и оруженосцы, затем сержанты и только потом немногочисленные рыцари. Столы для слуг, оруженосцев и сержантов накрывались отдельные, но пищу они получали из одного котла. После того как блюда были расставлены, а все братья, не садясь на лавки, заняли свои места, капеллан ордена начал читать «Отче наш». Завершив молитву, братья расселись. Повара постарались на славу, и от блюд с тушеным мясом исходил такой аромат, что даже капризный Робер, который вечно ворчал на «солдатскую еду» и предпочитал ужинать в городских тавернах, довольно пошевелил усами, схватил ложку и, раскрывая рот, потянул в него большой дымящийся кусок.

– Нет! Стойте, сир! – раздался вдруг откуда-то из-за спины звенящий от тревоги голос.

Жак обернулся. Из дверей кухни прямо на Робера, дико выпучив глаза, неся жонглер Рембо. Не успел Жак моргнуть, как жонглер на бегу врезался в рыцаря, выбил у него из рук ложку и перевернул лавку, так что все сидевшие на ней покатались на пол.

Когда суматоха, вызванная столь неожиданными действиями ополоумевшего слуги, немного улеглась, Жак обнаружил де Мерлана, который стоял, чуть не поднимаясь на цыпочки, и, вытянув до отказа руку, держал за шиворот тощего, но рослого жонглера.

– Ты что, совсем с ума сошел?.. – рявкнул рыцарь, грозно шевеля усами. – Какая муха тебя укусила?

В ответ Рембо, тяжело дыша, повел глазами по сторонам, указал дрожащими пальцами куда-то вниз и выдавил из себя:

– В-вот!

Жак посмотрел на пол, туда, куда указывал пальцем жонглер, и мигом покрылся холодным потом. Любимица братьев, дымчатая пушистая кошка, которой кто-то из сердобольных сержантов, невзирая на строжайший запрет, бросил кусок мяса, не дождавшись завершения трапезы, лежала на боку, закатив глаза, и судорожно сучила задними лапами.

– Придержите его пока! – заорал Робер, мотнув головой в сторону жонглера, и, сбивая столы, ринулся на кухню. После того как он исчез за дверью, оттуда послышался грохот расшвыриваемой посуды и испуганные вопли поваров.

Вскоре рыцарь вернулся обратно.

– Успел уйти, подлец, – произнес он, тяжело дыша. – В день приезда императора на кухню взяли нового слугу, выкреста-сарацина, который якобы был беженцем из Вифлеема. Он-то соус к мясу и разливал.

– Рассказывай! – коротко приказал жонглеру Серпен.

Рембо сначала говорил сбиваясь, но вскоре привычка к исполнению шансонов взяла свое, и речь его стала плавной и даже отчасти цветистой. Не будучи полноправным членом ордена, бывший жонглер, однако, быстро усвоил главное солдатское правило – держаться подальше от начальства и поближе к кухне. Поэтому, едва он получил в распоряжение новую лютню, первые, кого он осчастливил своими шансонами, оказались не новые хозяева и даже не горничные живущих по соседству господ, а повара орденской куховарни. Потратив два вечера на выступления перед ними, Рембо был облечен высоким доверием и получил свободный вход в святая святых. Будучи человеком верующим, но не особо богобоязненным, он, пользуясь своим привилегированным положением, теперь проходил в трапезную через черный ход, совмещая, таким образом, приятное с полезным. Он избегал участия в общей молитве, когда приходилось глотать слюнки, стоя над дымящейся миской, и мог выбирать прямо из котла лучшие куски.

В этот вечер в куховарне было настоящее столпотворение. Сен-Жермен в связи с отъездом приказал выдать братьям двойные порции и взять для этого самые деликатесные продукты, а также пригрозил поварам, что лично проследит, чтобы все было исполнено в лучшем виде. Поэтому все кухонные слуги, опасаясь гнева грозного приора, буквально сбились с ног.

Рембо, не обращая внимания на суету, поздоровался со старшим куховаром, бесцеремонно выбрал из стопки миску поглубже, наложил себе пшенную кашу, добавил несколько кусков ароматной баранины, полил все маслом и соусом и пристроился у разделочного стола, наблюдая за тем, как слуги носятся взад-вперед, таская в трапезную тяжелые подносы.

И когда он по привычке повел носом, вдыхая ароматный пар...

– Нюх у меня такой, сир, – пояснил он Роберу, – что многие собаки позавидуют. А запах этот я помню хорошо. Была у меня одна поклонница, из прованских знатных дам, самой ей лет двадцать, а мужу – шестьдесят. Сказать, что она его не любила, – это значит ничего не сказать. Порой целыми ночами напролет она мне в подробностях рассказывала про то, как ей мерзко и противно исполнять супружеский долг. Так вот, решила она все же от мужа избавиться. Выписала у толедских евреев особый порошок и мне, как лучшему другу, и похвасталась. Я, памятуя о песне про шута, короля и королеву, конечно, в ту же ночь тихо собрался и умотал из замка от греха подальше. Неровен час, догадались бы, что господин не умер от колик, а был отравлен. Благородные всегда договоятся, а повесят кого? Бедного жонглера, который только в том и виноват, что умеет, в отличие от ленивых и бессильных мужей, услаждать их истосковавшихся жен не только одним лишь голосом. Но запах этого зелья я запомнил на всю жизнь.

Почувяв носом отраву, Рембо немедленно ринулся к главному повару.

– Вы приправляли мясо миндальной крошкой? – спросил он тучного бургера, который родился и вырос в Акре.

– Нет, Рембо, – удивленно ответил тот, – сегодня приправа с кориандром и шафраном...

У жонглера помутнело в глазах, и ноги сами понесли его в трапезную.

– Что было дальше, вы все видели, – завершил он свой рассказ.

– Ну вот, – довольно буркнул Робер, обращаясь к Жаку и Серпену, – а вы говорили, что он императорский шпион. Стал бы он тогда нас спасать?

Рембо приосанился. Брат Серпен нахмурился:

– Всякое в жизни бывает. Может быть, просто в последний момент ужаснулся. Виданное ли дело – одним махом целое крестоносное братство на тот свет отправить!

Робер помрачнел, снова схватил жонглера за шиворот и начал с силой его трясти:

– А ну говори, баранья требуха, подослан ты к нам или нет?!

«Ну, сейчас бухнется на колени и начнет божиться, – подумал Жак. – Тут-то ему и конец».

Однако жонглер повел себя неожиданно. Он вскинул голову и укоризненно посмотрел на братьев:

– Вот вы, значит, как. Что бы ни случилось – Рембо враг, Рембо подлец. Да, небезгрешен, не спорю. Крал, обманывал, лжесвидетельствовал, прелюбодейничал. Но если, по-вашему, я могу отправить на смерть тех, кто, несмотря на нанесенные мной обиды, отнеслись ко мне по-человечески... – В глазах жонглера блеснули слезы.

– Ну ладно, приятель, – извиняющимся тоном пробормотал Робер, – верю я тебе. Ты как, брат Серпен?

– Ну не знаю, – развел руками рыцарь, – похоже, что твой слуга говорит от чистого сердца.

– Извини нас, Рембо, – просто сказал Жак.

– Ладно. Зла не держи. – Робер похлопал жонглера по плечу. – Тут кого угодно подозревать станешь. Хотел я перед отбытием тебе дать расчет, но передумал. Мне оруженосец нужен, пойдешь?

– С вами хоть на край света, господа! – просиял Рембо. – Моя лютня в вашем полном распоряжении!

По трапезной метались повара, собирая тарелки и выливая их содержимое в специально выкопанную для этого яму. Для того чтобы накормить отправляющихся в путь, драпиарий приказал выдать со склада заготовленный впрок жесткий овечий сыр и застревающее меж зубов жилистое вяленое мясо, так что ужин братьев хоть и был, как обещано, обильным, но больше напоминал походный рацион.

С последними лучами солнца отряд покинул Акру через ворота Святого Антония. За Робером на крепком пятилетнем муле скакал, чуть не лопааясь от ощущения собственной значимости, новый оруженосец брата-рыцаря, сира де Мерлана. Правда, с непривычки он не смог правильно закрепить щит, и тот больно бил его по ноге, а копьё торчало вбок, словно жердь в руках у пьяного плотника. Но Рембо это совершенно не смущало.

За спиной у Жака раздался скрип и рокот. Он подтянул повод и обернулся назад. Городские ворота уже закрылись, и цепи медленно вздымали надо рвом большой подъемный мост. «Что же, – подумал Жак, – путешествие началось. С этого момента мы – посланники».

Конец первой книги

notes

Котта – верхняя одежда, нечто вроде куртки, доходящей до середины икр, плотно сидящей на груди, с узкими рукавами. Брэ – предшественники современных брюк – две отдельные штанины из шерсти или кожи, закрепленные завязками на поясе.

Сюрко – безрукавка из плотной материи или меха с разрезами по бокам, носилась поверх остальной одежды вместо плаща или меховой накидки.

Фальшон – односторонний короткий меч с лезвием, расширяющимся на конце.

Топхельм – большой рыцарский шлем и форме ведра или горшка.

Линьяж – многочисленный родственный (семейный) коллектив, связанный кровными узами, брачными союзами, общим владением и фамильным патримонием (земля, замок и т. д.). Линьяжи чаще всего встречались в аристократической среде. Линьяж состоял из кровных родственников (возводящих свое родство к общему предку и нераздельно владеющих земельной собственностью) и кровных друзей – своего рода побратимов, лиц, включавшихся в родственную группу.

Неф – тяжелое парусное торговое судно.

Когг – парусный транспортно-боевой корабль северных морей. Имел килевой руль, отличался высокими по сравнению со средиземноморскими судами мореходными качествами.

Камиза – длинная рубаха с рукавами, пошитая из тонкой ткани. Заменяла одновременно рубашку и нижнее белье.

Фьеф – доходное владение, за которое вассал был обязан сюзерену военной службой.

Диоцез (епископство) – высшая административно-территориальная единица в структуре «белого духовенства» Римско-католической церкви, во главе которой стоит епископ (архиепископ).

Манор – хозяйственная единица, доходное владение. Манором могло быть поле, выгон, сдаваемый в аренду дом, часть доходов от сада и т. д.

Оммаж (вассальная присяга) – ритуальная клятва, которою вассал, вступая во владение, давал своему сюзерену.

Тарида – парусно-гребное судно длиной 30–35 м, применявшееся в странах Средиземноморья в XII–XIV вв. Использовалось как торговое и военно-транспортное.

Халк – мусульманский аналог европейского вассалитета. Воинский отряд, который содержался за счет доходов от пожалованных эмиру земель.

Кутюм – в феодальной Европе правовой обычай отдельных провинций, округов, городов и т. д.